Институт стран Азии и Африки
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

На правах рукописи

УЛЬЧЕНКО НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА

Формирование закономерностей экономического развития Турции: институциональные аспекты

Специальность – 08.00.14. – Мировая экономика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Москва – 2016

Оглавление

Введение.....4

Глава 1. Экономическое развитие стран Востока: проблемы методологии исследования 27

1.1 Экономические исследования Востока советского периода: вопросы актуальности методологического наследия.....27

1.2 «Деполитизация» востоковедных экономических исследований: возможности и границы новых методологических подходов.....38

1.3 Институциональная теория и новые возможности изучения экономического развития стран Востока.....49

Глава 2.Проблемы изучения эволюции экономической модели Турции в свете методологических подходов советской/постсоветской востоковедной школы и методов макроэкономического анализа 59

2.1 Вопросы экономического развития Турции в отечественной туркологии советского и раннего послесоветского периода.....59

2.2 Макроэкономический анализ развития Турецкой Республики во второй половине XX в. 75

2.2.1 1950-е годы – переход к инфляционному росту.....75

2.2.2 От частичной стабилизации 1960-х к углублению структурных дисбалансов и росту макроэкономической напряженности после нефтяного шока 1973 г. 106

2.2.3 Макроэкономическая нестабильность как основной фактор неустойчивого роста в 1980-2001 гг. 123

Глава 3. Экономическое развитие Турции второй половины XX в. в свете институционального подхода («Экономика популизма» в Турции) 156

3.1 Институциональные подходы как инструмент осмысления практики социально-экономического развития Турции 156

3.2 Предпосылки обращения к политике экономического популизма и особенности ее проявления в 1950-1970-гг. 168

3.3 Экономический популизм в условиях либерализации и перехода к экспорториентированному развитию: феномен устойчивости к изменению экономической среды (1980-1990-е гг.) 190

3.4 Политический деловой цикл в условиях Турции конца XX в.....217

Глава 4. Экономическое развитие Турции в период правления Партии справедливости и развития: между традицией и новацией (2002- июнь 2015 г.) 229

4.1 Макроэкономический анализ развития Турции в период пребывания у власти ПСР..229

4.2 Социальная политика Партии справедливости и развития: от популизма к популярности 258

4.3 О несостоявшейся попытке введения бюджетного правила 291

4.4 История взаимоотношений правительства ПСР и МВФ (как и почему Турция отказалась от «внешнего якоря» финансовой стабилизации) 307

4.5 Опыт Турции по использованию независимых регулирующих агентства как института экономической стабилизации 339
4.6 Центральный банк Турецкой Республики в период правления ПСР 360
Заключение 373
Библиография 390

Введение.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и значимость исследования

На протяжении уже нескольких столетий Турция остается важным для России субъектом международной политики. Это обусловлено, во-первых, географической близостью двух государств. СССР и Турецкая Республика (ТР) имели протяженную сухопутную границу, ныне территориальные воды РФ и ТР государств граничат в Черном море. Во-вторых, стремление и России, и Турции выступать влиятельными акторами в европейской политике привело к тому, что помимо двусторонних связей страны взаимодействовали друг с другом опосредованно, временами оказываясь инструментом реализации интересов своих европейских союзников в отношении Российской или Османской империи. Позднее зависимость турецко-российских отношений от особенностей развития европейской политики трансформировалась в опосредованность двусторонних связей уровнем и состоянием взаимодействия России (СССР) и Турции со всем Западом, включая США. Вовлеченность значимых субъектов международной политики в процесс выстраивания турецко-российских отношений обусловили сложный характер развития двусторонних связей с чередованием периодов сближения и дистанцирования на фоне обострения взаимных противоречий. Но, безусловно, верно то, что менее всего для этих отношений было характерно безразличие сторон друг к другу, что является свидетельством обоюдной непреходящей внешнеполитической значимости России для Турции и Турции для России.

При этом остающиеся для нашей страны актуальными особенности внутриполитического развития Турции и эволюции ее внешнеполитического курса во многом предопределяются успехами и проблемами в процессе экономического роста. Именно достижения в сфере экономического развития, особенно заметные в первые годы

пребывания у власти правящей с 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР), стали одной из значимых предпосылок для того, чтобы турецкий истеблишмент стал претендовать на региональное лидерство, одновременно пытаясь проводить более самостоятельную по отношению к странам Запада внешнюю политику.

Турция последних лет являет динамично развивающуюся крупную экономику с численностью населения около 80 млн. человек, которая, войдя в число новых индустриальных стран, занимает 17-е место в мировом рейтинге (2014 г.). ВВП страны, исчисленный по текущему обменному курсу, вырос с 230 млрд. долл. в 2002 г. до почти 800 млрд. долл. в 2014 г., что стало результатом среднегодовых темпов роста, составлявших почти 11% (правда, при подсчете в постоянных ценах 1998 г. в турецких лирах среднегодовые темпы роста ВВП за аналогичный период оказываются существенно менее высокими, хотя и достаточно убедительными – 4,7%). Показатель ВВП в расчете на душу населения вырос в три раза с 3500 долл. до 10 400 долл. Индикатором определенных успехов Турции, в том числе в сфере повышения благосостояния и создания предпосылок для устойчивого роста стало начало в 2005 г. переговоров о ее вступлении в ЕС, чему предшествовало получение в 1999 г. статуса страны-кандидата. И хотя ход переговоров оказался довольно непростым, Турции за период предвступительной подготовки удалось сократить отставание от стран ЕС по показателям благосостояния: среднедушевой доход, исчисленный по паритету покупательной способности, вырос с 36% среднего уровня для стран ЕС в 2002 г. до 55% в 2014 г. Нынешняя Турция – страна, которая пережив несколько десятилетий высокой инфляции, стремится удерживать рост потребительских цен в диапазоне менее 10% в год, ее госдолг не превышает трети ВВП, а показатели бюджетного дефицита, несущественно превосходят средние для стран зоны евро (2015 г. – 1,2 и 0,9% ВВП соответственно).

Экономические успехи Турции привлекают внимание с точки зрения выявления обеспечивших их предпосылок и факторов. При этом более глубокий анализ механизмов роста турецкой экономики обнаруживает наряду с проблемой замедления его темпов после 2011г. оборотные стороны и издержки экономических достижений страны. Их истоки во многом заключаются в воспроизводстве общих и при этом приобретших определенный уровень устойчивости принципов социально- экономического развития (закономерностей), которые сложились в предшествующие десятилетия существования республики и продолжают действовать сегодня. Таким образом, реальное понимание успехов и проблем современной экономики Турции требует более глубокого анализа происходящих процессов и в рамках существенно более широкого временного контекста, чем период пребывания у власти ПСР.

Оценка состояния и вероятных сценариев развития турецкой экономики имеют для России и более узкое утилитарное значение. Турция остается крупным рынком сбыта российского природного газа (по объемам закупок она занимает второе место после Германии). Преодоление политического кризиса в двусторонних отношениях, разразившегося после инцидента со сбитым российским военным самолетом, открывает перспективы восстановления и дальнейшего развития многостороннего экономического сотрудничества с Россией.

Таким образом, понимание нынешнего состояния экономики Турции, исходящее из анализа общих долгосрочных трендов развития национальной модели, выявление возможных будущих рисков и точек экономической уязвимости важны как с точки зрения представления будущего регионального и международного веса Турции, так и оценки являющихся важными для российской стороны динамики потребностей турецкого рынка в импорте газа и других энергоносителей, а также стабильности экспортных возможностей турецкой экономики.

В постсоветский период чрезвычайно актуальной оказалась задача разработки и использования новой методологии изучения процессов экономического роста в странах Востока. Поиск в этой области продолжается с целью определения некоего оптимума, сочетающего применение общих теоретических подходов, используемых современной экономической наукой, с учетом специфики государств региона, которая во многом видоизменяет как экономическую среду проявления общих закономерностей, так и конечный результат их действия.

Обобщив с позиции сегодняшнего дня экономическое наследие советского периода, проанализировав концепции и подходы, послужившие основой для ряда работ по проблемам экономического развития стран Востока, которые вышли в постсоветский период, диссертант счел высокопродуктивным институциональный подход и некоторые направления неоинституциональной школы к изучению и пониманию особенностей экономического развития стран Востока и применил его к выявлению основных закономерностей эволюции экономики Турецкой Республики. В первую очередь, речь идет о включении в экономический анализ сложного структурного субъекта-института, каковым является государство с присущим ему комплексом не только и не столько экономических, сколько социально-политических, правовых и иных факторов, обладающих свойством обратного влияния на ход экономического развития. Иными словами - в центре внимания автора, то, что принято именовать институциональной средой – совокупность основополагающих неэкономических правил, которые образуют базис для производства и последующего использования произведенного продукта. При этом различные формы институциональных соглашений в виде рынков, фирм, являющиеся наряду с институциональными особенностями поведениями экономических агентов (индивидов) предметом иных уровней анализа в институциональной теории, в работе не рассматриваются.

Таким образом, в теоретическом плане выбранный диссертантом аспект институционального подхода дает возможность протестировать правомерность и эффективность его использования для изучения экономического развития стран Востока на примере Турции. В практическом плане - не только предлагает новый взгляд на экономическое развитие республиканской Турции, включая его современный период, но и позволяет предположить некоторые особенности ее дальнейшей эволюции, в частности по таким важным параметрам, как степень устойчивости достигнутой экономической стабилизации, риски возврата к инфляционной модели с последующим усилением зависимости от внешнего финансирования на фоне общей дестабилизации экономики.

Степень предшествующей разработанности проблемы

В отечественной туркологии вопросы эволюции экономической модели Турции занимали значительное место и разработаны достаточно глубоко. При этом весьма значимая и даже решающая роль государства в процессе экономической модернизации Турецкой Республики, а также представление о характере отношений собственности как ключевых при определении типа национальной экономической модели объясняют то, что в качестве основополагающего критерия сдвигов в турецкой экономике рассматривалось изменение соотношения государственного и частного секторов. Начиная с 1980-х гг. Турция вслед за многими развивающимися странами Востока приступила к либерализации экономики, включая приватизацию государственной собственности, что привело к радикальному снижению роли государственного сектора и обретению экономикой черт функционирующей рыночной. Процесс изменения соотношения между государственной и частной собственностью практически завершился, а само соотношение достигло определенной устойчивости с безусловным доминированием частного сектора. Следовательно, прежний критерий - изменение характера государственно-частного партнерства, на основании

которого отслеживалась эволюция национальной модели, утрачивает свою актуальность, что ставит вопрос о поиске альтернативного видения развития экономики Турции, и вычленении иного ключевого элемента в системе основных экономических характеристик. При этом задача поиска альтернативной модели заключается в интегрировании позднейших периодов развития экономики и выстраивании некой единой эволюционной концепции, которая была бы способна охватить весь период экономического развития республиканской Турции. Данная задача пока остается не решенной в отечественной науке, и лишь отдельные ее аспекты могут считаться затронутыми в работах турецких и западных авторов.

Цели, задачи и объект исследования

В центре диссертационного исследования – теоретические и практические аспекты проблемы экономического развития Турции республиканского периода. *Главная цель* - определить новый системообразующий критерий и на его основе разработать альтернативную сложившейся в отечественной туркологии концепцию экономического развития Турецкой Республики, выявить особенности этого развития, способные в силу повторяемости и устойчивой воспроизводимости претендовать на статус закономерностей применительно не только к прошлому, но и настоящему страны, установить истоки и предпосылки этих закономерностей, а также определить условия, которые могут вызвать их проявление и в последующие периоды.

В соответствии с данной целью ставятся следующие *ключевые задачи исследования*:

- проанализировать основные методологические подходы к изучению экономического развития стран Востока, использовавшиеся в советской востоковедной науке, оценить как достигнутые научные результаты, так и пределы их возможного применения;

- обобщить некоторые итоги развития востоковедной экономической науки в постсоветский период, в том числе, опыт применения подходов современной экономической теории к изучению развития экономики в странах Востока;
- проанализировать общие положения институциональной (учитывающей обратное воздействие неэкономических факторов на развитие экономики) и неоинституциональной теории (предлагающей использование методов неоклассической экономической теории для изучения неэкономических /политических процессов), а также рассмотреть позиции российских исследователей-востоковедов относительно необходимости и возможности их использования для исследования специфики процессов экономического развития стран Востока;
- проанализировать итоги изучения экономического развития Турции в советский и ранний постсоветский периоды, обобщить полученные результаты, и на их основе изучить вопрос о необходимости смены методологической парадигмы с целью учета тех объективных изменений, в результате которых национальная экономическая модель утратила значительную часть этатистских черт;
- проследив особенности и периоды кардинального изменения проводившейся властями республиканской Турции в XX в. фискальной и кредитно-денежной политики, использовать смену их характера в качестве альтернативного критерия периодизации экономического развития Турецкой Республики, охарактеризовать основные особенности периодов, выделенных в соответствии со сменой целевых установок государственной финансовой политики;
- Учитывая совпадение пересмотра государственной финансовой политики с изменением политической конъюнктуры в Турции во второй половине XX в., применить институциональный подход к исследованию экономической эволюции Турции, а также подходы некоторых неоинституциональных школ, в частности теорию политического делового цикла, которая основывается на посылке о синхронизации роста расходов правительства с

приближением парламентских выборов и их снижении в послевыборный период, выявить специфику цикла в Турции и его влияние на устойчивую приверженность национальных правительств политике экономического популизма (имеется в виду перераспределение национального богатства в пользу лояльных действующей власти групп интересов при нарушении бюджетного равновесия и разгоне инфляции);

- используя последовательное применение и взаимное дополнение макроэкономического, институционального и неоинституционального анализа, протестировать продуктивность применения метода системного синтеза, который заключается в одновременном применении фундаментальных и при этом не противоречащих одно другому исходных положений нескольких дополняющих друг друга теорий развития, к исследованию специфики процесса экономического эволюции республиканской Турции;

- рассмотреть основные особенности макроэкономического развития Турции в период правления Партии справедливости и развития (ПСР), (2002-первая половина 2015 г.)[1];

- изучить социальную политику правительства ПСР, определить ее особенности с точки зрения широты охвата населения и универсальности применения;

- проследить процесс создания и оценить эффективность деятельности в Турции институтов, призванных закрепить достигнутую макроэкономическую стабилизацию и не допустить возврата к системе принятия экономических решений под давлением политических интересов исполнительной власти. В частности, рассмотреть ход подготовки к введению бюджетного правила, а также причины, заставившие правительство отказаться от его использования, исследовать специфику зарождения, деятельности и последующего изменения статуса независимых регулирующих организаций, проанализировать особенности

[1] Хронологические рамки работы ограничены парламентскими выборами июня 2015 г.

взаимоотношений правительства ПСР с руководством национального Центрального банка, выявить степень устойчивости независимого статуса банковского регулятора;

- проанализировать особенности кредитного сотрудничества Турции с МВФ и основные причины отказа от его продолжения;

- провести сравнительный анализ экономической политики ПСР, выявив меру новизны и преемственности по отношению к опыту других национальных правительств Турции второй половины XX в.

Таким образом, **объектом исследования диссертации** является экономическое развитие республиканской Турции. **Предмет исследования** – основные особенности макроэкономической динамики страны и те основные факторы как экономического, так и социально-политического свойства, которые объясняют процесс формирования и приобретения выявленными особенностями устойчивого характера.

Научная новизна диссертации

На основе современных разработок в сфере экономической теории, широкого круга источников и исследований зарубежных авторов, ранее не вовлеченных в научный оборот, в работе предложена альтернативная сложившейся в российской востоковедной науке концепция развития экономики республиканской Турции, в соответствии с которой в качестве детерминант этого развития выступает характер фискальной и кредитно-денежной политики государства. В рамках данной концепции разработана и новая периодизация развития экономики Турции в республиканский период, в качестве критерия которой выступает изменение характера государственной финансовой политики. Объяснение выявившихся в результате анализа отличительных особенностей экономической эволюции Турции второй половины XX в. удалось получить в результате использования элементов институциональной и неоинституциональной теории, позволяющих увязать специфические черты экономического развития с изменениями в политической системе страны в послевоенные

годы, как то острая межпартийная конкуренция, ожесточенная борьба за голоса избирателей, в том числе экономическими методами. Таким образом, в диссертации шире, чем в предшествующих исследованиях используются современные институциональные подходы для изучения процесса экономического развития Турецкой Республики и понимания его специфики, в частности отличий от моделей догоняющего развития, которым следовали НИС первой волны, например Южной Корея. Опыт этих стран, с одной стороны, весьма привлекал турецкий истеблишмент, но другой в силу определенных национальных особенностей экономической эволюции не смог быть в полной мере воспроизведен в условиях Турции.

С другой стороны, учет турецкого опыта позволил расширить и дополнить содержание некоторых понятий и категорий, используемых современной экономической наукой, в частности уточнить понятие экономического популизма в части его наиболее важных макроэкономических последствий.

В работе проведен комплексный анализ социально-экономической политики правительства Партии справедливости и развития, выявлены ее отличительные черты, в том числе, через сравнение с наиболее существенными особенностями экономической политики правительств-предшественников.

В диссертации впервые в российской туркологии исследован пришедшийся главным образом на период правления ПСР процесс становления и последующей деградации особой системы экономических институтов, которые были призваны обеспечить принятие экономических решений независимо от краткосрочных интересов исполнительной власти.

Применение элементов институционального и неоинституционального подходов к изучению факторов, определивших специфическую траекторию экономической эволюции Турецкой Республики, позволяет не только по-новому осмыслить ее экономическую историю, но предположить некоторые

особенности ее будущего экономического развития в случае сохранения действенности этих факторов.

Наиболее существенные результаты исследования, отражающие его научную новизну, сформулированы в следующих **положениях, выносимых на защиту:**

1.Изучение экономической эволюции Турецкой Республики на основе модели, использовавшейся в отечественной туркологии советского периода, основным критерием которой являлось соотношение государственной и частной собственности, в первую очередь, в промышленности, позволило подтвердить наличие в процессе догоняющего развития Турции черт, общих для большинства развивающихся стран – опору на предпринимательские, в том числе финансовые возможности государства, прохождение стадии импортзамещения, переход к стратегии развития, ориентированной на экспорт. Но специфику хода и достигнутый уровень экономического развития страны эта модель не объясняет. Кроме того, в нынешних условиях, когда доминирование частного сектора в экономике стало безусловным, дальнейшее использование особенностей государственно-частного партнерства как критерия периодизации экономической истории Турции лишается объективного основания;

2. Изучение экономического развития Турции на основе одного из возможных альтернативных подходов - методов макроэкономического анализа – хотя и дает возможность установить устойчивую приверженность властей с середины XX в. расширительной фискальной и кредитно-денежной политике и выявить систематическую подверженность национальной экономики финансово-экономическим кризисам, не позволяет установить исходные причины данных тенденций и определить факторы, которые длительное время препятствовали достижению финансовой стабилизации.

3. Выход за пределы ограничений, связанных с использованием исследовательских подходов советской востоковедной школы и парадигм

современной (неоклассической) экономической теории, позволяет при опоре на общий тренд отечественной и зарубежной востоковедной науки, который заключается в учете социальных и политических аспектов развития страны, т.е. при опоре на подходы институциональной теории выявить и объяснить закономерности современного экономического развития стран Востока и Турции в частности.

4. При трактовке закономерностей экономической эволюции Турции, опирающейся на использование методов институциональной теории, наиболее продуктивным оказались подходы школы старого институционализма, который позволяет включить в число факторов, значительно влияющих на ход экономической эволюции институт государства с характерными для него многообразными, не исчерпывающимися лишь регулированием отношений собственности на средства производства и более глубокими, чем на Западе, формами вмешательства в процесс экономического развития. В то же время в случае с Турцией оказались важны особенности трансформации политической системы в послевоенный период. Концептуальные основы используемой для анализа взаимосвязи экономики и политики неоинституциональной теории политического делового цикла, будучи адаптированными к специфическим условиям Турции как страны с переходной демократией, позволили проследить и объяснить процесс практически немедленного вовлечения в послевоенный период в орбиту межпартийной борьбы интересов избирателей, связанных с перераспределением национального богатства, и последующее устойчивое манипулирование ими со стороны конкурирующих партий, иными словами – позволили выявить предпосылки для широкого использования турецкими элитами политики экономического популизма.

5. Проводившаяся элитами на протяжении нескольких послевоенных десятилетий политика экономического популизма с характерным для нее перераспределением доходов в пользу групп интересов в целях получения

политических выгод (голосов на очередных выборах) при нарушении принципа сбалансированности государственных финансов и последующее устойчивое воспроизводство этой политики (попадание в популистскую ловушку) объясняет устойчивую приверженность Турции специфическому типу государственной финансовой политики, в рамках которой хронические бюджетные дефициты и рост инфляции сопровождались усилением зависимости от внешних источников финансирования, перегревом экономики и неизбежными систематическими кризисами, развивавшимися по однотипному сценарию.

6.Так как основные выводы работы стали результатом последовательного использования и взаимного дополнения методов макроэкономического, институционального и неоинституционального анализа, то исследование предлагается расценивать как одно из подтверждений результативности метода системного синтеза, который заключается в одновременном применении фундаментальных и при этом не противоречащих одно другому исходных положений нескольких дополняющих друг друга теорий развития.

7. С приходом к власти ПСР (2002 г.) Турция вступила в период относительной финансовой стабилизации и более устойчивого роста. Но подробный анализ макроэкономического развития страны позволил оценить состояние национальной экономики в 2000-е годы как квази-стабилизацию, поскольку снижение объемов бюджетного дефицита происходило на фоне заметного роста дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Следовательно, проблема нехватки собственных средств для развития сместилась из государственного сектора в частный, который, используя благоприятную конъюнктуру, занимался активной заемной деятельностью на внешних рынках для финансирования инвестиций и поддержания темпов роста национальной экономики. При этом сохраняются высокие потенциальные риски в случае сокращения объемов внешнего финансирования. Таким образом, изменилось лишь место локализации

уязвимых точек экономики, но проблема их принципиального устранения не решалась.

8. Одна из важнейших особенностей экономической политики периода правления ПСР заключается в сохранении возможностей для беспрепятственного возврата к классическим (бюджетным) формам экономического популизма, то есть через непосредственное проведение расширительной фискальной политики. Речь идет о происходящем процессе пересмотра статуса независимых регулирующих агентств как инструмента, призванного воспрепятствовать использованию нерыночных методов регулирования чувствительных сфер экономики, а также о несостоявшейся попытке введения бюджетного правила при одновременном отказе от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ, которое выступало важным экзогенным фактором финансовой стабилизации, наконец - о фактическом наступлении исполнительной власти на независимый статус национального Центрального банка.

9. Период правления ПСР ознаменовался проведением активной социальной политики на европейских принципах универсальной доступности. Вместе с тем в качестве важнейшего субъекта социальной помощи неизменно выделялась особая группа интересов – беднейшие городские слои, которые оказавшись безусловным бенефициарами правления ПСР, одновременно являлись ее наиболее убежденными сторонниками. Принцип проведения «двунаправленной» социальной политики потребовал создания специфической системы ее финансирования – не только через формальные (бюджетные), но и неформальные каналы перераспределения, не связанные напрямую с использованием средств бюджета Центрального правительства и при этом являющиеся источником срочной адресной помощи (внебюджетный Фонд социальной поддержки и солидарности, Администрация жилищного строительства, муниципалитеты,

контролируемые ПСР). В результате весьма своеобразного смешения формальных и неформальных каналов перераспределения ПСР удалось добиться создания достаточно широкой коалиции избирателей-сторонников. При этом использование различных видов социальной помощи, которые одновременно представляли собой форму налаживания эффективной обратной связи со «своим» избирателем, получило беспрецедентно широкое распространение.

10. Представляющееся на первый взгляд логичным оказание социальной помощи беднейшим слоям в условиях Турции, то есть в условиях пока еще ограниченного развития демократических институтов и, как следствие, исключительно высокого накала политической борьбы на межпартийной арене стали причиной появления выраженного политического подтекста в социальных мероприятиях правящей власти – их превращении в инструмент политического долгожительства ПСР, что объясняет ее парадоксальную заинтересованность в консервации слоя получателей помощи как важного сегмента надежного электората. Следовательно, в условиях Турции использование классических форм социальной политики приобрело выраженную специфику, связанную с выполнением несвойственно значимых политических функций.

11. Выделение властями масштабной социальной помощи привело к возникновению и консервации дисбаланса на рынке труда - устойчивому существованию обширного сектора теневой занятости. Развитие института государственной социальной помощи существенно улучшило положение занятых в неформальном секторе, компенсируя выпадение из программ социального страхования. Но в долгосрочной перспективе для Турции важны конкурентные преимущества, базирующиеся не на дешевизне, а на повышении качественных характеристик рабочей силы.

12. В период правления ПСР, несмотря на достижение относительной финансовой стабилизации, проявляется весь комплекс черт свойственных экономическому популизму. Пребывание ПСР у власти на протяжении беспрецедентно длительного периода для Турции времен многопартийности во многом за счет поддержки устойчивого блока «своих» избирателей означает, что активная перераспределительная политика обеспечивала искомые политические дивиденды. При этом, хотя издержки проводимой экономической политики не затронули традиционную сферу госфинансов (осуществление масштабных программ перераспределения не сопровождалось значительным нарушением бюджетного равновесия), она привела к заметному углублению макроэкономических дисбалансов, отрицательно сказавшись на состоянии платежного баланса и рынка труда.

13. По итогам исследования в дополнение к классическому определению экономического популизма, в котором в качестве его основного негативного макроэкономического следствия выделяется бюджетный дефицит, можно предложить более широкую трактовку данного понятия: политически мотивированная выходящая за рамки объективных возможностей национальной экономики поддержка правительством связанных с ним групп интересов, которая в условиях глобализации и дальнейшей интернационализации международного финансового рынка способна привести к новым видам дисбалансов в макроэкономической сфере - росту дефицита по счету текущих операций платежного баланса, а при определенных обстоятельствах - и суммарному дефициту платежного баланса (по счету текущих операций и счету движения капитала). Как свидетельствует пример Турции, подобные тенденции могут развиваться на фоне относительного благополучия в бюджетной сфере, но при этом усиливается привязка экономического развития к внешним источникам финансирования.

14. Так как институциональные изменения, нацеленные на упрочение финансовой стабилизации и создание механизмов, которые препятствовали бы использованию экономики в политических целях, не состоялись, и у правительства сохранилась возможность беспрепятственного возврата к классическим (бюджетным) формам экономического популизма, достигнутое в экономике страны относительное равновесие является не только не полным, но и весьма хрупким. Усиление общественного давления на правительство способно привести к росту бюджетного дефицита и повышению инфляции.

Научно-практическая значимость исследования

Диссертация пополняет теоретические знания и расширяет методологический аппарат исследования экономической эволюции стран Востока. Совмещение изучения комплексных проблем экономического развития Турции с особенностями ее политической традиции позволяет оценить глубину и степень устойчивости новых трендов, которые проявились в развитии национальной экономики на протяжении XXI в. и заключаются, прежде всего, в укреплении финансово-экономической стабильности и повышении устойчивости темпов роста. Таким образом, исследование позволяет фундировано оценить состояние экономики Турции, понять происходящие в глубинные процессы, оценить вероятность негативных изменений в экономической конъюнктуре.

Нынешнее состояние мировой экономики характеризуется пребыванием в состоянии кризиса или стагнации целого ряда государств, что повышает запрос представителей национальных элит на применение стимулирующей фискальной и кредитно-денежной политики. Изучение опыта макроэкономического развития Турции способно дать довольно полное представление о возможностях и рисках использования роста бюджетного дефицита в качестве антикризисной меры и обеспечить дополнительные

аргументы при принятии решения о предпочтительности сохранения финансовой стабилизации в период прохождения кризиса или более активного использования инструментов государственной финансовой политики для оживления экономического роста.

Результаты исследования могут быть включены в обобщающие труды по проблемам экономического роста, развития мировой экономики и международных отношений. Диссертация содержит обширный материал для лекционных курсов по экономике Турции, а также вопросам развития стран Востока в целом.

Методология и методы исследования

Работа основывается на наиболее широко используемых фундаментальных принципах и приемах экономического исследования, в частности, конкретно-историческом системном подходе, который исходит из поступательности и этапности развития, а также предполагает многосторонний анализ изучаемого объекта – национальной экономики. Такого рода подход позволяет оценить общее состояние экономики через анализ динамики отдельных показателей, а также через результаты их взаимного влияния и взаимодействия.

Поскольку сложность системы допускает множественность ее описаний, важное место в работе занимает методологический поиск системообразующего фактора через сопоставление результатов изучения процесса экономического развития Турции, полученных на основе использования методов советской востоковедной школы, постулатов неоклассической школы и с использованием институционального подхода. Таким образом, в диссертации широко использовался метод сравнительного анализа. Процесс взаимодополнения и развития полученных результатов основывался на применении метода научного синтеза.

Процесс экстраполяции общих для развивающихся стран закономерностей на опыт Турции основывается на методе движения от общего к частному, и, напротив, применение опыта Турции для понимания процессов общественно-экономического развития в других странах Востока опиралось на использование метода движения от частного к общему.

Значительная часть полученных оценок и выводов - результат сбора и обработки экономико-статистических данных и собственных расчетов автора.

Некоторые выводы и оценки перспектив развития экономики Турции основаны на использовании приемов, применяемых при моделировании и прогнозировании экономического развития.

Теоретическая основа исследования

В своей работе автор использовал труды видных российских экономистов - исследователей проблем развития, экономического роста: Абалкина Л.И., Брагиной Е.А., Булатова А.С., Гайдара Е.Т., Гринина Л.Е., Иноземцева В.Л., *Красильщикова* В.А., Коротаева А. В., Мау В. А., Островской Е.П.,Синельникова-Мурылева С.Г., Трофимова Г.Ю., Широкова Г.К. и др.

Для диссертации оказались весьма полезными исследования проблем экономического роста в развивающихся странах таких видных западных экономистов, как М. Бруно, А. Гринспен, Д. Аджемоглу, Р.Дорнбуш, Р.Кауфман, Г.Мюрдаль, Д. Парк, Дж. Робинсон, Б.Сталлингс, К. Шин, С.Эдвардс и Б. Эйченгрин и др.

При написании работы автор опирался на теории и концептуальные построения основателей и видных представителей зарубежных экономических школ: А.Смита, К.Маркса, Дж. М. Кейнса, М. Фридмана, Дж.Стиглица, в том числе основоположников институциональной школы – Дж. Бьюкенена, Ф. Хайека, Т.Веблена, а также на работы российских экономистов-институционалистов Р.М. Нуреева, И.В. Розмаинского,

В.Д.Матвеенко, Т.И. Железняк, Л.П. Евстигнеевой и Р.Н. Евстигнеева, С.А. Скоробогатова, внесших весомый вклад в развитие и уточнение подходов институциональной теории.

При работе над диссертацией использованы теоретические обобщения, содержащиеся в трудах научных коллективов Института востоковедения РАН, Института стран Азии и Африки МГУ, Института мировой экономики и международных отношений РАН и других российских научных учреждений.

Важнейшее значение при написании работы имели труды видных советских и российских востоковедов и африканистов, в том числе И.О.Абрамовой, А.В. Акимова, Ю.Г Александрова, В.В. Бойцова, А.М. Васильева, В.Г.Гельбраса, В.А. Исаева, С.Н. Каменева, Н.Г. Киреева, В.М. Мазырина, В.А. Мельянцева, П.П. Моисеева, И.П. Лебедевой, О.В. Малярова, В.Г. Растянникова, Л.Ф.Пахомовой, А.М. Петрова, И.Л. Тимониной, В.Н. Уляхина, А.В. Федорченко, Л.Л. Фитуни, Л.А. Фридмана, В.Г Хороса, А.Я. Эльянова и др.

Особую значимость при написании диссертации имели работы отечественных тукологов-экономистов, специалистов по экономической истории Турции и Османской империи: С. М. Иванова, Н. А. Иванова, Н.Г. Киреева, П.П. Моисеева, Е.И. Уразовой, которые сыграли значительную роль в процессе выбора проблемы исследования и оказали большое влияние на ее трактовку соискателем.

Процесс экономической трансформации современной Турции изучался и изучается западными экономистами и экспертами, в числе которых американский экономист М.Сингер – автор фундаментального труда «Экономическое развитие в контексте краткосрочной государственной политики: экономическая траектория Турции, 1938-1960» (Singer M. Economic Development in the Context of Short-Term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960). Среди наиболее значимых публикаций последнего времени - подготовленный командой специалистов

Всемирного банка труд «Трансформация Турции» (Turkey's Transition), работа интернационального дуэта С. Экен и С. Шадлер «Турция 2000-2010: Десятилетие трансформации. Дискуссия среди экспертов (Eken S.,Schadler S. Turkey 2000-2010: A Decade of Transition. Discussions Among Experts. Ankara, DEİK, 2012).

Важную роль при написании работы сыграли фактологические, статистические материалы и оценки турецких экономистов - представителей национальной экономической школы, которые, с одной стороны, опираются на современную экономическую теорию[2], а с другой - традиционно придерживаются «антиимпериалистической» и лево-демократической позиции, проявляющейся как в определенной антизападной тональности, так и довольно острой критике экономической политики правительства. При этом они используют современную методологию, остаются на последовательно научных позициях, в результате чего их работы отличает аргументированность выводов. К таким авторам относятся М. Асутай, С. Айтач, К. Боратав, С. Байрамоглу-Озугурлу Г. Казган, Ч. Кейдер, Р. Карлук, Ш. Памук, И. Парасыз, З. Ониш, И.Озтюрк, З. Юкселер, Э. Йелдан и др. Следует также отметить, что в период правления ПСР появились исследования апологетической направленности, подчеркнуто положительно характеризующие экономическую деятельность правительства, и в силу своей тенденциозности отличающиеся субъективностью оценок.

[2] Многие видные турецкие экономисты получили образование, занимались исследовательской или преподавательской работой в ведущих западных университетах. Так, З. Ониш является выпускником Лондонской школы экономики, получил степень доктора в Университете Манчестера, занимался исследовательской работой в Принстонском университете и там же на протяжении двух лет работал приглашенным преподавателем.

Статистическая и информационная база исследования основана на данных Всемирного банка, Международного валютного фонда, ЮНКТАД, других международных организаций, а также на данных официальной турецкой статистики, публикуемых Турецким статистическим обществом (TÜİK), Центральным банком Турецкой Республики, Казначейством Турции, Союзом турецких палат и бирж (TOBB) и другими официальными и коммерческими организациями Турции.

При работе над диссертацией использовались следующие группы источников:

а) Пятилетние планы, а также среднесрочные (трехлетние) и годовые программы экономического развития Турции, составляемые Государственной плановой организацией (Министерством экономического развития Турции);

б) Документы, разрабатываемые в русле продолжающего мониторинга процесса подготовки Турции как страны-кандидата к членству в ЕС – ежегодные отчеты Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути к членству (Turkey: Report about Progress), а также предвступительные программы (Pre-Accession Economic Programme), регулярно подготавливаемые турецкой стороной;

в) предвыборные декларации ПСР и программы сформированных ею правительств;

г) материалы периодических изданий, в том числе, их интернет-версии.

Степень достоверности и апробация работы.

Положения диссертационного исследования нашли применение в учебном процессе при подготовке курсов, которые читаются в МГУ им. М.В.Ломоносова (Институт стран Азии и Африки) и в других вузах РФ: «Экономика Турции», «Особенности экономической политики Турции в период правления Партии справедливости и развития», «Альтернативные

концепции периодизации экономической истории Турецкой Республики», «Социальная политика Партии справедливости и развития: концептуальные подходы, основные направления и итоги», «Модели развития стран Азии и Африки», «Природно-ресурсный потенциал развивающихся стран». Основные научно-практические результаты исследования были представлены на международных конференциях, конгрессах и симпозиумах: Международная научная конференция «Турецко-российские отношения в международном глобальном контексте» (2008 г., Анкара), «Новые парадигмы социально-гуманитарного знания: взгляд из России и Турции» (2010 г., Москва), международная научная конференция «Турция, Россия и Иран: экономические и энергетические аспекты взаимозависимости» (Анкара, 2012), международный российско-турецкий симпозиум «Российско-турецкие отношения в XXI веке: от холодной войны до стратегического сотрудничества» (Санкт-Петербург, 2012 г.), III Международный научный конгресс «Глобалистика-2013» (Москва, 2013), «Нации и национализм в мусульманском мире (на примере Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана, этнического Курдистана, соседних стран и регионов) (Москва, 2014), XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2014). Часть результатов исследований автора была представлена в докладе на втором Российском экономическом конгрессе (Суздаль, 2013 г.). Диссертант многократно выступал с докладами на конференциях в ИСАА МГУ, Институте востоковедения РАН, Центре ситуационного анализа РАН, в национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», Университете МГИМО.

Обобщенные научные результаты диссертации были апробированы в ходе обсуждения специального доклада соискателя на состоявшемся в апреле 2014 г. 18-м заседании научного семинара «Современные проблемы развития», который возглавляет руководитель Центра развития и модернизации ИМЭМО РАН д.и.н . В.Г. Хорос.

Глава 1.
Экономическое развитие стран Востока: проблемы методологии исследования

1.1 Экономические исследования Востока советского периода: вопросы актуальности методологического наследия

В советский период значительная часть исследований экономической эволюции стран Востока[3] базировалась на теории формаций Маркса[4], в основе которой лежало выявленная и описанная им способность экономики к поэтапному движению и трансформации. При этом сам марксизм в советской научной школе трактовался определенным образом. Важнейший тезис марксистской политической экономии заключается в том, что производительные силы (или технологический базис) общества предопределяют его экономические, социальные и политические отношения (надстройку или институты): «…в каждую историческую эпоху преобладающий способ экономического производства и обмена и необходимо обусловливаемое им строение общества образуют основание, на котором зиждется политическая история этой эпохи и история ее интеллектуального развития, основание, исходя из которого она только и может быть объяснена…»[5]. Главный фактор трансформации, перехода к иной экономической модели – несоответствие производственных отношений и надстройки развивающимся производительным силам. Поэтому казалось вполне логичным, что страны, которые решат проблемы формирования

---

[3] В настоящей работе автор понимает Восток как традиционную совокупность азиатских стран и стран Северной Африки, хотя некоторые положения исследования справедливы для всей совокупности незападных стран, ранее именовавшихся «третьим миром» или Югом.

[4] Следует отметить появление в позднесоветский период работ, довольно формально откликавшихся на марксистско-ленинские постулаты и представлявшие собой достаточно независимые в теоретическом отношении исследования. Такова, например, работа С.Л.Стоклицкого, Л.А. Фридмана и П.Ф. Андруковича «Экономические структуры арабских стран. Экономико-статистический анализ» (М., Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1985). Заручившись формальной привязкой к открытому В.И. Лениным закону неравномерности развития капитализма и его специфическими проявлениями на периферии мирового капиталистического хозяйства, авторы опробовали применение новых для отечественной традиции изучения экономики стран Востока методов количественного анализа для измерения уровня социально-экономической дифференциации арабских стран.

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд.М., Госполитиздат, 1961. Т.21. С.367.

капиталистического строя, пойдут далее принципиально общим путем. На этом же положении основывалось представление «о непреложных законах истории», указывающих обществу направление его движения, равно как и убежденность в том, что более развитые страны демонстрирует менее развитым картину их будущего. Е.Т.Гайдар следующим образом прокомментировал отмеченные особенности воззрений Маркса: «Совокупность базовых тезисов марксизма, его претензия на обладание знанием законов истории вместе с преобразовательной нацеленностью историко-философской доктрины придают учению мессианский характер»[6]. И действительно, такие компоненты, как объяснение мироустройства, видимость познания законов истории и четкого представления будущего придают марксизму черты светской религии, наделяя его, по образному выражению Е.Т. Гайдара, «завораживающим обаянием»[7].

К концу жизни Маркс стал более скептически относится к непреложному характеру законов истории. С одной стороны, на этапах более зрелого индустриального общества изменился социально-политический фон развития. Например, в Англии начала расти реальная заработная плата рабочих, повышался уровень их социальной защищенности, рабочим-мужчинам были предоставлены избирательные права. С другой стороны, ход событий подтверждал, что революция – не магистральное направление развития буржуазной цивилизации. Ее возможность нарастает на определенном начальном этапе развития буржуазных отношений, когда происходит поляризация классов и возможно ухудшение положения переселяющихся из деревни в город.

Понимание К.Марксом нелинейности общественного развития заставило вносить модификации в теорию общественных формаций, которые, как оказалось, могут существовать не только последовательно, но и параллельно, и не обязательно все страны должны пройти через одни и те же

[6] Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М., Дело, 2005. С.56.
[7] Там же. С.57.

фазы развития общества, даже, если их производительные силы находятся на приблизительно одинаковом уровне развития. Наконец, выяснилось, что существует много факторов, помимо экономических, которые оказывают влияние на формы общественной жизни данной страны.

Но принять все эти доводы во внимание значило решиться на существенную трансформацию исходной доктрины, ее усложнение. В конце концов, все это ставило под вопрос статус «светской религии», которая должна, избегая сложности и многозначности, давать простые ответы на сложные вопросы. «Марксизм же как “светская религия” - писал Е.Т.Гайдар - требовал сохранения неколебимости догматов, минимизации исключений, выпячивания “железных законов”»[8]. Дальнейшее научное развитие марксизма означало признание, что часть исходных установок не соответствует долгосрочным трендам развития цивилизации, предполагало пересмотр первоначальных идей. Но «религия требовала решительной борьбы против попыток пересмотра не только логических конструкций, но и буквы нового “писания”… Сам К.Маркс оказался в ловушке. Сложилась парадоксальная ситуация: марксизм стал заложником интеллектуальной мощи работ своего основоположника, его политического успеха»- резюмировал Е.Т.Гайдар[9]. Под политическим успехом имеется в виду то, что доктрина Маркса благодаря своей внутренней непротиворечивости и простоте овладела массами, вокруг нее сформировались массовые партии, мировоззрение, судьбы множества людей. В итоге при сравнительно меньшем внимании общественной мысли к позднейшем коррективам Маркса, широкое распространение получили различные формы вульгаризации (дальнейшего упрощения) марксизма.

Выделение в марксизме как основного отношения собственности на средства производства и упрощенное толкование идеи последовательной смены формаций стало предпосылкой его сведения к экономическому

[8]Там же. С. 64.
[9] Там же.

детерминизму и «узкоклассовому подходу». Следует отметить, что позже, к 1970-80-м гг. в советской научной школе сложилось более глубокое понимание марксизма: диалектика производительных сил и производственных отношений нашла отражение в так называемом законе соответствия производственных отношений характеру производительных сил, который предполагает не только зависимость производственных отношений от производительных сил, но и активное обратное воздействие производственных отношений на производительные силы. Тем не менее, сама формулировка закона указывала на доминирующие сторону в системе двустороннего взаимодействия.

Постулат о главенстве отношений собственности в системе производственных отношений, а значит, и при определении типа (формации) развития оказал существенное влияние и на методику экономических востоковедных исследований, хотя справедливости ради следует отметить его далеко не безусловное концептуальное доминирование, особенно в позднесоветский период, о чем, как будет показано ниже, свидетельствуют многочисленные оговорки авторов и сделанные ими акценты. Так, авторы работы «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс», разрабатывая проблему принципов и поиска критерия классификации развивающихся стран, писали: «В марксистских работах развивающиеся страны группируются прежде всего по их социальной ориентации (капиталистической или социалистической – Н.У.). Мы полностью принимаем и поддерживаем данный подход»[10]. Но здесь же указывалось, что «данное исследование располагается на ином уровне абстракции и лишь косвенно затрагивает проблемы и перспективы формационного развития»[11]. Далее в главе работы, посвященной эволюции стратегий социально-экономического развития развивающихся стран, авторы вновь коснулись проблемы формаций: «На самом общем уровне в

[10] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. Отв. редакторы Шейнис В.Л., Эльянов А.Я. М., Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983. С.45.
[11] Там же.

развивающемся мире можно выделить два класса стратегий, поскольку движение здесь осуществляется по двум путям социально-экономического развития: к социализму и капитализму. Соответственно направления формационного развития, закладываемые в стратегию, и теоретические основания, на которые она опирается, принципиально различны у двух групп развивающихся стран разной социальной ориентации. В первом случае это марксистско-ленинская концепция некапиталистического пути развития освободившихся стран, либо теории так называемых национальных социализмов… Во втором – различные варианты буржуазных экономических и социологических теорий роста и модернизации…»[12].

Вполне логично, что один из предложенных в анализируемой работе методологических подходов к исследованию социально-экономической структуры в развивающихся странах исходит из соотношения государственного и частного секторов[13]. При этом важная особенность данного подхода заключалась во внимании к развитию государственного сектора (системы государственной собственности – Н.У.) не только в развивающихся странах социалистической ориентации, но и капиталистической в силу следующих двух обстоятельств. Первое заключалось в том, что экономические и социальные проблемы, которые стояли перед странами социалистической ориентации, особенно в начале их пути, были во многом сходны с проблемами, которые приходилось решать странам, вовлеченным в русло капиталистического развития. Поэтому государственный капитализм, который «функционально выражается как во всеобъемлющем регулировании экономики, так и в непосредственном предпринимательстве государства, методологически возможно трактовать … как доминирующую хозяйственную систему в освободившемся мире». Второе обстоятельство было связано с устойчивым убеждением, согласно которому «опыт развития освободившихся стран свидетельствует …, что в

[12] Там же. С.248.
[13] Там же. С.89.

зависимости от конкретной политической обстановки категория госкапитализма становится основой для формирования различного типа производственных отношений. При очевидной общности стоящих перед этим миром первоочередных задач подъема государственный капитализм не имеет и объективно не может иметь в XX в. исключительно капиталистическую направленность, как это происходило на заре капитализма. И в этом заключается главная отличительная черта генезиса развивающихся государств в сравнении с раннебуржуазным Западом, когда капитализм «был еще нормальным, единственно возможным при данных условиях способом производства»[14]. Таким образом, допускалась возможность корректировки жесткой последовательности формаций (переход к строительству социализма, минуя развитую капиталистическую стадию) с последующим более широким использованием модели социалистической ориентации. Подобная убежденность подкреплялась памятью о том, что в целях облегчения задач социалистического строительства в Советской России В.И.Ленин допускал на начальном этапе целесообразность использования госкапитализма именно как господствующей хозяйственной системы. Отсюда рождались надежды на то, что социально-классовая заданность феномена госкапитализма в развивающемся мире может оказаться различной, предопределяя общественно-экономическую направленность каждого конкретного общества и его типологию[15].

Развитие государственного предпринимательства в развивающихся странах не только подробно отслеживалось исследователями в нашей стране, но и активно поощрялось как посредством демонстрационного эффекта, так и непосредственного участия СССР в его росте и укреплении. «Расширению предпринимательской деятельности государства в развивающихся странах в сфере промышленности в немалой степени

[14]Экономика Индии: общая характеристика.М., Наука. Главная редакция восточной литературы. 1980. С.68.
[15]Там же. С.71.

способствовали обострение борьбы двух социально-экономических систем, формирование социалистического содружества и усиление его экономической и научно-технической мощи. С середины 50-х годов социалистические страны приступили к оказанию экономического и научно-технического содействия развивающимся странам в целях укрепления их политического суверенитета и достижения экономической независимости. Поскольку практически вся помощь социалистических стран направлялась государственным организациям, она содействовала становлению и быстрому развитию государственного сектора в производственной сфере» - читаем у Г.К.Широкова[16].

Следует отметить и предпринимавшиеся в отечественном востоковедении советского периода попытки выхода за границы экономического детерминизма, который утверждался официальной для того времени интерпретацией марксистско-ленинской доктрины. Так, в работе «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс» читаем: «Цепочка, по которой исходящие из экономики импульсы направляются к иным сферам общественной жизни, в развивающихся странах проходится во многом иначе, чем в сложившемся буржуазном обществе. Наталкиваясь на устоявшиеся культурные стереотипы, клише массового сознания и т.п., эти импульсы, достигая тех или иных социальных структур, слабеют, искажаются и вызывают совсем не те результаты, которые можно было бы ожидать, опираясь на исторический опыт других народов. В ряду факторов, воздействующих на различные стороны общественного развития, экономические - в особенности взятые на коротких исторических отрезках - нередко оказываются здесь не самыми сильными. При таких условиях весь ход общественного (в том числе экономического) развития может определяться подчас весьма удаленными от производства

[16]Широков Г.К. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М., Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. С.31-32.

социальными явлениями»[17]. Подобный смелый для своего времени вывод авторы работы примирили с официальной марксистской доктриной посредством следующей оговорки: «Отмечая детерминирующую роль экономических факторов и экономических интересов в общеисторическом развитии, классики марксизма вместе с тем, неоднократно подчеркивали, что их определяющая роль в историческом процессе сказывается лишь в конечном счете»[18].

Внимание к проблемам становления национальной промышленности в условиях активного госпредпринимательства позволило достаточно подробно изучить теорию и практику импортзамещающего развития в освободившихся странах, поскольку реализация концепции «капиталоемкой индустриализации» как раз предусматривала наряду с протекционистскими мерами повышение роли государства в мобилизации и использовании ресурсов с целью создания предпосылок для расширенного воспроизводства на крупных предприятиях в ключевых отраслях промышленности. Наиболее популярным импортзамещение было в период 1950-60-х и уже меньше - 1970-х гг., когда развивающиеся страны, стремились быстро решить задачу «доиндустриализации» - создания базовых отраслей промышленности. В отечественном востоковедении модель замещения импорта в противоположность колониальной была признана наиболее эффективным средством стимулирования промышленного строительства, уменьшения зависимости от колебаний мирового и рынка и повышения самообеспеченности народного хозяйства важнейшими видами промышленных изделий[19].

Вместе с тем, политическая ангажированность марксистской теории формации, заключающаяся в том, что она «раскрывает не столько механизм поступательного движения рыночной экономики, сколько механизм ее ликвидации» и перехода от рынка («капитализма») к иной экономической

[17] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. С.298
[18] Там же.
[19] Там же. С .260.

модели («коммунизму»)[20] наряду с присущей ей трактовкой историзма привела к появлению в отечественной науке концепций, впоследствии признанных «некорректными», например, концепции экономического дуализма. В русле формационного подхода модернизация любой экономики отождествлялась с промышленным развитием на базе машинных технологий, экономящих живой труд, а значит с увеличением капиталоемкости производства, ростом индивидуальной производительности труда. «…Модернизация экономик развивающихся стран виделась многим теоретикам и политикам как их прямая погоня за промышленно развитыми странами в усилиях создать у себя индустриальный сектор» - писал Ю.Г.Александров[21]. Но поскольку развивающиеся страны отличало изобилие трудовых ресурсов, сберегающие труд капиталоемкие машинные технологии рассматривались как антагонистичные местным социальным условиям: их внедрение делало трудовые ресурсы этих государств абсолютно избыточными. Таким образом «дуализм» понимался как несовместимость в этих странах «современного» сектора экономики и оставшегося за его границами огромного массива «туземного» хозяйства. Отсюда следовал вывод «о глубоком и неразрешимом противоречии для самого капитализма как общественной системы» в развивающихся странах»[22]. Появление теоретической парадигмы «экономического дуализма» Ю.Г.Александров связывает с убежденностью в неспособности капитализма завершить индустриальную модернизацию экономики развивающихся стран и, как логическое следствие, - с необходимостью постоянно усиливать вмешательство государства во все стороны жизни общества с перспективой выбора социалистически ориентированного пути развития»[23]. Он справедливо рассматривает

[20]Островская Е.П. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования// Мировая экономика и международные отношения. 2012. №4. С.29.
[21]Александров Ю.Г. В погоне за ускоряющемся временем/ Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., Институт востоковедения РАН, 2011. С.354-355.
[22]Там же. С.356.
[23]Там же. С.361.

появление и широкое признание в отечественной науке того времени концепции «экономического дуализма» как убедительное доказательство привлекательности в научной среде идеи бесперспективности капитализма в «третьем мире».

«Жизнь, однако, опровергла сугубо пессимистические в отношении капитализма и многообещающие для идеологов социалистической ориентации развивающихся стран выводы концепции «экономического дуализма» – пишет далее Ю.Г.Александров. Развивающиеся страны одна за другой отказывались от импортозамещающей индустриализации, переходя к стратегии форсированного наращивания экспорта и углубляя свое участие в системе международного разделения труда. «Главной экономической предпосылкой рывка стали стратегии, в основу которых была заложена мобилизация изобильных внутренних экономических ресурсов и реализация сравнительных преимуществ во внешнем экономическом пространстве в условиях глобализации мирового хозяйства…. Ведущую роль на первой стадии модернизации сыграло при этом соединение изобильной местной рабочей силы с трудоемкими и вместе с тем высокопроизводительными технологиями, привнесенными туда транснациональными корпорациями или заимствованными у них» - пишет далее автор. Его же основной «антимарксистский вывод» состоит в следующем: «В целом те изменения, которые внесли развивающиеся страны в стратегию модернизации, в свою очередь, побудили мировое научное сообщество пересмотреть идеологию «догоняющей» модернизации как убежденность в том, будто у тех есть лишь один путь развития – ровно след в след за передовыми индустриальными государствами. Ее сменило представление о разнообразии …возможных вариантов ускорения их развития в условиях глобализации мировой экономики»[24].

Действительно с конца 1960-х гг. концепция импортзамещающей индустриализации и понимание государства как главного субъекта развития

[24]Там же. С.364.

стала подвергаться пересмотру. На Западе стали резко критиковаться чрезмерное государственное вмешательство в хозяйственные процессы, пренебрежение законами рынка, некомпетентность управления экономикой, просчеты в планировании, коррумпированность госаппарата, гипертрофированный протекционизм. Высказывалось мнение, что в ряде развивающихся стран государство уже заложило предпосылки капиталистического развития, создало инфраструктуру и обеспечило первоначальный толчок, теперь часть функций государства должен был принять на себя частный капитал. «Классовый смысл предлагавшейся западными теоретиками переориентации заключался в том, чтобы устранить препятствия для развития частнохозяйственных сил, расширить возможности роста капиталистических укладов» - комментировали начавшийся процесс переосмысления авторы книги «Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс»[25].

Г.К.Широков связал пересмотр парадигмы развития в развивающихся странах с подъемом в 1970-е гг. волны неоконсерватизма на Западе, обусловленной как снижением эффективности его экономики, так и ростом транснационализации производства и интернационализации капитала. «Развивающимся странам либерализация оказалась фактически навязанной извне…В обстановке транснационализации, интернационализации и либерализации страны, глубоко втянутые в международное разделение труда, вынуждены были либо принять новые правила игры, либо быть вытолкнутыми из мирового хозяйства» - резюмировал он[26]. Но так или иначе, потеря концепцией импортзамещения актуальности, которая сопровождалась снижением роли государственного сектора, началом его масштабной приватизации и общей экономической либерализацией в странах Востока, а затем крушение социализма как экономической системы существенно снизили востребованность экономических востоковедных

[25] Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. С.268.
[26]Широков Г.К. Парадоксы эволюции капитализма. М., 1998, с.204.

исследований, концентрировавшихся на проблеме госпредпринимательства и роли государственного сектора в экономическом развитии стран «третьего» мира.

1.2 «Деполитизация» востоковедных экономических исследований: возможности и границы новых методологических подходов

Усиление либеральных тенденций в экономическом развитии стран Востока можно считать проекцией на их социально-экономическую практику западного монетаризма с его настойчивым стремлением к замене государственного вмешательства в экономические процессы свободным рыночным механизмом. Новые условия сделали правомерным применение к изучению развития экономики стран Востока неоклассических подходов. Дополнительную привлекательность им на фоне разочарования в политэкономии марксизма-ленинизма придавала подчеркнутая «аполитичность» неоклассической экономической теории со свойственной ей концентрацией на изучении собственно механизмов функционирования рыночного хозяйства.

Речь идет о возможном использовании в качестве основной исследовательской базы методов современной экономической теории, в частности, макроэкономического анализа с характерным акцентом на взаимодействии элементов экономики друг с другом, результатом которого является темпы роста экономики, уровень безработицы и инфляции, состояние государственного бюджета и платежного баланса страны, кризисы роста и т.д.

Возможность и обоснованность использования методов современной экономической теории для исследования хода развития стран Востока неоднократно и в разное время дискутировалась и подвергалась сомнению в отечественной и зарубежной востоковедной литературе. Еще в 1980 г. советские экономисты-востоковеды отмечали в связи с проблемой разработки так называемых рациональных стратегий роста для отдельных

стран Востока опасность их эрозии ввиду неизбежного для власти учета специфических запросов влиятельных групп интересов: «… увлечение построением стратегий роста … недостаточно учитывает… особенности современного состояния развивающихся стран…Однако увеличение свободы принятия целенаправленных экономических решений… нейтрализуется усилением зависимости государства от доминирующих экономических групп, все шире вовлекаемых в сферу государственного регулирования. Область фактически возможных стратегий роста оказывается поэтому несравненно уже… Критерием оптимальной экономической стратегии служат в этих условиях не функции экономической рациональности…, а прозаические классовые и групповые интересы»[27].

Актуальность проблемы «нелинейного» характера проявления общих экономических принципов государственно-рыночной модели стран Запада в практике развития стран Востока можно считать объяснением столь необычного для советской научной практики случая, как выход в 1972 г. в переводе на русский язык работы «крупного и авторитетного на Западе знатока «третьего мира» Г. Мюрдаля «Современные проблемы третьего мира»[28]. Хотя в предисловии к русскому изданию отмечалось, что «мировоззренческая ограниченность Г.Мюрдаля фактически привязывает его ко многим буржуазным концепциям и представлениям», в его пользу сыграло то обстоятельство, что позиции ученого признавались «антиколониалистскими, антинеоколониалистскими и антиимпериалистическими, и этого достаточно, чтобы сказать, что они близки и понятны марксистам, несмотря на декларативный скепсис Г.Мюрдаля в отношении марксистских исследователей»[29].

Сам Г. Мюрдаль называет свой метод исследования «институциональным подходом», суть которого заключается в том, что «историю и политику, теории и идеологии, экономические структуры и

[27]Экономика Индии: общая характеристика. С.226.
[28]Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Перевод с английского. М., Прогресс, 1972.
[29]Там же. С.7, 17.

уровни (жизни), социальную стратификацию, сельское хозяйство и промышленность, тенденции народонаселения, здравоохранения и образования и т.д. и т.п. – все это следует изучать не по отдельности, а в их взаимосвязях». Размышляя о характерной для ученых-обществоведов попытке отделить «экономические» факторы от «неэкономических» и отождествлении первых факторов с объективными, а вторых – с «политическими» или «моральными», Г. Мюрдаль отмечал, что в основе такого отделения лежит мысль (до некоторой степени правильная) о том, что «экономические» явления лучше поддаются изучению. Более того, экономические величины могут быть выражены в денежной форме и могут быть сравнимы, по крайней мере, в рамках рыночной экономики. Второй предпосылкой отделения «экономических» факторов от «внеэкономических» он считал изначальную исследовательскую посылку о рациональности общественных отношений и социальных институтов как априори служащих экономическому прогрессу. Это позволяло абстрагироваться от учета их влияния в западных странах. Но Мюрдаль считал это допущение абсолютно неприменимым к Южной Азии. «Западные теории представляют удобное прикрытие того факта, что все попытки изменить эти отношения и институты в Южной Азии наталкиваются на решительное противодействие со стороны имущих, а также на другие препятствия и ограничения. Весь ход таких рассуждений - развивал свою мысль Г.Мюрдаль - особенно вреден при анализе проблем развития в слаборазвитых странах…То обстоятельство, что эти рассуждения менее вредны для анализа положения на Западе, частично объясняет их живучесть там и ту легкость, с которой они переносятся на анализ проблем Южной Азии»[30]. Таким образом, основной вывод Г. Мюрдаля – вывод о невозможности анализа экономики стран Южной Азии вне общественно-политического контекста их развития.

[30] Там же. С. 629-630.

Поэтому он настаивал на возможности лишь ограниченного применения базовых понятий современной экономической теории к странам Южной Азии: «Экономические» и «внеэкономические» условия более тесно связаны между собою в странах Южной Азии, чем в индустриальных странах Запада. Некоторые концепции… могут найти *ограниченное* (курсив Н.У.) применение и в слаборазвитых странах... Однако в целом применение в странах Южной Азии концепций, которые подходят для развитых стран, может привести, как говорят философы, к “ошибкам категорий”, то есть наделению одной категории свойствами другой»[31].

Добавим от себя, что низкий уровень развития национальной кредитно-банковской системы большинства стран Востока с абсолютным доминированием методов фискальной политики в качестве инструментов государственного экономического регулирования, скорее, говорил о возможности применения кейнсианских, нежели монетаристских подходов к изучению процессов развития национальных экономик.

Тем не менее, постепенное расширение сферы деятельности рыночных отношений, постепенное преодоление многоукладного характера экономики[32] существенно расширило возможности применения понятийного аппарата современной экономической теории к изучению развития стран Востока.

Так, автор диссертации «Влияние динамики денежной массы на изменение валового продукта и инфляции в Турции, Иране и Египте во второй половине XX-начале XXI века» Д.А.Кофанов пришел к выводу о том, что в Турции, Иране и Египте отношения между денежной массой, валовым продуктом и уровнем цен схожи с теми, которые наблюдаются в развитых

---

[31] Там же. С.650.

[32] Например, известный отечественный турколог П.П.Моисеев, рассуждая о степени зрелости капитализма в Турции в начале 1980-х годов, использовал оценки «руководящих деятелей компартии Турции», которые писали: «Хотя до сих пор полностью не изжиты остатки докапиталистической формации, далеко не преодолена экономическая отсталость и все еще широко распространено простое товарное производство, у нас существует капитализм среднего уровня развития, появились национальные монополии, которые в партнерстве с транснациональными корпорациями увеличили свою роль в экономике и государстве. – Цит. по «Капитализм на Востоке во второй половине XX в.». С.460.

странах: «несмотря на то, что темп роста денежной массы не влияет на экономический рост в долгосрочной перспективе, это влияние сильно в краткосрочном и среднесрочном периоде…»[33].

Так или иначе, применение методов современного экономического анализа способствовало появлению в постсоветской отечественной востоковедной науке целого ряда новых интересных и информативных работ по проблемам экономического развития стран Востока. Обобщая их особенности, следует отметить, что, во-первых, они объективно способствовали отказу от некоторых догматических постулатов и представлений советского периода. Так, в 1998 г. вышла в свет работа О.В.Каражас «Экономический рост в Египте в 1950-1980-е годы (структурные сдвиги и социальные последствия)»[34]. Автор, рассмотрев такие проблемы, как ресурсно-экономический потенциал Египта, темпы, пропорции и основные итоги экономического роста, развитие внутренних и внешних хозяйственных связей страны в обозначенный период, сумела прийти к ряду неожиданных и не согласующихся с клишированными представлениями советского периода выводов. Например, автор подвергла сомнению традиционную классовую интерпретацию характера экономических связей между «центром» и «периферией» как ассиметричного и несправедливого. Соглашаясь с тем, что за Египтом сохранялась роль пассивного потребителя в мирохозяйственных связях, О.В. Каражас одновременно отметила их положительное влияние на модернизацию местной экономики, развитие экспорта и формирование в стране в условиях растущей взаимозависимости государств мирового сообщества обратных механизмов влияния, вынуждающих Запад принимать во внимание проблемы и трудности страны[35]. Отказ от идеологизированных концепций

[33]Кофанов Д.А. Влияние динамики денежной массы на изменение валового продукта и инфляцию в Турции, Иране и Египте во второй половине XX-начале XXI века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 2011. С.3, 5.
[34] Каражас О.В. Экономический рост в Египте в 1950-1980-е годы (структурные сдвиги и социальные последствия). М., ИВ РАН, РИСИ, 1998.
[35] Там же. С.169.

позволил автору сделать вывод о том, что в литературе прошлых лет «глубина реформ в Египте периода правления Насера преувеличивалась, и итоги экономического развития завышались. И наоборот, процессы, развернувшиеся в Египте в годы “инфитаха” далеко не всегда обосновано характеризовались как “движение вспять”, “регрессивные перемены”, “неуклонная социально-экономическая деградация”»[36].

Во-вторых, из прочтения массива востоковедных работ постсоветского периода следует, что алгоритм догоняющего развития для стран Востока был объективно нереализуем без активного и разностороннего участия государства, в том числе в процессах либерализации и рыночной трансформации национальных экономик. Снизив актуальность проблем госпредпринимательства и развития госкапиталистического уклада, эти процессы отнюдь не ослабили значение государственной экономической политики и государственного экономического регулирования, причем в гораздо более разнообразных и широких рамках, чем классический дискурс «бюджетно-налоговая - кредитно-денежная политика». Логика процесса экономической трансформации в странах Востока предопределяла практически универсальную структуру востоковедных экономических исследований постсоветского периода: все важнейшие макроэкономические сдвиги в странах Востока справедливо представлялись как результат более или менее успешной реализации первоначально избранной, а затем зачастую корректировавшейся стратегии государства по реформированию национальной экономики.

В. Г. Гельбрас предварил свою работу «Экономика Китая» разделом «Проблемы методологии анализа экономики». В качестве важнейшей методологической посылки анализа экономки Китая автор выделяет специфику института государства, которое в Китае «…исторически сложилось в качестве высшей общности, безоговорочно стоящей над любой другой – обществом, коллективом, семьей, тем более, отдельным

[36]Там же. С.170.

человеком»[37]. Поэтому важнейшие методологические аспекты изучения экономики Китая заключаются, по мнению В.Г.Гельбраса, в оценке качественных и количественных параметров участия государства в этом процессе и правильной трактовке полученных оценок. Отсюда и каждый новый этап в развитии экономики понимается как результат смены экономической политики государства, в том числе, в отношении института частного предпринимательства, методов и итогов ее осуществления.

Другой пример из числа подобного рода работ отечественных востоковедов - книга Л.Ф.Пахомовой «Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)»[38]. Книга состоит из четырех глав, каждая из которых посвящена экономическому развитию одной из названных стран. Объединяющими структурными компонентами глав являются разделы, посвященные анализу общих принципов экономической политики и институтов, ответственных за ее реализацию, механизмов преодоления финансового кризиса 1998 г., подходов к решению задачи информатизации общества и создания инновационной экономики, подготовки высококвалифицированных научно-технических кадров.

В 2008 г. вышла в свет работа авторского коллектива, представляющего Институт востоковедения РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова «Экономика Японии»[39]. Во введении подчеркивается, что структура работы «позволяет наиболее полно раскрыть основные механизмы функционирования японской экономики на макро-и-микроуровне»[40]. Но при этом в специальном разделе работы, посвященном роли государства в экономике страны, подчеркивается, что «одной из особенностей экономической модели Японии, сложившейся во

[37] Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития (1949-2007). Часть 1. М., Гуманитарий, 2007. С.6.
[38] Пахомова Л.Ф. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия. М., ИВ РАН, 2007.
[39] Экономика Японии. Учебное пособие. Отв. ред. Лебедева И.П., Тимонина И.Л. М., Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2008.
[40] Экономика Японии. С.4.

второй половине XX в. и даже раньше, считается особая роль государства в экономическом развитии страны на всех этапах ее послемэйдзийской истории»[41]. Далее раскрывается сущность этой особой роли: в Японии сложился особый тип государственного вмешательства в экономику, основанный на неформальном общественном договоре, для которого характерна высокая степень взаимодействия между бизнесом и бюрократией, преобладание средств и методов убеждения, стимулирования, а не принуждения[42]. В работе убедительно показано, что речь часто идет именно о специфических не типичных для стран Запада формах и направлениях государственного экономического регулирования. Например, в попытках вывода экономики из застоя в 1990-х-начала 2000-х годов, японские власти сделали главный акцент на решении проблемы «плохих долгов» как проблемы заемщиков, а не банковского сектора. Были введены ускоренные процедуры банкротства для мелких и средних предприятий. Для решения проблемы крупных предприятий был создан Фонд оздоровления промышленности, который скупал долговые обязательства предприятий у банков, конвертировал их в акции. Снятие долгового занавеса позволило предприятиям уже спустя короткое время начать направлять прибыли на финансирование новых капиталовложений. «Таким образом – резюмируют авторы «Экономики Японии», … был найден выход из кризиса без применения обычных государственных методов стимулирования спроса – процентной политики центрального банка и бюджетных инвестиций в общественные работы»[43].

Концептуально весьма близок к названным выше работам двухтомный труд российского востоковеда-индолога О.В. Малярова «Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и

[41] Там же. С.192.
[42] Там же. С. 194.
[43] Там же. С. 67.

развитие экономики», вышедший в свет в 2010 г.[44] Под эволюцией социально-экономической модели автор понимает эволюцию государственной экономической политики, прослеживая ее трансформацию из политики форсированной импортзамещающей структурной модернизации с опорой на государственный капитализм в политику экспорториентированного развития, реализация которой сопровождалась уменьшением доли государственного сектора, ростом крупного частного предпринимательства, увеличением притока иностранного капитала. Актуальное звучание исследование получило за счет акцента на индийском опыте «переходной экономики», который сопровождался такими позитивными, по мнению автора, явлениями, как постепенность проведения и сдержанность в уменьшении протекционизма, сохранение базовых структур государственного сектора и государственного регулирования экономики, что позволило «Индии (как и КНР) успешно противостоять шоковым ситуациям в мировой и внутренней экономике - избежать финансового кризиса 1997-1998 и 2008-2009 гг., выдержать взлет мировых цен на нефть и сильную засуху 2002 г.»[45]. То есть анализ государственной политики как направляющей трансформацию национальной экономики занимает важнейшее место в трактовке О.В.Маляровым эволюции социально-экономической модели Индии.

Другим примером использования описанного конструкта востоковедного экономического исследования может считаться работа российского экономиста-востоковеда С.Н. Каменева «Экономическое развитие Пакистана (1947-2012): макроэкономический анализ»[46]. По существу в работе исследуется проекция изменений в государственной экономической политике на динамику отраслевой структуры пакистанской экономики, структуры занятости и потребления. Иными словами, автор

[44] Маляров О.В. Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. М., Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010.
[45] Там же. С. 701-702.
[46] Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана (1947-2012): макроэкономический анализ. М., Центр стратегической конъюнктуры, 2014.

пытается отследить, как балансирование государственной экономической политики между целями ускорения экономического роста и решением социальных задач, между методами развития государственного капитализма и поощрения частного предпринимательства отражалось на изменении основных макроэкономических пропорций Пакистана.

В российском востоковедении достаточно большое внимание уделяется и изучению экономической модели Ирана, которая, по признанию исследователей, долгое время оставалась и во многом пока еще остается государственноцентричной. Например, экономист-востоковед Н.М. Мамедова, сравнивая ход экономической эволюции в Турции и Иране, отмечает, что если в первом случае происходило периодическое переосмысление роли государства в развитии национальной экономики, то в Иране тренд, определяющий меру участия государства в экономике, был почти прямолинейным, лишь усиливаясь по мере роста валютных доходов от экспорта нефти. И в 1980-е годы в Иране была вновь фактически этатистская модель, но уже на основе исламских принципов. Лишь с 1990 г. Иран, оставаясь в рамках исламского строя, начал переход на рыночные основы хозяйства, но очень медленно, осторожно, оставляя за государством не только экономическую и социальную инфраструктуру, но и сырьевые отрасли. В итоге сегодняшний Иран, по оценкам Н.М. Мамедовой, находится в стадии становления рыночной экономики, избрав при этом социально ориентированную модель[47]. Таким образом, иранский опыт представляет собой случай особо ограниченных возможностей для использования методов современной экономической теории, основывающихся на базовых принципах свободного поиска равновесия между спросом и предложением.

Общим для названных работ является то обстоятельство, что все они в качестве важного элемента включают анализ характера и направленности широкого спектра мер государственного экономического регулирования.

[47] Мамедова Н.М. Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ)/ Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., ИВ РАН, Крафт+, 2012. С.48-50.

Построение исследования по принципу от особенностей государственной экономической политики - к анализу макроэкономической динамики - позволяет довольно подробно проанализировать ход экономического развития в тех или иных странах Востока, но с акцентом на вопросе «Как происходило экономическое развитие?». При этом в меньшей мере удается ответить на вопрос «Почему итоги развития оказались именно такими?». Так, остается не до конца ясным, по каким причинам, несмотря на то, что активное государственное вмешательство в процесс экономической трансформации и ускорения роста являлось практически общей особенностью, «процветающие» экономики Юго-Восточной Азии оказались одними из самых успешных среди развивающихся стран, а, например, Пакистан, хотя и добился определенного прогресса, по-прежнему, не решил проблему экономической отсталости.

Касаясь ограниченности методов неоклассической школы как концентрирующейся главным образом на анализе существующей, уже сложившейся рыночной экономики, основоположник институционального направления Т. Веблен отмечал проблему отсутствия «теоретического осмысления экономических изменений», концентрации лишь на «рациональном приспособлении к изменениям, которые предположительно уже произошли», что препятствует исследованию «сущности феномена роста»[48].

О границах возможного использования описанных выше методов исследования писал один из авторов работы «Капитализм на Востоке»:

« ..из лабиринтов споров о развитии азиатских (и не только азиатских) обществ, как колониальных, так и доколониальных, есть два выхода – один сложный, но истинный и два простых, но ложных. Простые, но ложные – это либо возвращение к простой, но теоретически несостоятельной и противоречащей фактам пятичленке, либо принятие нейтральных по отношению к теории эмпирических подходов (узкоэкономического,

[48]Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности/ Вопросы экономики. 2007. №7. С. 86-87

технологического, хронологического, количественных методов анализа). Однако эти «нейтральные» подходы объективно, независимо от воли их сторонников, в скрытой форме и кружным путем ведут к безжизненным теоретическим схемам. Истинный – творческая разработка теории… Но какой теории?»[49].

По всей видимости, речь шла об использовании подходов, которые изучали бы экономическое развитие стран Востока (и не только Востока) в контексте их экономической, а лучше - социально-экономической истории. Именно это соображение содержится в заключении к работе «Капитализм на Востоке»: «В качестве современной “социальной дисциплины” советское востоковедение возникло как комплекс исследований развития капитализма на Востоке и его отношений с докапиталистическим укладом…Хотелось бы также, чтобы последняя книга советских востоковедов о капитализме и Востоке стала первой книгой в комплексе исследований “*Восток* и капитализм” - именно в такой последовательности, а не наоборот. Но для того, чтобы успешно двигаться по этому пути, необходима методологическая революция – создание такой теории, которая не будет изучать некапиталистические и неевропейские общества на капиталистический и европейский лад, … а создаст новый, более общий понятийный аппарат для изучения социальных явлений. Без этого нам не выйти за рамки просвещенческой парадигмы марксизма и либерализма…»[50].

1.3 Институциональная теория и новые возможности изучения экономического развития стран Востока

Искомым целям отразить в экономической теории специфические условия применения моделей отвечают институциональные подходы. Один из основоположников институционализма Т. Веблен писал: «Постулаты предельной полезности терпят неудачу именно потому, что ограничивают

[49]Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории/ Капитализм на Востоке во второй половине XX в. С.39.
[50]Там же. С. 598-599.

свое внимание лишь теми аспектами экономического поведения, которые считаются независимыми от привычных стандартов и идеалов и не оказывающими никакого влияния на формирование привычки»[51].

«Старый» институционализм оформился как течение в 1920-30-х гг. В 1918 г. появилось само понятие «институционализм», принадлежащее У. Гамильтону, который определял институт как «распространенный способ мышления или действия, запечатленный в привычках групп и обычаев народа»[52]. Объясняя сущность этого течения, отечественный экономист Р.Нуреев писал: «Старый» институционализм приходит к полному отрицанию неоклассики, рождая школу, “оппозиционную неоклассическому мейнстриму”». Его представители отвергают методы маржинального и равновесного анализа, отдавая предпочтение эволюционно-социологическим методам»[53].

В 1960-1970-е гг. в центре внимания исследователей оказались уже не обычаи, а социальные институты. В итоге произошло уточнение самого понятия, институты отныне понимались как «правила игры» в обществе или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми, а также система мер, обеспечивающая их выполнение. Если раньше институты воспринимались как экзогенный (внешний) по отношению к экономике фактор, то впоследствии они стали анализироваться как часть единой структуры, в рамках и посредством которой выстраиваются отношения между людьми. Одновременно понятие было детализировано посредством выделения категории неформальных институтов – общественных условностей и этических кодексов поведения людей (обычаи, неписанные нормы) и категории формальных институтов – законов, писанных правил, созданных и поддерживаемых специально на то уполномоченными государственными чиновниками.

---

[51]Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности. С.88, 92,93.
[52] Цит. по: Нуреев Р.М.Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д, «Содействие- XXI век»; Гуманитарные перспективы, 2010. С.78.
[53] Нуреев Р.М. Торстейн Веблен: взгляд из XXI века/Вопросы экономики. 2007. №7. С.83-84.

«Основное различие между неоклассической и институциональной теориями заключается в охвате изучаемых институтов: неоклассическая теория ограничивается изучением единственного института - рынка, тогда как институциональная экономика, помимо рынка изучает также и другие институты» - пояснял российский экономист А.С.Скоробогатов[54].

Новая трактовка «института» стала толчком для формирования нового институционализма (неоинституционализма). Определяя сущность различий между ранним (классическим) и современным институционализмом российские экономисты Л.Евстигнеева и Р.Евстигнеев писали: «Кредо классического институционализма состояло в признании индивида во всей его исторической реальности основным элементом экономической системы. Современный институционализм “вводит в игру” и структурный субъект-институт. Предпосылкой такой существенной перемены послужило разграничение культурных факторов формирования институтов с тяготением к традиции, обычаю и правовых, социально-политических факторов, предполагающих обратное активное воздействие государства и связанных и ним институтов на индивида»[55].

Заметим, что, таким образом, в систему неоинституционального подхода органично вписывается и марксистская традиция анализа экономической истории как прогрессивной эволюции производственных отношений, обусловленной развитием производительных сил. Один из представителей неоинституциализма Д.Норт писал: «Марксистская схема анализа дает наиболее сильное средство исследователям именно потому, что она включает те элементы, которые отсутствуют в неоклассической теории: институты, права собственности, идеологию»[56]. Поясняя соотношение неоинституционализма и марксизма, Е. Островкая пишет: «…в неоинституционализме, как в марксизме, производственные отношения с

[54] Скоробогатов С.А. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб., ГУ-ВШЭ, 2006. С.12.
[55]Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий/ Вопросы экономики. 1998. № 8. С.97.
[56]Цит по: Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. С.78 (North D.C. Structureand Change in Economic History. New York; London: W.W. Norton & Company, 1981. P.61)

надстройкой, способны играть роль консервативной оболочки, сковывающей экономическое движение. Но в отличие от марксизма неоинституционализм полагает институты способными к трансформации»[57].

При новой трактовке институтов иначе расставлялись акценты: становилось возможным изучать обусловленное их наличием поведение людей в стандартных ситуациях, постоянно повторяющиеся общественные процессы, что открывало путь к установлению объективных закономерностей и их формализации – отражению в экономико-математических моделях. Таким образом, неоинституционализм расширяет неоклассическую парадигму, подчиняя ей новые сферы, например, политическую жизнь, историческое развитие общества. В.Д.Матвеенко и Т.И. Железняк определили неоинституционализм как новую область экономики, которая сегодня на Западе часто именуется политической экономией и «которая неоклассическими методами, занимается вопросами взаимосвязи между политическими процессами и экономическими переменными, в первую очередь, теми, которые характеризую экономическую политику государства»[58].

Именно в силу общности используемых методов некоторые авторы причисляют новый институционализм к современному мейнстриму, рассматривая последний как совокупность концепций, в которых экономическое поведение людей трактуется с точки зрения оптимизации. «Оптимизация как основной способ описания экономического поведения и равновесный анализ как основной метод исследования экономической динамики – вот ведущие принципы современного мейнстрима» - утверждает И.Розмаинский[59]. Следуя данному подходу, он относит к мейнстриму все

[57] Островская Е. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования/ Мировая экономика и международные отношения. 2012. №4. С.27-28.
[58] Матвеенко В.Д., Железняк Т.И. Политическая экономия и «экономикс»: единство или антагонизм?/ Экономическая наука современной России. 2005. №1 (28). С.45.
[59]Розмаинский И. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX-начала XXI века/ Вопросы экономики, 2008, №7, С..92-93.

ветви классической теории, а также неокейнсианство и новый институционализм[60].

Следует отметить, что правомерность применения институциональных подходов для понимания особенностей развития национальных экономик, в том числе, стран Востока, в настоящее время находит все более широкое признание среди отечественных специалистов. Целесообразность и необходимость учета институциональных факторов при изучении неевропейских стран подчеркивал Е.Т.Гайдар: «Начало современного экономического роста в Европе, вызовы догоняющего развития ставят перед элитами неевропейских стран сложную задачу: имитировать институты, у которых в неевропейских странах не было исторической традиции, формировавшейся в Европе на протяжении более двух тысячелетий. В этом сущность характерных для большинства стран догоняющей индустриализации проблем: слабости отечественного предпринимательского класса, недостаточных гарантий собственности, отсутствия стимулов к долгосрочным вложениям, коррупции в государственном аппарате, стремления перераспределять административную ренту. Все это способно на десятилетия парализовать экономическое развитие»[61].

---

[60] Но исследовательская программа неоинституционализма, используя инструментарий неоклассики, одновременно модифицирует классическую программу, отказываясь от некоторых наиболее одиозных предпосылок. Принято считать, что неоинституционализм возник на путях преодоления характерного для неоклассики ограниченного понимания рациональности. Как подчеркивал Р.Нуреев, реализм неоинституционалистов проявляется в том, что они учитывают то, что людям присуща ограниченная рациональность, а принятие решений связано с риском и неопределенностью. «К тому же далеко не всегда приходится принимать наилучшие решения. Поэтому неоинституционалисты сравнивают издержки принятия решений не с ситуацией, считающейся образцовой в микроэкономике (совершенная конкуренция), а с теми реальными альтернативами, которые существуют на практике» - пояснял он. Итак, потребность в снижении уровня неопределенности вынуждает экономических агентов опираться на сложившийся уклад, так как там, где велика неопределенность, неоклассические предпосылки теряют свою универсальную силу. Максимизация полезности может стать бессмысленной, и рациональный индивид будет вынужден ориентироваться на социально-приемлемый результат. К тому же понятие рациональности может изменяться со временем. Более гибкий подход к рациональности был сформулирован теорией рационального выбора, в соответствии с которой «Субъект никогда не выберет альтернативу X, если в то же время доступна альтернатива Y, которая, с его точки зрения, предпочтительнее X». Таким образом, рациональности становятся присущи индивидуальный характер, ограниченность и субъективность. «В рамках неоинституциональной экономики институциональный подход …расширил и модифицировал традиционную классику, оставаясь в ее пределах и снимая лишь некоторые наиболее нереалистические предпосылки» - резюмирует Р.Нуреев. – См. Нуреев Р.Торстейн Веблен: взгляд из XXI века/ Вопросы экономики, 2007, №7. С. 83.

[61] Гайдар Е. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. С.113.

У российского экономиста-востоковеда В.А.Мельянцева читаем: «Причины дифференциации успехов и неуспехов среди менее развитых стран…все еще недостаточно исследованы в литературе… Но коренятся [они], скорее всего, в институциональных, культурно-исторических и даже географических детерминантах. Речь идет, в частности, об отсутствии развитых форм государственности в доколониальный период, более низком уровне трудовой этики, и вообще невысоком месте упорного и креативного труда в сложившейся иерархии ценностей, специфике колониализма, в т.ч. преобладании разрушительных сил над созидательными»[62].

Российский экономист-востоковед Е.А.Брагина также подчеркивает «роль институций» для исследователей проблем экономической отсталости, связанную с осознанием того, что если в ныне передовых экономиках на ранних этапах становления государство поддерживало рыночные механизмы, сглаживало их колебания и даже провалы, то в ходе имитационного развития в развивающихся странах нет такой однозначности: заимствуемые демократические институты, новые формы социальных и политических отношений в обществе наталкиваются на открытое и скрытое сопротивление неформальных институтов[63].

Следует отметить, что понимание особых механизмов развития экономики в странах Востока имело место и в советский период, что нашло отражение в попытках разработки теории азиатского способа производства (АСП). Так, советский востоковед С.А.Кузьмин отмечал, что «азиатский способ производства» имел ту особенность, что при внешней разобщенности различных социальных слоев общества…у них были и общие задачи, от решения которых зависело само существование общества… Ввиду этого общество нуждалось в едином координирующем центре, в роли которого выступало государство», которому «приходилось выражать интересы не только своего класса, но и других социальных слоев населения

[62]Мельянцев В.А.. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., Ключ-С, 2009. С.65.
[63] Брагина Е.А. Притяжение недостижимого/ Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., Институт востоковедения РАН, 2011. С.398-399.

- это было необходимое условие существования самого господ ствующего класса»[64]. Таким образом, резюмирует С.А.Кузьмин, основная особенность управления в странах Востока в доколониальный период – выполнение государственным аппаратом ряда функций, необходимых для существования всего общества. При этом он добавляет, что и правительства, пришедшие к власти после достижения независимости неизбежно должны были нести ряд общественных функций, *причем более значительных и важных для этих государств, чем для любой развитой страны* (курсив Н.У.). «Азиатский способ производства в его историческом смысле исчез, однако многие его черты сохраняются и в наши дни» - заключает исследователь. Поэтому призыв отечественного востоковеда А.М.Петрова использовать АСП для того, чтобы «объяснить присутствием какой-то части его субстанции, те …странности, которые ныне происходят в восточных обществах, и не только происходят, но, судя по всему, не собираются исчезать, мешая развиваться даже НИСам Азии…»[65] звучит вполне актуально, в том числе, с учетом растущего понимания перспектив использования институционального подхода.

Хотя в перечисленных в предшествующем разделе исследованиях постсоветского периода по проблемам экономического развития стран Востока авторы не упоминали об использовании институциональных методов исследования, совершенно очевидно то значительное место, которое в них занимает изучение и включение в ряд основополагающих факторов экономической динамики института государства[66]. Таким образом, в данном случае можно говорить об использовании не только методов макроэкономического анализа, но и своего рода «подсознательном»

---

[64] Кузьмин С.А. Системный анализ экономики развивающихся стран (проблемы методологии). М., Наука, главная редакция Восточной литературы, 1972. С.44-45.

[65] Петров А.М. Азиатский способ производства и XXI век. С.258.

[66] Редким примером работы, которая носит последовательно макроэкономический характер и практически свободна от элементов анализа экономической роли государства, является книга Л.А. Фридмана «Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира» (М.,Гуманитарий, 2008). Очевидно, эта особенность связана с тем, что автор ставит целью исследовать те макроэкономические сдвиги, которые произошли в результате кризиса государства в изучаемом регионе.

применении институциональных подходов, так как анализ института государства, в первую очередь, уже не как собственника (владельца средств производства), а как специфически действующего в каждой стране регулятора экономического развития занимает важное место в современных отечественных востоковедных экономических исследованиях. Подобный подход основан на понимании той важнейшей для стран Востока специфики, о которой пишет В.А.Мельянцев: «Если в целом в странах Запада в итоге так или иначе, сложилась при всех вариациях, *рыночно-государственная* модель капитализма, …то в странах Востока сформировалась преимущественно система т.н. *государственно-частного партнерства*, имеющая определенные исторические традиции и связанная с главенствующей ролью в них государства на протяжении веков и тысячелетий»[67].

В качестве определенного изъяна данного подхода следует обратить внимание на то обстоятельство, что трактовка института государства ограничена использовавшимися им методами экономического (социально-экономического) регулирования, тогда как на конечные результаты развития, очевидно, оказывает влияние более широкий набор направлений государственной политики, как то различные аспекты внутренней политики (национальная, культурная, образовательная, оборонная, формирующая политический режим), наконец, внешняя политика, которая определяет степень открытости страны, ее способность и готовность использовать внешние ресурсы и факторы развития и в итоге - меру синхронизации процессов, происходящих в национальной экономике, с глобальными подъемами и спадами. Во-вторых, в качестве критерия результативности экономической политики рассматривается, как правило, динамика макроэкономических показателей, что, с одной стороны, логично, но с другой, несколько сужает присущую государству на Востоке роль всеобщего

[67] Мельянцев В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М., Ключ-С, 2015. С.76.

регулятора развития, не только экономического. Поэтому результативность экономической политики, в рамках более всеобъемлющего институционального подхода следует оценивать через эффект взаимодействия государства с обществом по более широкому набору направлений, чем собственно экономические сдвиги[68].

О целенаправленном использовании институционального подхода как одного из важных исследовательских методов для изучения экономического развития Вьетнама одним из первых в отечественном востоковедении упомянул в предисловии к своей работе «Вьетнамская экономика сегодня»[69] В.М. Мазырин. Он отметил существенную помощь, которую институциональный анализ оказал в понимании механизмов трансформации вьетнамской экономики. По итогам работы автору удалось уточнить его значимость, придя к выводу о том, что динамика и итоги экономического развития Вьетнама за 25 лет рыночной трансформации во многом определялись социально-институциональными особенностями, под которыми понимается достаточная компетентность и оперативность сравнительно компактного управленческого аппарата, его энергичное участие в формировании общей стратегии развития, выработке правил игры и контроле над их соблюдением, создании иных необходимых условий[70]. Названные выше положительные черты управленческого стиля раскрываются в тексте работы более подробно. Речь идет об осторожном постепенном характере проведения преобразований, наличии тесной связи между хозяйственными процессами и действиями правительства, отказ от слепого заимствования стратегий модернизации, выработка собственной стратегии, учитывающей национальную специфику, заделы и сравнительные преимущества экономики страны, корректировка

---

[68] Более широкий комплексный подход к анализу факторов развития использует, например, В.Я.Белокреницкий в статье «Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств средне-западной Азии»/ Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М,, ИВ РАН, Крафт+, 2012. С.12-35.

[69] Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986-2010). М., ИД «Форум», 2013.

[70] Там же. С.7, 307.

первоначальной стратегии в процессе реформ путем «доводки». «Такая модель развития – резюмирует В.М.Мазырин – обеспечила хозяйственный подъем, восстановление авторитета правящей партии, значительное повышение благосостояния масс, предотвратив фактический развал государства»[71]. С учетом выявленной специфики вьетнамской модели рыночной трансформации он характеризует ее «как более выраженную, чем в России, государствах ЦВЕ и даже Китае, социально-институциональную», в рамках которой государство выступало основным инструментом осуществления данной трансформации с постоянной оглядкой на ее социальные последствия[72]. Новация подхода В.М.Мазырина заключается в рассмотрении государственного экономического регулирования не только как определенной системы мер, но в выявлении его общего вектора, концептуальной целевой направленности, зачастую более широкой, чем исключительно прагматическое решение актуальных экономических проблем, иными словами – специфики экономического развития, встроенного в более широкий контекст политической и социально-экономической эволюции национального государства и общества.

Опирающийся на современные теоретические подходы институциональный метод позволяет в большей мере учитывать многомерный комплексный характер института государства в странах Востока и допускает существование в сфере государственной политики определенной системы приоритетов, объясняющей не всегда однозначный характер ее результатов в сфере экономики.

[71] Там же. С. 69.
[72] Там же. С. 307.

Глава 2.
Проблемы изучения эволюции экономической модели Турции в свете методологических подходов советской/постсоветской востоковедной школы и методов макроэкономического анализа

2.1 Вопросы экономического развития Турции в отечественной туркологии советского и раннего послесоветского периода

В соответствии со сложившимися и доминировавшими в отечественном востоковедении в советский период подходами, подробному анализу которых посвящена глава 1 настоящей работы, исследование экономики Турецкой Республики и ее эволюции строилось на основе рассмотрения двух взаимосвязанных факторов – системы форм собственности, точнее, соотношения государственной и частной собственности в промышленности и инфраструктуре, и специфики регулирования внешнеэкономических связей. Как отмечалось выше, соотношение форм собственности имело решающее значение в определении сложившегося или складывавшегося в развивающихся странах (реально или потенциально) способа производства (капиталистического или социалистического), поэтому в условиях биполярного мира его изменение отслеживалось как наиболее важная экономическая характеристика.

Система внешнеэкономических связей имела значение для понимания основных направлений взаимодействия национальной экономики с мировым хозяйством в целом и перспектив развития экономических связей с СССР в частности.

Важнейшее место в работах российского турколога Н.Г. Киреева занимает исследование «турецкого этатизма». Определяя содержание политики этатизма Н.Г. Киреев ссылается, в том числе, на известного турецкого экономиста М.Яша, по мнению которого в 1930-е годы «экономическое развитие было поставлено в зависимость в широких масштабах от сектора государственной экономики, государство оказалось в

положении как владельца, так и непосредственного эксплуататора промышленных предприятий… Короче говоря, та функция, которая в Турции признана за этатизмом, – создавать определенные промышленные объекты и эксплуатировать их…»[73].

Этапы экономической истории Турции, выделяемые Н.Г. Киреевым, - этапы развития этатизма - по существу есть этапы возникновения и последующего переосмысления принципов и масштабов использования государственной собственности в процессе развития республики. Содержание первого этапа – этапа «формирования республиканского этатизма» (1930--1940-е гг.) он определяет как преобладающее подчас даже монопольное участие государства в создании новой экономики, в промышленном и инфраструктурном строительстве за счет бюджетных ассигнований[74]. В тесной связи с бурно развивающимся госпредпринимательством анализируется Н.Г.Киреевым и становление системы внешнеэкономического регулирования: «В целом учреждался механизм строгого и детального контроля над внешнеэкономическими связями, ставший одним из краеугольных камней республиканского этатизма, создавались, наконец, возможности накопления валюты и монополизации ее государством. Это давало возможность последнему стать основным действующим лицом в создании современного промышленного сектора и инфраструктуры, разумеется, не ограничивая при этом и частную инициативу»[75].

Возникновение основной дилеммы следующего периода в экономическом развитии Турецкой Республики – периода «смешанной экономики» (1950--1970-е гг.) Н.Г. Киреев связывает с тем обстоятельством, что с конца 1940-х гг. зазвучали заявления о необходимости «отказа от крайностей этатизма, от односторонней ориентации на государственный

[73] Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. М., Наука, 1991. С.108.
[74] Киреев Н.Г. О турецком опыте перехода к рыночной экономике/ Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить. М., Академия гуманитарных исследований, 2006. С.73.
[75] Там же. С.69.

сектор»[76]. Он пишет: «…госсектор уже не мог и не должен был выполнять функцию локомотива экономического развития, в то же время самый крупный частный капитал страны не был еще в состоянии играть эту роль, по крайней мере, в жизненно важных отраслях…»[77]. Таким образом, основное содержание наступившего этапа сводилось к поиску нового баланса в системе собственности между государством и национальной предпринимательской буржуазией. Внешнеэкономическую доктрину этих десятилетий Н.Г. Киреев характеризует как достаточно успешное проведение политики импортзамещения. Комментируя ее содержание, он подчеркивает, что «во внешнеэкономическом регулировании оставался один из важнейших принципов этатизма в экономике – принцип защиты национальной промышленности»[78].

Наконец, основное содержание следующего периода, начавшегося после 1980 г., Н.Г. Киреев видит в отказе от этатистского «уклона» в турецкой концепции смешанной экономики и ликвидации сохранявшегося десятилетиями доминирования государства в социально-экономической жизни страны. Наиболее существенным проявлением этой тенденции, по его мнению, стал процесс приватизации государственных предприятий, а следовательно, очередного изменения в системе собственности. Правда, он считает произошедшие перемены недостаточно существенными, констатируя, что, несмотря на то, «правящая элита Турции добилась со второй половины 80-х годов немалых успехов в реализации одного из главных условий создания в стране рыночной экономики - приватизации государственных предприятий», «турецкая экономика пока остается смешанной с сильным государственным сектором»[79]. То есть, типологическая характеристика современной экономики страны вновь дается через структуру системы собственности.

---

[76] Там же. С. 76.
[77] Там же. С.80.
[78] Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С.159.
[79] Киреев Н.Г. О турецком опыте перехода к рыночной экономике. С. 90.

Что касается пересмотра системы регулирования внешнеэкономических связей, то, будучи направленным на расширение турецкого экспорта, он, по определению Н.Г. Киреева, «способствовал дальнейшей интеграции Турции в мировую капиталистическую систему, дальнейшей вестернизации турецкой экономики»[80].

Следует подчеркнуть, что Н.Г. Киреев изначально определяет «турецкий этатизм» в соответствии с его размахом и целями как меры госкапитализма[81]. Тем не менее, позитивный интерес к последнему в рамках подходов советского востоковедения имел совершенно определенное объяснение: «Государственный капитализм в Турции, как и других странах капиталистической ориентации, содержит в себе противоречивые тенденции. С одной стороны он олицетворяет капитализм и нацелен на создание в конечном итоге системы отношений, опирающейся на частный капитал и частное предпринимательство. С другой стороны, объективная роль госкапитализма на практике оказывается гораздо шире и масштабнее тех субъективных устремлений, которыми руководствовались правящие круги Турции при создании государственного сектора. Определяющим моментом его эволюции является природа государственной власти. При революционно-демократической власти государство может играть важную роль в осуществлении радикальных социально-экономических преобразований. Но даже в условиях Турции он является главным рычагом индустриализации, технического прогресса и деятельность его имеет антиимпериалистическую направленность. Вот почему иностранные монополии являются решительными противниками турецкого этатизма»[82].

Схожий с видением Н.Г. Киреева подход к периодизации экономической истории Турецкой Республики прослеживается и в работах российского турколога-экономиста Е.И.Уразовой. По ее мнению, главным

---

[80] Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С. 272.
[81] Киреев Н.Г. Там же. С. 99.
[82] Моисеев П.П. Особенности социально-экономической эволюции// Турецкая Республика в 60-70-е годы. Вопросы общественно-политического развития. М., Издательство Московского университета, 1984. С. 19.

субъектом экономического развития в первое десятилетии республики (1923-1932 гг.) был частный сектор, возможностей которого оказалось совершенно недостаточно, чтобы обеспечить выполнение основных хозяйственных задач[83]. Поэтому в условиях мирового экономического кризиса (1929--1933 гг.) за создание национальной промышленности при слабости частного предпринимательства взялось государство. Она пишет: «1933-1950 гг.: главной силой экономического развития становится государство – для стабилизации экономики и обеспечения ее развития Турция прибегла к политике этатизма. Было не только усилено государственное регулирование, но и развернулось прямое участие государства в экономической деятельности, выразившееся в создании как отдельных предприятий, так и целых промышленных отраслей»[84].

Период 1950-х гг. Е.И.Уразова выделяет как самостоятельный. Его основной особенностью она считает некоторое ослабление активности этатистских мер, использовавшихся с 1930-х гг.: «… были созданы определенные возможности для закрепления и расширения позиций местного частного капитала – его инвестиции в этот период доминировали, а предпринимательская деятельность госсектора несколько сократилась»[85].

«В 60-70-е годы – пишет далее Е.И.Уразова – экономика приобрела смешанный, государственно-частный характер. Государство большую часть инвестиций направляло на создание капиталоемких инфраструктурных и промышленных предприятий общенационального хозяйственного значения, с длительными сроками строительства, низкой финансовой отдачей…». При этом она отмечает, что в рассмотренный период упрочились и позиции частного сектора, основным направлением инвестирования для которого

[83] Уразова Е.И. Экономика Турции: от этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста). М., Наука, 1993. С. 11.
[84] Там же.
[85] Там же. С. 12.

стали современные отрасли промышленности, создававшиеся с привлечением иностранного капитала[86].

Что касается внешнеэкономического аспекта, то, после принятия «защитительных» мер на рубеже 1920-1930-х гг., «предельно ужесточивших внешнеторговое и валютное регулирование, развитие турецкой экономики было переведено в закрытый режим, который с небольшими послаблениями, введенными в 1950-е годы, действовал до начала 1980-х годов»[87].

По мнению Е.И. Уразовой, уже в начале 1980-х гг. была подведена черта под периодом развития турецкой экономики по этатистской модели, так как была поставлена задача по ее сближению с рыночными экономиками других стран. В долгосрочной перспективе, считает исследователь, новая модель должна была придать дополнительные импульсы процессам экономического роста и модернизации поднять эффективность и конкурентоспособность турецкой экономики[88].

Что касается системы внешнеэкономических связей после 1980 г., то и Н.Г.Киреев, и Е.И.Уразова близки в оценке направлений их изменения. Е.И.Уразова считает основной задачей последнего этапа, продолжающегося и по сей день, расширение торгово-экономических связей на двусторонней и многосторонней основе и создание благоприятных условий для продвижения на внешние рынки турецких товаров и услуг[89].

Значительные элементы сходства в периодизации экономической истории турецкой Республики, предлагаемых Е.И. Уразовой Н.Г. Киреевым, обусловлены тем, что в их основе лежит единый подход, в рамках которого основной характеристикой модели является соотношение роли государства и частного сектора в развитии национальной экономики, определявшееся правами собственности в промышленности и инфраструктуре. Правда, по мнению Е.И.Уразовой после 1980 г. с началом процессов либерализации в

[86] Уразова Е.И. Турецкая экономическая модель/ Турция на рубеже XX-XXI веков. М., Институт востоковедения РАН. 2008. С. 141,144—145.
[87] Там же. С.141.
[88] Там же. С. 147.
[89] Там же.

турецкой экономике произошел гораздо более решительный разрыв с этатистской традицией, чем это представляется Н.Г.Кирееву.

Согласно отечественному туркологу-экономисту П.П. Моисееву, в экономической истории Турецкой Республики выделяются следующие основные этапы[90]:

1. Период 1920-х годов, когда была предпринята попытка механического переноса на развивающуюся страну опыта общественного прогресса индустриальных государств Запада (курс экономического «либерализма» 20-х годов, т.е. нерегулируемого частного предпринимательства);
2. Период турецкого этатизма 1930-1940-х годов – политики и практики государственного капитализма в слаборазвитой стране, решавшей задачи борьбы за экономическую самостоятельность. «Государственный капитализма в Турции – уточняет П.П. Моисеев – …на практике означал активное вмешательство буржуазного государства в хозяйство страны, во-первых, путем создания государственного экономического потенциала в основных отраслях и сферах хозяйства, во-вторых, в результате проведения мероприятий экономического регулирования, направленных на активизацию деятельности частного капитала, на укрепление политического суверенитета и хозяйственной самостоятельности страны»[91];
3. Экономический либерализм 1950-х годов – переход от принципа преимущественного использования внутренних источников накопления к стратегии активного привлечения внешних источников в форме экономической помощи и ссудного капитала США и стран Западной Европы в целях ускорения темпов хозяйственного роста;
4. 1960-1970-е годы – стратегия «догоняющего» развития на базе импортзамещающей индустриализации (период планового развития 60-

[90] Моиссев П.П. Турция: капиталистическая эволюция в условиях императива институциональных структур/ Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., Восточная литература, 1995. С.447.
[91] Там же. С.448.

70-х годов). П.П.Моисеев упоминает и о возникновении в эти годы доктрины «смешанной экономики» - «системы двух укладов, части которой не просто сосуществуют, а находятся в состоянии активного взаимодействия и взаимозависимости»[92];

5. Период, началом которого стал 1980 г., когда была провозглашена стратегия «экономики свободного рынка, опиравшегося на конкуренцию», а также курс на превращение «закрытой» экономики в «открытую» путем повышения конкурентоспособности национальной продукции как основного условия перехода от импортзамещающей индустриализации к экспорториентированной.

Как видим, подходы Е.И. Уразовой и П.П. Моисеева к периодизации экономической истории Турецкой Республики объединяет, во-первых, оценка первого десятилетия республики как «доэтатистского» периода поиска модели экономического развития, тогда как, по мнению Н.Г. Киреева, «этатизм не как концепция, а как форма действия обнаружился с первых дней деятельности кемалистов». Во-вторых, Е.И. Уразова и П.П. Моисеев выделяют десятилетие 1950-х как особый период в экономической истории Турецкой Республики. Н.Г. Киреев не считает 1950-е годы периодом, когда произошло какое-либо значительное обновление экономической политики. Напротив, отмечая отсутствие заметных перемен в системе собственности (речь идет о заявленных правительством правившей в 1950 е гг. Демократической партии (ДП), но не состоявшихся на практике попытках приватизации госсобственности), он определяет экономическую политику десятилетия через формулу «сильный госсектор – реальность, вмешательство государства – необходимость»[93]. Правда, на том основании, что «этатизм в этот период окончательно уходит из концептуальных правительственных установок», он делает определенную уступку, соглашаясь вслед за турецким автором Ш.С.Айдемиром, отнести 1950-е гг.

[92] Там же. С.449-450.
[93] Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С.133.

к раннему периоду смешанной экономики: «…никакой разницы между экономической структурой периода правления Демократической партии и предшествующей структурой не было. Оба периода с точки зрения фундаментальных основ представляли собой структуру “смешанной экономики” с ориентацией на капитализм…»[94].

Но особенно важно, что П.П. Моисеев, как и Е.И. Уразова, достаточно сильно расходится с Н.Г. Киреевым в оценке современного этапа экономического развития Турции. Последние в гораздо меньшей степени считают его преемственным по отношению к этатистской традиции.

Причина отмеченных расхождений кроется, на наш взгляд, в более широкой трактовке Н. Г. Киреевым этатизма как такого. Выступая против «узкого понимания этатизма как строительства государственных предприятий в промышленности»[95], он включает в это понятие и государственный бюджет, и деятельность государственных банков, и систему взаимоотношений государства с наемными работниками. При этом бюджет он рассматривает как «монопольный источник накоплений» для расширения системы государственной собственности, учреждение государственных банков - как результат неудачи попыток частного сектора обосноваться в производственных отраслях, что и привело к последующему созданию в них усилиями государственных банков опять же государственных предприятий, авторитарный режим в отношении наемных работников – как способ облегчить государству поиск и привлечение наемного труда в создаваемый госсектор[96]. Важным направлением государственного вмешательства в экономику Н.Г. Киреев считает регулирование цен, но и здесь он отмечает его тесную связь с государственным предпринимательством – «создавая и расширяя крупное

[94] Там же. С. 130.
[95] Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С.99.
[96] Там же. С. 106, 115-116, 121.

фабричное производство, государство постепенно взяло в свои руки регулирование цен на все виды фабричной продукции»[97].

Таким образом, в основе “многомерности” этатизма 1930-40-х гг. лежит все то же создание и расширение института государственной, в первую очередь промышленной, собственности: направления государственного экономического регулирования, включенные Н.Г.Киреевым в понятие этатизма, либо возникали, либо меняли свое содержание под влиянием института государственной собственности и были направлены на обеспечение ее функционирования и развития. Именно развивая подобный подход, Н.Г. Киреев писал: «Государственный бюджет плюс банки …плюс государственные монополии являлись в годы республики главным и мощным инструментом государственной надстройки при осуществлении экономической политики,…неэкономического превращения докапиталистического прибавочного продукта (главным образом земельной ренты), раннекапиталистических форм прибавочной стоимости в единую этатистски централизованную прибавочную стоимость, которая потом уже государством, надстройкой используется, перераспределяется для ломки старого базиса и создания нового[98].

Н.Г.Киреев, комментируя всеохватность своего подхода, в то же время прибегает к некой дифференциации типов этатизма и выделяет 1930-е годы как период «активных этатистских мер»[99].

По-видимому, лишь в рамках широкого подхода, предложенного Н.Г. Киреевым, согласно которому этатизм есть «*всеобъемлющее* (курсив Н.У.) участие государства практически во всех сферах жизни общества – идеологической, политической, социальной, экономической»[100], можно характеризовать и экономику Турции первого десятилетия 2000-х годов как все еще «смешанную», вопреки тому, что согласно оценкам экспертов

---

[97] Там же. С.111.
[98] Там же. С.93.
[99] Там же. С. 99-100, 108.
[100] Киреев Н.Г. О турецком опыте перехода к рыночной экономике. С.64.

Еврокомиссии, относящимся к 2009 г., доля частного сектора в производстве ВВП оставалась стабильно высокой на уровне 90%, а само хозяйство страны являлось функционирующей рыночной экономикой[101]. И действительно, сохранение смешанного характера экономики Н.Г. Киреев в частности аргументирует скромными успехами частного предпринимательства в социальной сфере, традиционно в условиях реальных рыночных экономик в значительной мере финансируемых из государственного бюджета. То есть признать характер турецкой экономики «смешанным» возможно лишь в той мере, в которой является «смешанной» любая западная экономика сегодняшнего дня и с точки зрения которой экономика, развивающаяся в условиях полного отсутствия каких-либо форм участия государства является не более, чем гипотетической абстракцией.

Между тем, в позиции Н.Г. Киреева касательно 1950-х гг. просматривается определенная непоследовательность, так как он отказывается признать за этими годами статус особого периода именно на основании сохранения значимости госсектора, игнорируя при этом заметные изменения в характере, например, бюджетной или внешнеэкономической политики, о чем будет сказано ниже. То есть здесь просматривается отступления от принципа «широкого» понимания этатизма.

Е.И.Уразова в своих работах также уделяла значительное внимание и таким аспектам государственной экономической политики, как фискальный (налогово-бюджетный) и кредитно-денежный. Позиция Е.И.Уразовой, согласно которой особенности финансовой политики Турции во многом предопределялись масштабами и формами государственного участия в развитии экономики страны, близка точке зрения Н.Г.Киреева - бюджетная политика производна от характера и потребностей развития государственного предпринимательства. Так, возникновение бюджетных

[101] Turkey 2009 Progress Report accompanying the Communication from the commission to the European Parliament and the Council Enlargement Strategy and main Challenges 2009-2010. Brussels, Commission of the European Communities. 2009. S.36.

дефицитов в отдельные годы 1930-х Е.И.Уразова объясняет «подчинением бюджета политике этатизма». В 1950-е гг. нарастание бюджетных трудностей автор связывает, в том числе, с низкой рентабельностью госсектора, Далее Е.И.Уразова отмечает, что выполнение крупных государственных инвестиционных проектов, начатое в 1960-е гг., привело к усилению финансовой напряженности. Наконец, с 1973 г. госбюджет стал хронически дефицитным. «По мере того – пишет Е.И.Уразова, как эти задачи (социально-экономические – Н.У.) приобретали все более неотложный характер в условиях поддержания высокого уровня военных и других обычных расходов, недостаточного увеличения обычных бюджетных доходов, бюджетная сбалансированность становилась все менее достижимой»[102].

Анализируя кредитно-денежную политику в республиканский период, Е.И. Уразова отмечает, что установление в Турции такой формы регулирования национальной банковской сферы, как норма обязательных резервов относится к годам Второй мировой войны. «Длительное время – пишет она – этот вид регулирования служил инструментом политики этатизма и в доминировании сугубо административных методов, и в общей направленности на использование возможностей банковской системы, в первую очередь ее частного сектора, для удовлетворения нужд госбюджета и финансирования государственных предприятий»[103]. Еще один вид резервов – ликвидные (кассовая наличность и государственные долговые обязательства) стал широко использоваться в 1960-1970-е гг. для размещения в частных банках Турции государственных ценных бумаг «в целях привлечения ресурсов для финансирования как бюджетных текущих ассигнований, так и государственных инвестиций»[104]. Таким образом, инструменты кредитно-денежной политики опять же рассматриваются

[102] Уразова Е.И. Экономика Турции. От этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста). М., Наука, 1993. С. 99.
[103] Там же. С.169-170.
[104] Там же.

автором как тесно вплетенные в основную коллизию турецкой экономики, которая концентрируется вокруг масштабов участия государства в экономическом, в первую очередь промышленном, развитии страны.

Но признавая несомненное использование основных инструментов государственной финансовой политики в целях реализации этатистских установок, и, следовательно, их подчинение интересам развития государственного предпринимательства, все-таки не представляется возможным всецело отождествлять их с политикой этатизма. Во-первых, такой подход ведет к неоправданному, на наш взгляд, расширению и последующему размыванию понятия этатизма в силу его полного совпадения с понятием государственной экономической политики в любых ее формах и проявлениях, даже тех, которые применяются в условиях рыночной экономики. В итоге сама дилемма «рынок-государство» лишается смысла. Во-вторых, в самой Турции использование инструментов финансовой политики, очевидно, определялось далеко не только целями государственного предпринимательства. Иначе, как объяснить то обстоятельство, что с наиболее острыми бюджетными проблемами Турция столкнулась после завершения периода активного этатизма 1930-х гг. По словам Е.И. Уразовой, «особенностью кемалистской политики было то, что создание основ национальной промышленности и инфраструктуры было достигнуто без серьезных нарушений экономической стабильности. На протяжении 1933-1939 годов Турция имела сбалансированный бюджет и небольшой внешнеторговый дефицит, устойчивое денежное обращение»[105]. Получается, что на период активных этатистских мер 1930-х гг. приходилась политика циклически сбалансированного бюджета, тогда как снижение интенсивности этатистских усилий государства в период «смешанной экономики» ознаменовалось ростом бюджетных проблем, и, наконец, вступлением в период хронических бюджетных дефицитов. Но

[105] Уразова Е.И. Турецкая экономическая модель/ Турция на рубеже XX-XXI веков. М., Институт востоковедения РАН, 2008. С.142.

более всего при подобной исключительно «этатистской» трактовке финансовой политики государства удивляет феномен сохранения бюджетных проблем в период либерализации (после 1980 г.), то есть официального пересмотра этатистской доктрины и сворачивания прямого участия государства в экономике через систему финансировавшихся из бюджета инвестиций. Объясняя его происхождение, Е.И.Уразова писала в начале 1990-х гг.: «Буржуазия остается слабой и продолжает нуждаться во всесторонней государственной поддержке, в том числе в расширении бюджетных ассигнований на образование, подготовку кадров, здравоохранение, повышение качества медицинского и социального обслуживания до современного уровня, смягчение остроты жилищной проблемы, проведение ряда социально-культурных мероприятий»[106]. Но в данном случае речь идет о вполне традиционных социальных направлениях использования бюджетных расходов, которые не связаны с государственным предпринимательством. Применительно к периоду 1970-х Е.И. Уразова также говорит о широких социально-экономических задачах, очевидно уже не ограниченных государственным производственным инвестированием.

Таким образом, жесткая привязка бюджетной и кредитно-денежной политику к нуждам государственного предпринимательства, видимо, справедлива только для периода «классического» этатизма 1930-40-х гг., но впоследствии оказывается встроенной в контекст гораздо более широких задач, чем обслуживание потребностей сооружения государственных промышленных предприятий. «Этатизация» государственной финансовой политики на протяжении всего периода развития республики ведет к путанице понятий и препятствует исследовательскому процессу.

Монополизация этатизмом всего содержания экономической политики и попытка свести к его проявлению все процессы в развитии турецкой

---

[106] Уразова Е.И. Экономика Турции: от этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста). М.Наука, 1993. С.103.

экономики и применительно к долиберальному периоду в экономической истории Турции, и, особенно, к современному этапу развития страны ведет к неполным выводам и спорным заключениям, необоснованно препятствуя изучению экономики страны тем инструментарием и понятийным аппаратом, который используется для анализа современной рыночной экономики со свойственным ей ограниченным, но, несомненно, остающимся важным набором средств государственного регулирования.

Подход к анализу моделей экономического развития Турецкой Республики, базирующийся в первую очередь на изучении роли форм собственности и изменении их соотношения, весьма полезен с точки зрения выявления в турецком опыте общих для большинства развивающихся стран особенностей догоняющего развития. И действительно, импортозамещение требует как жестких протекционистских мер внешнеэкономического регулирования, так и развития системы госпредпринимательства в целях концентрации капитала для быстрого налаживания местного производства готовых промышленных изделий. Напротив, успех экспорториентированной стратегии может быть обеспечен лишь за счет использования механизмов как внешней конкуренции (ослабление внешнеторгового протекционизма), так и внутренней (поощрение частнопредпринимательской инициативы, отказ от государственной монополии в производственных отраслях). Общий характер этих закономерностей в полной мере подтверждает опыт Турции.

Но оставаясь в рамках задачи сбора доказательств в пользу признания сохранения важной роли государства в экономике Турции в рамках эволюции концепции этатизма при том, что произошло весьма существенное сокращения его изначальной базы в форме государственной собственности, невозможно дать ответ на ряд важных как более общих, так частных вопросов о последствиях проводимой в Турции, как и любой другой стране с рыночным хозяйством экономической политики государства. Например, остается неясным, почему при схожих путях догоняющего развития следовавшие его принципам страны Востока сегодня оказались на разных

уровнях экономического развития? Или почему, несмотря на сравнительно ранее начало импортзамещения, Турция, совершив переход от производства трудоемкой продукции к производству капиталоемкой (об этом свидетельствуют как изменения в отраслевой структуре промышленности, так и опережающий рост капиталонакопления по сравнению с ростом занятости[107]), все еще не может начать массовое производство техноемкой продукции, что остается одним из основных препятствий к успеху экспорториентированного развития, а ее внешняя торговля по-прежнему хронически дефицитна? Или, почему, начиная со второй половины XX в. экономическое развитие Турции прерывалось особенно частыми финансово-экономическими кризисами, которые, очевидно, невозможно увязать только с циклами развития западных государств?

Итак, для дальнейшего движения вперед необходимо ограничить понимание этатизма как системы государственного предпринимательства и, отделив от него прочие формы государственной экономической политики, признать за фискальной и кредитно-денежной политикой определенный уровень самостоятельности и способности, в свою очередь, существенно влиять на объем спроса, уровень инфляции, ставку процента и в итоге - на темпы экономического роста. Тогда, приняв их во внимание в качестве самостоятельных направлений государственной экономической политики, которые длительное время реализовывались в условиях государственно-частной формы хозяйствования (т. е. соотношение двух типов собственности перестает выступать основной характеристикой модели, превращаясь в своего рода фоновый контекст) можно получить принципиально иную картину экономического развития Турецкой Республики, в рамках которой просматриваются и другие поворотные точки и границы основных периодов. Иными словами, если Н.Г.Киреев пытается исследовать современную рыночную экономику Турции с точки зрения наличия в ней преемственных

[107] См. подробнее: Ульченко Н.Ю. От индустриализации к постиндустриализации – возможности и пределы трансформации/ Восточная аналитика. Ежегодник 2012. М.. Институт востоковедения РАН, с. 114-118.

этатистских черт, то в рамках альтернативного подхода предлагается рассмотреть экономическую историю республиканской Турции с точки зрения особенностей свойственной ее отдельным периодам монетарной и фискальной политики как постоянно использующихся инструментов государственного экономического регулирования независимо от масштабов непосредственного участия государства в производственной деятельности, то есть в том числе, и за границами периода «переходности». Возможно, в ходе такого рода анализа выявится, что государственная финансовая политика в свою очередь испытывала на себе влияние этатистских подходов или же традиций государственного патернализма. Но речь будет идти лишь об их влиянии на специфику использования тех инструментов государственной экономической политики, которые можно назвать универсальными, то есть применяющимися в любой современной системе развития.

2.2 Макроэкономический анализ развития Турецкой Республики во второй половине XX в.

Итак, настоящий раздел работы будет посвящена исследованию развитию экономики Турции второй половины XX века методами современного экономического анализа, которые представляются одной из возможных альтернатив рассмотренному выше пониманию экономической эволюции Турции как процесса постепенного изменения (уменьшения) роли госсектора в воспроизводственных процессах. Основным объектом анализа является государственная финансовая политика и ее влияние на ход и темпы экономического роста.

2.2.1 1950-е годы – переход к инфляционному росту

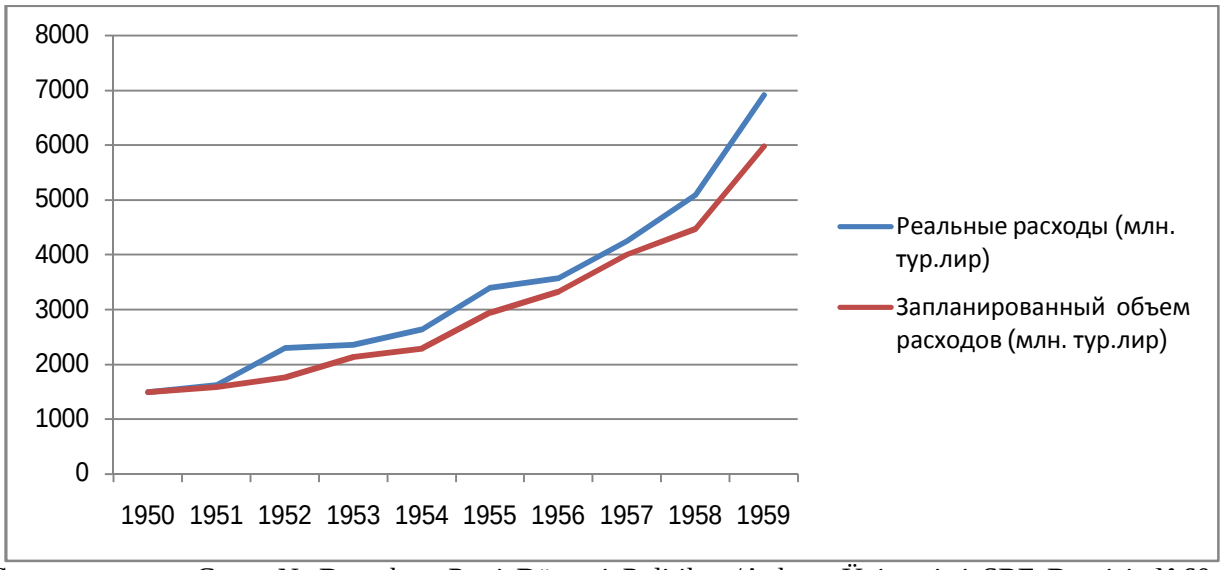
50-е годы XX в. – переломный период в экономической истории Турции. Республика впервые получила возможность воспользоваться плодами перехода к многопартийной системе: основанная М.К.Ататюрком и

бессменно находившаяся у власти свыше четверти века Народно-республиканская партия (НРП) была отстранена от власти в 1950-м г., когда оппозиционная Демократическая партия (ДП) по итогам убедительной победы на парламентских выборах сформировала свое правительство. Период правления ДП продлился до 1960 г.

Одна из характерных особенностей подхода ДП к государственному финансовому управлению заключалась в активной бюджетной политике, проявившейся главным образом в том, что финансовые масштабы вмешательства в экономику через бюджетный механизм превосходили, в отличие от предыдущих лет, объем государственных доходов, то есть бюджеты стали дефицитными, а реальный размер расходов неизменно превосходил запланированный (см. рис.1).

Рисунок 1

Реальные и запланированные бюджетные расходы (1950-1959 гг.)



Составлено по: Coşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi, №60-1 (Ocak-Mart 2005). S. 42.

Тем не менее, устойчивого длительного повышения уровня бюджетных расходов относительно ВНП[108] не наблюдалось (см. табл.1).

Таблица 1

Динамика абсолютных и относительных размеров расходов основного бюджета в 1950-е гг.

Годы	ВНП (млн. тур. лир, текущие цены) (1)	Суммарные бюджетные расходы (2)	2/1 (%)
1950	9 694	1 467	15,1
1951	11 644	1 591	13,6
1952	13 389	2 249	16,7
1953	15 607	2 294	14,7
1954	15 915	2 565	16,1
1955	19117	3 309	17,3
1956	22 047	3 487	15,8
1957	29 310	4163	14,2
1958	35 000	4977	14,2
1959	43 670	6 728	15,4

Составлено и рассчитано по: İstatistik göstergeler 1923-2008.Ankara, Türkiye İstatistik Kurumu, 2009. S.634, 691.

Отметим, что основной бюджет (в терминологии Е. И. Уразовой «центральный») представлял собой преобладающую часть консолидированного бюджета, включающего также автономные бюджеты (главным образом, бюджеты государственный организаций, осуществляющих инфраструктурные проекты) и бюджеты местных органов власти. При этом основной бюджет в рассматриваемый период аккумулировал и перераспределял около 90% бюджетных доходов. Итак, согласно данным таблицы 1, расходная бюджетная политика 1950-х гг. может считаться активной главным образом на фоне относительно

[108] На протяжении длительного периода существования Турецкой Республики в качестве основного показателя системы национальных счетов использовался ВНП. ВВП методом конечного использования начал рассчитываться с 1993 г., а распределительным методом (как сумма первичных доходов) - с 1996 г.

пассивной политики по мобилизации государственных доходов, о чем подробнее будет сказано ниже.

В востоковедной литературе советского периода широко распространенным стало мнение о том, что одним из основных факторов высокого уровня бюджетных расходов в Турции 1950-х гг. стал резкое увеличение затрат на оборону, обусловленное вступлением страны в НАТО в 1952 г. «Основной причиной роста государственных расходов является непомерное увеличение прямых и косвенных военных ассигнований - писала Е.И.Уразова. - Только прямые военные расходы, идущие на содержание раздутых вооруженных сил и на другие мероприятия, выросли с 519 млн. тур. лир в 1950 г. до 959 млн. лир в 1958 г., т.е почти в два раза»[109]. Согласно приведенным ею данным, расходы на сооружение стратегических дорог, военных портов, аэродромов и других военных объектов за 1950-1958 гг. выросли более, чем в пять раз[110]. Весьма категоричное указание на истоки бюджетных проблем Турции 1950-х годов приводится в коллективной монографии «Новейшая история Турции»: «…государственный бюджет Турции в период правления ДП был бюджетом гонки вооружений и “холодной войны”, усиленной милитаризации страны»[111]. Е.И. Уразова также отмечает принципиальное значение того факта, что имел место именно огромный рост прямых и косвенных военных расходов, составлявших около 40% государственного бюджета страны в связи с тем, что многие турецкие экономисты пытались его игнорировать, связывая увеличение расходов исключительно с ростом инвестиций в экономику по линии государственного сектора[112].

Но, по всей видимости, столь категоричный характер оценок испытывал на себе влияние общего негативного восприятия руководством

---

[109] Уразова Е.И. К вопросу об инфляции в Турции в 1950-х годах/ Вопросы государственных финансов, кредита и денежного обращения стран Азии. М., 1962, С.73.
[110] Там же.
[111] Новейшая история Турции. М., Издательство «Наука» Главная редакция восточной литературы, 1968. С.258.
[112] Уразова Е.И. К вопросу об инфляции в Турции в 1950-х годах. С.74.

СССР факта вступления Турции в НАТО в 1952 г. Тем более, что это событие стало для советской стороны своего рода неблагоприятным итогом кризиса двусторонних отношений, развивавшегося еще с 1945 г. Его причиной стало предъявление советским руководством Турции территориальных требований, состоявших в возврате части территории Грузии и Армении, которые были переданы Турции по Московскому договору 1921 г. После смерти Сталина в 1953 г. советское правительство обратилось к Турции с так называемой отказной нотой, в которой сообщалось, что «во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции». Тем не менее, точка возврата в советско-турецких отношениях оказалась пройденной, в том числе, благодаря вступлению Турции в НАТО, и смягчение позиции СССР не смогло положить начало улучшению отношений двух стран.

Выступая 31 октября 1959 г. перед Верховным Советом СССР, его председатель Н.С. Хрущев, иронически прокомментировал участие Турции в НАТО и СЕНТО, заметив, что турецкие руководители присоединились бы к любому «ТО», для того, чтобы добиться получения помощи. Оценивая результаты участия Турции в военных блоках, он заявил: «Территория Турции полностью превращена в плацдарм… Не раз уже мы объясняли опасность, которую таит в себе нынешний внешнеполитический курс Турции…»[113].

Проанализируем подробнее основные направления бюджетных расходов в годы правления ДП, используя данные, приведенные турецкой исследовательницей Н. Джешар (см. таблицу 2)[114].

[113] АВП РФ. Ф.132. Оп.50, П.152, Д.19, л.83-84.
[114] Coşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi, №60-1. S. 44.

Таблица 2

Доля расходов на оборону и инвестиции в консолидированном бюджете Турции в 1950-е гг. (%)

	1950	**1953**	**1955**	**1956**	**1957**	**1958**	**1959**
Расходы на оборону	22,4	26,9	33,5	26,2	…	…	24,6
Инвестиционные расходы	14,2	22,1	27,4	….	28,9	29,9	29,9

Составлено по: Ceşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi, №60-1. S. 44.

Как оборона, так и инвестиции являлись важными направлениями использования средств государственного бюджета. Но если расходы на оборону в относительном исчислении снижались после 1955 г., то - на инвестиции, напротив, росли на протяжении всего периода 1950-х, что позволило им, по крайней мере, к концу десятилетия обогнать по удельному весу военные расходы правительства.

Американский исследователь М. Сингер, автор известной и широко цитируемой в турецкой экономической литературе и в наши дни работы «Экономическое развитие Турции, 1938-1960», также отмечает снижение уровня расходов на оборону относительно общего объема инвестиций в национальную экономику за период 1950-х гг. почти в два раза - с 44,2% в 1950 г. до 22, 2% в 1960 г. Одновременно он приводит данные, свидетельствующие о некотором снижении доли военных расходов и в ВНП страны, и в расходах основного бюджета к концу 1950-х гг. (см. табл. 3).

Таблица 3

Абсолютный и относительный объемы военных расходов Турции

Годы	Расходы на национальную оборону (млн. тур. лир)	Доля расходов на нац. оборону в ВНП страны (%)	Уровень расходов на оборону относительно суммарных инвестиционных расходов (%)	Доля расходов на оборону в суммарных расходах основного бюджета (%)

1950	441,7	4,25	44,2	30,1
1951	468,0	3,81	37,1	29,4
1952	611,0	4,27	33,3	27,2
1953	711,1	4,23	34,1	31,0
1954	833,6	4,87	33,1	32,5
1955	1 160,8	5,51	38,6	35,1
1956	979,5	4,03	30,0	28,1
1957	1 060,1	3,47	26,4	25,5
1958	1 396,5	3,87	27,7	28,1
1959	1 736,1	3,88	24,8	25,8
1960	1 727,5	3,53	22,2	23,4

Источник: Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. Ankara, Turkey Economıc Society Publications,1977. P.414.

В то же время, Е.И.Уразова приводит оценки, согласно которым на сооружение объектов военной инфраструктуры приходилось свыше 65% капитальных вложений из средств бюджета[115].

В работе М. Сингера мы также находим подтверждение того факта, что с 1955 г. государственные инвестиции включали капитальные расходы на национальную оборону[116]. Но даже приняв во внимание значительную компоненту затрат на объекты военной инфраструктуры в инвестиционных расходах бюджета, следует признать, что убедительный рост доли государственных инвестиций в структуре расходов основного и присоединенного бюджетов с 15% в 1950 г. до 27% в 1957 г.[117], а параллельно и в структуре использования ВНП с 3,7% в 1950 г. до 7-8% к концу периода[118], означал заметный рост и инвестиционных расходов невоенного назначения.

[115] Уразова Е.И. К вопросу об инфляции в Турции в 1950-х годах. С.73.
[116] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. Ankara, Turkish Economic Society Publications, 1977. Chapter V, Table 1.
[117] Budget Speech 1957. Delivered by The Minister of Finance At the Plenary Session of the grand National Assembly of Turkey, February 20, 1957 and The answers given by The Minister of Finance To the Criticisms of the Spokesmen of the Opposition Parties during the general discussion of the 1957 Budget Bills at the Plenary Session of the Grand National Assembly. Istanbul, 1957. P.42.
[118] Ibid, Table 3.

Итак, несомненно, что в 1950-е годы экономика Турции и турецкий бюджет находились под значительным прессингом военных расходов. Тем не менее, все же следует признать и подтверждаемый статистикой рост объемов инвестиций в качестве одного из важных направлений бюджетных расходов Турции[119]. Н. Джошар, подчеркивала, что «Демократическая партия придавала первостепенное значение росту инвестиционных расходов в бюджете»[120]. Это же отмечал и М. Сингер, ссылаясь на мнение одного из современников, который комментируя «инвестиционный статус» Турции в 1955 г. писал, что «Турция сходила с ума по проектам гидростанций, цементных и сахарных и прочих заводов, число и размеры которых не были ни необходимыми, ни разумными»[121]. Собственно нацеленность на активный инвестиционный процесс неоднократно заявлялась и в партийных и правительственных документах 1950-х. Так, в докладе министра финансов о бюджете на 1957 г. подчеркивалось, что «правительство с самого начала своей деятельности приняло экономическое развитие страны как принципиальную задачу и до сегодняшнего дня придерживается

[119] О грандиозных масштабах строительно-инвестиционной деятельности правительства ДП позволяет судить доклад министра финансов Х.Полаткана о бюджете на 1960 г. Так, после прихода к власти правительством была принята программа строительства 19 плотин. К 1960 г. было построено 9, в результате чего суммарный объем водохранилищ по сравнению с 1950 г. вырос в 80 раз с 157 млн. м куб .до 13 млрд. м куб., площадь земель, защищенных от наводнений увеличилась с 567 тыс. донюмов до 4 млн. 807 тыс. донюмов, а площадь орошаемых земель – с 577 тыс. донюмов до 1 млн. 521 тыс. донюмов. Сумма капиталовложений в энергетику за годы правления ДП возросла в 23 раза (!), что позволило увеличить производство электроэнергии в 3 раза, а потребление с 35квт/ч на душу населения до 95 квт/ч. С 1950 по 1959 гг. совместными усилиями государства и частного сектора в различные отрасли обрабатывающей промышленности было вложено 8 млрд. 198 млн. тур. лир, что в 9 раз превысило капиталовложения, сделанные за весь предшествующий период развития республики, численность предприятий выросло в 4,2 раза, количество рабочих мест – в 3 раза, производственный мощности – в 7,5 раз, объем производства – в 6 раз. При этом производство продукции текстильной промышленности выросло в 3 раза, составив 785 млн. метров, производство цемента - почти в 5 раз с 395 тыс. тонн до 1 млн. 963 тыс. тонн. В 1955 г. в страну было импортировано 811 тыс. тонн цемента, в 1958 г. импорт сократился до 20 тыс. тонн, а с 1959 г. страна отказалась от ввоза цемента и сумела осуществить его экспорт в объеме 100 тыс. тонн. Производство сахара в Турции с 1950 по 1959 гг. возросло более, чем в 3,5 раза со 137 тыс. тонн до 500 тыс. тонн, что позволило стране в 1959 г. осуществить его экспорт в объеме 200 тыс. тонн. За время правления ДП 300 млн. тур. лир было вложено в увеличение мощностей Карабюкского металлургического комбината, тогда как до 1949 г. было вложено лишь 29 млн. лир. В итоге производство тонкостенных труб возросло на 101%, водопроводных труб – на 264%, производство проката – на 234%, стали - на 228%. Производство целлюлозо-бумажной продукции с 1950 г. выросло в 3 раза. За прошедшие 9 лет значительно возросла протяженность дорог различных категорий: дорог, пригодных для движения в любое время года - с 17 465 км до 40 800 км, асфальтированных шоссе – с 1 624 км до 6 200 км, перворазрядных государственных дорог – с 1 280 км до 7 070 км, кроме того было построено 1034 моста общей протяженностью 37 164 метра/ Подробнее см.: АВП РФ, Фонд «Референтура по Турции», Год 1960, Оп.50, П.151, Д.16, Л.142-164.

[120] Coşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası. S. 44.

[121] Там же. С.333.

нацеленности на поощрение и расширение производства посредством мобилизации национальных ресурсов и *значительных капитальных инвестиций»*[122] (курсив Н.У.).

В итоге, по оценкам Государственной комиссии по планированию, доля инвестиций в основной капитал в ВНП страны с 9,65% в 1950 г. выросла до 15,89% к 1960 г.[123], что стало результатом их среднегодовых темпов роста в 6,7%[124].

О масштабах инвестиционной деятельности, осуществлявшейся по линии уже действовавших государственных компаний (государственных экономических организаций) свидетельствуют и данные таблицы 4.

Таблица 4

Объем чистой операционной прибыли, инвестиций и бюджетного финансирования, привлеченный государственными промышленными компаниями по итогам 1951-1960 гг. (млн. тур. лир)

Отрасль экономики	Операционная прибыль	Объем инвестиций	Привлеченный объем государственного финансирования
Транспорт и связь	1 363	1 857	494
Электроэнергетика	8	755	747
Промышленность	**2 044**	**3 059**	**1 015**
Обрабатывающая	1 578	2 308	730
Добывающая	466	751	285
Госмонополии	1 101	163	- 938
Вспомогательные производства	562	668	- 106
Прочее	386	225	- 161
Итого	5 464	6 727	1 263

Источник: Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. Ankara, Turkey Economıc Society Publications, 1977. P. 354.

Анализ данных таблицы 4 указывает на то, что инвестиционная активность государственных компаний существенно выходила за рамки

[122] Budget Speech 1957. P.11.
[123] Ibid.
[124] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.333.

возможностей самофинансирования, обеспечивавшихся объемом чистой операционной прибыли, и опиралась на дополнительные бюджетные субсидии в объеме пятой части суммарных инвестиционных расходов за 1951-1960 гг. При этом, если бы не деятельность отраслей, функционировавших в режиме государственной монополии и в силу этого имевших право на дополнительный доход в виде специализированных косвенных налогов, то доля государственного субсидирования в финансировании инвестиций увеличилась бы минимум до одной трети[125].

Вопрос о месте и роли государственных предприятий в экономическом развитии Турции в 1950-е гг. получил наиболее детальную разработку в исследованиях Н.Г. Киреева. Он обращал внимание на заметный разрыв между программными обещаниями Демократической партии «насколько возможно, сократить участие государства в экономической деятельности и расширить сферу деятельности частной инициативы» и реальной экономической практикой правительства ДП[126].

Дело в том, что одной из важных проблем развития экономики Турции в 1950-е гг. стал внешнеторговый дефицит, который оказался неизбежным результатом либерализации импорта, продиктованной как целями насыщения потребительского рынка, так и обеспечения доступа предпринимателей к инвестиционным товарам. Но экспортные возможности страны, как и прежде, оставались весьма ограниченными. Комментируя проблему недостаточной диверсификации турецкого экспорта в 1950-е гг., известная турецкая исследовательница Г.Казган, отмечала, что, начиная с 20-х годов, он неизменно был представлен 5-6 наименованиями сельскохозяйственного сырья: табаком, хлопком, фундуком, изюмом, инжиром[127]. Но если в 1950 г. размер дефицита измерялся относительно скромной цифрой в 22 млн. долл., то уже в 1952 г. он достиг 193 млн.

[125]Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.353

[126]См.: Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. М., 1991. С.126-127.

[127] Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. İstanbul, İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2002. S..93.

долл.[128] В итоге после короткого периода существенного сужения масштабов использования импортных ограничений в 1953 г. правительство было вынуждено придать импорту разрешительный характер и лимитировать ввоз товаров через систему строгого лицензирования, квот и валютных ограничений.

Снижение объемов импорта коснулось не только потребительских, но и инвестиционных и сырьевых товаров. Так стоимость импорта продукции машиностроения снизилась к 1958 г. по сравнению с 1952 г. почти в два раза[129]. Недостаток сырья, промежуточных материалов, оборудования и запасных частей привел к ощутимому снижению объема производства и росту цен на промышленную продукцию. В наибольшей мере пострадало производство шерстяных тканей, резиновых изделий, металлопродукции, химических продуктов и пластмасс. Поэтому именно во второй половине 1950-х гг. началась активизация предпринимательской деятельности государства в связи с попытками наладить импортзамещающее производство, а с 1956 г. объем государственных инвестиций в основной капитал превосходил объем частных.

Анализируя причины, в силу которых государственные экономические предприятия не демонстрировали уровень прибыльности, достаточный для финансирования их инвестиционных потребностей,
М. Сингер отмечал, что они, очевидно, не были связаны с ростом заработной платы. Так, например, в 1954 г. на государственных предприятиях она выросла на 13%, тогда как рост стоимости жизни составил 15%, в целом же за период с 1953 по 1963 гг. ежегодный рост реальной заработной платы составлял 1%. Сложное финансовое положение госпредприятий М.Сингер связывал, во-первых, с отсталой системой управления, и, во-вторых, - с системой ценообразования на продукцию госпредприятий. Правительство А. Мендереса препятствовало повышению

[128] Ibid. S.85.
[129] Ibid. S.396.

цен на продукцию госпредприятий. Особенно жесткую позицию по этому вопросу оно занимало до середины 50-х гг., считая стабильные цены на госпродукцию средством борьбы с инфляцией. При этом на коммунальные предприятия возлагалась функция предоставления населению важнейших услуг по доступным ценам. Продавая свою продукцию по более низким ценам в целях защиты конечных потребителей, государственные предприятия одновременно были вынуждены закупать сырье по более высоким ценам для поддержки производителей добывающих отраслей. Так или иначе, но по имеющимся оценкам, в 1959 г. государственные предприятия реально владели лишь 45% своих активов, тогда как остальная часть приходилась на долги[130]. Но по свидетельству одного из современников, «сами государственные предприятия не особо беспокоились о ценах на свою продукцию: если их прибыли были низкими или же они терпели убытки, они просто писали письма в инстанции»[131]. Представители государственных предприятий в 1950-е годы весьма часто появлялись в кредитном департаменте Центрального банка с гарантированными Казначейством долговыми обязательствами. «Фактически для многих государственных компаний стало весьма обычным делом покрывать свои дефициты подобным образом» - резюмировал М.Сингер[132]. Очевидно, что сложившаяся система ценообразования выступала значительно более существенным фактором финансовых проблем госпредприятий, чем недостатки системы управления, так как сама возможность эффективного управления представляется сомнительной в условиях регулируемого государством ценообразования. Таким образом, убыточность госпредприятий следует признать неизбежным следствием их функционирования в заданных государством условиях ограничения экономической свободы.

---

[130] Подсчитано по: Torunç. O.N. Türkiyde İktisadi Devlet Teşekküllerinın Reorganizasyonu. İstambul, 1966., S.313.

[131] Singer M Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.352.

[132] Ibid. P.350.

Наряду с государственными инвестициями, в том числе и теми, которые обеспечивали деятельность и развитие уже существовавших государственных предприятий, важнейшими направлениями использования средств бюджета в период правления ДП являлась поддержка сельского хозяйства**.** Начавшийся в период правления ДП процесс активного использования методов государственного регулирования сельского хозяйства подробно исследован в работах отечественного экономиста-востоковеда П.П. Моисеева. Он писал: «…именно в период правления ДП были четко сформулированы основные идеи и определены методы государственно-капиталистического регулирования сельского хозяйства, создавшие необходимые условия для подъема данной отрасли… при ДП госкапиталистическое регулирование стало фактором, постоянно сопутствующим социально-экономическому развитию аграрного сектора»[133]. К причинам, объясняющим значительное место, которое поддержка аграрного сектора заняла в экономической политике ДП, следует отнести, во-первых, значимость крестьянства в аграрной Турции середины XX века как численно преобладавшей электоральной массы. Большое значение имели и прочные политические связи демократов с являвшимися влиятельной силой крупными землевладельцами. Во-вторых, определенное влияние оказали и концепции экономического развития Турции, которые были разработаны американскими экспертами после активизации турецко-американских отношений. В этих концепциях отдавался приоритет именно аграрному сектору и связанным с ним отраслям обрабатывающей промышленности.

Основными формами государственной поддержки сельского хозяйства стали закупки государством по гарантированным ценам части продукции[134],

[133]Моисеев П.П. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., Восточная литература, 1994. С.62.

[134] Как отмечал П.П. Моисеев, “правительство ДП с целью закрепления своего влияния в деревне форсировало закупочные операции и неоднократно повышало гарантированные цены, которые нередко оказывались выше цен мирового рынка» (П.П.Моисеев. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., 1994. С.64).

льготные кредиты, снабжение хозяйств на выгодных условиях машинами и инвентарем.

Поддержка сельского хозяйства осуществлялась за счет кредитов государственного Сельскохозяйственного банка, в свою очередь, тесно связанного в своей деятельности с использованием бюджетных средств и опосредованно через правительство – средств Центрального банка. На постоянное использование в качестве источников ресурсов государственного сектора банковской системы Турции дотаций из государственного бюджета и льготных кредитов ЦБТР обращала внимание Е.И. Уразова[135]. В период с 1950 по 1953 гг. объем предоставленных им кредитов вырос в три раза, а в оставшиеся годы десятилетия - в два раза[136].

Активный рост государственных расходов не был поддержан адекватным ростом доходов, прежде всего налогов, составлявших по данным Е.И. Уразовой от 85 до 90% в общей массе доходов бюджета[137]. Отмененный в 1940 г. налог на сельхозпродукцию не был заменен иной формой прямого налога в аграрном секторе. В 1950 и 1954 гг. правительство Демократической партии предприняло попытки распространить подоходный налог на доходы, получаемые лицами, занятыми в сельском хозяйстве, но они так и не были доведены до конца. Кроме того, власти отменили налог на строительство дорог. В результате на протяжении 50-х гг. сельское население, хотя и обеспечивало производство 67% национального дохода, платило лишь два вида прямых налогов: налог на скот и налог на землю и строения. При этом ставка первого была снижена в 1951 г., в то время как фискальное значение второго снизилось в результате инфляции. В итоге, в сельском хозяйстве на налоговые выплаты приходилось лишь около 2% валовой прибыли, тогда как в промышленности – около 5%[138]. Поэтому,

---

[135] Уразова Е.И. Экономика Турции: от этатизма к рынку. С.141-142.
[136] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.349.
[137] Уразова Е.И. К вопросу об инфляции в Турции в 1950-х годах. С.74.
[138] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P. 366.

по справедливому замечанию Н.Джошар, бремя налогов сместилось на городские слои и получателей зарплаты. В 1950 г. в Турции был введен подоходный налог и налог на мелких производителей. Численность плательщиков подоходного налога в форме налога на прибыль возросла с 1651 в 1951 г. до 2214 в 1957 г. Но, несмотря на ее удвоение за пять лет, происходившее к тому же на фоне заметного повышения ВНП на душу населения, сумма налоговых сборов заметно не изменилась, что свидетельствовало о том, что налоговое законодательство и деятельность налоговых органов не отвечали требованиям фискальной эффективности. Дело заключалось в весьма благоприятном отношении правительства к доходам на капитал. Поэтому практически с самого начала прямое налогообложение было сведено к сбору личного подоходного налога при введении всевозможных скидок и освобождений при уплате налога на прибыль. Но при этом и уплата личного подоходного налога не стала в Турции широко распространенной практикой (104 тыс. налогоплательщиков в 1957 г. против 54 тыс. в 1951 г.), так что суммарные сборы от личного и корпоративного налогов оставались весьма скромными: в 1959 г. первый обеспечил сборы в объеме 3,8% ВНП, а второй – 0,5% ВНП[139]. В итоге ввиду нежелания премьер-министра А. Мендереса идти на непопулярные меры, расширяя охват системой прямого налогообложения, не удалось преодолеть структурную слабость налоговой системы страны. В структуре налоговых поступлений на протяжении всего десятилетия преобладали косвенные налоги (см. табл. 5).

[139]Ibid. P.367.

Таблица 5

Объем, структура налоговых поступлений, налоговая нагрузка и коэффициент эластичности налогов[140] (1950-1959)

Годы	Объем налоговых поступлений (млн. тур. лир)	Доля поступлений от косвенных налогов в суммарных налоговых поступлениях (%)	Доля поступлений от прямых налогов в суммарных налоговых поступлениях (%)	Налоговая нагрузка (% ВНП)	Коэффициент эластичности налогов
1950	1 242,1	64,0	36,0	12,8	0,66
1951	1 271,5	76,8	23,2	10,9	0, 02
1952	1 588,3	73,9	26,1	11,9	1,03
1953	1 853,3	70,9	29,1	11,9	1,63
1954	2 094,8	67,3	32,7	13,2	7,85
1955	2 481,7	67,1	32,9	13,0	1,04
1956	2 815,5	62,8	37,2	12,8	1,17
1957	3 271,4	64,1	35,9	11,2	0,29
1958	3 868,7	64,8	35,2	11,1	0,73
1959	5 376,2	65,7	34,3	12,3	1,91

Источник: Ceşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi, №60-1, S. 47.

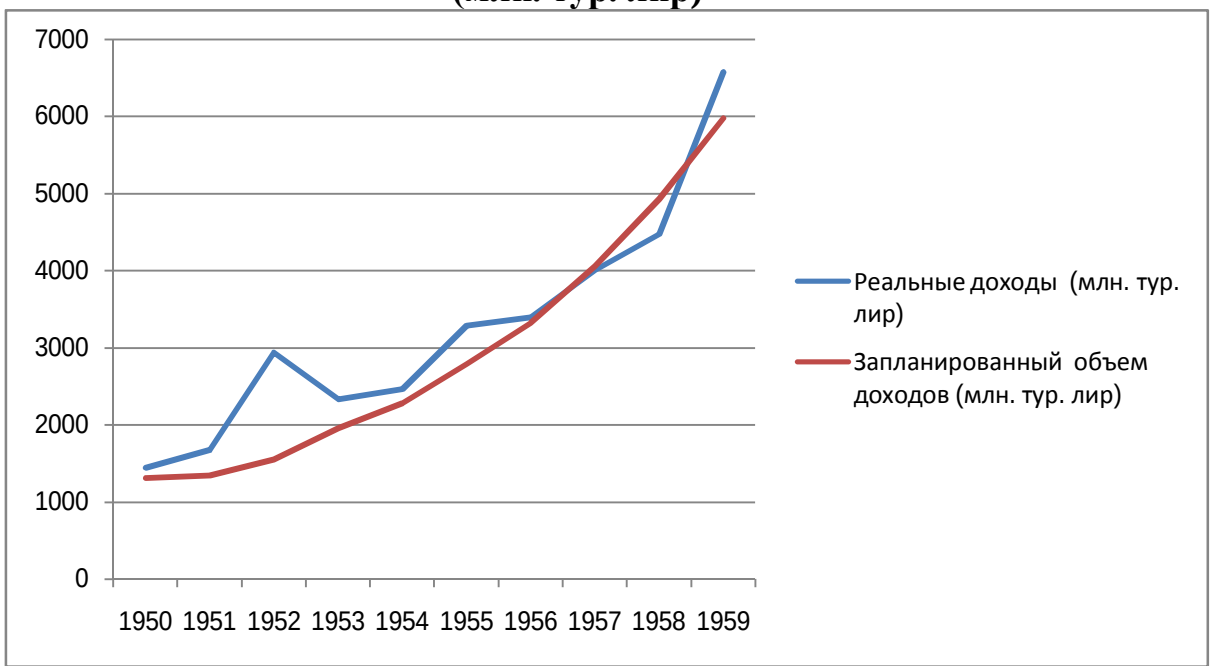
Что касается темпов роста налоговых поступлений относительно темпов роста ВНП (коэффициента эластичности налогов), то при весьма высокой мере разброса погодовых значений, среднее значение коэффициента в 1950-е гг. оставалось ниже единицы: 0,95- до 0,96[141]. То есть в целом для периода не был характерным рост налогов, опережавший рост экономики. В итоге значение налоговой квоты (доля налоговых сборов в ВНП) оставалось стабильно невысоким, а сам объем налоговых поступлений - «неадекватным» расходам. Тем не менее, следует обратить

[140] Коэффициент эластичности налогов - отношение темпа роста налогов сборов к темпам роста ВВП (ВНП). Его значение позволяет судить об опережающем роста первого или второго показателя.
[141] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.371.

внимание на то, что реальный объем собранных бюджетных доходов[142] практически постоянно превышал запланированный (см. рис.2)

Рисунок 2

Запланированный и реальный объем бюджетных доходов (млн. тур. лир)



Составлено по: Ceşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi, №60-1, S. 42.

В итоге, как предполагает М. Сингер, у правительства создавалось не совсем верное впечатление успешной налоговой политики, и оно не осознавало системные проблемы налогообложения.

Активная расходная политика правительства, не подкрепленная ростом налогов сборов (М. Сингер оценил период 50-х как характеризовавшийся государственной экономической экспансией без соответствующего контроля[143]), явилась причиной несбалансированности госбюджета Турции в 1950-е гг.: на смену незначительным профицитам и сравнительно скромным дефицитам начала 1950-х пришел устойчивый и заметно

[142] Речь идет о доходах основного бюджета.
[143] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.333.

выросший в абсолютном исчислении дефицит середины-конца десятилетия (см. табл.6). Что касается его размеров относительно ВНП, то в наиболее напряженные для бюджета 1954-59 гг., его среднее значение составило 0,7% - незначительный размер с точки зрения сегодняшней практики бюджетно-налоговой политики. Тем не менее, важно то, что было положено начало новой оказавшейся впоследствии устойчивой тенденции по сведению бюджета с дефицитом.

Таблица 6

Доходы, расходы и сальдо основного бюджета Турции (млн. тур. лир)

Годы	Доходы	Расходы	Сальдо	Сальдо/ВНП (%)
1950	1448,8	1495,6	-46,8	- 0,4
1951	1683,8	1626,3	57,6	0,5
1952	2293,7	2302,8	- 9,1	0,0
1953	2337,0	2354,3	-17,3	- 0,1
1954	2468,8	2637,7	-168,9	- 1,1
1955	3288,7	3394,3	-105,6	- 0,5
1956	3395,0	3577,4	-182,2	- 0,8
1957	4060,0	4256,2	-196,2	- 0,7
1958	4932,3	5087,2	-154,9	- 0,4
1959	6572,3	6914,2	-341,9	- 0,8

Составлено и рассчитано по: Ceşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi, № 60-1, S. 42.

В качестве важного источника дефицитного финансирования активно использовалась денежная эмиссия. По свидетельству экономиста Л.Б.Пирсона, «…быстрый рост денежного предложения на протяжении 50-х годов практически полностью объяснялся займами госсектора у Центрального банка. В период с 1950 по 1960 гг. суммарный долг государственного сектора возрастал ежегодно на 20%, половина этой суммы приходилась на различные операции по поддержке сельского хозяйства,

четвертая часть - на займы Казначейства, оставшаяся часть - на займы государственных экономических организаций (предприятий)»[144].

Выше упоминалось, что сельхозпроизводителям страны оказывал кредитную поддержку государственный Сельскохозяйственный банк. Но изначально, как отмечалось выше, дополнительные фонды для осуществления политики закупочных цен и прочих форм поддержки сельского хозяйства обеспечивал Центральный банк. Из данных таблицы 7, следует, что средняя доля кредитов, выделенных им для «вмешательства» в сельское хозяйство в период с 1952 по 1960 гг., составляла почти 40% от суммарного объема его кредитов, и на протяжении шести лет из девяти она превышала 50%. Данные таблицы позволяют установить и довольно тесную положительную связь между ростом объемом кредитов ЦБТР, в том числе сельскому хозяйству, и увеличением денежного предложения.

Таблица 7

Объем кредитов Центрального банка Турецкой Республики и динамика денежного предложения, 1952-1960 гг. (млн. тур. лир)

Годы	Объем кредитов сельскому хозяйству	Прочие кредиты	Суммарный объем кредитов	Прирост денежного предложения (М1)
1952	283	131	414	273
1953	175	127	302	377
1954	172	592	764	146
1955	- 148	794	646	702
1956	399	218	617	787
1957	572	394	966	835
1958	383	306	689	256
1959	- 88	379	291	875
1960	129	123	252	515
Итого за 1952-1960 гг.	1,877	3,064	4,941	4,766

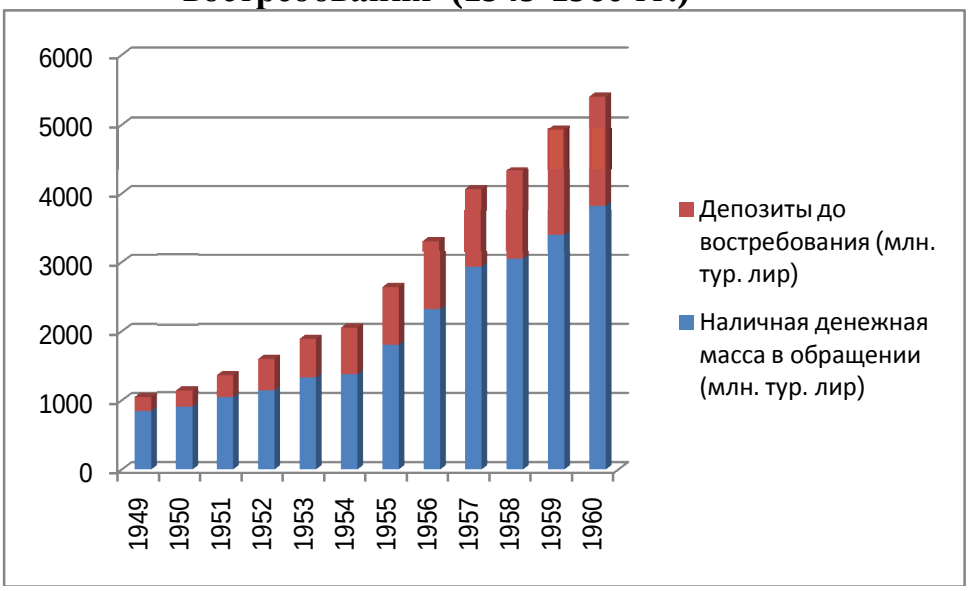
[144] L. Pearson. Partners in Development. New York, Praeger Publishes, 1969. P.320.

Источник: Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. Ankara, 1977, P.350.

Его уверенный поступательный рост отражен на рисунке 3.

Рисунок 3

Динамика наличной денежной массы и депозитов до востребования (1949-1960 гг.)



Составлено по: Singer M.. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.335.

Прирост денежного предложения, устойчиво и заметно опережая прирост предложения товаров и услуг, оборачивался ростом цен.

В результате экономика страны столкнулась в 50-е гг. с новой для себя проблемой инфляции: если в период с 1946 по 1952 гг. среднегодовой рост цен составил 2,2%, то в период с 1953 по 1959 гг. - почти 17%[145].

По мнению М.Сингера, денежная политика властей являлась основной причиной инфляции в Турции в 1950-е годы: «Денежная масса возрастала ежегодно в среднем на 19,2%, при этом 10,5% в год питало инфляцию, из оставшейся части 6% поглощалось реальным экономическим ростом, 2% - снижением скорости обращения денег, остальные 0,7% - статистическая

[145] Turkish Financial History: from the Ottoman Empire to the Present - Volume II "From the Foundation of Republic to the Present". Istanbul, Istanbul Stock Exchange, 1999. P. 245.

погрешность… Роль Центрального банка в росте инфляции являлась значительной из-за его неспособности использовать инструменты по ограничению денежного предложения…»[146]. Комментируя оценку М. Сингера, следует обратить внимание на два момента. Во-первых, что касается темпов экономического роста страны, то они не были равномерными на протяжении всего периода 1950-х гг.: наиболее высокого уровня они достигли в 1950-1953 гг., когда среднегодовые показатели превышали 11% (См. таблицу 1 в Приложении). По мере все более явственно обнаруживавшихся противоречий в экономической стратегии демократов произошло и снижение темпов роста. Кроме того, свою отрицательную роль сыграл и крайне неудачный для сельского хозяйства засушливый 1954 г. Поэтому в период с 1954 по 1958 гг. среднегодовые темпы роста снизились до 4,1%. В 1959-1961 г. произошло их дальнейшее снижение до 3,1% , при этом в сельском хозяйстве они были отрицательными – (- 1,5%)[147]. Таким образом, если активный рост денежного предложения (стимулирующую кредитно-денежную политику) в начале периода еще можно считать более или менее оправданным целью повышения темпов роста экономики, то в последующие годы он все более превращался исключительно в питательную почву инфляции. М. Сингер уточнял: «В первые годы десятилетия рост денежной массы обеспечивал рост реального продукта, тогда как позднее он провоцировал в гораздо большей степени рост цен, чем ускорение роста экономики»[148].

Что касается «беспомощности» Центрального банка, то долгое время его статус определялся Законом о Центральном Банке Турецкой Республики (ЦБТР) № 1715 от 11 июня 1930 г. Закон был принят с целью оградить страну от неблагоприятного влияния мирового экономического кризиса конца 1920-х- начала 1930-х гг. и обеспечить стабильность национальной

[146] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.339,348.
[147] G.Kazgan. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S.92.
[148] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P..337.

валюты. ЦБТР был присвоен статус акционерной компании. Распределение его капитала между акционерами должно была стать гарантией от политического давления на банк в вопросах осуществления кредитно-денежной политики. При этом доля казначейства в капитале ЦБТР не должна была превышать 15%[149]. Таким образом, при создании ЦБТР в основу концепции его функционирования была заложена идея независимости от государства. Тем не менее, после принятия закона он неоднократно пересматривался с тем, чтобы, по словам турецкого экономиста О. Акгюча обеспечить «предоставление Центральным банком все большего объема кредитов казначейству и государственным экономическим организациям». Развивая эту мысль, Акгюч писал: «Были узаконены методы их прямого финансирования ЦБТР, который со временем утратил значительную часть своей независимости от государства и Министерства финансов; существовавшие поначалу жесткие ограничения на выпуск денег вскоре были ослаблены, акцент в основных задачах банка с проведения эффективной денежной политики и участия в подъеме экономики сместился в пользу покрытия дефицита госфинансов…ЦБТР приобрел статус банка, покрывавшего дефицит государственного сектора»[150].

Свою лепту в изменение статуса и функций Центрального банка внесло и правительство ДП, которое оппозиция обвинила в том, что оно превратило ЦБ в «робота, созданного для того, чтобы обеспечивать финансовые нужды правительства посредством печатания денег, что стало его основной функцией»[151]. И действительно, в 1955 г. последовала отмена ранее действовавшего закона, который ограничивал рост авансов Центрального Банка Турции Казначейству ростом активов ЦБТР, включая резервы. Отныне Казначейство могло рассчитывать на объем финансирования со стороны Центрального банка в объеме до 15% от текущих бюджетных

[149] Akgüç Ö. 100 soruda Türkiyede bankacılık. İstanbul, Gerçek Yayınevi, 1992. S..136.
[150] Ibid. S.141.
[151] Budget Speech 1957. P.125.

расходов[152]. Парируя это обвинение, министр финансов действовавшего правительства подчеркивал, что изменения, привнесенные в закон о ЦБТР за годы правления ДП, были направлены лишь на унификацию и установление лимитов на авансы ЦБТР Казначейству, поскольку правительство, будучи финансовым агентом бюджета, действительно использует авансы, но их размеры ограничены необходимостью»[153]. В качестве заслуги правительства министр отметил то обстоятельство, что существенно снизилась доля Казначейства (государства) в использовании кредитов ЦБТР: если в 1950 г. она составляла свыше 60%, что при этом не являлось историческим максимумом, достигнутым с момента учреждения национального Центрального банка, то за годы правления ДП на государство в среднем приходилось менее 40%. В итоге удалось повысить долю кредитов на нужды торговли и сельского хозяйства. Министр подчеркнул, что кредитный портфель ЦБ вырос за семь лет правления ДП на 2 млрд. 736 млн. тур. лир., тогда как в 1950 г. он насчитывал всего около 880 млн. лир. Объясняя это, безусловно, положительное, на его взгляд, обстоятельство, он подчеркнул, что администрация ДП, активируя все возможности для роста производства национальной экономики и развивая ее посредством использования всех возможностей, сделала акцент и на использовании потенциала участия со стороны ЦБТР[154].

Таким образом, при очистке сказанного от пропагандистского пафоса министра, оказывается, что и абсолютный объем кредитов ЦБ, использовавшийся Казначейством, не снизился, несмотря на то, что произошло сокращение его доли, а сам совокупный объем кредитов ЦБ,

[152]Bakir C. Merkezdeki Banka. Turkiye Cumhuriyet Merkez Bankasi ve Uluslararasi Bir Karsilastirma. Istanbul, Istanbul Bilgi Universitesi Yayinlari 173, Ekonomi 11, 2007. S.45.
[153]Budget Speech 1957. P.125-126.
[154] Ibid, P.127-129.

распределявшийся через Сельскохозяйственный и другие коммерческие банки страны, существенно вырос[155].

Впрочем, по заверениям министра, «расширение денежного предложения, ставшее результатом роста кредитов, есть проявление здоровой политики…»[156].

Что касается неотвратимых инфляционных последствий кредитной экспансии, то Н.Окмена заявлял, что «не видит необходимости объяснять негативного влияния политики дезинфляции на развитие страны, вовлеченной в процесс экономического восстановления. Все мы испытали издержки подобной политики в прошлом и заплатили высокую цену за ее последствия»[157].

Казалось, не только министр финансов, но и правительство в целом не осознавали всей серьезности ситуации. Западные эксперты «умоляли» премьер-министра А.Мендереса пересмотреть политику, которая оборачивалась значительным ростом цен.

В декабре 1955 г. А.Мендерес выступил с речью перед парламентом Турции, в которой он изложил программу своего правительства по борьбе с инфляцией. Она предусматривала ограничение бюджетных расходов, сокращение финансирования со стороны Центрального банка, реструктуризацию сельскохозяйственных кредитов, переход части госпредприятий на самофинансирование. Данный список мер свидетельствовал о полной осведомленности правительства о тех шагах, которые следовало принять в том случае, если оно действительно желало взять инфляцию под контроль.

Тем не менее, несколько месяцев спустя, в середине 1956 г., правительство вместо обширной системы мер, перечисленных А. Мендересом в его речи, приняло закон о Национальной защите, избрав в

---

[155] Впрочем, перед лицом угроз, связанных с проводимой по настоянию властей кредитно-денежной политикой, ЦБТР все же пошел в 1956 г. на повышение процентных ставок – См. Ceşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası, S. 37.
[156] Budget Speech 1957. P.132
[157] Ibid. P.133.

качестве средства решения проблемы контроль над ценами, доходами и распределением. Местным органам власти, муниципалитетам и торговым палатам вменялось в обязанность устанавливать предельно допустимые цены на товары и тем самым ограничивать прибыли оптовиков, импортеров и розничных торговцев установленными пределами. Так, для охвата импорта системой ценового контроля, которая стала применяться на внутреннем рынке, был учрежден Комитет по контролю над ценами на импортные товары. Кроме того, закон предусматривал контроль над распределением товаров, в которых ощущался недостаток (в основном импортных), с тем, чтобы они не становились объектом спекуляций.

Как писал М.Сингер, невозможно было ожидать эффективности от закона, который был направлен против симптомов инфляции, а не против ее денежно-кредитных и структурных источников. Властям не удавалось справиться с продолжавшимся ростом цен. Недостаток некоторых видов товаров ограничивал рост производства, усиливал инфляцию и стимулировал развитие черного рынка. Рост оптовых цен в 1956 г. составил 16,7%, а в 1957 г. – 18,5%[158].

Развитие экономики Турции в 1950-е гг. происходило не только на фоне дефицита бюджета, но и хронического дефицита по счету текущих операций платежного баланса, что указывает на использование внешнего финансирования для покрытия избыточных государственных расходов. В результате начал расти внешний долг Турции, благо политическое, а затем и военное сближение с США стало предпосылкой для активной экономической поддержки Турции, с начала в рамках «доктрины Трумена», а затем «плана Маршалла». Кроме того, в 1947 г. Турция вступила в МБРР, который в 1950-е годы также начал выделять ей кредиты.

В эти годы привлечение внешних источников финансирования происходило в первую очередь по государственным каналам, главным

[158]Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.377-378.

образом, в форме программных кредитов: на протяжении 11 лет с 1950 по 1960 гг. их общий объем составил 1,1 млрд. долл. На данный вид кредитов пришлось порядка 3/5 от суммарного притока иностранного финансирования в Турцию за рассматриваемый период. Оставшаяся часть пришлась на частные источники иностранного капитала, в том числе прямые иностранные инвестиции, закон о поощрении которых правительство Демократической партии приняло в 1954 г., и торговые импортные кредиты[159].

Постоянное использование на протяжении 1950-х годов внешних источников финансирования имело для Турции тот положительный эффект, что позволяло в среднем профинансировать одну шестую часть инвестиций в основной капитал, снабжая экономику дополнительными ресурсами в размере 2,1 % ВНП[160] и позволяя ускорить темпы экономического роста. Однако оборотной стороной этой политики стало обострение проблемы внешнего долга, особенно в связи с высоким удельным весом в структуре заимствований дорогостоящих краткосрочных кредитов. Так, если в 1953 г. уровень долговых выплат к экспорту составлял весьма скромные 5%, то в 1955 г. этот показатель подскочил до 34%, а в 1957 г. он составил 24%[161].

В первой половине 1958 г. произошло резкое сокращение золотовалютных резервов Турции, правительство оказалось не в состоянии произвести расчеты по своим внешним долгам и признало себя банкротом. Подобное развитие событий дало основания Г.Казган охарактеризовать 50-е годы как период «бесконтрольной открытости»[162].

Обострение долговой проблемы и непрекращающийся рост цен вынудили правительство демократов принять в обмен на финансовую поддержку Запада стабилизационную программу, вошедшую в историю как

---

[159] G.Kazgan. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S.88.
[160] Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.405.
[161] G.Kazgan. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S.88.
[162] Ibid. S.92.

Программа от августа 1958 г. Эта программа должна была обеспечить повышение эффективности финансовой помощи Турции, предоставление которой стало более обременительным и для самих кредиторов в условиях кризиса 1957-1958 гг.[163], охватившего страны Запада и Японию и ставшего своего рода неизбежной реакцией на бурный экономический подъем 1953-1955 гг.[164]

Разработанная при участии экспертов МВФ программа предусматривала следующие меры:

- на протяжении двух лет правительство должно было применять систему специальных дополнительных налогов на импорт и премиальных выплат экспортерам, что означало фактическую девальвацию турецкой лиры применительно к внешнеторговым операциям;

- в рамках нового Закона о внешней торговле должна была быть произведена либерализация экспорта, в частности, лицензирование должно было сохраниться лишь в отношении ограниченной группы товаров, предложение которых на внутреннем рынке временами оказывалось недостаточным;

- постепенно по мере создания предпосылок в валютной сфере должна была осуществляться либерализация импорта, однако в краткосрочном периоде предполагалось сохранить систему его лицензирования и квотирования;

- вешние кредиторы Турции соглашались на консолидацию 256 млн.долл., составлявших сумму обслуживания внешнего долга, что означало предоставление турецкой стороне нового займа в оговоренном размере. Кроме того, была согласована новая схема погашения основной суммы долга в объеме 500 млн. долл.;

---

[163] В данном случае речь идет в основном о снижении темпов роста, остававшихся, тем не менее, положительными.

[164] См. подробнее: Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. Издание второе. М.: Книжный дом «Либриком», 2012. С.157- 159.

- упразднялась введенная в 1956 г. система контроля над ценами, вместо этого с целью установления контроля над денежным предложением вводились ограничения на банковские кредиты: был введен лимит на использование кредитов Центрального банка и на объем кредитов, которые могли предоставляться коммерческими банками. Кроме того, повышались процентные ставки по банковским кредитам;

- государственным предприятиям разрешалось повысить цены на свою продукцию при условии контроля за размерами своих текущих дефицитов;

Дефлятор ВНП по итогам 1959 г. составил 19,1%, а в 1960 г. этот показатель снизился до 5,5%, что позволило М. Сингеру оценить меры по правительства по снижению инфляции как достаточно действенные. Оценки турецкого экономиста Г.Казган характеризуются большей сдержанностью и акцентом на негативных последствиях антиинфляционных усилий властей: продолжившийся рост цен одновременно с сужением внутреннего рынка в условиях фискального сдерживания привел экономику в конце 50-х годов в состояние стагфляции. Кроме того, сокращение спроса привело к разорению большого числа мелких фирм и семи местных банков. «Турция переживала один из самых серьезных кризисов в своей истории» - заключает Г.Казган.

Одновременно она анализирует причины, в силу которых стране не удалось урегулировать проблему платежного баланса. Девальвация турецкой лиры неудачно совпала с повышением цен на товары турецкого импорта. В итоге рост экспорта не привел к сокращению внешнеторгового дефицита, более того, он заметно вырос с 68 млн. долл. в 1958 г. до 116 млн. и 147 млн. в 1959 и 1960 гг. соответственно[165].

Итак, результат нашего анализа приводит к довольно негативной оценке фискальной и кредитно-денежной политики демократов как априори ошибочной, авантюристичной и не согласующейся с основными канонами поддержания макроэкономического баланса. Правительство ДП не предприняло усилий для решения проблемы бюджетного дефицита, сделав

[165] Ibid. S.91-92.

ее хронической: не были предприняты шаги по ограничению расходов, вместе с тем не пересматривались и базовые подходы налоговой системы, то есть принципы мобилизации бюджетных доходов. Бюджетные дефициты покрывались за счет дополнительной денежной эмиссии, которой не противился попадавший во все более зависимое положение от правительства Центральный банк страны.

Правда, следует иметь в виду, что мировой экономический кризис 1929-1933 гг. предопределил возникновение новых научных направлений в экономической школе. Широкую популярность получила система взглядов, опирающихся на учение Дж. М. Кейнса, основные положения которого он изложил в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936)[166]. Отмечая существование определенных объективных ограничений для эффективного стимулирования потребителей и инвесторов, он настаивал на том, что стабильный экономический рост может обеспечить только активное вмешательство государства в экономику через расширение спроса на средства производства и новые инвестиции. По Дж. Кейнсу «увеличение инвестиций приводит к увеличению национального дохода общества, причем на величину большую, чем первоначальный рост инвестиций», в чем проявляется так называемый эффекта мультипликатора.

Таким образом, согласно Дж. Кейнсу, эффективность регулирования государством экономических процессов зависит от изыскания им средств на инвестиции и достижение полной занятости. Он полагал, что государственные инвестиции в случае их нехватки должны обеспечиваться выпуском дополнительных денег, а возможный дефицит бюджета будет нейтрализован по мере падения нормы процента, роста частных инвестиций повышения занятости.

Теория Дж. Кейнса, провозгласив отказ от идеи ежегодно сбалансированного бюджета как несовместимого с активным применением фискальной политики в качестве антициклического стабилизирующего

[166]Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента денег. Пер. с английского. М., Прогресс, 197 8.

инструмента, уже в 30-е годы послужила теоретико-методологической базой программ стабилизации экономики в ряде государств Европы и США.

Несомненно, что экономическая политика демократов с их сознательным допущением бюджетных дефицитов и мало динамичными налоговыми сборами находилась под сильным влиянием новых для того времени экономических идей. Углубление проблемы бюджетного дефицита пришлось как раз на период снижения темпов роста турецкой экономики (см. табл.8).

Таблица 8

Темпы роста ВНП Турции, 1950-1960 (%)

1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960
9,4	12,8	11,9	11,2	-3,0	7,9	3,2	7,8	4,5	4,1	3,4

Составлено по: Данные таблицы 1 Приложения.

Казалось бы, экономический спад 1954 г. оправдывал переход к тактике повышения государственных расходов. И действительно, дефицит бюджета вырос в абсолютном исчислении по сравнению с предыдущим годом почти в 10 раз.

Проблема демократов, очевидно, связана с тем, что механизм стимулирующей политики, будучи запущенным на полную мощность после 1953 г., не позволил вернуться к темпам роста начала десятилетия 1950-х. Сам Кейнс признавал, что «хотя в бедном обществе размеры мультипликатора сравнительно велики, влияние колебаний в размерах инвестиций на занятость окажется много сильней в богатом обществе, так как можно предположить, что именно в последнем текущие инвестиции составляют гораздо большую долю текущей продукции».

Важно подчеркнуть, что стимулирующая политика, будучи средством оживления экономики, все же допускает ограниченное по времени расширение государственных расходов на стадии снижения темпов роста с компенсацией дисбаланса в сфере госфинансов на стадии их повышения. Но

в Турции истовое использование механизмов поддержки экономического роста сопровождалось накоплением издержек данной модели, а их автоматического устранения на фоне относительно невысоких темпов роста не происходило. В этих условиях, очевидно, требовалось перенести акцент в действиях правительства на нейтрализацию последствий не вполне удавшегося эксперимента по разогреву экономики. Но в силу пока неясных нам причин правительство ДП не пожелало вернуться к сдерживающей политике предшественников и отказаться во имя стабилизации экономики, по крайней мере, на время от надежд на скорый экономический рост.

Авантюристичная экономическая политика правительства ДП стала одной из причин военного переворота, который произошел в стране в середине 1960 г. Министр финансов сформированного военными правительства Э. Алиджан охарактеризовал экономическую политику смещенного правительства как «расточительную и рассчитанную на внешний лоск»[167]. С ним соглашалась французская газета «Комба», которая в выпуске от 2 февраля 1960 г. писала: «Экономическая политика Мендереса была, конечно, грандиозной, рассчитанной на внешний эффект, честолюбивой, но также мало реалистичной и опасной для его же собственной страны»[168]. В итоге новое правительство заявило об отказе от реализации 40 и отсрочке реализации 129 из 279 проектов, на которые планировалось выделение средств в бюджете на 1960 г. «из соображений экономического и финансового положения страны»[169].

Итак, 1950-е годы стали первым десятилетием развития Турции в условиях ставшего хроническим и приобретавшим по мере приближения к концу десятилетия все более значительные размеры бюджетного дефицита, роста инфляции, наконец, усиливавшейся привязки к внешним источникам финансирования. Итогом первого цикла попыток ускорения роста

[167] АВП РФ. Ф.132, Оп.50, П.152Д.20, л.126.
[168] АВП РФ. Ф.132, Оп.50, П.152Д.20, л.110.
[169] АВП РФ. Ф.132, Оп.50, П.152, Д.21, л.78-79.

экономики посредством пренебрежения финансовой дисциплиной стал долговой кризис на фоне снижения темпов роста в 1960-1961 гг.

2.2.2 От частичной стабилизации 1960-х к углублению структурных дисбалансов и росту макроэкономической напряженности после нефтяного шока 1973 г.

Нарастание проблем в экономике Турции в последние годы правления ДП парламентская оппозиция связывала, в том числе с отсутствием планирования. В общественном мнении крепла уверенность в том, что экономические сложности во многом могут быть решены посредством обращения к плановому развитию. К концу 1950-х гг. в Турции действовали, по крайней мере, три влиятельные силы, заинтересованные в реализации этой идеи: гражданская и военная бюрократия, благодаря усилиям которой в начале 1960-х гг. и был принят закон об учреждении Государственной плановой организации; большинство национальных предпринимателей, которые были заинтересованы в осуществлении государством последовательной и предсказуемой политики импортзамещающей индустриализации; и, наконец, иностранные кредиторы Турции, прежде всего в лице учрежденного странами ОЭСР в 1962 г. Консорциума помощи Турции, интересам которых отвечало своевременное выполнение Турцией своих долговых обязательств, а этого можно было достичь лишь в условиях предсказуемого характера экономического развития страны.

В итоге плановый характер развития экономики был закреплен новой Конституцией 1961 г. Характеризуя 1960-е гг., П.П. Моисеев писал: «В экономической жизни – это период повышения хозяйственно-организующей роли государства, особенно в результате принятия стратегии долгосрочного планирования…»[170].

[170] Моисеев П.П. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., Восточная литература, 1994. С.77.

Реально возможным планирование в условиях Турции стало благодаря наличию сильного государственного сектора экономики, для которого установки плана носили обязательный характер (на протяжении 1960-70-х годов доля государства в инвестициях в основной капитал превышала 50%[171]), тогда как для частного - рекомендательный.

Следует подчеркнуть еще раз, что в 1960-70-е гг. власти Турции на основе использования планового подхода стремились провести импортзамещающую индустриализацию экономики страны. «На протяжении 1960-х импортзамещение было принято и легитимизировано в качестве сознательной стратегии развития…Главная цель механизма планирования заключалась в охвате импортзамещением наиболее продвинутых направлений экономической активности…» - писал турецкий экономист З.Ониш[172].

В 1960-1970-е годы в Турции происходила реализация трех пятилетних планов, охвативших соответственно 1963 -1967 гг., 1968-1972 гг. и 1973- 1977 гг. Реализации четвертого пятилетнего плана, которая должна была начаться в 1979 г., помешали экономический и политический кризис в стране.

Период с 1963 по 1974 гг. оказался весьма благоприятным для Турции с точки зрения динамики основных экономических показателей. Среднегодовые темпы экономического роста в годы первого пятилетнего плана развития составили 6,7% (см. табл.9) (10,6% - в промышленности, 3,7% - в сельском хозяйстве[173]). Среднегодовой рост цен составил всего лишь 5,2%.

В годы действия второго пятилетнего плана развития среднегодовые темпы экономического роста составили 6,6%, при этом для промышленности

---

[171] Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. Birinci Küreselleşmeden İkinci Küreselleşmeye. İstanbul, İstanbul Bilgi Ünıversitesi Yayınları 22, 2002. S.96.

[172] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. Istanbul, Boğazici Üniversity Press, 1998. P.34.

[173] Kazgan G. Tanzimattatn 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S.98.

данный показатель составил 9,9%, а для сельского хозяйства – 3,6%. В этот период цены росли в среднем на 10,2% в год (см. табл. 9).

Некоторое ускорение инфляции в годы второго плана все же далеко отставало от резкой активизации инфляционного тренда конца 1950-х гг., во второй половине которых темпы роста цен приблизились к 20% в год[174]. Усмирение инфляции во многом было достигнуто благодаря более сбалансированной бюджетной политике (см. табл 9).

Таблица 9

Некоторые показатели основного бюджета Турецкой Республики (1958-1979 гг.)

Годы	Доходы (млн. тур. лир)	Доходы/ВНП (%)	Расходы (млн. тур. лир)	Расходы/ВНП (%)	Сальдо (млн. тур. лир)	Сальдо/ВНП (%)
1958	4 822	13,8	4 977	14,2	- 155	- 0,4
1959	6 386	14,6	6 728	15,4	- 342	- 0,8
1960	6 933	14,8	7 320	15,6	- 387	- 0,8
1961	10 934	22,0	11 383	22,9	- 449	- 0,9
1962	9 018	15,8	9 118	15,9	- 100	- 0,1
1963	11 731	17,5	11 726	17,5	+ 5	0,0
1964	12 920	18,1	13 534	18,9	- 614	- 0,8
1965	13 588	17,7	14 488	18,9	- 9 00	- 1,2
1966	16 557	18,1	17 248	18,9	- 691	- 0,8
1967	20 387	20,0	20 288	19,9	+ 99	0,1
1968	20 630	12,5	21 322	13,0	- 692	- 0,5
1969	23 561	12,8	25 387	13,8	- 1826	-1,0
1970	31 295	15,0	32 866	15,8	- 1571	- 0,8
1971	39 413	15,0	46 688	17,8	- 7275	- 2,8
1972	50 952	16,2	51 337	16,3	- 385	- 0,1

[174] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P.36.

1973	61 434	15,4	64 813	16,2	- 3379	- 0,8
1974	73 575	13,5	78 282	14,5	- 4707	- 0,9
1975	112 828	16,3	114 228	16,5	- 1400	- 0,2
1976	150 716	17,3	155 028	17,8	- 4312	- 0,5
1977	196 235	17,6	240 216	21,6	- 43 981	- 4,0
1978	321 419	19,5	347 677	21,1	- 26 258	- 1,6
1979	546 481	19,0	611 412	21,3	-64 931	- 2,3

Составлено и рассчитано по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, 2012. S.635-636; 691-692.

Но редкие годы на протяжении рассматриваемого периода, когда бюджет был бездефицитным или имел слабо выраженный профицит, не позволяют говорить о возвращении страны к практике циклически сбалансированного бюджета 1930-х гг. Скорее он оставался хронически дефицитным, но размеры дефицита, редко превышавшего 1% ВНП, позволяют охарактеризовать 1960-е-первую половину 1970-х гг. как период весьма умеренных бюджетных дисбалансов.

При этом сбережения национальной экономики первоначально превышали объем валовых инвестиций в среднем на 0,1% ВНП в год, а в период исполнения второго пятилетнего плана – оказались ниже инвестиций, но разрыв, источником которого преимущественно являлся государственный сектор, в среднегодовом исчислении лишь чуть превосходил 1% ВНП. Однако при этом норма инвестиций на 1-5 процентных пункта превышала показатели конца 1950-х-начала 1960- гг. Одновременно этот период, особенно 1963-1967 гг., характеризовался довольно высоким отношением долговых выплат к доходам от экспорта - 37,9% (см. табл. 10).

Таблица 10

Некоторые показатели макроэкономического развития Турции (1959-1976 гг.)

Годы	Средне-	Средне-	Норма	Нома	Потребность	Отноше	Отношение

	годовые темпы роста ВНП (%) (1)	годовой уровень роста цен (%) (2)	инвестиций (%ВНП) (3)	сбережений национальной экономики (% ВНП) (4)	национальной экономики в использовании внешних источников финансирования (3-4)	ние экспорта к импорту (%) (5)	расходов по обслуживанию внешнего долга к экспорту (%) (6)
1959-1961	3,1	8,6	15,4	12,4	3,0	70,5	28,5
1963-1967	6,7	5,2	16,2	16,3	- 0,1	68,1	37,9
1968-1972	6,6	10,2	19,3	18,2	1,1	62,2	27,7
1973-1976	7,0	19,0	21,5	17,0	4,5	37,0	23,6

Составлено по: Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. Birinci Küreselleşmeden İkinci Küreselleşmeye. İstanbul, İstanbul Bilgi Ünıversitesi Yayınları 22, 2002. S.93.

Итак, в 1960-1970-е годы удалось приблизиться к цели поддержания развития на собственной основе, успешно решая при этом проблему погашения внешнего долга.

Тем не менее, за период исполнения первых двух пятилетних планов Турции так и не удалось решить проблему дефицита внешней торговли. В годы первого пятилетнего плана среднее отношение экспорта к импорту составило 68%, а в период второго плана оно снизилось до 62% (см. табл.10). Дело в том, что импорт достаточно устойчиво рос (см. табл.11), тогда как темпы роста экспорта оставались недостаточно высокими, а в отдельные годы стоимость вывоза даже снижалась.

Проблема дефицита внешней торговли, которая в рамках концепции планового развития формулировалась как проблема постоянного отставания экспорта от плановых наметок, стала одной из основных причин проведения в 1970 г. девальвации турецкой лиры: стоимость доллара с 9 турецких лир повысилась до 14,85 турецких лир. В результате уже в 1970 г. удалось достигнуть запланированного размера экспорта в объеме 600 млн. долл. Рост стоимости экспорта наблюдался и в следующем, 1971 г., причем он превзошел показатели, заложенные в годовую программу развития, почти на

30%. По итогам 1973 г. стоимость экспорта возросла до 1,3 млрд. долл.[175] Но даже подобный «прорыв» в сфере наращивания экспорта не позволил решить проблему внешнеторгового дефицита.

Турецкий исследователь З. Ониш ключевым фактором в проблеме несбалансированности внешней торговли в 1960-70-е гг. считает именно рост импорта, видя в нем проявление основного ограничения и внутреннего кризиса стратегии импортзамещения: «Стратегия импортзамещающей индустриализации, которая обеспечила быстрый рост на протяжении 1960-х гг. достигла своей «трудноразрешимой» или «трудной» стадии вначале 1970-х гг. Типичной для модели импортзамещения является ситуация, когда вслед за достижением замещения по потребительским товарам начинают нарастать дисбалансы, к числу основных из которых относится глубокая зависимость обрабатывающей промышленности от импорта про межуточных и инвестиционных товаров. Стратегия индустриализации и специфика внешнеторгового режима превратили экономику в весьма уязвимую к внешним шокам… »[176]. Согласно данным, приводимым З. Онишем, структурные сдвиги в импорте в годы проведения импортзамещающей индустриализации действительно заключались в заметном снижении доли потребительских товаров при сохранении или незначительном снижении доли инвестиционных и заметном росте доли сырья и промежуточных изделий на фоне весьма высоких темпов роста импорта на протяжении большей части периода (см. табл. 11).

Таблица 11

Структура и темпы роста импорта Турции (1950-1979 гг.)

Годы	**Доля потребительски товаров в общем объеме импорта**	**Доля инвестиционных товаров в общем объеме импорта**	**Доля сырья и промежуточны е материалов в общем объеме**	**Среднегодовые темпы роста импорта (%)**

[175]Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. Volume2. From the Foundation of the Republic to the Present. P. 292.
[176] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P.16.

	(%)	(%)	импорта (%)	
1950-1954	21,4	48,9	29,7	4,3
1955-1959	12,1	49,0	38,9	-19,4
1960-1964	7,4	46,5	46,1	32,0
1965-1969	5,2	45,8	49,0	- 0,4
1970-1974	4,6	44,6	50,8	18,0
1975-1979	3,0	36,0	59,0	-4,5

Составлено по: Öniş Z. Inflation and Importing Industrıalısation: An Interpretation of the Turkish Case/ State and Market. Istanbul, Boğaziçi Üniversity Press, 1998. P.36.

При прочих равных условиях, не преодолев дефицит внешней торговли, Турция неизбежно столкнулась бы с проблемой дефицита по счету текущих операций, а значит – и проблемой сохранения ощутимой привязки развития экономики к внешним источникам финансирования. Но счастливое для Турции обстоятельство заключалось в том, что в этот период в страну стали активно поступать валютные переводы от турецких граждан, оказавшихся в странах Западной Европы, прежде всего Германии. С начала 1960-х годов турки стали выезжать на заработки, благо экономический подъем в Германии предъявил спрос на дополнительные рабочие руки. Объем валютных поступлений, достигнув в короткие сроки 1 млрд. долл. в год, оказался сопоставим с доходами от экспорта страны[177]. Следует добавить, что вначале 1970-х годов Турция на протяжении некоторого времени благодаря девальвации, обеспечившей привлекательность цен внутреннего рынка для иностранцев, имела положительное сальдо доходов от туризма. Таким образом, Турция получила дополнительные источники валютных доходов, что позволило существенно снизить зависимость от внешних источников финансирования – обстоятельство тем более благоприятное, что приток прямых иностранных инвестиций оставался

[177] Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S.103.

незначительным: за 1970 -1973 гг. Турции удалось привлечь всего 56 млн. долл.[178]

В результате, если в 1972 г. дефицит по счету текущих операций составил 8 млн. долл., то уже 1973 г. валютные поступления по его статьям на 484 млн. превысили расходы. Валютные резервы страны составили 2 млрд. долл.[179] Таким образом, основные причины успеха Турции заключались не только и не столько в плановом развитии, хотя оно, видимо, позволило обеспечить некоторую консолидацию ресурсов и повысить эффективность их использования.

Достаточно благополучная картина экономического роста наряду с восстановлением в стране демократии послужили основанием для того, что в 1963 г. между Турцией и странами Общего рынка было подписано соглашение о присвоении Турции статуса ассоциированного члена данной организации и начале подготовке к образованию таможенного союза между странами ЕЭС и Турцией.

1974 год оказался поворотным в экономическом развитии Турции как год крайне неблагоприятной внешней конъюнктуры. Во-первых, произошел резкий скачок цен на нефть, которая импортировалась Турцией в значительном объеме. Во-вторых, из-за несогласия с политикой Турции по кипрскому вопросу США объявили ей военное, а страны Западной Европы - экономическое эмбарго.

Рост цен на нефть, вошедший в мировую экономическую историю как нефтяной кризис 1974 г., привел к резкому ухудшению условий внешней торговли для Турции: за период с 1972 по 1977 гг. ее импорт вырос на 4,2 млрд. долл. При этом на увеличение физического объема пришлось лишь 800 млн. долл. Из оставшихся 3,4 млрд. долл. 2,5 компенсировали рост цен

[178] Ibid. S.110.
[179] Ibid. S.103

на промышленные товары западных стран, а оставшиеся 900 млн. - рост цен на нефть и нефтепродукты[180].

Ситуация с импортом нефти усугублялась дополнительными факторами субъективного свойства: за десятилетия активного применения государственного регулирования экономики в Турецкой Республике сложился развитый механизм воздействия государства на систему ценообразования, который использовался, в том числе при формировании цен на нефть и нефтепродукты. Н.Г.Киреев отмечал, что Закон о нефти 1954 г. допускал возможность выплаты нефтяным компаниям разницы между государственной ценой на внутреннем рынке и мировыми ценами[181]. Поэтому резкое повышение мировых цен на нефть привело лишь к незначительному их подъему на турецком рынке. В то время как основная тенденция мировой экономики состояла в сокращении потребления нефти, продолжавшееся субсидирование цен в Турции обусловило резкий рост ее потребления с 10,8 млн. тонн в 1972 г. до 17,7 млн. тонн в 1977 г. При этом доля нефти в общей структуре используемых первичных энергоносителей составляла 50%[182].

Значительные затраты, связанные с субсидированием цен на нефть на внутреннем рынке, стали источником серьезного напряжения для бюджета страны. К тому же свою роль сыграла и политика в сфере заработной платы: если в 1970-1973 гг. реальная заработная плата снижалась на 1,5% ежегодно, то в 1974-1976 г. она росла на 8,8% в год, в 1977 г. она также выросла, хотя и незначительно по сравнению с предыдущими годами – на 1,2%[183]. В итоге конец 1970-х продемонстрировал заметный рост не только абсолютных, что не совсем убедительно в условиях инфляции, но самое главное - относительных размеров бюджетного дефицита. Так, максимум 1977 г. исчислялся 4% ВНП. При этом, как следует из данных таблицы 9,

---

[180] Ibid. S.104.
[181] См. Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С.179.
[182] Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S.104.
[183] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P.18.

решающим фактором роста дефицита стал именно опережающий рост расходов (в конце 1970-х он превышал 21% ВНП против 16% в середине 1970-х) при довольно устойчивом, но как оказалось, недостаточном росте доходов (см. табл.9). В создавшейся ситуации эмиссия использовалась государством как важный источник дефицитного финансирования. В 1970 г. в Турции был принят новый закон о Центральном банке (№1211). Он как раз должен был обеспечить проведение денежной политики в соответствии с целями второго пятилетнего плана. По новому закону доля Казначейства в капитале ЦБТР повышалась до 51% минимально. Турецкий экономист О. Акгюч, подчеркивал, оценивая нововведения, что «повышение доли Казначейства отражало изменения в понимании функций центральных банков: если после Первой мировой войны преобладало мнение, что центральные банки должны быть независимы от государства, то в последующие годы была признана необходимость консолидации экономической политики государства и центральных банков и контроля государства над их монопольным правом эмиссии»[184]. Таким образом, новый закон изначально не предполагал проведения ЦБТР независимой кредитно-денежной политики и предусматривал закрепление практики финансирования из его средств нужд государства. В период с 1960 по 1963 г. лимит авансов ЦБТР, то есть узаконенного объема кредитов Центрального банка, на который могло претендовать правительство для покрытия дефицита бюджета - был уменьшен до 5% от объема текущих бюджетных расходов, но теперь вновь повышался до 15%. При этом новый закон не предусматривал даже жестких сроков и четко установленной формы погашения предоставленных Казначейству кредитов. «Центральный банк и его кредитно-денежная политика оказались во власти Казначейства и бюджетной политики правительства» - резюмирует турецкий автор Дж.

[184] Akgüç Ö. 100 soruda Türkiyede bankacılık. İstanbul, 1992. S.142.

Бакыр[185]. И действительно, по оценкам З. Ониша, на протяжении рассматриваемого периода происходило неуклонное повышение среднегодовых темпов роста денежного предложения, которое достигло своего максимума именно к концу 1970-х, уверенно превысив показатели конца 1950-х, еще недавно оценивавшиеся как беспрецедентно высокие (см. табл. 12).

Таблица 12

Среднегодовые темпы роста денежного предложения (M1,%)

1960-1964	1965-1969	1970-1974	1975-1979
11,4	18,6	25,4	36,6

Составлено по: Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P.36

В итоге почти вдвое возросли среднегодовые темпы роста цен, составившие в 1973-1976 гг. 19% (см. табл.10), а среднегодовые темпы роста индекса потребительских цен за 1975-1979 гг. составили 33,5%[186].

Поддержать экономический рост в стране правительство стремилось не только через субсидирование цен на нефть. На низком уровне (отрицательном в реальном исчислении) удерживались банковские процентные ставки: тогда как среднегодовой рост цен в период 1973-1976 гг. составлял 19% (см. табл.10), ставка процента по банковским депозитам составляла 9% в год[187]. Ситуацию дополняло завышение реального курса турецкой лиры, которая в этот период периодически девальвировалась, однако уровень ее обесценения отставал от уровня инфляции. Поэтому к 1977 г. реальный курс турецкой лиры вырос по сравнению с 1973 г. на 20%[188]. В результате ускоренными темпами рос турецкий импорт, значительно опережая темпы роста экспорта. Наряду с ситуацией на

[185] Bakir C. Merkezdeki Banka. Turkiye Cumhuriyet Merkez Bankasi ve Uluslararasi Bir Karsilastirma. Istanbul, Istanbul Bilgi Universitesi Yayinlari 173, Ekonomi 11, 2007. S. 46.
[186] Ibid.
[187] Ibid. S.104.
[188] Ibid. S.106.

кредитном и валютном рынках росту импорта способствовало снижение уровня таможенных ставок: если в 1971 г. их среднее не взвешенное значение составляло 41,8%, то 1975 – 27,7%. Кроме того, было ослаблено применение нетарифных методов ограничения импорта: уровень либерализации импорта повысился с 37,7% его суммарной стоимости в 1970 г. до 62% в 1974 г. [189] В то же время не предпринималось усилий для развития экспорта. Основной формой поощрения экспортеров являлось косвенное субсидирование через возврат им части уплаченных налогов. С 1973 по 1977 г. доля возвращаемых налогов повысилась с 5,6% до 10,9%[190], однако данное повышение даже не компенсировало потерь экспортеров, обусловленных ростом реального курса лиры. Поэтому почти взрывному росту импорта с 1,6 млрд. долл. в 1972 гг. до 5,8 млрд. долл. в 1977 г. противостояло лишь весьма умеренное повышение экспорта с 890 млн. долл. до 1,8 млрд. долл. В результате среднее отношение экспорта к импорту в 1973-1976 гг. составило всего 37% (см. табл.10).

Рост реального курса турецкой лиры негативно повлиял на динамику чистых доходов от туризма: с одной стороны, для турецких граждан относительно дешевыми стали заграничные поездки, с другой - пребывание в Турции стало более дорогим для иностранных туристов. В итоге в 1976 и 1977 гг. Турция имела отрицательный чистый доход от туризма в размере соответственно 27 и 64 млн. долл.[191]

Ситуация на валютном рынке Турции привела и к снижению объемов официальных валютных переводов от турецких граждан, работавших за пределами страны: получатели этих средств все в большей мере предпочитали конвертировать их на черном рынке по более выгодному курсу.

Все эти факторы означали рост напряженности при подведении сальдо по текущим статьям платежного баланса и рост зависимости Турции от

[189] Ibid. S.105-107.
[190] Ibid. S.104.
[191] Ibid. S.107.

внешних источников финансирования: средний объем отставания сбережений национальной экономики от инвестиций в 1973-1976 гг. составлял 4,5% ВНП (см. табл. 10), а тот же показатель за 1975-1979 г. составил 4,4% ВНП, что соответствовало свыше четверти объема сбережений национальной экономики [192]. Г.Казган, комментируя ситуацию, сложившуюся в экономике Турции во второй половине 70-х гг., писала: «Ослабление контроля в сфере импорта товаров и услуг при одновременно пренебрежительном отношении к экспорту вело к росту использования внешних кредитов. Схожую ситуацию Турция пережила в 50-е годы: как и тогда, в условиях отсутствия роста экспорта для финансирования возраставшего импорта требовалось полагаться на приток краткосрочного капитала»[193].

Превышение инвестиций над сбережениями по-прежнему в основном демонстрировал государственный сектор, совершенно не случайно рост потребности Турции во внешних источниках финансирования совпал с углублением дисбаланса в сфере государственных финансов страны. Понятие государственных финансов в Турции включает консолидированный бюджет, а также не входящие в бюджет финансы государственных предприятий и учреждений, например, внебюджетных фондов. Таким образом, оно шире понятия «консолидированный бюджет», которое не обнимает всю систему государственных доходов и расходов. Г. Казган обращает внимание на то обстоятельство, что в 1975-1976 гг. средний ежегодный объем потребностей экономики Турции во внешних источниках финансирования составлял 6% ВНП, а дефицит всей системы государственных финансов - 6,5% ВНП[194]. Логично предположить, что дефицит системы госфинансов в размере 6% ВНП покрывался за счет внешних источников, а оставшиеся 0,5% ВНП – за счет избыточных сбережений частного сектора.

---

[192] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P. 23.
[193] Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S.107.
[194] Ibid. S.110-111.

Рост потребностей турецкой стороны в привлечении заемных средств совпал с расширением их предложения со стороны международного финансового рынка. Дело в том, что значительная часть средств, полученных нефтедобывающими странами в качестве дополнительной ренты после повышения цен на нефть (нефтедолларов), пополнила депозитные счета ведущих мировых банков, обусловив расширение предложения кредитов при одновременном снижении спроса на денежные средства со стороны развитых экономик: начавшийся после 1975 г. подъем был вялым с незначительными темпами роста экономики и не шел ни в какое сравнение с бурным ростом 1960-х гг., что привело к образованию избытка капитала, который искал новые сферы применения[195]. В итоге на международном финансовом рынке заметно снизились процентные ставки – наступил период «дешевых денег». В этих условиях западные банки были весьма заинтересованы в кредитовании развивающихся государств, дабы обеспечить экспортные рынки для своих производителей и замедлить падение объема производства в своих странах.

«Турецкое правительство совершенно не думало о том, к чему могут привести эти низкопроцентные, но весьма значительные по своим объемам займы, - писала Г.Казган. - Напротив, принимаемые им меры были направлены на облегчение импорта капитала и товаров, на ослабление государственного контроля»[196].

Помимо прочего, быстро рос внешний долг страны: с 1973 по 1980 г. он вырос в 4,6 раза, достигнув 15,3 млрд. долл. При этом его структура претерпевала опасные изменения - неуклонно увеличивалась доля накапливаемой в основном частным сектором краткосрочной задолженности: еще в начале 1970-х гг. она являлась незначительной, в середине - достигла четвертой части суммарной задолженности, в 1977 г. на краткосрочный долг

[195] См. подробнее: Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. С.175- 180.
[196] Ibid. S.105.

приходилось уже 58% внешнего долга Турции, в 1978 г. этот показатель незначительно снизился до 52%[197].

В итоге, в 1975-1977 гг. средние темпы экономического роста были высокими - 7%[198], повысился уровень использования производственных мощностей в промышленности, что касается успехов в сельском хозяйстве, Турция достигла статуса страны, способной к самообеспечению продовольствием. Но поскольку рост происходил на фоне углубления макроэкономических дисбалансов, его, скорее, следует охарактеризовать как перегрев экономики, то есть рост за счет использования благоприятных факторов внешней конъюнктуры на фоне продолжавшегося накопления структурных проблем национального хозяйства.

В 1978 г. Турция должна была произвести долговые выплаты в объеме 4,84 млрд. долл., из которых 60% приходилось на краткосрочную задолженность. При том, что ожидавшиеся импортные затраты должны были составить 5 млрд. долл., суммарные валютные потребности Турции оценивались 9,84 млрд. долл., тогда как ожидаемые валютные доходы - экспорт и денежные переводы работавших за рубежом турок - составляли не более 3 млрд. долл.[199] Неизбежность долгового кризиса становилась очевидной, в том числе для кредиторов Турции. К тому же ситуация на международном финансовом рынке начала меняться: все более острую конкуренцию развивающимся рынкам с точки зрения привлечения капитала, в том числе прямых инвестиций, составляли США. В результате некоторые из кредиторов отказали Турции в дальнейшем предоставлении средств, и страна оказалась не в состоянии платить по своим внешним долгам. Ситуацию удалось разрешить лишь посредством вмешательства Центрального банка и оплаты им импортных счетов.

Г.Казган считает весьма схожими схемы развития кризисов 1958 и 1978 гг.: и в том, и в другом случае их причиной стала неспособность

[197]Ibid. S.110.
[198] Ibid. S..106.
[199]Ibid. S.113.

страны к обслуживанию накопленного краткосрочного долга. «Спустя 20 лет, история, не учтя урока прошлого, повторилась вновь» - заключила Казган[200].

Известный турецкий исследователь З.Ониш следующим образом представляет проблемы экономического развития Турции в 1960-1979 гг.: «…Высокие темпы экономического роста были достигнуты и поддерживались за счет внешних факторов, таких как доступность притока краткосрочного капитала с рынка евродолларов и переводов рабочих, до момента, когда в 1977 г. кризис платежеспособности жестко ограничил процесс роста»[201]. «К тому же - дополняет З.Ониш - вопреки ожиданиям составителей планов импортзамещение в части ввоза промежуточных и инвестиционных товаров не дало ожидаемых результатов: их ввоз быстро рос в последние годы рассматриваемого периода. Структурный внешнеторговый дефицит пришелся на внешние шоки середины 70-х годов, что сделало неотвратимым кризис платежеспособности»[202].

Тяжелое валютное положение страны обусловило необходимость разработки стабилизационных мер. С 1978 г. к этому процессу подключился МВФ. Однако из-за разногласий между находившимся у власти правительством Народно-республиканской партии и Фондом последний начал оказывать финансовую поддержку Турции лишь с начала 1979 г. Тем не менее, правительство приступило к осуществлению пакета мер, направленных на предотвращение стремительного роста внешнего долга: турецкая лира была девальвирована на 20%, повышались процентные ставки, вдвое увеличился марочный сбор с импортных операций, вводились ограничения на осуществление импорта под акцепторные кредиты, были ограничены валютные расходы, связанные с поездками за рубеж, в сторону повышения были пересмотрены цены на продукцию госпредприятий.

---

[200] Ibid. S.110.
[201] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P.16.
[202] Ibid. P.460.

По итогам 1978 г. правительству удалось снизить отношение дефицита внешней торговли к ВНП с 8,6% до 4,5%. Однако сокращение импорта и нехватка ввозных компонентов производства привели к сокращению темпов роста до 2,9%. В то же время в условиях сокращения товарного предложения инфляция выросла до 52,6%, в стране быстро развивался черный рынок[203].

В июне 1979 г. начала действовать новая стабилизационная программа, усилившая и развившая основные моменты экономической политики, проводившейся с 1978 г. Так, турецкая лира претерпела дальнейшую девальвацию почти на 100%, были введены дополнительные ограничения на импорт, приняты шаги, направленные на то, чтобы стимулировать приток денежных переводов турецких рабочих из-за рубежа. Эти меры позволили сократить дефицит по текущим операциям платежного баланса с 3,4 млн. долл. в 1977 г. до 1,2 млн. долл.в 1979 г. Но одновременно нарастали и негативные тенденции, обозначившиеся в экономике: темпы роста в 1979 г. были отрицательными -(-0,3%), тогда как среднегодовой рост цен составил 63,9%[204].

Пришедшее к власти в ноябре 1979 г. правительство С. Демиреля в январе 1980 г. огласило стабилизационную программу, содержавшую ряд принципиально новых моментов. Дело в том, что в 1979-1980 гг. произошло повторное повышение цен на нефть. Одновременно на мировом рынке продолжалось удешевление экспортировавшихся Турцией сельскохозяйственных товаров: с 1973 по 1979 г. отношение индекса цен на сельхозпродукцию к индексу цен на промышленные товары снизилось на 40%[205]. Все эти факторы свидетельствовали о необходимости коренного пересмотра стратегии развития страны, что и было сделано в рамках новой стабилизационной программы.

---

[203] Kazgan G. Tanzimattatn 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. S..115.
[204] Ibid.
[205] Ibid. S.117.

2.2.3 **Макроэкономическая нестабильность как основной фактор неустойчивого роста в** 1980-2001 **гг.**

В конце 70-х годов Турция пребывала в состоянии глубокого экономического кризиса, который в полной мере можно считать кризисом стратегии импортзамещения. Выход из кризисной ситуации предполагалось найти посредством реализации программы экономической стабилизации, которая была представлена правительством С.Демиреля 24 января 1980 г. Программа, разработанная при участии экспертов МВФ, предусматривала использование обычного для подобных кризисных ситуаций набора монетаристских инструментов. Поскольку одной из основных проблем в экономическом развитии Турции на тот момент являлась инфляция, то намечалось принять меры, направленные на снижение темпов прироста денежной массы: сократить дефицит госбюджета и всей системы госфинансов посредством сужения масштабов государственного предпринимательства и замораживания заработной платы, повысить процентные ставки. Помимо финансовой стабилизации предполагалось положить начало формированию нового соотношения сил в экономике страны, при котором частный сектор стал бы основным движителем экономического роста.

Обеспечить увеличение валютных поступлений намечалось посредством перехода к стратегии экспорториентированного развития. Поэтому требовалось разработать меры по поощрению экспорта, которые позволили бы разместить на внешних рынках излишки товарной массы, образовывавшиеся по мере сокращения внутреннего спроса.

В сентябре 1980 г. в Турции произошел военный переворот. Оставаясь у власти до конца 1983 г., военные, мало беспокоясь об оценках своей экономической политики населением, последовательно проводили политику, отвечавшую требованиям по оздоровлению экономики, которые были сформулированы в программе 24 января 1980 г. 1981-1983 годы вошли в

экономическую историю Турции как годы жесткой ограничительной фискальной политики, ознаменовавшиеся наиболее низкими показателями отношения бюджетного дефицита к ВНП за весь период 1980-90-х годов: 1,5% в 1981-82 гг. и 2, 2% в 1983 г. Сравнительно невысокими в этот период было и отношение дефицита всей системы государственных финансов[206] к ВНП: оно колебалось в пределах 3,5-4,9% против 8,8% в 1980 г.[207] Повышение степени сбалансированности госфинансов было обеспечено как за счет увеличения налоговых поступлений, так и снижения реальной заработной платы в госсекторе. Непопулярные экономические меры сопровождались ужесточениями в политической жизни страны: военные запретили деятельность профсоюзов.

В итоге в 1981-1983 гг. средний уровень инфляции, незначительно превышал 30%, тогда как в 1980 г. он составлял 95%.[208] Одновременно в начале 1980-х годов произошел заметный рост турецкого экспорта: в 1983 г. он достиг 5,7 млрд. долл. против 2,9 млрд. в 1980 г.[209] Сужение внутреннего рынка Турции, будучи компенсированным расширением экспорта, позволило обеспечить сравнительно высокие темпы роста: в среднем за период с 1981 по 1983 годы они составили около 4%, составив убедительный контраст падению производства в 1980 г. на 2,3%.[210]

В конце 1983 г.в Турции были проведены парламентские выборы. К власти в стране пришло гражданское правительство во главе с Т.Озалом, сформированное Партией отечества. Постепенно в его экономической политике определились некоторые новые направления. Вновь возросла

---

[206] В этот период для Турции актуальными являлись понятия консолидированного бюджета, представлявшего собой результат суммирования доходов и расходов по бюджету центрального правительства и так называемым присоединеннм бюджетам полуавтономных в финансовом отношении государственных учреждений (государственных университетов, национальных железных дорог и проч.), а также системы государственных финансов, где кроме доходов и расходов консолидированного бюджета учитывались доходы и расходы государственных предприятий нефинансового профиля, государственных организаций социального страхования, внебюджетных фондов и некоторых других.

[207] Selected Economic Indicators. Ankara, R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury, 1998. Table 1.

[208] Для оценки инфляции использован показатель дефлятора ВНП. Selected Economic Indicators. Ankara, R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury, 1998. Table 1.

[209] Dış Ticaret İstatistikleri 1995. Ankara, Devlet İstatistik Enstitüsü, 1997. S.11.

[210] Подсчитано по: Türkiye İstatistik yıllıgı 1995. Ankara, Devlet İstatistik Enstitüsü, 1996. S.668.

несбалансированность госфинансов: отношение дефицита консолидированного бюджета к ВНП заметно превышало рекомендованные МВФ 1,5% (см. табл.13).[211]

Таблица 13

Отношение дефицита консолидированного бюджета к ВНП, 1983-2000 (%)

1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
2,2	4,4	2,2	2,7	3,5	3,0	3,3	3,0	5,3	4,3	6,7	3,9	4,0	8,3	7,6	7,0	11,6	11,2

Составлено по: Selected economic indicators. Ankara: R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. 1998; Başlıca ekonomik göstergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara: T.C. Başbakanlık Dış Tıcaret Müsteşarlığı, 2000. S.87; Capital.06.2001. S.37.

В результате было приостановлено кредитное сотрудничество Фонда и Турции. Заметно усилился инфляционный фон развития экономики страны: среднегодовой уровень инфляции в 1984-1987 гг. составил 43%.[212]

Одной из основных причин роста объемов дефицитного финансирования бюджета в эти годы стали налоговые послабления. Российский экономист-турколог Е.И.Уразова отмечала, что фискальная политика правительства Т.Озала характеризовалась усилением социального маневрирования с целью обеспечения определенного уровня стабильности в обществе и поддержки курса правящей Партии Отечества большинством населения[213]. В итоге в 1985 г. в интересах широкого круга избирателей-налогоплательщиков было проведено снижение ставок личного подоходного налога (минимальная ставка) с 40% установленных в начале периода правления военных до 25%[214].

---

[211] Selected economic indicators. Ankara, R.T.Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. 1998; Başlıca ekonomik göstergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara, T.C. Başbakanlık Dış Tıcaret Müsteşarlığı, 2000. S.87; Capital.06.2001. S.37.

[212] Подсчитано на основании данных о значении дефлятора ВНП. См.: Selected Economic Indicators. Ankara, R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury, 1998. Table 1.

[213] Уразова Е.И. Сохранение остроты валютно-финансовых проблем: бюджетный дефицит, инфляция, рост государственного долга.- Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. М., Наука, 1991. С.189.

[214] Там же. С.198.

Одновременно активное развитие получила система разнообразных льгот при уплате налога на прибыль. Таким образом, активная поддержка предпринимательства оказалась не менее важным фактором формирования налоговой политики правительства, чем пресловутое «социальное маневрирование». В результате, хотя номинальная ставка налога на прибыль компаний в тот период составляла 46%, система налоговых скидок и освобождений позволяла снизить его до 15%[215]. Дело в том, что остававшаяся вопреки программным установкам довольно низкой инвестиционная активность частного сектора предопределила необходимость поиска дополнительных мер по ее стимулированию. Поэтому правительство прибегло к политике стимулирования предложения, пытаясь обеспечить условия для экономического и организационного укрепление частного сектора.

Последовательное проведение стратегии ограничения потребления и роста инвестиций, требовали завуалированной компенсации такой популярной меры, как снижение ставок подоходного налога. К тому же, задача стимулирования производителя не снимала задачу стабилизации уровня налоговых доходов государства. В силу названных обстоятельств в 1985 г. в Турции был принят закон о введении налога на добавленную стоимость. Но смещение с введением НДС акцента в распределении налогового бремени с производителей на потребителей не обеспечило устойчивого роста налоговых поступлений – прирост налогов заметно опередил прирост ВНП лишь в 1986 г. (см. табл.14).

Таблица 14

ЗНАЧЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА ЭЛАСТИЧНОСТИ НАЛОГОВ*

[215] Parasız I. Kriz ekonomısı. Hiperenflasyon ve Yüksek Enflasyonla Mucadelede Ünlü İstikrar Politikaları ve 5 Nisan Kararları. Bursa, Ezgi Kitabevi Yayınları,1996. S.229.

Годы	**1986**	**1987**	**1988**	**1989**	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**	**2000**
Общая сумма налоговых сборов	1,50	1,10	0,80	1,00	1,20	1,20	1,14	1,04	1,10	0,88	1,13	1,17	1,16	1,25	1,29
Подоходный налог (личный +налог на прибыль компаний)	1,60	1,00	0,70	1,30	1,10	1,20	1,00	0,98	0,84	0,91	1,10	1,25	1,52	1,11	0,52

* Коэффициент эластичности налогов рассчитан как отношение темпа роста налогов сборов к темпам роста ВНП.

Составлено по: Economic report 1994. Ankara, UCCET,1995. P.58; Economic report 1998. Ankara, UCCET, 1999. P.90; Ekonomik Rapor 1999. Ankara, TOBB, 2000. S.86; Ekonomik rapor 2000. Ankara, TOBB, 2001. S90.

Как отмечала Е.И.Уразова, перенос центра тяжести на косвенные налоги в условиях низкой покупательной способности подавляющего большинства населения не смог обеспечить требуемой эффективности налоговой системы[216].

Следует обратить внимание и на особенности использования государственных доходов в период правления Т. Озала, который существенно расширил систему напрямую подчинявшихся премьер-министру внебюджетных фондов[217]. Их средства Т. Озал использовал для реализации представлявшихся ему наиболее важными стратегических проектов в экономике страны: приватизации, развития экспорта и системы льготного жилищного строительства. Финансировались внебюджетные фонды за счет специальных налогов и трансфертов из основного бюджета.

Политика стимулирования предложения способствовала заметному оживлению экономического роста, составившего в 1984-1987 гг. 7% в среднем за год[218]. Кроме того, в отличие от латиноамериканских стран, переживших практически синхронно с Турцией долговой кризис и обреченных на низкие темпы послекризисного восстановления ввиду

[216] Уразова Е.И. Сохранение остроты валютно-финансовых проблем: бюджетный дефицит, инфляция, рост государственного долга. – Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. Москва, Наука 1991. С. 195.

[217] Подробнее о деятельности внебюджетных фондов см. Раздел 3.2.

[218] Подсчитано по: Türkiye İstatistik Yıllığı 1995. Ankara, Devlet İstatistik Enstitüsü, 1997. S.668.

отсутствия внешнего финансирования, Турецкая Республика, используя геополитическую значимость своего положения и членство в НАТО, сумела обеспечить значительный приток капитала извне, что позволило сдержать темпы девальвации и поддержать темпы роста.

Однако постепенное усиление несбалансированности в системе государственных финансов привело к росту инфляции. В преддверии приближения парламентских выборов правительство в начале 1987 г. объявило о программе значительного снижения объемов государственных расходов, но затем пренебрегло ранее провозглашенными целями. Партии отечества удалось одержать победу на выборах. Но отношение дефицита консолидированного бюджета к ВНП возросло до 3,5% против 2,6% в предыдущем году, в то время как дефицит всей системы государственных финансов превысил 6% ВНП против 3,7%[219]. Годовой уровень инфляции по состоянию на начало января 1988 г. достиг 60%, а по состоянию на июнь 1988 г. - уже 67%. Таким образом, в 1988 г. правительство было вынуждено предпринять очередную попытку повышения сбалансированности госфинансов. Определенные успехи в этом отношении были достигнуты: по итогам года дефицит консолидированного бюджета сократился до 3% ВНП, а потребность всей системы госфинансов в дефицитном финансировании ограничилась 4,8% ВНП[220]. Приостановка роста денежной массы привела к сжатию внутреннего рынка и сокращению темпов роста в 1988 г. до 1,5% против 9,8% в 1987 г. Но сдержать рост цен не удалось - среднегодовой уровень инфляции, измеренный дефлятором ВВП, составил почти 70%[221]. Таким образом, экономика страны вступила в период стагфляции: падение темпов роста производства сопровождалось дальнейшим развитием инфляционного процесса. Устойчивые сформированные практикой прошлых лет инфляционные ожидания хозяйственных агентов продолжали

[219] Selected Economic Indicators. Ankara, R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury, 1998. Table 3.
[220] Ibid.
[221] Ibid, Table 1, Table 3.

тянуть цены вверх даже после предпринятых мер по ограничению темпов роста денежной массы.

До конца 1980-х гг. Турция продолжала удивлять темпами роста стоимостных объемов экспорта – их среднегодовой показатель за 1981-1988 г. составил 22%[222]. В структуре самого экспорта Турции наблюдались позитивные сдвиги: к концу 80-х гг. доля промышленных товаров в нем составляла уже около 75% против 36% в 1980 г[223]. Но в 1989 г. произошло падение стоимости экспорта. И хотя его абсолютные размеры не были значительны, тем не менее, в отличие от эпизодических снижений, имевших место в предшествовавшие годы и объяснявшихся колебаниями конъюнктуры мирового рынка, падение объемов экспорта в 1989 г., грозило перерасти в долгосрочную тенденцию. Дело в том, что высокие темпы роста экспорта на протяжении 1980-х годов в большой мере обеспечивались за счет субсидирования экспортеров государством, в частности, через систему возврата НДС, выплату экспортных премий и проч. Дальнейшее проведение этой политики становилось невозможным в связи с принятием Турцией обязательств в рамках ГАТТ и подготовкой к образованию таможенного союза с ЕС. Вынужденное сокращение объемов финансовой поддержки экспортеров в конце 1980-х годов ставило под сомнение возможности уверенного роста экспорта в дальнейшем.

Таким образом, к концу 1980-х гг. экономика Турции столкнулась с двумя проблемами: вступлением в период стагфляции и неопределенностью перспектив дальнейшего развития экспорта. Выход из состояния стагфляции подсказывал переход к проведению стимулирующей фискальной политики, а снижение темпов роста экспорта еще более актуализировало использование модели роста, в большей мере ориентированной на спрос внутреннего рынка. Особенности бюджетной политики государства после 1989 г. состояли в придании ей преднамеренно экспансионистского характера,

[222] Подсчитано по: Dış Ticaret İstatistikleri 1995. Ankara, Ankara, Devlet İstatistik Enstitüsü, 1997. S.11.
[223] См. подробнее: Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации. М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. Институт востоковедения РАН. С.204.

постепенном расширении за счет дополнительных государственных расходов емкости внутреннего рынка и переходе к модели поддержания экономического роста за счет не только и не столько экспорта, но и внутреннего спроса.

«Сознательный» характер экспансионизма в бюджетной сфере подтверждается резким увеличением текущих расходов в структуре использования средств консолидированного бюджета в тесной корреляции с ростом персональных расходов (расходов на заработную плату), которые в 1992 г. достигли своего максимального за вторую половину 1980-х-1990-е гг. значения в более чем 42%. Заметим, что этот показатель на 20 процентных пунктов превосходил значения 1986-1988 гг., то есть лет, когда официально задачи фискального сдерживания не были сняты с повестки дня (см. таблицу 15).

Таблица 15

Доля текущих расходов и их составляющих в общих расходах консолидированного бюджета (%)

Расходы	**1986**	**1987**	**1988**	**1989**	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**	**2000**
Текущие	35,7	34,6	34,5	42,9	48,8	46,3	51,5	42,2	38,6	37,6	32,5	34,6	33,2	32,7	29,2
-Персональные	22,1	23,4	23,6	32,3	38,6	37,8	42,4	34,9	30,4	29,3	24,7	25,7	24,8	24,7	21,4
-Прочие	13,6	11,2	10,9	10,6	10,2	8,5	9,1	7,3	8,2	8,3	7,8	8,9	8,3	8,0	7,7

Рассчитано и составлено по: Başlıca Ekonomik Göstergeler. Aralık 1996. Ankara, T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlığı, 1997. S.83; Başlıca Ekonomik Göstergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara, T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlıgı, 2000. S.87; Ekonomik rapor 2000. Ankara, TOBB, 2001. S.85.

Рост расходов, связанных с оплатой труда работников бюджетной сферы повлек за собой довольно устойчивое повышение доли частного потребления в ВВП (см. табл. 16).

Таблица 16

Доля частного потребления в ВВП (%,текущие цены)

1988	**1989**	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**	**2000**	**2001**

65,2	67,7	68,9	68,6	67,3	66,4	67,2	68,9	69,3	68,3	66,5	68,5	70,5	68,4

Составлено по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara: TÜİK, 2012. S.748;
База данных Турецкого статистического общества:
http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist

Изменения в государственной финансовой политике, имевшие место во второй половине 1989 г., лишь в незначительной степени способствовали оживлению экономического роста по итогам за весь год. Более убедительные результаты они принесли в следующем, 1990 г., обеспечив темпы экономического роста в 9,2%. 1991 г. экономический рост в Турции составил всего лишь 0,4%, но 1992 и 1993 гг. ознаменовались весьма убедительными темпами роста - 6,4 и 8,1% соответственно.

Налоговая политики Турции периода 1990-х в соответствии с логикой фискального стимулирования носила инерционный характер и не предусматривала каких бы то ни было ужесточений, о чем свидетельствуют показатели коэффициента эластичности налогов - около 1. При этом налоговая нагрузка в редкие годы превышала 15% ВВП (См. табл.17)[224] :

Величина налоговой нагрузки, 1987-2000 (% ВВП)

1987	1988	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
12,0	**10,9**	**11,6**	**12,7**	**13,0**	**13,3**	**15,2**	**14,4**	**15,2**	**16,5**	**17,9**	**19,2**	**21,2**

Составлено по: Economic report 1994. Ankara: UCCET, 1995. P.58; Economic report 1998. Ankara: UCCET, 1999. P. 90; Ekonomik rapor 1999. Ankara: TOBB, 2000. S.86; Ekonomik rapor 2000. Ankara: TOBB, 2001. S.90.

Одновременно наблюдался быстрый рост относительных размеров расходов консолидированного бюджета (См. табл. 18).

Таблица 18

Относительные размеры расходов консолидированного бюджета, 1986-2000 (% ВНП/ ВВП)

[224] Economic report 1994. Ankara, UCCET, 1995. P.58; Economic report 1998. Ankara, UCCET, 1999. P. 90; Ekonomik rapor 1999. Ankara, TOBB, 2000. S.86; Ekonomik rapor 2000. Ankara, TOBB, 2001. S.90.

1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998*	1999	2000
16,7	**17,4**	**16,6**	**16,9**	**17,3**	**20,5**	**20,1**	**24,3**	**23,1**	**21,8**	**26,3**	**27,2**	**22,0**	**26,9**	**27,7**

*Начиная с 1998 г., приводится отношение государственных расходов к ВВП.

Составлено по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TÜİK, 2012. S.644.

Таким образом, обратившись к проведению стимулирующей фискальной политики, государство по существу сознательно пошло по пути увеличения дефицита бюджета: его отношение к ВНП после 1989 г. не опускалось ниже 3%, а максимального значения в 6,7% достигло в предкризисном 1993 г.

Заметим, что к этому времени в Турции дифференциация понятий «консолидированный бюджет» и «госфинансы» становится особенно явной, так как не охваченные понятием консолидированного бюджета звенья системы госфинансов (государственные предприятия и учреждения) становятся более многочисленными, а объем используемых ими средств более значительным. Например, наряду с консолидированным бюджетом в систему госфинансов входили финансы государственных предприятий нефинансового профиля, государственных фондов социального страхования, внебюджетных фондов, местных органов власти. О масштабах финансовых различий между двумя понятиями свидетельствует тот факт, что минимальная потребность всей системы госфинансов в дефицитном финансировании в рассматриваемый период оценивалась в 7,4%, а в 1993 г. она возросла до 11,7% ВНП[225].

При этом все более заметную роль в финансировании бюджетного дефицита играли краткосрочные кредиты Центрального банка Турции (см. табл.19), доля которых в начале 1990-х годов в обеспечении бюджета недостающими средствами составляла порядка 30-40%. Это стало одной из основных причин повышения инфляции: погодовые значения дефлятора ВНП в конце 1980-х–начале 1990-х годов составляли от 60 до 75,5%, что

[225] Başlıca Ekonomik Göstergeler. Aralık 1996. Ankara, T.C. Başbakanlık Dış Tıcaret Müsteşarlığı, 1997. S.79, 83.

заметно превышало 40%-ный уровень, отмеченный как средний для 1984-1987 гг.[226]

Таблица 19

Долевое соотношение источников финансирования дефицита консолидированного бюджета Турции (1989-1999 гг., %)

	1989	**1990**	**1991**	**1992**	**1993**	**1994**	**1995**	**1996**	**1997**	**1998**	**1999**
Внешние займы (сальдо)	-4	0	6	7	16	-44	-28	-13	-21	-27	5
Внутренние долгосрочные займы (сальдо)	73	64	7	26	24	-46	29	47	70	34	134
Краткосрочные займы, обеспеченные	19	19	70	70	60	195	99	66	47	86	-27
- Авансами ЦБ(сальдо)	6	3	32	29	42	34	32	21	…	…	…
- Выпусками казначейских облигаций (сальдо)	13	16	38	40	18	161	67	45	…	…	…
Прочие	12	17	17	-3	-1	-5	-0,1	-0,1	4	7	-12
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Подсчитано по: Başlıca ekonomik göstergeler. Aralık 1996 Ankara: T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlığı, 1997. S.83; Başlıca ekonomik göstergeler. Ocak 1999 Ankara: T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlığı, 1999. S.83; Başlıca ekonomik gostergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara: T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlığı, 2000. s.87.

В эти годы турецкая экономика удивляла сочетанием устойчивых высоких темпов роста и высоких же показателей инфляции. Очевидно, страна продемонстрировала один из примеров достижения долгосрочного стабильного компромисса, описываемого теорией ускорения инфляции[227], когда темпы роста производства поддерживаются за счет определенного, уверенно прогнозируемого по масштабам темпа инфляционного роста цен.

Тем не менее, долгосрочность описанного компромисса оказалась весьма относительной, поскольку экономический рост в Турции в рамках

[226] См.: R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury. Selected Economic Indicators. Ankara, 1998, Table 3.
[226] Ibid. Table 1, Table 3.
[227] См., например, Долан Э.Дж. Деньги, банки и денежно-кредитная политика. С-Пб., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ОРКЕСТР,1994.

описанной модели сопровождался нарастанием негативных тенденций, прежде всего, в финансовой сфере. Важный акцент в финансировании хронического дефицита системы госфинансов был сделан на расширение выпуска изначально предназначавшихся для размещения на внутреннем рынке государственных долговых бумаг. Но в 1989 г. Турция завершила либерализацию национального финансового рынка, нацеленную как на беспрепятственное приобретение ценных бумаг местных эмитентов нерезидентами страны, так и свободное использование любых форм иностранных кредитов национальными банками. Дело в том, что после упразднения бреттон-вудского международного финансового порядка стало постепенно меняться представление о роли ограничений по счету капитальных операций платежного баланса. Барьеры для трансграничных финансовых операций стали рассматриваться как нежелательные, поскольку препятствовали наиболее эффективному использованию капитала. В 1989 г. позиция МВФ по данному вопросу была изложена в так называемом вашингтонском консенсусе. Согласно его положениям нежелательными являлись любые формы ограничений в отношении прямых иностранных инвестиций. Но несколькими годами позже зазвучали призывы уже к полной либерализации международных финансовых операций, который был поддержан процессом постепенного снятия ограничений по счету движения капитала как в развитых странах, так и странах с развивающимися рынками. Таким образом, Турция благодаря острой потребности системы госфинансов в дефицитном финансировании оказалась в числе пионеров процесса либерализации международного финансового рынка.

В итоге национальные коммерческие банки превратились в активных заемщиков на внешнем рынке, иначе - финансовых агентов государства, поскольку полученные средства они охотно использовали для приобретения высокодоходных государственных обязательств, получая прибыль за счет заметной разницы между процентами по зарубежным кредитам и уровнем доходности по турецким госбумагам. И хотя процесс извлечения прибыли

для турецких банков заметно упростился, в то же время существенно увеличилась их зависимость от колебаний экономической конъюнктуры и резко возрастающей при таких колебаниях мобильности «горячих денег». Вместе с тем, либерализация финансового рынка, несмотря на сопровождавшие ее издержки, позволила решить проблему низкого уровня сбережений национальной экономики и, ограничив развитие инфляционного процесса, поддерживать норму инвестиций, на несколько процентных пунктов превосходившую норму сбережений. (см. табл.20).

Таблица 20

Норма сбережений и норма инвестиций в Турции (1987-2000 гг., % от ВВП, текущие цены)

Годы	Норма сбережений	Норма инвестиций
1987	23,5	24,8
1988	27,0	26,8
1989	22,7	23,5
1990	20,1	23,0
1994	21,6	23,7
1995	20,5	23,3
1996	18,8	25,8
1997	19,4	26,5
1998	20,1	24,0
1999	18,4	20,4
2000	16,6	21,8

Составлено и рассчитано по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara: TÜİK, 2012. S.748-750.

В условиях финансовой либерализации важные изменения претерпела политика валютного курса. До конца 1980-х годов турецкая лира девальвировалась в интересах экспортеров в соответствии с темпами инфляции или даже несколько опережая их.

Но в 1989-1990 гг. произошло отставание темпов девальвации от темпов инфляции, что было связано с расширением масштабов заемной деятельности государства, повышавшим спрос на национальную валюту, а также возросшим притоком краткосрочного иностранного капитала. Изменение ситуации на валютном рынке отвечало интересам иностранных инвесторов, обеспечивая им сохранность прибыли, но противоречила интересам развития турецкого экспорта. Комментируя данную проблему, турецкая исследовательница Г. Казган писала: «Цена валюты, устанавливавшаяся правительством, служила не инструментом регулирования равновесия между количеством денег (турецких лир - Н.У.) и объемами валюты, а инструментом, обеспечивавшим движение средств между мировым финансовым рынком и Турцией». Изменения, произошедшие в макроэкономической политике Турции в конце 1980-х годов, она характеризовала как поворот от модели «экономического роста, нацеленной на экспорт» к модели «экономического роста, ориентированной на импорт капитала»[228].

Завышение реального эффективного курса национальной валюты стало дополнительным фактором снижения темпов роста турецкого экспорта. На протяжении 1990-х годов они составили в среднем 13,5% в год[229]. Одновременно удешевление импорта привело к быстрому увеличению его объемов. В результате возрос дефицит по текущим операциям платежного баланса: если в 1989 г. Турция имела избыток валютных доходов в размере свыше 900 млн.долл., то в 1993 г. был зафиксирован дефицит в 6,4 млрд. долл., что соответствовало 3,6% ВНП[230]. Рост несбалансированности по текущим статьям актуализировал возможность девальвации национальной валюты, сигнализируя о повышении риска для инвесторов краткосрочного капитала.

---

[228]Kazgan G. Yeni ekonomik düzen'de Türkiyenin yeri. İstanbul, Altin Kitaplar Yayınevi, 1994. S.201.
[229] Подсчитано по: Dış Tıcaret statistikleri 1995. S.11; Ekonomik Rapor 1999. Ankara, TOBB, 2000. S.97.
[230] Başlıca Ekonomik Göstergeler. Aralık 1996. Ankara, T.C. Başbakanlık Dış Tıcaret Müsteşarlığı, 1997. S.95.

Последнее обстоятельство одновременно с хронической дефицитностью системы госфинансов требовало повышения премии для инвесторов - более или менее успешно удавалось размещать на рынке лишь высокодоходные государственные бумаги с короткими сроками погашения, что делало весьма обременительным выплату процентов по государственному долгу, доля которых в расходах бюджета, начиная с 1994 г. практически неизменно превышала критический порог в 30% (см.табл. 21).

Таблица 21

Доля процентных выплат по госдолгу в расходах бюджета, 1987-2000 (%)

1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
17,4	**23,2**	**21,2**	**20,4**	**18,5**	**18,2**	**24,0**	**33,2**	**33,7**	**38,0**	**28,5**	**40,0**	**38,2**	**44,2**

Составлено по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TÜİK, 2012. S. 652.

По мере роста процентных расходов все меньшая их часть могла обеспечиваться за счет обычных бюджетных поступлений, заемная деятельность государства все в большей степени строилась на принципах финансовой пирамиды, что означало переход государственных ценных бумаг на самообслуживание с перспективой неизбежного банкротства.

Повод для развития кризисной ситуации возник в конце 1993 г. Дело в том, что с 1991 г. начался постепенный отход от политики завышения курса лиры, что было продиктовано необходимостью ограничить рост дефицита по текущим операциям платежного баланса. В качестве компенсирующей меры казначейство Турецкой Республики было вынуждено пойти на дополнительное увеличение доходности по своим краткосрочным обязательствам. В 1993 г. средний уровень реальных доходов по бумагам со сроком погашения в 1 год вырос почти на 10 процентных пунктов против 5

в предыдущем году[231], что значительно ухудшило соотношение между объемом привлеченных краткосрочных займов и процентных выплат по ним.

В конце 1993 г. к власти в стране пришло новое правительство во главе победившей на выборах Партией верного пути. Таким образом, окончательно завершилась эра правления ПО, которая по итогам парламентских выборов 1991 г. смогла войти в состав коалиционного правительства. Говоря об экономических причинах поражения ПО, следует отметить, что о на не только не смогла обеспечить избирателям обещанную финансовую стабильность, но к концу своего правления сделала эту цель недостижимо далекой. Новый премьер-министр Т. Чиллер приняла решение о снижении доходности по краткосрочным бумагам Казначейства. Турецкий экономист О.Джеласун, отмечала, что подобная политика скорее напоминала атаку на симптомы болезни, чем на причины, ее порождавшие[232]. Но как пишет турецкий исследователь И.Парасиз, снижение уровня доходности по государственным долговым обязательствам помимо прочего было обусловлено и давлением на правительство со стороны частного сектора, который испытывал все большие трудности в связи с дороговизной банковских кредитов, по существу лишавшей его представителей доступа к заемным средствам[233]. Снижение доходности по государственным долговым обязательствам при значительной потребности государства в дефицитном финансировании оказалось весьма опасной тактикой. Начался стремительный вывод краткосрочного капитала из экономики Турции, в 1994 г.объем оттока составил порядка 7 млрд. долл. Акцент в дефицитном финансировании с краткосрочных иностранных инвестиций на авансы ЦБТР. В соответствии с законодательными изменениями, принятыми в августе и октябре 1993 г., лимиты краткосрочных авансов ЦБТР казначейству были расширены. Казначейство использовало весь объем выделенных ресурсов

[231]Parasız I. Kriz Ekonomisi. Hiper Enflasyon ve Yüksek Enflasyonla Mücadelede Ünlü İstikrar Politikaları ve 5 Nisan 1994 kararları. S.242.
[232] Celasun O. The 1994 Currency Crisis in Turkey. Wash., World Bank, 1999. P.11// http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-1913
[233] Parasiz I. Kriz ekonomisi. Hiper Enflasyon ve Yüksek Enflasyonla Mücadelede Ünlu İstikrar Politikaları. S.231.

до конца 1993 г., профинансировав с их помощью свыше 40% разницы между доходами и расходами консолидированного бюджета (см.табл.19), а затем всего лишь за три первые недели начавшегося года израсходовало свыше половины объема займов ЦБТР на 1994 г. Таким образом в конце 1993 г.- начале 1994 г. в каналы обращения был закачан значительный объем ликвидности, что повысило неизбежный в сложившейся ситуации уровень девальвации лиры: по сравнению со среднегодовым курсом за 1993 г. курс лиры в 1994 г. упал на 170%[234].

Пойдя по пути стимулирования экономического роста посредством расширения государственного потребления, власти страны на первых порах смогли удерживать инфляцию в более или менее контролируемых пределах за счет привлечения краткосрочного иностранного капитала, который использовался в качестве важного источника дефицитного финансирования и позволял ограничивать использование кредитов ЦБТР. Но впоследствии результатом политики, в рамках которой происходило привлечение средств нерезидентов для покупки государственных ценных бумаг, стал финансово-экономический кризис, разразившийся в Турции в начале 1994 г.

Кризис осложнил положение Турции на международном финансовом рынке, в результате чего государственный сектор на протяжении ряда лет выступал в качестве нетто плательщика по внешним займам (см.табл.19). В результате усиливалось давление на рынок внутреннего кредита и росли процентные ставки. Поэтому после кризиса 1994 г. обслуживание государственного долга продолжало оставаться одной из крупнейших статей бюджетных расходов, на которую к концу 1990-х приходилось порядка 40% их общего объема **(**см. табл. 21). В итоге заметно выросли и относительные размеры внутреннего долга: на момент начала проведения стимулирующей фискальной политики он составлял порядка 15% ВНП, в

[234]Economic reporpt 1998. Ankara, UCCET, 1999. P.92.

кризисный 1994 г. превысил 20%, а концу десятилетия почти достиг 30% ВНП (см. табл.22)[235]:

Таблица 22

Относительные размеры внутреннего государственного долга, 1980-2000 (% ВНП)

1980	1983	1985	1987	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
13,6	**22,8**	**19,7**	**23,0**	**18,2**	**14,4**	**15,4**	**17,6**	**17,9**	**20,6**	**17,3**	**19,0**	**19,4**	**19,7**	**29,3**	**29,0**

Составлено по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara: TÜİK, 2012. S.664.

Кризис 1994 г. относится к широко распространенному типу кризисов, которые в 1990-е годы пережили многие национальные экономики, повысившие степень своей открытости, но при этом объективно остававшиеся слабыми и неустойчивыми. Турецкий экономист Г.Казган отмечала, что введение полной конвертируемости лиры и либерализация движения капитала, к которым Турция прибегла для преодоления стагфляции 1988-89 гг. и которые означали резкое повышение степени открытости турецкой экономики, не соответствовали правовой и структурной организации экономики страны на тот момент[236]. Привлечь иностранных инвесторов в условиях, когда реально национальная экономика оставалась мало подготовленной к либерализации финансового рынка, возможно лишь спекулятивно высокими доходами на вложенный капитал. Неизбежно следующее из дороговизны привлекаемых источников быстрое ухудшение финансовой конъюнктуры завершилось неизбежным массовым оттоком иностранного капитала и обвалом национальной валюты.

С целью вывода страны из валютно-финансового кризиса правительство разработало стабилизационную программу, получившую название «Решения от 5 апреля 1994 г.». Стабилизацию госфинансов предполагалось обеспечить через осуществление мер по сокращению расходов и увеличению доходов. При этом правительство особо подчеркивало свою решимость «положить конец порочному кругу, когда займы расходуются на

[235] İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TÜİK, 2012. S.664.
[236] Kazgan G. Yeni ekonomik düzen'de Türkiyenin yeri. S.203.

покрытие дефицита бюджета, а затем новые займы требуются на выплату процентов по ранее полученным кредитам»[237]. С целью сокращения расходов предусматривалось отказаться от повышения заработной платы гражданским государственным служащим, от создания новых рабочих мест и от найма на пустующие вакансии в государственном секторе, а также сократить инвестиционные расходы консолидированного бюджета, отказавшись от развертывания новых проектов и сократив финансирование всех текущих проектов, за исключением подлежавших завершению в течение 1994 г.

В числе решений, принятых после кризиса 1994 г. и направленных на повышение стабильности развития экономики, следует особо выделить решение о превращении ЦБТР в более автономную структуру, ответственную за проведение эффективной кредитно-денежной политики. В результате 21 апреля 1994 г. в закон о Центральном банке 1970 г. была внесена поправка, снижавшая объем авансов ЦБТР казначейству. После 1998 г. предполагалось полностью отказаться от использования кредитов Центрального банка.

Таким образом, «Решения от 5 апреля» предусматривали отказ от политики расширения емкости внутреннего рынка за счет дополнительных расходов государства, но их проведение в жизнь оказалось непродолжительным и непоследовательным.

В 1996 г. правительство увеличило на 7,6% реальную заработную плату государственным служащим, ознаменовав возврат к стимулирующей бюджетной политике. По итогам 1997 г. зарплата государственных служащих возросла на 16,5%, а рабочих государственного сектора - на 20%[238].

В результате падение темпов экономического роста, составившее по итогам 1994 г. 6%, уже в 1995 г. сменилось заметным экономическим ростом, достигшим 8,0%. Достаточно высокие темпы роста турецкая экономика

---

[237] Ibid.
[238] Ekonomik Rapor 1999. Ankara, TOBB, 2000. P.120-121.

продемонстрировала и в 1996 и 1997 гг. - 7,1% и 8,3% соответственно. Инфляция, измеренная на основе роста оптовых цен, в 1994 г. составила 107%, а в 1995-1997 годах она колебалась в пределах 85-91%[239]. Отношение дефицита консолидированного бюджета к ВНП выросло до 8,3% в 1996 г. и 7,6% в 1997 против 4,0% в 1995 г. (см. табл. 13), а соответствующие показатели для суммарного дефицита госфинансов составили 8,8%, 7,6% и 5,2% ВНП. Вновь обострилась проблема обслуживания государственного долга: процентные выплаты в структуре расходов консолидированного бюджета достигли исторического максимума – порядка 40% (см. табл. 21).

Поэтому пришедшее к власти в стране в июле 1997 г. правительство М. Йылмаза оказалось перед необходимостью проведения жесткой налогово-бюджетной политики для достижения финансовой стабилизации. На 1998 г. был запланирован темп роста всего лишь в 3% ВВП, но при снижении среднегодовых показателей инфляции до 64% посредством ограничения роста заработной платы в госсекторе реальным уровнем инфляции, ограничения размеров государственных внутренних займов величиной бюджетного дефицита и частичной выплаты процентов по госдолгу за счет обеспечения профицитного первичного бюджета (бюджета, в котором сальдированы доходы и расходы без учета расходов по обслуживанию долга), который должен был составить 4% ВНП[240]. Кроме того, в 1998 г. был принят новый налоговый кодекс, нацеленный на увеличение бюджетных доходов. В основу реформирования налоговой системы был положен принцип снижения налоговых ставок при расширении налоговой базы и отказе от использования налоговых льгот. Более жестким становился контроль за доходами физических лиц, одновременно была детализирована и ужесточена система наказаний в случае уклонения от уплаты налога[241]. Реформа налоговой сферы позволила повысить отношение собираемых налогов к ВНП на несколько процентных

[239] Başlıca Ekonomik Göstergeler. Temmuz 1999. Ankara, T.C. Başbakanlık Dış Tıcaret Müsteşarlığı, 1999. S.1.
[240] Capital. 1999. № 3. S.48.
[241] Istanbul ticaret. 31.07.1998.

пунктов – в 2000-м г. оно превысило 21% против 16,5% в 1997 г. (см. табл. 17).

Дефлятор ВНП по итогам 1998 г., хотя и превысил запланированный уровень, оказался ниже чем в 1997 г. - 75,3% и 81,2% соответственно, что сопровождалось снижением отношения дефицита консолидированного бюджета к ВНП до 6,9%. Профицит первичного бюджета достиг 4,6%. Темпы экономического роста несколько превысили запланированные, составив 3,9%[242].

Рост розничных цен по состоянию на январь 1999 г. по сравнению с январем 1998 г. составил 50%. В начале 1999 г. тенденция на снижение инфляции продолжалась: в марте годовой рост цен измерялся уже 48,2%[243]. Некоторый рост инфляции отмечался в апреле 1999 г., что объяснялось повышением мировых цен на нефть, а также дополнительными расходами по проведению парламентских выборов. Однако в последующие месяцы вплоть до августа 1999 г. правительству вновь удалось снизить помесячные показатели роста цен.

Однако ликвидация последствий землетрясения, разразившегося на западе Турции в августе 1999 г. оказалась трудно совместимой с политикой ограничения государственных расходов. Социальные и экономические издержки последовательного проведения стабилизационной программы могли оказаться слишком высокими.

В результате увеличения в третьем квартале государственных расходов отношение дефицита консолидированного бюджета к ВНП по итогам 1999 г. вместо намечавшихся 7% составило почти 12%, а отношение профицита первичного бюджета к ВНП - чуть более 2% вместо

[242] Başlıca ekonomik göstergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara, T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlığı, 2000. S.1, 87.
[243] Milliyet, 04.04.1999.

намечавшихся 4% [244]. Дефлятор ВНП в 1999 г. вместо ожидавшихся 44% составил 56%[245].

1999 г. как год продолжения политики финансовой стабилизации и неизбежно связанного с ней сжатия внутреннего рынка, с самого начала явился не самым благоприятным для экономического роста. К тому же процентные ставки весьма вяло реагировали на заявления правительственных лидеров о сохранении курса на финансовую стабилизацию: по итогам 1999 г. годовая номинальная процентная ставка по вкладам оставалась на уровне 145%, а реальная - около 50%[246]. В результате слабо росли инвестиции в реальный сектор экономики, ограниченным оставался рост потребления., Неблагоприятная конъюнктура для экономического роста в 1999 г., как уже отмечалось, усугубилась после землетрясения. Негативно сказались и азиатский финансовый кризис и кризис в России, ставшей важным рынком сбыта для поставщиков, обеспечивавших так называемую челночную торговлю. По итогам года ВНП сократился на 6,4%[247].

Но антиинфляционные меры турецких властей получили позитивную оценку Запада. Одновременно осознание негативных сторон экономического развития, при котором периоды роста чередуются с кризисами, произошло и в самой Турции. В ретроспективном обзоре журнала «Capital» за июнь 2000 г. «Новая Турция» период с 1980 по 2000 г. характеризовался как период экономического развития в ритме «стой-иди», в результате чего среднегодовые темпы роста составили менее 4%. Важным преимуществом нового периода, наступающего в экономическом развитии Турции, по мнению авторов обзора, должны были стать стабильные темпы роста при снижении инфляции до значений, выражающихся однозначными цифрами[248]. Смена приоритетов в общественном мнении была воспринята

[244] Finansal Forum, 01.12.1999, Capital. 1999. № 11. S. 45.
[245] Capital. 1999. № 11. S. 45.
[246] Ekonomist. 1999. 19-25 Aralık. S.40.
[247] Ibid.
[248] Capital. 2000. № 6. S.45.

западными экспертами как одна из гарантий последовательности курса на финансовую стабилизацию.

Начиная с 2000 г. поддержка Турции Западом приняла форму кредитного содействия МВФ в выполнении принятых турецким правительством обязательств в сфере макроэкономической политики. Впервые такого рода программные обязательства были изложены в «Письме о намерениях» от декабря 1999 г. за подписью главы Центрального банка Турецкой Республики Г. Эрчеля и государственного министра по экономике Р. Онала. В качестве главной цели экономической программы провозглашалось подавление инфляции и создание лучших перспектив для роста и обеспечения более высоких жизненных стандартов для всех слоев населения. Тремя основными пунктами программы были объявлены эффективное регулирование финансовой сферы, более высокая прогнозируемость динамики валютного курса и структурные реформы в экономике.

В сфере фискальной и валютной политики основными задачами являлось обеспечение первичного профицита бюджета и снижение уровня инфляции. В качестве «якоря» в процессе финансовой стабилизации был избран валютный курс, который по существу был объявлен фиксированным и должен был меняться в режиме «ползущей привязки» (темпы и время проведения очередной девальвации национальной валюты планировались заранее). Для обеспечения на практике предсказуемости валютного курса рост внутренних активов Центрального банка был ограничен ростом валютных резервов.

Структурные реформы рассматривались как совокупность мероприятий, направленных на укрепление государственных финансов посредством ликвидации неравномерности в распределении налогового бремени и отказа от системы неоправданных трат, в том числе связанных с действовавшей в стране неэффективной, по мнению специалистов МВФ, системой поддержки сельхозпроизводителей.

В первой половине 2000 г. Турции удалось добиться заметных успехов в борьбе с инфляцией: рост оптовых цен за период с января по апрель составил 16,2%, что соответствовало самому низкому уровню за те же месяцы предшествующих 13 лет[249]. Последовавшее снижение процентной ставки вызвало оживление производства и потребительского спроса, что одновременно с благоприятными условиями импорта обеспечило рост экономики по итогам года в 6,1%[250].

Однако со второй половины года темпы снижения инфляции стали отставать от запланированных: дефлятор ВНП по итогам 2000 г. составил 51,5% вместо запланированных 42,5%[251]. В условиях фиксированного валютного курса это означало удорожание турецкой лиры, что привело к росту спроса на импортные товары. К тому же выросли цены мирового рынка на энергоносители. В итоге дефицит по текущим операциям платежного баланса к концу года значительно опередил запланированный уровень в 1,8% ВНП, составив 4,8%[252]. На национальном валютном рынке усилилось беспокойство, поскольку под сомнением оказалась способность правительства твердо придерживаться запланированной политики валютного курса. В сложившейся ситуации иностранные инвесторы стали проявлять большую осторожность в отношении финансового рынка Турции, и во второй половине 2000 г. приток средств извне сократился. Замедление темпов роста валютных резервов ЦБТР в соответствии с требованиями избранной модели макроэкономической стабилизации привело к снижению темпов прироста денежной массы, что породило проблемы с банковской ликвидностью. В результате повысились краткосрочные процентные ставки, что еще более усилило настороженность иностранных инвесторов и их сомнения касательно будущего стабилизационной программы. Начался отток капитала из страны. Для нормализации ситуации в ноябре 2000 г. ЦБТР

[249] Ibid. S.22.
[250] Ekonomik rapor 2000. Ankara, TOBB, 2001. S.10.
[251] Capital. 1999. № 11. S.45; Capital. 2001. № 6. S.37.
[252] Capital. 2001. №6. S.37.

провел валютные интервенции в объеме 6 млрд. долл. В конце 2000 г. с целью недопущения развития кризиса были предприняты попытки ускорить проведение структурных реформ. Кроме того, важную роль сыграло достижение соглашения с МВФ о выделении 7,5 млрд. долл. для увеличения официальных валютных резервов[253].

Частично достигнутая стабилизация финансового рынка была нарушена разногласиями во властных структурах. В результате и в стране, и за ее пределами вновь упало доверие к проводимой стабилизационной программе, турецкая лира стала подвергаться массированным атакам. 19 февраля объем покупки долларов достиг 7,6 млрд.[254], после чего ЦБТР объявил о переходе к плавающему валютному курсу, что было равносильно неконтролируемой девальвации. По итогам 2001 г. ВВП страны сократился на 9,5%[255].

Валютно-финансовый кризис 2001 г. был обусловлен теми же причинами, что и кризис 1994 г.: сохранявшейся несбалансированностью в системе госфинансов, привлечением краткосрочных иностранных инвестиций в целях финансирования дефицита, зависимостью национальной экономики от колебаний в поступлениях внешних источников финансирования. Тем не менее, глубина двух кризисов и масштабы их негативного воздействия на экономику различны. По мнению ряда турецких исследователей, в силу ряда причин кризис 2001 г. оказался гораздо более драматичным. Так, известный турецкий экономист О.Улагай назвал следующие причины[256]. Во-первых, кризису 1994 г. предшествовали благоприятные для реального сектора тенденции в развитии экономики, тогда как кризису 2001 г. предшествовали 14 месяцев активной борьбы с инфляцией. Они явились трудным периодом перестройки для экономических

---

[253] Türkiye'nin Güçlü Ekonomiye Geçiş Programı. Ankara, 2001// URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+(1).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6

[254] Ibid.

[255] Economic Report 2004. Ankara, UCCET, 2005. P.127.

[256] Milliyet. 2001. 09.04.

агентов. Во-вторых, кризис 1994 г. разразился после двух лет, ознаменовавшихся исключительно высокими темпами роста. Что касается кризиса 2001 г., то предшествовавший ему в 2000 г. экономический рост в 6,1% мог лишь частично компенсировать его падение в 1999 г. В-третьих, кризис 1994 г. разразился в условиях отсутствия кредитного сотрудничества с МВФ. Кризис 2001 г. разразился на фоне активного сотрудничества правительства Турции с МВФ, что обернулось для последнего потерей авторитета в стране.

Вскоре после кризиса в апреле 2001 г. правительством была разработана и принята «Программа построения сильной экономики Турции», которая позиционировалась как программа устойчивого выхода страны из череды кризисов 1990-х-начала 2000-х годов[257]. Структурные изменения должны были охватить в том числе, государственные финансы. Предусматривалось повышение прозрачности и отчетности, введение закона, устанавливающего централизованный порядок привлечения государством внутренних и внешних займов и ограничение их объема запланированным объемом дефицита бюджета, предоставление правительством и Казначейством информации ЦБТР об объемах произведенных займов. Весьма существенно то, что валютно-финансовый кризис начала 2001 г., завершившийся переходом к свободно плавающему курсу лиры, освободив ЦБТР от обязательств по ограничению колебаний курса национальной валюты, актуализировал применение сдерживающей кредитно-денежной политики и ускорил принятие новой редакции закона о Центральном банке, существенно повысившей его независимость[258]. В соответствии с законом от 4 мая 2001 г. взаимоотношения Центрального банка и исполнительной власти ограничиваются лишь обязательством первого предоставлять Совету министров дважды в год отчет о проводимой и

[257] Türkiyenin Güçlü Ekonomiye Geçiş Programı// URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6/program+(1).pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=fc5a4a1a-63d9-4de3-bb8b-d56a61409df6

[258] Dünya. 2001. 05.05.

планируемой кредитно-денежной политике. Новая редакция закона не предусматривает предоставление ЦБТР кредитов Казначейству или другим государственным институтам. Изменился и характер деятельности ЦБТР на рынке ценных бумаг: банк не несет более ответственности за размещение на первичном рынке заемных обязательств казначейства и других государственных организаций и учреждений. Операции ЦБТР на открытом рынке сводятся исключительно к регулированию денежного предложения в соответствии с его собственными задачами.

Рассмотренные выше этапы в экономическом развитии Турции в 1980-90-е годы в основном совпадают с этапами, выделяемыми в официальных изданиях и турецкой научной литературе. Так, в тексте седьмого пятилетнего плана, подготовленного Государственной плановой организацией, были проанализированы итоги развития Турции на протяжении периода действия предшествующего шестого пятилетнего плана (1990-1994). При этом подчеркивалась необходимость выделения двух совершенно различных по своим макроэкономическим особенностям подпериодов: 1990-1993 и 1994 г. Первый подпериод характеризовался средними темпами роста в 6%, которые сопровождались высоким уровнем дефицита госфинансов и расширением внутреннего спроса, поддерживавшегося за счет притока краткосрочного иностранного капитала. В эти годы было ограничено использование выгод от ориентации экономики на внешние рынки, но экспансионистская фискальная политика обеспечила рост за счет внутреннего спроса при постоянном повышении цен. В 1994 г. основное значение было отведено стабилизационным мероприятиям и структурным реформам[259].

Вопросы периодизации экономического развития Турции в 1980-90-е годы занимали важное место в исследовательской деятельности отделения экономики одного из ведущих частных университетов Турции - Билькент

[259] Seventh Five Year Development Plan (1996-2000). Ankara, T.R. Prime Ministery, State Planning Organization,1995. P.5-7.

(Анкара). В работе, подготовленной с участием его декана - видного турецкого экономиста Э. Йелдана, «Динамика экономического роста, накопление и распределения в турецкой экономике после 1980 г.: интерпретация модели общего равновесия Калдора» выделяются: период послекризисного восстановления (1981-1982); период экспорториентированного роста (1983-1987); 1988 г. - год «изнурения» экономики; период нерегулируемой финансовой либерализации (1989-1993); финансовый кризис (1994); период послекризисного восстановления экономики (1995-1997)[260]. Но в более поздней работе экономистов того же университета Билькент послекризисный период охарактеризован как период возврата к экономическому росту с использованием краткосрочного иностранного капитала[261].

*****

Итак, приняв фискальную и кредитно-денежную политику Турецкой Республики в качестве важнейших направлений государственного экономического регулирования, которые длительное время реализовывались в условиях государственно-частной формы хозяйствования, мы получили принципиально иную картину периодов в экономическом развитии страны. Водоразделом в экономической истории Турецкой Республики оказывается середина XX в. И действительно, до 1950 г. бюджеты сводились преимущественно с профицитом, чередуясь с относительно редкими годами умеренных дефицитов. Монетарная дисциплина 1930-х была нарушена лишь к концу десятилетия и военные годы. В первые послевоенные годы Турция вернулась к профицитному бюджету. Но за всю вторую половину XX - начало XXI в. бюджет лишь четырежды

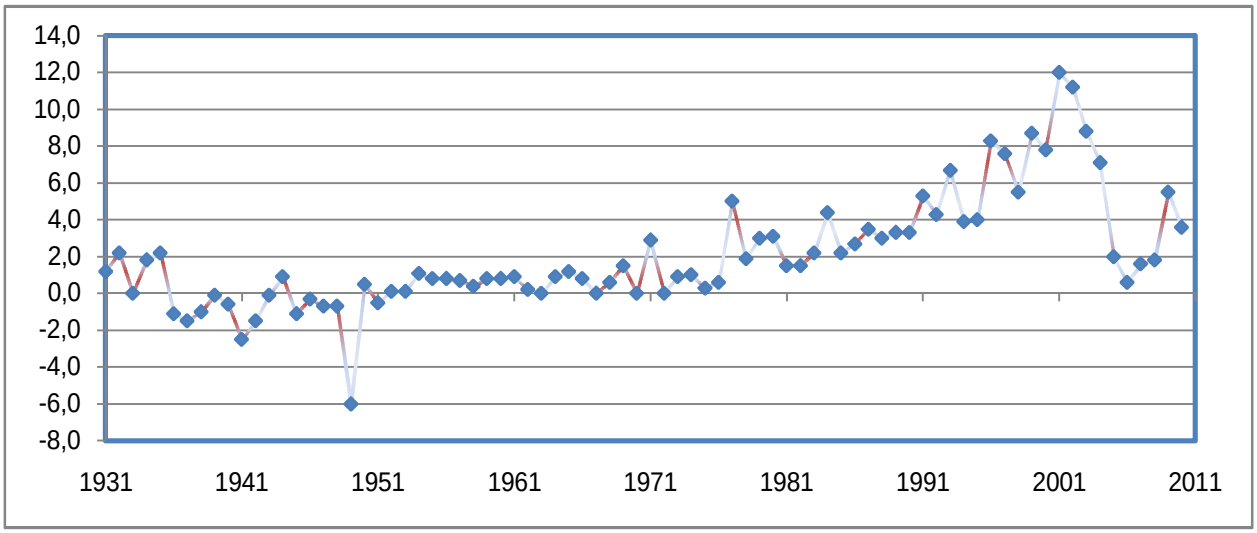
[260] Bulut H., Ozgur O., Recberoglu S., Volkan E., Voyvoda E, and Yeldan E. Dynamics of Growth, Accumulation and Distribution in the post 1980 Turkish economy: A Kaldorian General Equilibrium Interpretation. Ankara, Bilkent University, 1998. P.4-8.

[261] Ozcan K. M., Voyvoda E, Yeldan E. Dynamics of Macroeconomic Adjustment in a Globalized Developing Economy: Growth, Accumulation and Distribution, Turkey 1969-1998. Ankara, Bilkent University, 1999. P.9.

продемонстрировал избыток доходной части, а именно, в 1951, 1967, 1970 и 1972 гг. (см. рисунок 4).

Рисунок 4

Дефицит бюджета (% ВНП)*



Составлено по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TUİK. S. 645 ; Pakdemirli E. Ekonomimizin 1923den 1990a Sayisal Görünümü. İstanbul, İstanbul Milliyet Yayınları, 1995. S. 164; База данных Турецкого статистического общества: URL: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist

Изменения в характере фискальной политики произошли в условиях, когда сберегающая способность турецкой экономики оставалась на достаточно низком уровне. Поэтому ставший практически хроническим дефицит бюджета в той или иной степени покрывался посредством эмиссионной деятельности Центрального банка Турецкой Республики. На смену существовавшего до 1950 г. представления об основных задачах в деятельности Центрального банка страны как задачах по осуществлению консервативной кредитно-денежной политики и обеспечению стабильности цен пришло представление о возможности ослабления национальной валюты как вполне реальном экономическом сценарии. Были существенно расширены возможности Казначейства по использованию кредитных авансов (прямого финансирования) Центрального банка. Таким образом, многие турецкие исследователи видят основное отличие начавшегося после 1950 г. периода в том, что Центральный банк стал рассматриваться как источник

предоставления правительству и другим государственным институтам беззалоговых кредитов для финансирования хронических дефицитов[262].

Резкий поворот в кредитно-денежной политике страны после 1950 г. подтверждается существенным повышением среднегодовых темпов роста денежной массы (см. табл. 23)[263]:

Таблица 23

Среднегодовые темпы роста денежной массы (M1)

	1931-1939	1946-1950	1951-1960	1963-1970	1971-1980	1981-1990	19991-2000	2001-2010
Средне годовые темпы прироста (M1)	**4,75**	**-1,3**	**24,7**	**13,5**	**34,9**	**40,7**	**77,3**	**31,9**

Составлено и рассчитано по**:** Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. V.2. From the Foundation of the Republic to the Present. İstanbul: İstanbul Stock Exchange, 1999. S.139,254, 290; Iktisadi Rapor 1985. Ankara: Türkiye Ticaret, Sanayi Deniz Ticaret Odaları ve Ticaret Borsaları Birligi, 1985. S.186; Economic Report 1994. Ankara: UCCET, 1995. S.45; Economic Report 1995. Ankara, UCCET, 1996. S.56. Ekonomik Rapor 2001. Ankara: TOBB, 2002. S. 76; Economic Report 2004. Ankara: UCCET, 2005. S.67; Ekonomik Rapor 2006. Ankara: TOBB, 2007. S.64; Ekonomik Rapor 2008. Ankara: TOBB, 2009. S.90; Ekonomik Rapor 2011. Ankara: TOBB, 2011.S.208.

И действительно, по темповым характеристикам выделяются две группы схожих периодов. С одной стороны, опять же период 1930-х гг. и послевоенные годы, для которых характерны низкие среднегодовые темпы прироста денежной массы, не превышающие 4,8%[264], а с другой стороны, все десятилетия, начиная с 1950-х гг. и заканчивая первым десятилетием XXI в., для которых характерны кратно более высокие среднегодовые темпы роста денежной массы. Конечно, существует довольно значимый разброс темповых

[262] См., например,Bakır C. Mekezdeki Banka. Turkiye Cumhuriyet Merkez Bankasi ve Uluslararasi Bir Karşılastırma. Istanbul, İstanbul Bilgi Universitesi Yayınları, 2007. S.45.

[263] Составлено и рассчитано по**:** Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. V.2. From the Foundation of the Republic to the Present. Istanbul, Istanbul Stock Exchange, 1999. S.139,254, 290; Iktisadi Rapor 1985. Ankara, Türkiye Ticaret, Sanayi Deniz Ticaret Odaları ve Ticaret Borsaları Birligi, 1985. S.186; Economic Report 1994. Ankara, UCCET, 1995. S.45; Economic Report 1995. Ankara, UCCET, 1996. S.56. Ekonomik Rapor 2001. Ankara, TOBB, 2002. S. 76; Economic Report 2004. Ankara, UCCET, 2005. S.67; Ekonomik Rapor 2006. Ankara, TOBB, 2007. S.64; Ekonomik Rapor 2008. Ankara, TOBB, 2009. S.90; Ekonomik Rapor 2011. Ankara, TOBB, 2011.S.208.

[264] Годы Второй мировой войны как период чрезвычайных экономических мер, видимо, не могут считаться указывающими на принципиальное изменение в макроэкономических подходах, тем более, что в послевоенные годы произошел возврат к консервативной кредитно-денежной политике.

характеристик по отдельным десятилетиям, Так среднегодовые темпы роста денежной массы в 1950-е годы - свыше 24%- были существенно выше, чем 1960-е 13,5%, а финансовый «разгул» 1990-х при среднегодовых темпах роста денежной массы в 77% сменился относительной стабилизацией первого десятилетия 2000-х – 32% в год. Тем не менее, этот разброс наблюдается в общих рамках значительно более высоких темповых характеристик, чем в первой половине XX века.

Темпы прироста денежной массы, существенно превышавшие реальные темпы экономического роста, обусловили еще одну устойчивую особенность развития экономики во второй половине XX в.- начале XXI в. – высокую инфляцию (см.рисунок 5).

Рисунок 5

Рост государственных расходов, наблюдавшийся с середины XX в., привел не только к изменениями в характере кредитно-денежной политики, но и стал главным фактором более активного привлечения Турцией внешних источников финансирования на фоне хронического превышения инвестиций над сбережениями национальной экономики. В итоге в послевоенные годы наблюдался устойчивый абсолютный рост внешнего долга, сопровождавшийся, как правило, повышением относительных размеров задолженности. Например, с 373 млн. долл. в 1950

г. (7% ВНП) он вырос к 1970 г. до 1 млрд. 900 млн. (10% ВНП), в 1980 г. до 15,7 млрд. долл. (20% ВНП), затем к 1989 г. до 43,9 млрд. долл. (31% ВНП), 117 млрд. в 2000 г. (44,7% ВВП) [265]. Таким образом, можно выделить, по крайней мере, четыре важнейшие характеристики, нового, начавшегося в 1950 г. периода в экономическом развитии Турции, охватившего практически всю вторую половину XX в.: 1) экспансионистская фискальная политика; 2) экспансионистская кредитно-денежная политика; 3) выраженный инфляционный фон развития экономики; 4) рост внешней задолженности на фоне более активного привлечения внешних источников финансирования, в первую очередь, для обеспечения нужд государственных финансов. Таким образом, систематические финансово-экономические кризисы, которые можно считать еще одной специфической особенностью развития Турции во второй половине XX века, все чаще оказывались не только и не столько долговыми кризисами государства и, в существенно меньшей степени, частного сектора, сколько кризисами международного финансового рынка, перекрывавшего Турции доступ к ставшему практически постоянной потребностью использованию внешнего финансирования.

Отметим еще раз, что, несмотря на устойчивость названных характеристик, в различные периоды второй половины XX в. интенсивность их проявления была не одинаковой.

Однако выявление данных характеристик как устойчиво присущих экономическому развитию Турции позволяет сделать лишь общий предварительный вывод о неумеренности турецких властей в использовании методов стимулирования экономического роста и об отсутствии решимости к преодолению данной практики, которая в случае необоснованно пролонгированного использования неизбежно ведет к финансовой дестабилизации и кризисам. То есть в данном случае можно говорить о парадоксе скорее отрицательного воздействия широко использующихся

[265] Economic and Social Indicators (1950--2003). Ankara, DPT, 2004.
Table 1.1 и Table 3.1; İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TÜİK, 2012. S.678.

методов государственной экономической политики – бюджетно-налоговой и кредитно-денежной - на долгосрочный устойчивый рост валового продукта. То есть, общей для стран Востока закономерности отвечает активная государственная экономическая политика, но при этом, по крайней мере, неоднозначен характер воздействия такого ее важного направления, как финансовая, на общий ход экономического развития. Важно, что неоднозначность этого воздействия имела вполне предсказуемый, а не случайный характер, и, следовательно, представляла собой итог вполне осознанного выбора исполнительной власти в пользу «экзотики безудержного бюджетного стимулирования»[266]. Можно также отметить отсутствие политической воли к разрыву порочного круга экономического развития. Но причины подобного «слабоволия», если действительно суть проблемы заключалась именно в нем, остаются неясными.

Итак, ход экономической эволюции республиканской Турции, выстроенный на основе подходов современного макроэкономического анализа, когда каждому ее этапу или периоду соответствует определенный тип государственной финансовой политики оказался ограниченно продуктивным. Позволив охарактеризовать вторую половину XX века как период приверженности государственному финансовому экспансионизму с системой свойственных его длительному проведению издержек, данный подход не позволяет объяснить длительной и устойчивой повторяемости подобной экономической политики. Понимание ее причин, очевидно, требует выхода за рамки чисто макроэкономического анализа. То есть актуальным становится использование институционального подхода, который как раз предполагает расширение круга факторов, объясняющих экономическую динамику или специфику государственной экономической политики, за счет учета тех из них, которые имеют неэкономическую природу, то есть социальных, политических и проч.

---

[266] Мау В. Мир выходит из кризиса/ Ведомости. 22.01.2016.

Глава 3.
Экономическое развитие Турции второй половины XX в. в свете институционального подхода («Экономика популизма» в Турции)

3.1 Институциональные подходы как инструмент осмысления практики социально-экономического развития Турции

Итогом Главы 2 стало понимание необходимости вывода анализа за экономические рамки и включение в круг факторов, оказывавших существенное влияние на повторяемость трендов экономического развития институциональных факторов, прежде всего, государства со сложным комплексом присущих ему в восточных обществах интересов и целей, далеко не исчерпывающихся целями поддержания устойчивого экономического роста.

Далее необходимо сделать следующий шаг для перехода от общего институционального посыла к конкретизации и подбору методов институционального анализа, отвечающих задачам данного исследования.

Из изложенного в главе 2 следует необъяснимая с точки зрения экономической логики приверженность правительств Турции экспансионистской бюджетной политике, поощрявшей инфляционный рост, при этом его издержками оказывались неустойчивость и подверженность экономики систематическим финансовым/валютно-финансовым кризисам. Остается лишь предположить, что интересы долгосрочного устойчивого роста национальной экономики приносились в жертву текущим политическим интересам правительств, обеспечивавшихся краткосрочными экономическими успехами.

В современной научной литературе наиболее часто для анализа взаимосвязи экономики и политики используется теория политического делового цикла (политико-делового цикла, (political business cycle), возникшая на базе теории общественного выбора.

Теория общественного выбора основывается на таких неоклассических предпосылках, как методологический индивидуализм, концепция экономического человека, трактовка деятельности как обмена.

Один из ключевых тезисов основоположника теории общественного выбора Дж. Бьюкенена заключается в следующем: «Методы анализа рыночного поведения можно применить к исследованию любой сферы деятельности, где человек делает выбор»[267]. Таким образом, по мнению российского экономиста С. Скоробогатова, «принцип методологического индивидуализма доведен в этой теории до логического конца, поскольку свойства целого (государства, общества и т. д.) полностью выводятся из поведения отдельных людей» - резюмирует по поводу исходной посылки теории общественного выбора[268]. Что касается концепции «экономического человека» (homo economicus), то раскрывая ее содержание Дж. Бьюкенен писал: «…при исследовании поведения человека, делающего выбор под воздействием налоговых и государственных ограничений, необходимо предположить, что индивид отождествляет свои предпочтения с благами… мало у кого вызывает сомнение тезис об отождествлении личного экономического интереса с товаром, представляющим субъективную экономическую ценность для индивида…причина различия результатов функционирования рыночной и политической систем кроется в их неодинаковой структуре, а не в разных побуждениях людей, занятых в этих сферах»[269]. Он призывал любые коллективные действия рассматривать в экономическом ракурсе: «Если такой шаг сделан, мы можем распространить указанную концепцию о рациональности индивида как на рыночный, так и на коллективный выбор… Другими словами, предполагается, что индивид способен выбирать из различных альтернативных результатов коллективных

[267] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Нобелевская лекция/Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М., Таурус Альфа,1997. С. 20.
[268] Скоробогатов С.А. Институциональная экономика. С.20.
[269]Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С.21-22.

действий тот, который занимает высшее положение по его шкале полезности»[270].

Дж. Бьюкенен и Г.Таллок, комментируя сущность методологических принципов теории общественного выбора, писали в своей работе «Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии»: «В данной книге мы попытались перенести допущения экономиста на анализ поведения индивида, участвующего в политическом процессе»[271].

Признавая известную условность допущения о рациональности и информированности индивида, они все же настаивали на том, что «пригодность модели рационального поведения для анализа политического выбора ограничена в несколько меньшей степени, чем это могло бы показаться», и полагали, что их концепция «действительно содержит какие-то объяснения» некоторых аспектов политической организации[272].

Наконец, из двух первых постулатов логически следует трактовка Дж. Бьюкененом политики как процесса обмена: «Политика есть сложная система обмена между индивидами, в которой последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей, так как не могут реализовать их путем обычного рыночного обмена. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных»[273]. Комментируя идею трактовки политики как процесса обмена, Р.Нуреев уточнял, что в ее рамках избиратели и политики трактуются как индивиды, обменивающиеся соответственно голосами и предвыборными обещаниями[274].

«Применение концепции обмена к анализу политики опровергает известное философское заблуждение, что люди участвуют в политической деятельности, движимые общим стремлением к поиску добра,

---

[270] Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии/ Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. С.70.
[271]Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. С. 197-198.
[272] Там же. С. 74, 198.
[273]Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С.22-23.
[274] Нуреев Р. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора. С.455.

справедливости и красоты» - рассуждает далее Дж. Бьюкенен[275]. Развивая эту мысль, Р. Нуреев, отмечал, что теория общественного выбора «последовательно разоблачает миф о государстве, у которого нет никаких иных целей кроме заботы об общественных интересах»[276]: «“Рациональные политики”» склонны поддерживать, прежде всего, те программы, которые способствуют росту их престижа и повышают шансы одержать победу на очередных выборах»[277].

Именно поэтому теория общественного выбора рассматривается многими экономистами-теоретиками в качестве «новой политической экономии». К ее заслугам следует отнести то, что она поставила вопрос о провалах государства (правительства) – случаях, когда государство не в состоянии обеспечить эффективное распределение и использование общественных ресурсов. В связи с этим Дж. Бьюкенен настаивал на необходимости «контролировать и институционально ограничивать масштабы и сферу правительственной деятельности», ограничений в «бюджетной» конституции на величину доходной и расходной частей бюджета[278].

Из теории общественного выбора следуют основные посылки, на которых базируется концепция политического делового цикла:

- правительства стремятся выиграть выборы, для чего им необходимо максимально увеличить количество полученных голосов;

- избиратели имеют экономически мотивированные предпочтения, что влияет на их выбор при голосовании;

- правительства могут манипулировать экономикой для повышения своих шансов на переизбрание, для чего современные демократические системы создают необходимые предпосылки.

---

[275] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. С.22.
[276] Нуреев Р. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора. С.454.
[277] Там же.
[278] Там же. С. 398.

Наиболее популярная модель В. Нордхауза исходит из того, что целью политических партий является победа на выборах. При этом популярность правящей партии, а значит, и ее шансы на победу зависят от состояния экономики в период, предшествующий выборам. Поэтому в экономике формируются циклические процессы, то есть практически любое правительство в непосредственно предшествующий выборам период склонно проводить политику стимулирования роста и социальных выплат, тогда как послевыборный период всегда отличает повышенная макроэкономическая жесткость. То есть речь идет о чередовании двух вариантов политики - антиинфляционной и социальной (нацеленной на борьбу с безработицей) при предположении, что активны взаимосвязи, описываемые кривой Филипса, а избиратель имеет минимальный электоральный опыт и оценивает текущие действия властей, практически не прогнозируя естественные последствия той или иной политики[279].

Но данная модель разработана для условий стабильных демократий, то есть, прежде всего, для развитых стран. Ее применение, например, к условиям стран с иной системой политический реалий требует введения в анализ ряда допущений. Необходимость учета национальной специфики при использовании анализа в рамках подходов политико-делового цикла привела российских исследователей В. Мау, С. Синельников-Мурылев и Г.Трофимова к выводу о наличии различных типов взаимодействия экономических и политических процессов[280]. Один из этих типов протекает в условиях эволюционного (стандартного) политико-делового цикла. Он характерен для устойчивых рыночных демократий. Но взаимодействие может осуществляться и в рамках цикла экономики популизма, который формируется в условиях неустойчивости экономических и политических структур, нередко в периоды перехода от авторитарных (или традиционных)

[279] См. Мау В, Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.51.
[280] См. там же. С.45.

обществ к демократическим. Такого рода циклы развиваются на фоне только еще формирующихся демократических институтов, отсутствия демократических традиций и устойчивых механизмов трансформации экономических интересов влиятельных социальных групп в политические формы осуществления государственной власти.

Дальнейшее рассуждения о специфике такого цикла требуют раскрыть подробнее само понятие экономического популизма.

В. Мау, С. Синельников-Мурылев и Г. Трофимов, подчеркивая, что понятие «популизм» отнюдь не относится к эмоциональным или морализаторским, но имеет достаточно строгий экономических смысл, определяют его следующим образом: «Популизм, рассматриваемый как экономическое явление, представляет собой определенный тип политики, при котором правительство пытается добиться высоких темпов роста при помощи активного перераспределения создаваемого в стране национального дохода, резкого расширения внутреннего платежеспособного спроса и готовности ради этого выходить за ограниченные рамки государственного бюджета. *Последний элемент особенно важен, поскольку в нем состоит различие между обычной популистской политикой, достаточно широко распространенной в XX столетии, и популизмом экономически»* (Курсив Н.У.)[281].

[281] Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. М., Институт экономических проблем переходного периода. Научные труды №1Р, 1996. С.53.
Отличие, о котором пишут авторы, видимо следует считать определяющим и при дифференциации экономического популизма и традиционных мер кейнсианской политики, которая рассматривает бюджетную экспансию как антициклическую (антикризисную) меру, предполагает временный характер ее использования, последующий переход к мерам бюджетной экономии в фазе подъема экономики, а значит, согласующуюся с целями стабильного развития ответственную в целом в рамках экономического цикла фискальную политику.

Р.Кауфман и Б.Сталлингс – авторы главы «Политическая экономия латиноамериканского популизма» в книге «Макроэкономика популизма в Латинской Америке»[282] подробно исследовали те особенности национального политического процесса, который обусловил привязку экономического развития стран Латинской Америки к повторяющейся траектории популистского политического круга, в ходе движения по которому правительства стремились активизировать экономический рост за счет стимулирования внутреннего потребления и активной перераспределительной политики. Популизм Р.Кауфман и Б.Сталлингс определяют как набор мер экономической политики, направленный на достижение особых политических целей. При этом политические цели включают получение поддержки со стороны определенных групп интересов или же, напротив, политическую изоляцию групп, рассматриваемых как враждебные, а меры экономической политики – бюджетный дефицит с целью расширения внутреннего спроса, рост номинальной заработной платы и контроль над ценами для более эффективного перераспределения дохода в пользу групп поддержки правительства, контроль за валютным курсом или же политику утяжеления национальной валюты для сдерживания инфляции и роста реальных доходов групп населения, не занятых непосредственно материальным производством.

Как видим, речь идет о мерах экономической политики, долгосрочные последствия которых сомнительны или даже негативны, но эффективно обеспечивающих ту самую покупку голосов, о которой писал Дж. Бьюкенен.

Проявления экономического популизма принято связывать, прежде всего, со значительным неравенством доходов, которое характерно для стран Латинской Америки. Американский финансист А. Гринспен рассматривает

[282]См.:Kaufman R., Stallings B. The Political Economy of Latin America Populism/ The Macroeconomics of Populism in LatinAmerica. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1991.

экономический популизм как реакцию обнищавшего народа на несостоятельность общества, где в представителях экономической элиты видят угнетателей[283]. В. Мау и соавторы среди важнейших предпосылок возникновения популистской экономической политики также называют существенную поляризацию общества, резкий разрыв между богатыми и бедными. «По вполне понятным причинам – пишут они - это усиливает общий уровень перераспределительных настроений в обществе. Тем более, когда богатство сосредотачивается не просто в руках у предпринимателей, а в строго определенных, узко очерченных секторах экономики и основной массой населения воспринимается как социально ущербное (аристократы-латифундисты, или наживающиеся на дешевизне местной рабочей силы иностранцы)»[284].

Подчеркивая предсказуемо негативные итоги политики экономического популизма, при которой «правительство не задумывается… об экономических возможностях повышения или хотя бы поддержания благосостояния нации», исследователи данного феномена обращают внимание на его исключительную живучесть. «Особенно удручает то, что даже плачевные экономические результаты популистской политики, которой в тот или иной период после Второй мировой войны увлекались почти все правительства региона (Латинской Америки –Н.У.), не отбили желания вновь прибегать к популистским методам» - пишет А. Гринспен[285]. Об этом же пишут В. Мау и соавторы: «Многие страны в XX столетии, раз начав популистские мероприятия, вскоре обнаруживали себя в ловушке, когда популистский курс порождал необходимость проведения болезненной макроэкономической стабилизации, тяготы которой вновь толкали страну на

[283] Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М., Сколково. Московская школа управления, 2010. С. 323.
[284] Мау В, Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.56.
[285] Гринспен А. Эпоха потрясений. С. 322.

путь популизма, за которым следует очередная попытка стабилизации, и так далее»[286].

Пытаясь объяснить «устойчивость» латиноамериканского популизма, Р.Кауфман и Б. Сталлингс обращают внимание на то, что обычно аналитики разделяют политические режимы стран региона на «авторитарные» и «демократические». Но они считают полезным ввести еще и категорию «переходных демократий» (transitional democracies)[287]. При этом авторитарные режимы они определяют как не допускающие конкурентные выборы и ограничивающие возможность действий как оппозиции, так групп интересов. К демократическим причисляются режимы, при которых правительства получают и уступают власть в результате конкурентных выборов, терпимо относятся к оппозиции и имеют дело с относительно независимыми группами интересов. Переходная демократия – та, что возникает в условиях перехода от авторитарного режима к демократическому, при этом несколько смен правительства необходимы прежде, чем демократия может быть признана консолидированной

Наиболее распространенной формой авторитарного режима считается военное вмешательство. «При этих обстоятельствах – пишут Р.Кауфман и Б.Сталлингс – популистская политика маловероятна, так как правительство изначально не опирается на общественную поддержку. Тем не менее, в конце авторитарного периода может проявиться околопопулистская политика, нацеленная на то, чтобы улучшить репутацию военных перед их возвращением в казармы»[288].

В долгосрочной перспективе неизбежно смещение военного режима, что приводит к установлению переходной демократии. В подобных ситуациях, как правило, либо группы интересов представлены партиями, которые систематически исключаются из выборной борьбы, или же в условиях

---

[286] Мау В, Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.59.

[287] См.:Kaufman R., Stallings B. The political Economy of Latin America Populism. P.26.

[288] Ibid.

многопартийности конкурирующие политические элиты не могут привлечь устойчивое большинство избирателей. По мнению Р.Кауфмана и Б. Сталлингса, существует несколько причин, в силу которых переходные демократии особенно склонны к проведению популистской политики. Первое, переходные демократии наиболее вероятны в странах с временно существующими или неустойчивыми многопартийными системами, для которых изначально характерны популистские тенденции. Второе, переходные демократии сталкиваются с завышенными экономическими ожиданиями своих сторонников. Третье, в условиях новоиспеченных демократий институциональная неустойчивость приводит к сокращению временных горизонтов как уполномоченных правительств, так и их оппонентов. Для таких правительств возникают дополнительные премиальные дивиденды в случае удовлетворения ожиданий в области перераспределения доходов на ранней стадии пребывания у власти, что одновременно обеспечивает снижение политических рисков, связанных с последующими проблемами с платежным балансом и инфляцией. Институциональная неустойчивость и ограниченные временные горизонты смягчают реакцию в отношении экономических дисбалансов со стороны оппозиционных политических партий и иных экономических агентов. Более того, они также получают выгоды от ускорения экономического роста, поэтому для лиц наемного труда и других групп влияния оказывается вполне типичным стремление к «нереально высокой» заработной плате, даже если они знают, что в перспективе она будет съедена инфляцией.

Как отмечают Р.Кауфман и Б. Сталлингс, консолидированные демократии, как и авторитарные режимы, менее склонны экспериментировать с популизмом, чем переходные. Причины – в принципиальных отличиях первых двух от последних. В условиях консолидированной демократии одна или две партии формируют правящие элиты, за которыми стоит уверенное электоральное большинство. Иначе говоря, к консолидированной демократии общество приходит, когда

складываются устойчивые правящие блоки, а неожиданные смены режима маловероятны. В условиях более широких временных горизонтов для вновь избранного правительства может оказаться целесообразным начать проведение непопулярной политики в ранний период правления с тем, чтобы приобрести политические выгоды от успеха на более поздней стадии. К тому же, подобно авторитарным режимам, консолидированные демократии не слишком полагаются на удовлетворение материальных требований, так как их легитимность зависит не только от экономических, но и политических факторов[289].

Мысль о наличии институциональных предпосылок устойчивой политики экономического популизма разделяют и В.Мау и соавторы: «Ведь вероятность выбора популистского курса выше, когда “при наличии в стране многопартийности, политические элиты оказываются неспособны сформировать устойчивое правительственное большинство”. А неустойчивое правительство гораздо более уязвимо в своей деятельности и гораздо более склонно к осуществлению мероприятий популистского характера»[290].

Колебания экономической политики при эволюционном политико-экономическом цикле являются относительно умеренными по амплитуде и не выходят за рамки естественных бюджетных ограничений, тогда как для цикла экономики популизма характерны сильные колебания, при которых власти прибегают то к инфляционной накачке хозяйства, то к комплексу мер более или менее жесткой макроэкономической стабилизации. Таким образом, политика экономического популизма - это экономическая политика фазы стимулирования экономики, которой теоретически и должны ограничиваться временные рамки ее проведения, тогда как популистский цикл включает еще и фазу компенсации, то есть фазу фискального и кредитно-денежного ограничения.

---

[289] Ibid. P.26-27.

[290] Мау В, Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.57.

Другой важной отличительной характеристикой циклов является механизм восприятия институтами власти сигналов, идущих от сограждан или экономических агентов. При эволюционном цикле политики ориентируются обычно на привлечение (“покупку”) голосов избирателей, как бы предвосхищая их желания своими действиями. Популистская же политика реактивна, то есть власти реагируют (с определенным временным лагом) на позиции влиятельных групп интересов и (или) на общественные настроения (усталость от тягот жесткой стабилизационной политики или же от неустойчивости жизни в условиях высокой инфляции)[291].

Но как следует из изложенного выше, демократия, то есть наличие какой-либо модели свободного обмена голосами и предвыборными обещаниями между избирателями и кандидатами на выборах, а также предполагаемая в его рамках более или менее эффективная процедура формирования законодательной и исполнительной власти является необходимой предпосылкой возможного формирования популистского делового цикла. Поэтому попытки использовать соответствующие теоретические подходы для анализа особенностей экономического развития восточных обществ, демократические традиции в которых слабы и только переживают период формирования, могут показаться преждевременными.

Речь, конечно, не идет о том, чтобы рассматривать предлагаемые теоретические подходы как универсальные, а о возможности их применения к довольно ограниченной группе развивающихся стран, избежавших классических форм колониальной зависимости, гораздо раньше по сравнению с другими странами этой группы вставших на путь решения задачи достижения экономической самостоятельности посредством реализации стратегии импортзамещения и ранее других приступивших к формированию и развитию институтов выборной власти. Поэтому эти страны располагают имеющими некоторую длительность демократическими

[291] Там же, С. 45-46.

традициями, хотя и специфическими с регулярными отступлениями, выражавшимися в переходе власти в руки военных правительств. На Востоке к такого рода странам относится Турция[292].

3.2 Предпосылки обращения к политике экономического популизма и особенности ее проявления в 1950-1970-гг.

«Мы, политики, используя ресурсы далеко не самым разумным образом, пытались управлять страной на основе демократии. Цена демократии оказалась для Турции очень высокой».

(Из интервью депутата Меджлиса бывшего Министра иностранных дел Е.Гюнеша газете «Миллиет» 19.01.1979)[293]

По итогам анализа, проведенного в главе 2 , удалось констатировать устойчивую приверженность турецкой элиты мерам расширительной фискальной и кредитно-денежной политики, которая зачастую выходила за рамки экономической целесообразности. Но остаются не выясненными ее причины.

Что мешало, например, правительству ДП придерживаться более разумной и менее рискованной политики? По всей видимости, дело заключалось вовсе не в недостатке понимания взаимосвязей в рамках

[292] Идею сходства исторических, политических и экономических судеб стран Латинской Америки и Турции находим, например, у турецкого исследователя З.Ониша. Сравнивая Аргентину и Турцию, он писал: «В условиях относительно новой и хрупкой демократии обе страны переживали время от времени периоды нагнетания экономического роста как результат их неспособности создать стабильную, свободную от кризисов экономическую и политическую обстановку» (Öniş Z. VarietiesandCrisesofNeo-LiberalGlobalisation: Argentina, Turkey and the IMF. Ankara-Wash., 2006/http://home.ku/edu.tr-zonis/Argentina.pdf –Benzer

[293] Цит по: Erken N. Türkıye Kısa İktisat Tarihi. 7 Eülül 1946'dan 15 Mayıs 2008'e. İliştirilmiş Ekonomi. IMF-Dünya Bankası Düzeninde 62 Yıl. Ankara, ODTÜ Yayıncılık, 2009. S.xii.

складывавшейся экономической ситуации и их неотвратимых последствий. В докладе о бюджете на 1957 г. министр финансов правительства ДП заявил: «…объем национальной валюты в обращении следует за развитием в различных секторах производства пропорционально и параллельно росту национального продукта»[294]. Хотя данное заявление не соответствовало реальности, оно, по крайней мере, свидетельствовало о полной осведомленности правительства о том, как должно было бы быть.

Как писали Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон в своей книге «Почему нации терпят поражение», «…если невежество привело нас к бедности, то просвещенные и информированные правители и политики могут нас вывести из этого состояния, и мы должны были бы оказаться в состоянии "распространять" процветание по всему миру, обеспечивая правильные советы и доводя до сведения политиков, что есть хорошая экономика. Тем не менее, …главное препятствие на пути к тому, чтобы проводить политику, которая снизила бы провалы рынка и способствовала бы экономическому росту – это не невежество политиков, а те стимулы и ограничения в виде *политических* (курсив Н.У.) и экономических институтов, с которыми они сталкиваются в своих странах»[295].

Как мы предположили выше, система этих стимулов и ограничений с середины XX века срабатывала в Турции таким образом, что заставляла делать действующих политиков делать выбор в пользу политики экономического популизма.

Действительно, участившиеся и ставшие по существу хроническими бюджетные дефициты указывают на активную перераспределительную политику. Но тогда более глубоко аргументированное определение проводившейся экономической политики как популистской требует выявить те социальные группы, в интересах которых осуществлялось чрезмерное относительно возможностей бюджета перераспределение, а также

[294] Budget Speech 1957. P.11.
[295] Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York, Crown Publishers, 2012. P.81.

обнаружить те политические выгоды, которые мерами экономической политики реально обеспечивала или, по крайней мере, предполагала обеспечить себе действующая власть.

Допустив, что для правительства Демократической партии поддержание высоких темпов экономического роста было важнейшей частью *политической программы*, можно сформулировать версию, объясняющую настойчивость демократов в проведении рискованных и не всегда объяснимых с рациональной точки зрения экономических мер.

Мысль, что образ действий ДП был вдохновлен не столько экономической, сколько политической логикой была высказана М.Сингером в ходе его попыток осмыслить глубинные факторы, определившие особенности развития Турции в 1950-е гг.: «Рост осуществлялся не по плану, нескоординировано, одновременно на возможно большем количестве направлений. А. Мендерес заявлял, что его план заключается в отсутствии плана. Если экономическая экспансия, происходившая под его руководством, и имела определенную направленность, она, безусловно, была *политической*…»[296] - писал М. Сингер. «Не демократам принадлежит открытие того факта, что кредиты центрального банка можно использовать для достижения своих *политических* целей, однако они не жалели усилий в их использовании и разнообразном применении» - уточнил он ниже[297]. И далее: «Демократы проводили экономическую политику, которая благоприятствовала экономическому росту за счет стабильности цен – выбор, за который их трудно обвинять, но характер проведения этой политики может быть охарактеризован как несдержанный. Кредитно-денежная, ценовая политика – все было подчинено цели экономического роста… Неотвратимым следствием стала серьезная инфляция, которая не только поставила под угрозу *политическую популярность демократов* (здесь и

[296] Singer M. Economic Development in the Context of Short-Term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.474.
[297] Ibid. P.348.

выше курсив Н.У.), достигнутую столь высокой ценой, но и мешала экономическому росту»[298].

Весьма близкие оценки сущности экономической политики ДП дает турецкий исследователь Н.Джешар: «Целью демократической партии, отстаивавшей в экономической и политической сфере либерализм, был быстрый экономический рост». И далее: «Для Демократической партии, не усматривавшей во внешних займах и иностранном капитале угрозы для политической независимости, экономический рост являлся единственной приоритетной целью»[299]. Н.Джашар цитирует турецкого автора Ф.Ахмада, который характеризовал политику демократов как «политику экономического роста любой ценой»[300].

Но, пожалуй, самое главное, что партийные документы, официальные выступления членов правительства открыто провозглашали ускорение экономического роста как важнейшую задачу, которая, прежде всего, должна была обеспечить отличие периода правления ДП от «безрадостной» экономической картины предшествующих лет республики.

Так, в представленном парламенту докладе о бюджете на 1957 г. министр финансов правительства ДП Н.Окмен**,** характеризуя экономическую и фискальную политику правительства как конструктивную и динамичную заявил: «…ваше правительство (правительство ДП – Н.У.) положило конец рестриктивной и интервенционистской политике этатизма прежней администрации; в противоположность предшествующей политике были осуществлены инвестиции для того, чтобы мобилизовать богатый природный потенциал страны; был создан благоприятный климат для реализации частных инвестиций в различных сферах; проводилась ценовая политика, направленная на стимулирование сельскохозяйственного производства; было расширено кредитование для осуществления инвестиций, необходимых для развития сельского хозяйства и

[298]Ibid, P.333, 380-381
[299] Ceşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi. 2005. №60-1. S. 31,33.
[300] Там же, с.33.

промышленности, и еще большие по объемам инвестиции из государственного бюджета выделялись ежегодно в отличие от того, как это было до 1950 г., в производственные и жизненно важные сектора. Было придано самое большое значение инвестициям, которые напрямую связаны с экономическим развитием страны таким, как в строительство дорог хорошего качества, крупных плотин, тепловых и гидроэлектростанций, больших ирригационных систем, современных портов, о создании которых никогда не заботилась прежняя администрация, на эти цели были мобилизованы финансовые, административные и технические ресурсы»[301].

С учетом этого главного экономического целеполагания правительства ДП, с гордостью подчеркивавшего свои «значительные усилия по развитию»[302], издержки политики ускорения экономического роста в виде инфляции или возросшего внешнего долга рассматривались как вторичные и не существенные. В докладе о бюджете на 1955 г. министр финансов Н.Окмен прокомментировал ситуацию следующим образом: «Действительно, количество денег в обращении за период нашего правления возросло, но в то же время нельзя отрицать тот факт, что и производственный потенциал страны вырос многократно. Следует уточнить, что увеличение денежной массы поощряло и поддерживало этот экономический рост, достигший полного размаха»[303].

Один из деятелей правительства Ф.Кепрюлю в своем интервью газете Франс Пресс заявил: «…мы будем привлекать иностранный капитал в нашу страну. Если мы будем зависеть только от своих собственных ресурсов, нам придется ждать долгие годы прежде, чем мы достигнем более высоких жизненных стандартов»[304].

Таким образом, в качестве ключевого элемента экономической политики ДП следует выделять именно стимулирование экономического

[301] Budget Speech 1957. P.40-41.
[302] Ibid. P.94.
[303] Turkish financial history: from the Ottoman Empire to the Present - Volume II "From the foundation of Republic to the present". İstanbul, İstanbul Stock Exchange, 1999. P. 245
[304]Ibid. P. 242.

роста, при этом создание крупных инфраструктурных и производственных объектов, государственная поддержка сельского хозяйства, либерализация импорта и рост масштабов привлечения иностранных источников финансирования являлись составными частями стратегии ускорения роста, в то время как обострение проблемы бюджетного дефицита и внешней задолженности – издержками неумеренного стремления к его поддержанию.

Но остается неясным, почему столь высоки были политические ставки, сделанные правительством ДП на экономический рост.

М. Сингер предложил свою версию ответа на этот вопрос. Он обратил внимание на то, «…что как правило, процесс принятия политических решений в Турции мало связан с долгосрочными интересами, распространяющимися на временные периоды более протяженные, чем одно десятилетие. Политические решения принимаются с расчетом на их применение в краткосрочном периоде, к случаю, и даже носят характер приспособленческий (оппортунистический)»[305]. При этом М. Сингер отмечал, что в турецкой истории, существовали и исключения, связанные с пребыванием у власти выдающихся лидеров, например, султана Мехмеда II или первого президента республики М.К. Ататюрка, которые ориентировались на долгосрочные цели. Впрочем, как любые исключения, они подтверждают общее правило.

Наиболее существенным фактором уклонения государственных лидеров от решения долгосрочных задач М. Сингер считал *приход демократии, оформившийся как переход Турции к многопартийной системе* (курсив Н.У.). Он отмечал, что поскольку многопартийная система означала наличие двух основных конкурирующих партий, партия, победившая на последних выборах, более всего была озабочена сохранением власти. Для достижения этой цели она была вынуждена предпринимать популярные шаги или, по крайней мере, делать вид, что предпринимает их. Это означало, что она в

[305] Ibid. P.464.

большинстве случаев не могла отдавать предпочтение действиям в пользу будущего развития, которые снизят ее шансы на получение голосов избирателей. «Неудачные попытки правительства обложить налогом сельское население в целях развития - одно из ярких проявлений данного феномена. Власть даже не пыталась сформулировать долгосрочную фискальную стратегию, напротив, фискальные нужды покрывались за счет дефицитного финансирования и того, что могли обеспечить налоги, взимавшиеся при условии минимальных политических потерь» - писал М.Сингер[306].

Он особо подчеркивал, что предположение о том, что демократия в Турции или где-либо еще привела к тому, что не уделялось достаточного внимания выработке долгосрочной стратегии развития, не следует истолковывать в том смысле, что диктатура или однопартийная система непременно нацелены на решение долгосрочных задач. «Правда состоит в том, что лишь некоторые такого рода правительства проявляли озабоченность решением подобных проблем. И тем не менее, … представляется более вероятным, что однопартийный режим использует ту или иную форму долгосрочного видения. И особенно в случае, когда во главе стоит лидер, подобный Ататюрку» - писал М.Сингер. При этом он отмечал, что «демократы (правительство ДП – Н.У.), возможно, устроили худшую демонстрацию того, как демократическая система может помешать экономическому развитию страны»[307]. «Если бы переход к многопартийной системе был отложен на 10-15 лет, то не следует исключать, что до конца 1950-х годов турецкая экономика развивалась бы более рационально и целенаправленно» - предполагал М.Сингер[308].

Ряд турецких авторов также разделяют мнение М. Сингера о том, что исключительная концентрация правительства ДП на цели ускорения экономического роста была обусловлена фактором обострившейся

[306] Ibid. P.468-469.
[307] Ibid. P.469,474.
[308] Ibid. P.484.

политической конкуренции. Так, И. Парасыз в своей работе «Турецкая экономика» главу, посвященную 1950-м, назвал «Период поворота к рыночной экономике, на протяжении которого проводилась кейнсианская экспансионистская политика расширения спроса и инфляционного роста». Он писал: «Произошедшее в 1950 г. изменение во власти стало причиной приверженности стратегии экономического роста любой ценой»[309]. И далее: «Пришедшее к власти в 1950 г. правительство, проводя всеми средствами политику экономического роста, прежде всего, стремилось повысить покупательную способность приведшего его к власти сельского населения. Кроме того, оно стремилось расширить и укрепить частный сектор. Наиболее важным инструментом достижения этих целей стали средства Центрального Банка, а последствием его применения – инфляция» [310].

О 1950 г. как начале нового периода в истории Турции, в том числе экономической, писал турецкий автор Ч.Кейдер: «Выборы 1950 г. стали в истории Турции поворотным пунктом… После того, как в 1946 г. было принято решение о создании многопартийного меджлиса, предоставлении всеобщего права голоса и разворота политики к избирателю, был положен конец единодушию во власти…Представители меджлиса… принялись выступать перед избирателями с заверениями в том, что только они могут представлять волю народа. Так в политике установилась практика использования популистских заявлений»[311]. Но существенно важно, что эти заявления не противоречили и образу действий, по крайней мере, в экономике.

Следует еще раз подчеркнуть, что экономические издержки, приписываемые демократии как таковой и ее процессу закрепления в политической жизни Турции, в большей мере свойственны именно переходному периоду в ее развитии, предшествующему достижению «консолидации». Важное уточнение в связи с последним обстоятельством

[309] Parasiz I. Turkiye Ekonomisi. Bursa, EZGI Kitabevi Yayınları, 2003. S.109.
[310] Ibid. S. 153.
[311] Keyder C. Türkiyede Devlet ve Sınıflar. Istanbul: IletisimYayinları, 2001. S.163.

сделал отечественный востковед-политолог В.И. Данилов. Объясняя феномен Турции тем, что «турецкому обществу было еще очень далеко до западных стандартов общественно-политической институционализации гражданского общества», он писал: «Шел процесс вестернизации политической системы, а это означало болезненное внедрение западных политических норм и институтов в остававшуюся достаточно традиционной местную почву. Все это обуславливало то, что с самого начала введения политического плюрализма борьба в его рамках основных политических противников по большей части проходила, что называется «на грани фола»»[312].

При этом В. Мау и соавторы допускают расширительное толкование политических целей популистской (перераспределительной) политики, соглашаясь с тем, что они могут заключаться и собственно в высоких темпах роста, тем более, что они являются инструментом обеспечения весьма широкой электоральной поддержки. Случай Турции 1950-х гг. как раз являет собой пример такого совмещения, когда повышение темпов роста оказалось содержанием «особых политических целей», отвечавших чаяниям даже более широких групп интересов, чем собственно целевые - крестьянство и предпринимательские круги, на которые в первую очередь ориентировалось правительство ДП.

В. Мау и соавторы уточняют, что существует два пути решения задачи расширения внутреннего спроса, которому отводится ключевая роль в поддержании экономического роста: «С одной стороны, всемерно наращивать государственные расходы (инвестиции, закупки и пр.). С другой стороны, при помощи комплекса мер социальной политики добиваться быстрого роста реальных доходов и на этой основе - потребительского спроса»[313]. Очевидно, что в 1950-е гг. в Турции использовался первый путь -

---

[312] Данилов В.И. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества/ Эволюция политических систем на Востоке. М., ИВ РАН, 1999. С.188-189.

[313] Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. Научные труды,

рост государственных расходов (в первую очередь, инвестиций), что было связано с тем, что Турция исторически являет собой пример весьма раннего обращения к политике экономического популизма в развивающихся странах, поэтому началу перераспределительной политики в виде роста реальной заработной платы должен был предшествовать период экономического роста и формирования потенциала национальной промышленности. Все это определило специфику начального этапа турецкого популизма, когда большое значение уделялось активизации государственных инвестиций в промышленность и инфраструктуру. Меры по повышению реальных доходов населения также применялись, но пока не в виде повышения зарплат, как предполагается в классическом случае, а через систему субсидий и льготных кредитов для сельхозпроизводителей, что было вполне логично с учетом ярко выраженного аграрного характера турецкой экономики середины XX века[314].

Началу фактического проведения политики экономического популизма в 1950-е годы предшествовало формирование ее экономических, политических и социальных предпосылок. Их основной перечень и сущность сформулировали В. Мау и соавторы, подчеркивая, что наличие в той или иной стране их комплекса «позволяет с высокой степенью вероятности ожидать “запуска” популистского механизма». В частности, они отмечают, что «популистскому курсу обычно предшествует более или менее последовательная попытка проведения ответственной (ограничительной) макроэкономической политики, крайне непопулярная в общественном мнении и одновременно позволяющая накопить определенные валютные резервы. Социальные тяготы этой политики делают ее уязвимой для демагогической критики левого и националистического характера, а само наличие валютных резервов является необходимым условием для осуществления популистских мероприятий. Ведь проводя популистский

№ 1Р. М., 1996, Институт экономических проблем переходного периода. С.54.

[314] В 1950 г. в сельском хозяйстве Турции было создано около 42% ВНП (при подсчете в текущих ценах). Подсчитано по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TÜİK, 2012. S.691.

курс, правительство должно иметь определенные накопления, чтобы при их помощи поддерживать сбалансированность на внутреннем рынке, обеспечивая импорт потребительских товаров и удовлетворяя спрос “национальной промышленности” (отраслей импортозамещения) на производимые за рубежом средства производства»[315].

Жесткий турецкий этатизм мобилизационного типа 1930-х годов со свойственным ему положительным сальдо внешней торговли, которое заметно выросло в военное время благодаря успешной реализации на внешних рынках стратегически важного товара – хромовой руды, при крайней скудости внутреннего рынка действительно сформировал не только морально-психологические, но и материально-финансовые возможности смены экономического курса в Турции к началу 1950-х годов. По оценкам турецкой исследовательницы Г.Казган, в военные годы накопленный объем золотовалютных резервов в Турции достигал 500 млн. долл., что вдвое превосходило годовую стоимость импорта страны[316].

Существенной предпосылкой укоренения политики экономического популизма стала усиление имущественной поляризации общества, резкий разрыв между богатыми и бедными. З.Ониш подчеркивал, что переход к парламентской демократии в 1950-х, произошедший в условиях крайнего неравенства в распределении доходов, означал, что государство попало под прессинг популизма, порожденного надеждами на процесс вторичного перераспределения. «Значение коэффициента Джини после 1950 г. постоянно превышало 0,5, поэтому давление, оказывавшееся в целях перераспределения дохода, стало эндемической чертой политической экономии страны. Результатом этого постоянного давления стало формирование так называемого «маломощного государства всеобщего

[315] Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.57.
[316] Kazgan G. Tanzimattan 21.Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. İstanbul, İstanbul Bilgi Ünıversitesi Yayınları, 2002. S.80.

благополучия» - резюмировал Ониш[317], имея в виду имманентное свойство перераспределительной политики правительства оборачиваться бюджетными дефицитами.

Что касается важной роли, которую турецкое общественное мнение отводит государству в нивелировке бедности и богатства, то она опиралась на прочную сложившуюся еще в османское время ментальную установку, связанную с исламской социально-экономической традицией.

В научной литературе весьма популярным является мнение, что экономическая жизнь Османской империи обуславливалась приоритетом государственной собственности и государственным контролем за распределением ресурсов и хозяйственной деятельностью населения. Так, отечественный специалист по экономической истории Османской империи С.М. Иванов писал: «Экономический строй султанской Турции в классический период (XV-XVI вв.) ее существования можно охарактеризовать как систему распределительных отношений…Товарные отношения были производными от распределительных, существовали в ограниченных рамках, дополняли, но отнюдь не преобладали над экономическими функциями государства по регулированию всех стадий воспроизводственного процесса»[318].

И позже существовала система государственной регламентации, которая предусматривала вмешательство государства в производство, торговлю и ценообразование[319]. Российский востоковед Н.Г. Киреев обращает внимание на то обстоятельство, что существовали многообразные способы вмешательства центральной власти в экономическую жизнь

[317] Z. Oniş. The State and Economic Development in Contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism ahd Beyond/ State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. İstanbul, Boğaziçi University Press. P. 469.
[318] Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX-начало XX века). С-Пб., Издательство С.-Петербургского Университета, 2005. С.15.
[319] Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. М., Наука, 1991. С. 50.

империи, в результате чего в феодальном османском государстве сложилась система патернализма «государства-батюшки» [320].

Что касается причин традиционно высокой экономической активности государства в Турции, то следует, согласившись с С.М.Ивановым, признать важнейшим из них ислам, под воздействием которого формировались «османский образ жизни и мысли»:, так как «… классическая османская экономическая доктрина строилась на гибком сочетании взаимообусловленных и взаимопроникающих государственных установлений (канунов) и шариатских норм»[321]. Именно под влиянием ислама сформировался социально-теократический идеал османов. Отечественный историк-востоковед Н.А. Иванов писал: «…Османизм исходил из фундаментальных принципов ислама, в частности из его социально-этической и моральной доктрины, особенно тех ее аспектов, которые окружали человека труда романтическим ореолом и подчеркивали обязанность мусульманского правительства проявлять заботу о слабых, угнетенных и обездоленных… Попытки реализовать эту модель и создать универсальное государство всеобщего благоденствия предопределяли особый характер экономической и социальной политики Порты»[322].

В рамках классической экономической доктрины ислама значительное место занимает идея богоугодного передела имущества богатых в пользу бедных, идея сохранения и передачи материальных ресурсов для обеспечения благосостояния будущих поколений, улучшения условий жизни общины, благополучие которой приоритетно по сравнению с благополучием отдельного индивида. С.М. Иванов цитирует известного турецкого историка Х. Иналджыка, согласно которому «убеждение в том, что благотворительность и милосердие угодны Аллаху… определяло

[320] Там же. С.52-53.
[321] Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX-начало XX века). С.18.
[322] Иванов Н.А. Основные черты османского социально-теократического идеала и его роль при завоевании арабских стран в 1516-1574 гг. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М., Восточная литература, 2008. С.203.

экономическое поведение мусульман при решении важнейших хозяйственных вопросов во всех мусульманских странах, а османские турки были особенно ревностны в исполнении этих религиозных предписаний»[323]. «Став обладателем богатства…, мусульманин должен был прежде всего внести закят – выделить деньги на общественные нужды и помощь бедствующим единоверцам, сделать пожертвования и ли даже основать вакф, затем позаботиться о бедных членах общины, оказать им материальную помощь, добровольно распределить среди них часть полученного имущества и т.п. В отличие от западного христианства этот бескорыстный альтруизм отнюдь не являлся в исламе чисто этическим учением, имея, по существу, силу государственного закона» - читаем у Н.А. Иванова[324].

Стремясь уравнять население в распределении богатства и собственности, государство тем самым выполняло одну из основных функций и предписаний ислама, хотя одновременно пресекало возможность возникновения и легализации крупных состояний. Но зато, по словам С.М. Иванова, каждый человек живо ощущал свою принадлежность к своей семье, роду, религиозно-ремесленному братству, наконец, государству, которые были способны (каждый раз при соответствующих обстоятельствах) выполнять по отношению к нему определенные патерналистские функции, создавать вокруг мусульманина своеобразный кокон патерналистских отношений[325]. Эту мысль разделяет и Н.А.Иванов : «..ремонт и строительство мечетей, содержание школ, библиотек и имаретов, устройство домов для вдов и сирот, общественных прачечных, городских бань и лечебниц – все это финансировалось за счет вакуфных имуществ… значительные средства отпускались… на такие специфические

[323] Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX-начало XX века). С.19.
[324] Иванов Н.А. Социальные аспекты традиционного ислама // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. С.198-199.
[325] Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX-начало XX века). С.216.

османские расходы, как выделение денег на приданое девушкам-сиротам, на похороны бедняков, на одежду и питание учащихся, организацию детских весенних экскурсий…»[326].

По мнению С.М. Иванова, подобная система социальных отношений создавала ощущение некоего психологического комфорта, внутренней и внешней защищенности перед лицом чужого и зачастую враждебного мира[327].

М. Кемаль, хотя и принял на вооружение политику госкапитализма, по всей видимости, осознавал важность оглядки на социальную традицию османизма. Об этом свидетельствует включение в число шести базовых принципов кемализма, сформулированных в начале 1930-х годов, наряду с этатизмом (девлетчилик) и принципа народности (халкчилык). Последний, кстати, в англоязычной литературе известен как популизм (populism). Пожалуй, содержание этого принципа наименее «однозначно» и наиболее вариативно. Так, согласно советскому историку А.Ф. Миллеру, принцип народности «декларировал народный суверенитет и, вместе с тем, отрицание наличия классов и классовой борьбы в Турции»[328]. Отечественный исследователь Д.Е.Еремеев, отмечает, что по мере развития Турции по капиталистическому пути в рамках этого принципа усиливался акцент на бесклассовости турецкого общества: «В Турции нет классов…, а есть люди различных занятий и профессий, одинаково необходимые друг другу и всему обществу»[329]. В этой интерпретации уже слышны отголоски утопического социального идеала османизма, но, пожалуй, наиболее отчетливо они различимы в трактовке принципа народничества турецким исследователем С. Динчем: «Если кратко определять народность, то это

---

[326] Иванов Н.А. Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в османской империи XV-XVII вв.// Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. С.353.
[327] Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX-начало XX века). С.216.
[328] Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1948. С.160-161.
[329] Еремеев Д.Е. Становление республиканской Турции (1918-1939). М., Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, 2004. С.190.

принцип, который в рамках ответственности государства предполагает при использовании государственных ресурсов в первую очередь иметь в виду интересы народа. Кемалистское понимание народности наряду с приданием важного значения повышению благосостояния экономически уязвимых слоев, в первую очередь, крестьянства опирается на отказ от классовой борьбы и укрепление солидарности различных групп общества на основе разделения труда между ними»[330]. Как видим, проповедуемая принципом народности межклассовая солидарность должна была бы опираться на государственную перераспределительную политику, как это было в дореспубликанские времена.

Но успех индустриализации в отсталом аграрном государстве имеет свою высокую цену: по мере начала ее осуществления произошло неизбежное смещение акцента в государственной экономической политике со сферы распределения на сферу производства, что было чревато забвением интересов потребления государственного, но, в первую очередь, частного. Именно в этом заключалась существенная часть новаций республиканского этатизма. И действительно, поставив во главе угла «высшие экономические интересы нации», правительство основанной М.Кемалем Народно-республиканской партии, опираясь на политический авторитаризм, закрыло зародившиеся еще в османское время профсоюзы, создав ситуацию, в рамках которой на протяжении двадцати первых лет республики невозможно было создавать организации рабочих. Н.Г. Киреев отмечает, что авторитарный характер регулирования трудовых отношений в период правления НРП не вызывает сомнения у турецких авторов[331]. Несмотря на неполный характер статистики, характеризующей динамику реальной заработной платы в 1930-е годы, имеющиеся данные свидетельствуют о снижении ее среднего уровня на 12% в 1933 г. против 1932 г. и о сохранении тенденции по ее снижению в

---

[330] Dinç S. Atatürkçü Düsünce sistemine göre Halkçılık ilkesi/ Atatürk *İlkeleri* ve İnkılâp Tarihi II, Atatürkçülük. Ankara, 1986. URL: http://turkoloji.cu.edu.tr/ATATURK/arastirmalar/sait_dinc_ataturkcu_dusunce_sistemi_devletcilik.pdf

[331] Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. С.77.

1934 г. [332]. При ограниченности использования внешних займов, основным источником финансирования турецкой индустриализации стали внутренние источники, которые государство мобилизовало через усиление налогового бремени, возлагавшегося главным образом на работающее население страны. Об этом свидетельствует заметный рост поступлений от косвенных налогов, которые к 1939 г. по сравнению с 1923 г. выросли почти в 5 раз[333].

Как и в практике большинства стран, период интенсивной индустриализации в Турции был не слишком щадящим для сельского хозяйства страны. П. П. Моисеев писал, что в 1930-е годы турецкая деревня служила источником накопления для развития отраслей городской экономики[334]. По оценкам, приводимым турецким исследователем Ш.Памуком, разрыв в уровне доходов между городом и деревней в 1930-е годы достиг максимального уровня за 200 лет наблюдений, составив порядка 6 раз[335].

Резкое преломление в 1930-е годы направленности экономической политики государства, ослабление ее социальной ориентированности стало одной из важных причин сокрушительного поражения правящей партии на выборах 1950 г., то есть практически сразу же после ослабления авторитарного прессинга, создания многопартийной системы и появления у граждан республики возможности хотя бы ограниченного выбора.

Разочарование, а впоследствии и раздражение избирателей деятельностью правительства НРП, ожидание активных действий властей в сфере перераспределения и повышения жизненного уровня во многом предопределили характер экономической политики страны в последующие годы.

---

[332] Türkiye Ekonomisinin 80 Yılı. Istanbul, İstanbul Ticaret Odası, 2004. S. 59-60.
[333] Ibid. S.59.
[334] Моисеев П.П. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., Восточная литература, 1994. С.22.
[335] Pamuk Ş. Türkiynin 200 Yıllık Iktısadi Tarihi. Büyüme, kurumlar ve bölüşüm. İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2014. S.329.

Еще одной предпосылкой экономического популизма В. Мау и соавторы считают уже упомянутые выше «неустойчивость политических институтов, слабость политических партий, отсутствие демократических традиций». «Естественно, - пишут они, что более всего это относится к странам, где демократические институты переживают период своего становления. Ведь вероятность выбора популистского курса выше, когда "при наличии в стране многопартийности политические элиты оказываются неспособны сформировать устойчивое правительственное большинство". А неустойчивое правительство гораздо более уязвимо в своей деятельности и гораздо более склонно к осуществлению мероприятий популистского характера»[336]. Эти общие замечания довольно точно описывают ситуацию, сложившуюся в Турции уже несколько позже, по мере увеличения численности партий. Например, в конце 1960-х годов в парламенте были представлены восемь различных партий наряду с несколькими независимыми депутатами. По мнению М. Сингера, подобное положение дел являлось отражением неспособности турецких элит достигнуть или хотя бы приблизиться к достижению консенсуса. При этом, отмечает он, политические различия между многими партиями были разительными, что не могло не препятствовать выработке долгосрочной стратегии[337].

В итоге заложенная при демократах традиция экономического популизма не только не была преодолена впоследствии, но напротив, получила дальнейшее ускоренное развитие благодаря фрагментированности и разобщенности элит. Турецкий автор С.Килл писал: «Все это оказывало давление на деятельность правительства, равно как и давало соблазн партии обещать, что в случае избрания она будет "лучшей" и в "кратчайшие сроки" удовлетворит все нужды. Все это временами приводило, как и в период

---

[336] Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. Научные труды, № 1Р. М., 1996, Институт экономических проблем переходного периода. С.57.

[337] См. Подробнее: Singer M. Economic Development in the Context of Short-Term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.469.

правительства Мендереса, к краткосрочной экономической политике без попыток глобального пересмотра, который, возможно, потребует времени, дисциплины и даже “затягивания поясов”»[338]. С. Киллу вторит турецкий исследователь К.Боратав. Он писал: «1946 г. стал в истории республиканской Турции переломным моментом как в политическом смысле, так и в экономическом…При парламентском режиме широкие народные массы уже не являются зрителем, они становятся актером на сцене, где происходит развитие общества. Начиная с этого момента, власть, самое малое, от выборов к выборам оказывается вынужденной принимать во внимание экономические и социальные интересы широких народных слоев – рабочих, крестьян, ремесленников и прочих – и в той или иной форме отвечать им. Эта необходимость приводит к тому, что в сфере экономической политики и отношений распределения принимаются некоторые решения, которые могут противоречить краткосрочным интересам имущих классов. Чтобы складывающаяся ситуация, важным содержанием которой становится популистский режим, не вышла из-под контроля господствующих классов,… следует не допустить прихода к власти в качестве альтернативы непосредственных представителей народа или левой оппозиции. Так и было в Турции…» [339].

Касательно периода 1960-1970-х гг. К. Боратав писал: «Одной из основных особенностей… стала приверженность политического режима проведению распределительной политики, которая может быть охарактеризована как *популистская* (курсив Н.У.). ... В результате возник баланс между долгосрочными интересами правящего блока и краткосрочными интересами широких народных масс»[340]. При этом стратегию импортзамещения, которой Турция придерживалась в этот период,

[338] Цит. по: Singer M. Economic Development in the Context of Short-Term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. P.484.
[339] Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi 1908--2002. 7.Baskı. Ankara: IMGE Kitabevi, 2003, S.123.
[340] Ibid. S. 123.

К.Боратав рассматривает как «продукт» вышеупомянутого баланса интересов. Бюджетные дефициты этого периода, особенно возросшие во второй половине 1970-х годов, во многом стали результатом попыток правительств поддержать уровень доходов наемных работников. Боратав пишет: «Импортзамещение обеспечивало расширение и оживление внутреннего рынка, в рамках данной модели заработная плата, являясь элементом издержек для отдельного предпринимателя, и вместе с тем, являлась составляющей спроса, который обеспечивал поддержку процесса производства. В итоге не было необходимости оказывать давление на зарплату политическими методами, как этого требует экспорториентированная модель индустриализации. Система общественного торга, включавшая право на забастовку и широкое распространение профсоюзов[341], обеспечивали надежность устойчивому росту реальных доходов рабочего класса»[342].

С К. Боратавом согласны и авторы работы «Финансовая история Турции»: «Политика импортзамещения проводилась в Турции вместе с политикой популизма. Зарплаты в соответствии с логикой импортзамещения поддерживались на высоком уровне… Была создана весьма развитая система социального страхования»[343].

И действительно, на протяжении всего периода с 1968 по 1979 гг. происходил устойчивый и временами заметный рост реальной заработной платы (см. рис.6).

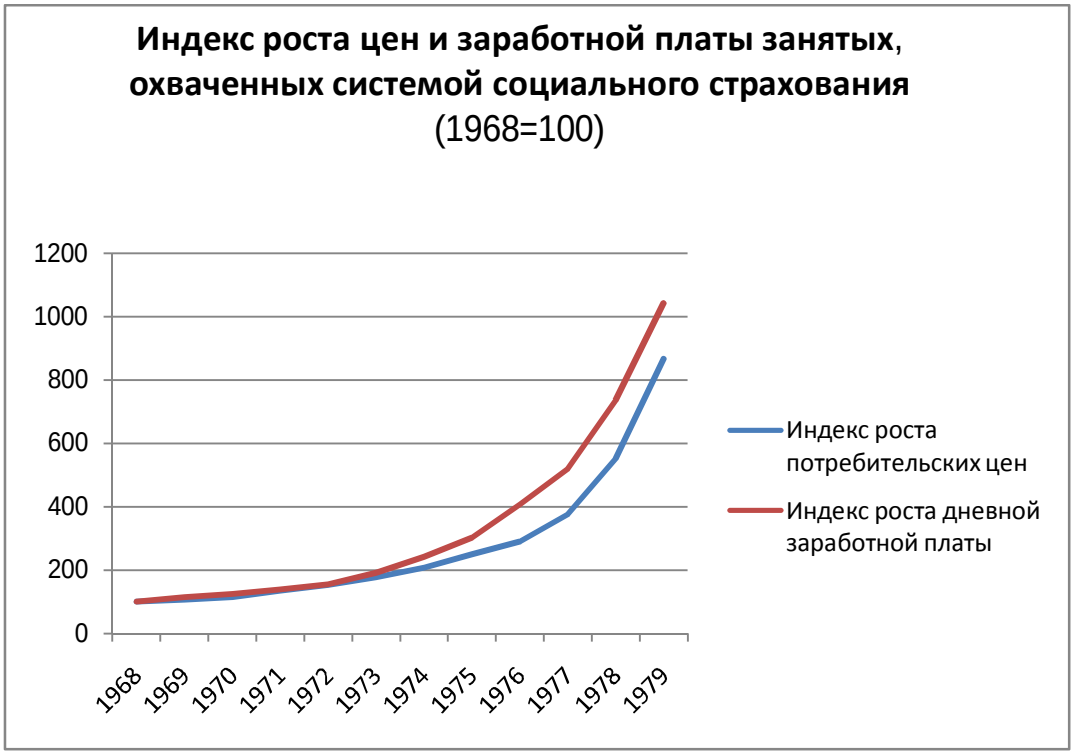
---

[341] Первый в истории Турецкой Республики профсоюз рабочих - Конфедерация рабочих профсоюзов Турции - был основан в 1952 г. Конституция 1961 г. содержала важную поправку, предоставившую право создания профсоюзов без предварительного получения разрешения властей. В 1970-е годы профсоюзное движение получило дальнейшее развитие: в 1967 г. была создана Конфедерация революционных рабочих профсоюзов на базе профсоюзов, вышедших из Конфедерации рабочих профсоюзов в знак протеста против соглашательской позиции руководства последнего. В 1975 г. была создана Конфедерация националистических рабочих профсоюзов, а в 1977 г. Конфедерация справедливых рабочих профсоюзов. «Современный этап рабочего движения в Турции характеризуется непрерывной наступательной борьбой трудящихся за свои социально-экономические права, ставшей важным фактором общественно-политической жизни страны» - констатировал изданный Институтом востоковедения АН СССР справочник «Турецкая Республика» (Турецкая Республика. Справочник. М., Наука, 1975, с.388-389).

[342] Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi 1908—2002. S. 123-124.

[343] Turkish Financial History. From the Ottoman Empire to the Present. Volume2. From the Foundation of the Republic to the Present. P. 295.

Рисунок 6



Составлено по: Economic Report 1982. Ankara, Union of The Chambers of Commerce, Industry, Maritime Commerce and Commodity Exchanges of Turkey, 1982. P.47.

По мнению В. Мау и соавторов, подобное совпадение интересов и возможность эффективного совмещения импортзамещения и экономического популизма закономерны: «Обязательным элементом политики популизма является всемерная поддержка национальной промышленности (или проведение ускоренной индустриализации, модернизации и т.п.). Обычно этот курс проводился под лозунгом “развития импортозамещающих отраслей”, то есть тех отраслей промышленности, которые позволяют избавиться от импорта важнейших средств производства, ориентированы на выпуск продукции глубокой переработки и ослабляют зависимость национальной экономики от колебаний мирового рынка»[344]. Связано это с тем, что с одной стороны, растут государственные инвестиционные расходы в рамках активной политики импортзамещения.

[344] Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.54

Ее успех обеспечивается комплексом дополнительных мер: внешнеторговый протекционизм, значительная роль государства в ценообразовании, стремление к установлению возможно более низкого процента за банковский кредит (в целях поддержание индустриальной экспансии) и, как следствие - пренебрежение рыночной сбалансированностью, усиление государственного вмешательства в распределение кредитных ресурсов. С другой стороны, весьма часто в условиях импортзамещения перераспределительная политика работает и на рост реальных доходов населения, благо ориентация выпуска на внутренний рынок позволяет не заботиться о повышении внешней конкурентоспособности. «Таким образом,- резюмируют В. Мау и соавторы - экономический популизм оказывается, прежде всего, политикой перераспределения, что всегда роднит его с социализмом»[345].

Итак, в 1960-70-е годы для турецкой экономики по-прежнему оставались характерной пререраспределительная деятельность государства, выходившая за рамки бюджетных ограничений. Состав групп интересов несколько изменился, центральное место в их структуре стали занимать наемные работники, в первую очередь, занятые на госпредприятиях. При этом политические интересы власти не ограничивались завоеванием их лояльности: значительный уровень спроса наемных работников выступал фактором поддержания темпов экономического роста, что позволяло рассчитывать на симпатии уже более широкого круга электоральных групп. Таким образом, «особые политические цели» остались прежними, но механизм поддержания спроса распределился между инвестиционным спросом государства и потребительским спросом наемных работников.

[345] Там же. С.54-55.

3.3 Экономический популизм в условиях либерализации и перехода к экспорториентированному развитию: феномен устойчивости к изменению экономической среды (1980-1990-е гг.)

Жесткие стабилизационные меры периода правления военных (1980-1983 гг.) сменились неоднозначной по своим итогам экономической политикой правительства победившей на первых после военного переворота 1980 г. парламентских выборах Партии Отечества. Ее лидер, Т. Озал, был одним из авторов Программы экономической стабилизации от 24 января 1980 г. Тем не менее, как отмечалось в специальном издании Оксфордской группы предпринимателей «Emerging Turkey 1999», к 1987 г. стало ясно, что Озал экономист и Озал действующий политик - не одно и то же. Если Озал экономист всегда подчеркивал важность контроля за инфляцией, то политик хотел скорейшего экономического роста[346]. И действительно, Т.Озал был прекрасно осведомлен не только о положениях современной экономической науки, но и принципах экономической политики успешного в Турции лидера. Поэтому уже первые программные заявления Т. Озала свидетельствовали о том, что он не собирался ограничиться проведением адресованной всем в целом и раздражающей каждого в частности политики фискального сдерживания в рамках равно индифферентного отношения к электоральным группам.

Переход к экспорториентированной стратегии роста требовал снижения реальной заработной платы. Но придерживаясь в сфере оплаты труда вынужденной тактики, которая, казалось бы, не оставляла шансов на поддержку наемных работников (по оценкам турецкого исследователя К. Боратава, реальная заработная плата в 1988 г. при расчете по потребительским ценам была на 18% ниже, чем в 1983 г.[347]), премьер Т. Озал сумел найти механизмы для достижения компромисса. К. Боратав отмечал, что период правления Т.Озала стал годами, когда в отношении народных

[346] Emerging Turkey 1999. Istanbul, The Oxford Business Group, 1999. P .67.
[347] K.Boratav. Türkiye İktisat Tarihi (1908-2002). Gözden geçirilmiş ve genişletilmiş 7. Baskı. S.152.

масс проводилась политика «однобокого» популизма. Эта политика была, в первую очередь, адресована городской бедноте. Суть ее заключалась в том, что переселенцам из сельской местности, которые стихийно возводили геджеконду (примитивное жилье), считавшееся ранее незаконной постройкой, были предоставлены права на владение своей утлой недвижимостью: в их интересах проводились юридические амнистии по фактически появившемуся жилью или выдавались разрешения на строительство, не предусмотренное планами развития городов. Цель этой политики, по мнению К. Боратава, заключалась в том, чтобы «лишив эту массу жителей собственного классового сознания, создать из них многочисленную группу поддержки программы и идеологии капитала, читай Партии Отечества»[348].

Турецкий исследователь Р. Акар, как и К. Боротав, обратил внимание на политику Т. Озала в отношении геджеконду: «С точки зрения наемных рабочих более предпочтительным по сравнению с повышением заработной платы, которого можно было бы добиться в профсоюзной борьбе, оказались дополнительные этажи, строительство которых стало возможным благодаря получению свидетельств о праве на владение недвижимостью в геджеконду»[349].

Хотя в эпоху премьерства Т. Озала не наблюдался рост реальных доходов, а значит, и потребительского спроса, несомненно, присутствовало стремление к повышению темпов роста, но реализовывалось оно не за счет расширения емкости внутреннего рынка, а за счет экспорта. Эта новация экономической стратегии предопределила формирование и быстрое укрепление позиций новой группы интересов – крупных турецких производителей-экспортеров, в основном сосредоточенных на западе Турции. Лоббированием их интересов активно занимались все без

[348] Ibid. S. 153.

[349] Akar R. Turgut Özal. Özal'a 488 Yıl Geriden Bakmak/ Homopolitikus. Lider Biografilerindeki Türkiye. İstanbul, Aykırı Tarih, 2001. S . 217.

исключения правительства, формировавшиеся правоцентристскими партиями традиционного (светского) типа. Совсем не случайно пришедшая к власти в Турции в 2002 г. правоцентристская партия нового происламского типа – Партия справедливости и развития - сумела победить на выборах, сделав ставку на многочисленный, но «забытый» своими политическими предшественниками средний и мелкий предпринимательский класс, который корнями связан с Центральной Анатолией и турецким внутренним рынком.

Но именно Т. Озал, стремясь обеспечить смену модели экономического роста Турции, заметно расширил число и активизировал использование разнообразных форм поддержки экспортеров, создал механизмы их участия в разработке национальной экономической политики, тем самым ускорив процесс осознания и выдвижения ими групповых интересов.

Т.Озал полагал, что успех задуманных им структурных преобразований в экономике в решающей мере зависит не столько от концентрации власти в руках государства в целом, сколько от соединения важнейших управленческих рычагов в его собственных руках.

Как писал турецкий исследователь М. Сонмез, наиболее одиозной формой «монополизации» Т.Озалом системы управления экономикой, стала система внебюджетных фондов[350]. Эти фонды представляют собой государственные учреждения, наделенные правом использования средств, которые перечисляются на специальные находящиеся в их распоряжении счета. Расходы внебюджетных фондов не входят в число стандартных бюджетных статей, а являются своего рода дополнением к ним (то есть их расходы учитываются как расходы системы государственных финансов, но не консолидированного бюджета). Перечисленные средства фонды используют для осуществления определенного социального или экономического проекта, финансирование которого, будучи актуальным, тем не менее, не предусмотрено стандартными бюджетными расходами.

[350] Sönmez M. 100 Soruda 1980'lerden 1990'lara «Dışa açılan» Türkiye Kapitalizmi. İstanbul, 1992, s.116.

Средства для деятельности внебюджетных фондов аккумулируются за счет налогов, некоторые из которых были введены специально, бюджетных трансфертов, внутренних и внешних займов. Особенность использования средств специальных счетов, которыми распоряжались внебюджетные фонды, заключалась в том, что в отличие от средств бюджета, они не контролировались меджлисом[351].

В период правления Т. Озала, особенно в его первые годы, число фондов значительно выросло. Так, в 1984-1985 гг. было создано 24 фонда[352]. М. Сонмез, рассматривая систему фондов как один из краеугольных камней экономической политики правительства ПО и отмечая весьма специфическую систему их подчинения, писал: «Таким образом, помимо консолидированного бюджета, находившегося в распоряжении меджлиса, возник "бюджет фондов", которым в основном распоряжалось Управление по делам премьер-министра»[353]. Возникновение этого дополнительного бюджета М.Сонмез напрямую связывал с тем обстоятельством, что занимавший в 1984-1989 гг. пост премьер-министра Т. Озал в целях концентрации властных полномочий в своих руках и контроля на решающих направлениях нуждался в укреплении личных финансовых полномочий. С этой целью он развил систему фондов, ставшую отличительной особенностью системы государственных финансов 1980-х гг., и подчинил ее себе. Озал удерживал под контролем до 90% средств, аккумулированных в фондах, которые действовали вне законодательного регулирования и в итоге превратились в своего рода «теневую казну»[354]. Система контроля осуществлялась через подчиненные лично премьеру организации, в частности, через Казначейство, Государственную организацию планирования и правления наиболее крупных фондов. «Недоступный для законодательного контроля и находившийся в

[351] Меджлис – турецкий парламент.
[352] Sönmez M. 100 Soruda 1980'lerden 1990'lara «Dışa açılan» Türkiye Kapitalizmi. İstanbul, Gerçek Yayınevi, 1992. S.117.
[353] Ibid. S. 117-118.
[354] Ibid. S. 116.

распоряжении Озала “бюджет фондов” постепенно рос. К 1990 г. доходы фондов составляли 71% доходов консолидированного бюджета» - писал М. Сонмез[355].

В число крупнейших Фондов входил и Фонд поддержки и стабилизации цен. Он был создан еще в 1980 г. с целью осуществления премиальных выплат экспортерам некоторых видов товаров. Субсидии Фонда предназначались для финансирования маркетинговых исследований, инвестиций экспортной направленности и страхования экспортных рисков. Поначалу выплаты из Фонда распространялись на 45 наименований экспортных товаров, из которых 24 являлись продукцией обрабатывающих отраслей, к 1989 г. число товаров возросло до 122[356].

В 1984 г. был создан и Фонд поощрения экспорта. Хотя он и не вошел в число крупнейших, он вел весьма активную деятельность по обеспечению экспортеров льготными кредитами сроком на один год в объеме до 90% стоимости принятых на себя обязательств по экспорту продукции обрабатывающей или добывающей промышленности.

Специальная система государственных мер по поощрению и всемерной поддержке экспорта, помимо выплат из специализированных фондов включала возврат значительной части налогов. Так, по состоянию на 1984 г. издержки только по возврату налогов оценивались почти в 13% стоимости экспорта, в отношении которого действовала данная привилегия, или приблизительно в 7% от стоимости суммарного экспорта Турции[357]. Е.И. Уразова отмечает, что бюджетное субсидирование в форме возврата налогов компаниям-экспортерам в 1981-1986 гг. приближалось в среднем к половине денежных ресурсов, полученных государством в форме налога на прибыль компаний[358]. Активная система государственной поддержки экспорта стала важнейшим фактором его ускоренного роста в годы премьерства Т. Озала

---

[355] Ibid.
[356] Karluk R. Türkiye Ekonomisi Tarihsel Gelişim. Yapısal *ve* Sosyal *Değişim. Istanbul,* Beta *Basım.2004. S.456.*
[357] Karluk R. Türkiye Ekonomisi Tarihsel Gelişim. Yapısal *ve* Sosyal *Değişim. S.455.*
[358] Уразова Е.И. Экономика Турции. От этатизма к рынку. Москва, Наука, 1993. С.126.

(см. подробнее гл. 2.3). Но к концу 1980-х годов Турция в силу внешних и внутренних причин была вынуждена снизить объем прямого и косвенного субсидирования экспорта, с чем многие исследователи связывают начавшийся процесс замедления темпов его роста. Так, турецкий автор С.Илькин писал: «Система, подпитывавшаяся разнообразными и значительными государственными льготами на протяжении 10 лет, оказалась неспособной стоять на собственных ногах»[359]. То есть роль государственной поддержки в беспрецедентном росте турецкого экспорта в 1980-е годы была решающей.

Одновременно в число крупнейших фондов по масштабу используемых средств входил и Фонд жилищного строительства. Его средства должны были позволить решить проблему дефицита жилья в быстро растущих городах. Финансирование фонда первоначально обеспечивалось посредством перечисления на его счет фиксированной части банковских депозитов. В последующем был введен специальный дополнительный налог на импорт, перечислявшийся в пользу Фонда. По замыслу Т. Озала, будущему владельцу жилья надлежало первоначально оплатить лишь 10% его стоимости, а оставшиеся 90% предполагалось покрывать за счет специальных льготных кредитов Фонда. За период с 1984 по 1987 гг. около 950 тыс. турецких граждан воспользовались возможностью получить такого рода жилищные кредиты[360]. В итоге в стране заметно активизировалось кооперативное строительство.

Таким образом, будучи вынужденным в интересах увеличения национального экспорта не допускать роста заработной платы, Т. Озал все-таки нашел способ поддержки такой многочисленной электоральной группы, как наемные работники, прибывшие в город из сельской местности и столкнувшиеся с жилищной проблемой.

---

[359] Ibid.

[360] Building Turkey's Future. TOKİ Corporate Profile 2008/2009. Ankara, Republic of Turkey. Prime Ministry Housing Development Administration of Turkey, 2009. P.9. URL: http://www.toki.gov.tr/docs/yayinlar/TOKI_book_sec_en.pdf

Финансировавшиеся через внебюджетные Фонды проекты не только отвлекали часть бюджетных средств, но с течением лет стали демонстрировать и собственный дефицит, увеличивая итоговый разрыв между доходами и расходами во всей системе государственных финансов (см. таблицу 24).

Таблица 24

Потребность госсектора в дефицитном финасировании (% ВНП)

	1983	1985	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Потребность госфинансов в дефицитном финансиро-вании, в .т. ч.	**4,9**	**3,6**	**6,1**	**4,8**	**5,3**	**7,4**	**10,2**	**10,6**	**12,2**	**8,1**	**5,2**	**8,8**	**7,6**	**8,6**	**15,3**
Консолидированный бюджет	2,2	2,3	3,5	3,1	3.3	3,0	5,3	4,3	6,7	3,9	4,0	8,2	7,6	7,0	11,6
Внебюджетные фонды	-	-0,6	-0,6	-0,5	0,3	0,6	0,9	1,3	0,8	0,9	0,6	-0,1	-0,1	0,1	0,6

Составлено по: Источник: Selected economic indicators 1998. Ankara, R.T.Prime Ministry Undersecretariat of Treasury, 1998; Economic Report 1994. Ankara, UCCET, 1995. P.63; Economic Report 1995. Ankara, UCCET, 1996. P.76; Economic Report 1997. Ankara, UCCET, 1998. P.79; Economic Report 1998. Ankara, UCCET, 1999. P.95; Ekonomik rapor 2000. Ankara, TOBB, 2001. S.95.

Авторы подготовленного коллективом специалистов Всемирного банка исследования «Трансформация Турции», отмечали, что проблема плохого финансового управления возникла в Турции именно в 1980-е годы в связи с «предоставлением правительству большей свободы в проведении экспорториентированной политики, ростом числа внебюджетных фондов и финансированием их дефицитов за счет средств государственных банков, что приводило к все большей потере финансового контроля»[361].

Но фонды служили каналами перераспределения средств в пользу связанных с правительством групп интересов, среди которых на сей раз в первую очередь оказались не столько традиционные, сколько новые элитарно ограниченные, специально формировавшиеся премьером в целях

[361] Turkey's Transition. Report № 90509- TR. Wash., World Bank, 2014. P.233.

структурной перестройки турецкой экономики – крупные экспортеры промышленной продукции, и лишь затем более массовые – городские маргиналы, недавно переселившиеся из деревень. О приоритетности первой группы в системе ценностей Т. Озала свидетельствует и то обстоятельство, что за счет привычного перераспределения бюджетных средств поощрялись экспортеры, тогда как для мигрантов из сельской местности пришлось в основном изыскивать формы поддержки, не связанные с использованием доходов правительства. В итоге, экономический популизм в период премьерства Т. Озала получил свою специфическую интерпретацию: за счет дефицита системы государственных финансов обеспечивалось не только и не столько расширение емкости внутреннего рынка, сколько экспансия национальных производителей на внешнем, что само по себе не противоречило идее поддержки темпов роста экономики в интересах всего электората.

Помимо обременения внебюджетными фондами, следует отметить и то прямое давление на бюджет, которое в предвыборном 1987 г. было оказано повышением реальной заработной платы: даже такой политик, обладавший мощной харизмой, как Т. Озал не мог позволить себе пренебречь накануне выборов вредным в стратегическом плане, но необходимым в тактическом повышением благосостояния массового избирателя. В итоге, предвыборная цель ПО - финансовая стабильность не была достигнута, но партии Озала все же удалось повторно выиграть парламентские выборы.

Т. Озал признавал свое поражение в борьбе с инфляцией без самокритики, скорее просто констатируя его: «Поскольку за 10 лет[362] мы осуществили трансформацию, требующую 100 лет (речь идет об успехах стратегии роста экспорта и частичном решении валютных проблем Турции – Н.У.), мы не смогли удержать под контролем инфляцию. Таково положение

[362] В 1989 г. Т. Озал оставил пост премьер-министра в связи с избранием на пост президента Турецкой Республики.

вещей»[363]. Тональность этого признания созвучна заявлениям лидеров Демократической партии, в которых они, оценивая свою экономическую политику, также беззаботно рассматривали инфляцию в качестве своего рода неизбежной платы за ускорение экономического роста и общее оживления экономики. В этой связи весьма симптоматично, что и З.Ониш отмечает сходство экономической политики периодов правления Демократической партии А. Мендереса и Партии Отечества Т. Озала. «Бум начала 1950-х не мог быть устойчивым на протяжении остальной части десятилетия ввиду неконтролируемых финансовых расходов, растущей инфляции и нестабильного состояния платежного баланса. Это привело к неизбежному экономическому кризису, который стал причиной отстранения ДП от власти. Аналогичный путь, очевидно, был проделан и в первое десятилетие турецкого либерализма, в 1980-е. Партия Отечества Т. Озала сумела победить два раза подряд на выборах 1983 и 1987 гг., но не смогла удержать своей популярности в обстановке нараставшей нестабильности и хронической высокой инфляции (речь идет о поражении ПО на выборах 1993 г.- Н.У.). *В обоих случаях две основные партии правоцентристской толка оказались жертвами неконтролируемого популизма* (курсив Н.У.)[364]».

Переход Турции в конце 1980-х годов к открытому бюджетному стимулированию означал обращение к использованию более классических форм политики экономического популизма, когда разраставшийся бюджетный дефицит сопровождается ростом заработной платы.

В результате в 1989 г. период неуклонного падения реальной заработной платы сменился ее заметным ростом в государственном, а затем и частном секторах (См. Рисунок 7).

Рисунок 7

---

[363] Цит. по: Утургаури С.Н., Ульченко Н.Ю. Тургут Озал – премьер и президент Турции. М., ИВ РАН, 2013. С.107-110.

[364] Öniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. Ankara, 2012. URL: http://home.ku.edu.tr/~zonis/Triumph_of_Conservative_Globalism.pdf

Составлено по: Economic report 1990. Ankara, Union of the Chambers of Commerce, Industry, Maritime Trade and Commodity Exchanges of Turkey, 1990. P. 87; Economic report 1994. Ankara, UCCET, 1995. P.91; Economic report 1995. Ankara, UCCET, 1996. P.106; Economic report 1998. Ankara, UCCET, 1999. P.126; Ekonomik rapor 2000. Ankara, TOBB, 2001. S.126.

Среди основных факторов смены характера фискальной политики и придания ей открыто стимулирующего характера в разделе 2.2 была названа стагфляция, с которой столкнулась экономика страны на рубеже 1980-1990 гг. Но следует отметить и весьма важные неэкономические факторы смещения экономических приоритетов с поощрения экспорта на поддержку внутреннего спроса. Турецкий экономист З.Ониш подчеркивал, что политика длительного лоббирования экспорта к концу десятилетия привела к росту антиправительственных настроений у части экономических агентов, интересы которых были связаны с внутренним рынком: части национальной промышленной буржуазии, не занимавшейся экспортными операциями, сельских производителей, положение которых ухудшилось из-за ослабления финансовой поддержки аграрного сектора, наемных рабочих. Важнейшей

предпосылкой включения интересов этих групп в политическую повестку дня стал процесс реставрации демократического режима к концу 1980-х гг.[365] Дело в том, что став премьер-министром, Т. Озал предпочел сохранить на пятилетний период введенные правительством военных ограничения на организованные выступления рабочих. Но после 1988 г. в Турции их права были восстановлены. З. Ониш выделяет два принципиально различных раунда немедленно приобретшей характер активной борьбы профсоюзов за повышение заработной платы. Первый раунд он датирует 1989-1990 г. Его основная цель состояла в компенсации потерь в уровне реальной заработной платы. Второй раунд – наступательный, начался, по мнению З. Ониша, в 1991 г. В преддверии парламентских выборов профсоюзы настойчиво требовали теперь уже повышения реальной заработной платы. З.Ониш рассматривает давление на власти по вопросу о заработной плате как «важный фактор на макроэкономической арене», объясняя его значимость существованием в Турции институциональной структуры, в рамках которой, по крайней мере, в государственном секторе экономики, наблюдалось фактическое доминирование профсоюзов. В итоге он пришел к выводу о сложности проведения политики экспорториентированного развития в стране, подобной Турции, с емким внутренним рынком[366], агенты которого, подчеркнем, еще и располагают инструментарием защиты своих интересов.

Таким образом, на новом этапе экономическая политика сохраняла черты популистской, но она ориентировалась на свои группы интересов, которые по сравнению с периодом правления правительства Т. Озала, очевидно, стали более широкими, включая, в первую очередь государственных служащих и рабочих госпредприятий, а вслед за ними - и все группы экономических агентов, интересы которых были связаны с внутренним рынком. При этом целевые группы, на которые ориентировалась государственная экономическая политика, являлись, скорее, очевидными с

[365] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P. 442-443.
[366] Ibid. P. 443,446.

точки зрения возможностей использования бюджетного стимулирования, чем стратегическими, свидетельствуя об отсутствии яркого политического лица у правящих партий или же невозможности его проявить, действуя в составе коалиций. В результате использования перераспределительной политики на новом этапе удалось удовлетворить запросы в сфере потребления наемных работников, производителей сельхозпродукции, буржуазии, ориентированной на внутренний рынок. По мнению З. Ониша, главное, что импонировало массам, были обещания повысить жизненные стандарты населения, которые существенно снизились на фоне политики ограничения роста заработной платы, проводившейся «поствоенным авторитарным режимом» (режимом Т. Озала – Н.У). «…новые популистские элементы в турецкой экономике обусловили нестабильность 1990-х» - заключает он[367].

Поэтому кризис, пережитый Турцией в 1994 г., и ставший результатом использования в бюджетной политике классических форм экономического популизма относился, по типологии В. Мау к «популистским бюджетным кризисам, которых в XX веке были десятки»[368].

Хотя базовым принципом стабилизации в послекризисный период был объявлен «переход от государства, которое занимается выделением и распределением субсидий, к государственной структуре, которая поощряет действие рыночного механизма всеми своими законами и органами…»[369] приверженность правительства идее фискального сдерживания оказалась слишком недолговечной.

Известный экономист М. Бруно, занимавший в последние годы жизни пост вице-президента Всемирного банка, изучал, в том числе, проблему применения антиинфляционных стабилизационных программ в национальных экономиках. Он писал: «Достаточно часто стабилизация откладывается из-за того, что ни одна из социальных групп не считает бремя

---

[367] Onis Z., Bayram I.E.. Temporary Star Or Emerging Tiger? Turkey's Recent Economic Performance in a Global Setteng. Istanbul, 2008//URL: http://eaf.ku.edu.tr/sites/eaf.ku.edu.tr/files/erf_wp_0805.pdf.
[368] May В. За будущий подъем заплатят держатели долларов// Известия, 07.07.2008.
[369] Economic Report 1994. Ankara, UCCET, 1995. P.93.

высокой инфляции настолько тяжелым, чтобы отступить (имеется в виду, что бюджетный дефицит финансируется за счет эмиссии и высокая инфляция - естественная цена подобного процесса). Стабилизационная политика начинается тогда, когда жизнь в условиях высокой инфляции становится невыносимой. Такая модель предполагает гетерогенность групп: в гомогенном обществе ни одна из групп не выигрывает от задержки стабилизации, так что лучшим выходом является немедленная реализация стабилизационных мер... Вместе с тем, экономическая политика или институциональные меры, снижающие цену инфляции (индексация заработной платы или обменного курса), переносят начало стабилизационного процесса на более поздний срок. Следовательно, будет достаточно корректным предположить, что отсутствие каких-либо действий укрепляет статус-кво, ведь временной горизонт многих экономических агентов недалек, а понимание будущих преимуществ неоднозначно»[370]. Действительно, поскольку на протяжении известного времени инфляция в Турции сопровождалась экономическим ростом, а ее социально-экономические издержки компенсировались параллельным ростом реальной заработной платы, общество в известном смысле приспособилось к сложившейся конъюнктуре, что начало находить отражение в высказываниях о том, что инфляция представляет собой часть особого управления экономикой страны[371]. Турецкий экономист М. Эгильмез писал по этому поводу: «Для турецкого общества и его политиков момент кризиса наступает, когда уровень инфляции начинает измеряться трехзначными цифрами. Привычка, которая сформировалась долгим существованием общества в условиях контролируемой инфляции, измеряемой двузначными цифрами, несомненно, играет важную роль в подобном отношении к проблеме. Более половины сегодняшнего населения Турции моложе 30 лет.

[370]Бруно М. Глубокие кризисы и реформа (Инфляция, внешняя задолженность и кризисы роста)/ Вопросы экономики. 1997. №2.
[371]Finansal Forum, 22.10.1997, с.73.

Следовательно, половина населения страны не имеет опыта жизни в условиях экономики без инфляции или с низкой инфляцией »[372].

Тактику поочередного повышения зарплаты различным группам занятых в государственном секторе при неизбежном сохранении инфляции предпочло болезненным издержкам последовательной стабилизации и правительство Т. Чиллер в период, последовавший за кризисом 1994 г. По мнению одного из турецких экономических журналов, премьер-министр Т.Чиллер, пойдя в 1995 г. на увеличение заработной платы некоторым категориям занятых в госсекторе, обеспечила себе повторную победу на выборах 1995 г.

Очевидно, Турция попала в так называемую ловушку экономического популизма. Касаясь этого феномена, В. Мау и соавторы писали: «Многие страны в XX столетии, раз начав популистские мероприятия, вскоре обнаруживали себя в ловушке, когда популистский курс порождал необходимость проведения болезненной макроэкономической стабилизации, тяготы которой вновь толкали страну на путь популизма, за которым следует очередная попытка стабилизации, и так далее. В Чили этот период занял около десятилетия, а Аргентине - сорок лет, а в Бразилии - все шестьдесят»[373]. Как видим, Турция вполне может поспорить за рекордную продолжительность периода повторяющегося популистского цикла со странами рекордсменами из числа латиноамериканских государств.

По итогам выборов 1995 г. возглавляемой Т.Чиллер Партии верного пути удалось сформировать коалиционное правительство с участием возглавляемой Н. Эрбаканом происламской Парии благоденствия (ПБ) По договоренности между лидерами двух партий он и стал премьер-министром до перехода кресла по истечению определенного срока к Т.Чиллер.

---

[372] Emerging Turkey 1999. Istanbul, The Oxford Business Group, 1999.

[373] Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.59.

Заняв пост главы правительства, Н. Эрбакан сумел добиться победы на долгом пути, приведшем, наконец, во власть представителя турецкого политического ислама. Будучи партией оппозиции, ПБ объединила под своими знаменами широкие массы избирателей, понесших материальные и социальные потери в ходе либеральных экономических преобразований 1980-начала 1990-х годов как из-за постоянного роста инфляции, так и усиления неравномерности в распределении доходов. Обмануть ожидания избирателей, голоса которых обеспечили Партии благоденствия доступ к власти, означало бы для ее лидера непростительную ошибку. Поэтому экономический популизм стал наиболее ожидаемой версией политики нового премьера. Многие обозреватели предполагали, что даже участие в коалиционном правительстве правоцентристской Партии верного пути не сможет предотвратить ее «маргинального» характера[374].

Пребывание коалиционного правительства у власти оказалось недолгим, оно ушло в отставку в середине 1997 г. Но, учитывая то обстоятельство, что в последующие годы экономическое развитие Турции на протяжении довольно длительного времени будет определяться однопартийным правительством происламской ПСР, ставшей политической наследницей Партии благоденствия, следует подробнее остановиться на национальной разновидности школы исламской экономики, являющейся своего рода общей базой экономических воззрений происламских партий Турции. Ее положения изложены, например, в работе турецкого экономиста Х.Баша «Модель национальной экономики»[375]. Отмечая, что ни капитализм, ни социализм не могут принести счастье человечеству, автор предлагает альтернативу – модель национальной экономики, в раках которой, он в первую очередь, предлагает отказаться от ложной посылки об ограниченности экономических ресурсов и пытается создать науку об удовлетворении ограниченных потребностей человека неограниченными

[374] См., например, Ekonomist, 07.07.1996. P.14.
[375] Баш. Х. Модель национальной экономики. Новая экономическая система. Казань, ПИК «Идел-Пресс», 2011.

ресурсами. Неограниченность ресурсов - это, в том числе, и неограниченность такого ресурса экономического роста, как национальная валюта, а коль скоро ресурс неограничен, то и стоимость его – нулевая, то есть доступ к этой валюте должен осуществляться безгранично и безвозмездно: «Страны, стремящиеся добиться экономического подъема, безусловно, нуждаются в капитале. До сего дня эти страны удовлетворяли эту потребность не за счет эмиссии национальной валюты, а за счет привлечения имеющей стоимость процентной иностранной валюты.. Мы слышим от [Международных кредитных организаций], что производство, финансируемое национальной валютой, создает инфляцию, но то же самое производство, финансируемое дорогой процентной иностранной валютой, приведет к экономическому росту страны. К сожалению, мы сегодня сталкиваемся с подобной бессмысленной логикой… По этой причине в нашей экономической модели мы предоставляем свободу национальной валюте, не имеющей стоимости (процента) и избавляемся от зависимости от глобальных экономических сил»[376]. Автор исходит из посылки о необходимости достижения равновесия между производством и потреблением. Поэтому, он делает вывод, что поддержка потребления является необходимым условием устойчивого и постоянного экономического роста, а кредитно-денежная политика должна быть направлена на повышение доходов населения до «начала точки сбережения»[377]. Затем приходит черед производства. Предлагается «использовать деньги (которых много и которые ничего не стоят – Н.У.) в качестве движущей силы, задействовать труд и таким образом стимулировать производство, балансируя эмиссией»[378]. Что касается опасности инфляции, то она будет нейтрализована в краткосрочном периоде более полной загрузкой имеющихся мощностей, а в среднесрочном – по мере инвестирования дополнительных денег в производство. По существу речь

[376] Там же. С.55.
[377] Там же. С.83, 87.
[378] Там же. С.90.

идет о столь любимой турецкой элитой идее бесконечно долгого и неизменно эффективного использования стимулирующей кредитно-денежной политики, утопичность которой неоднократно подтвердил собственный опыт страны. Итак, национальной интерпретации модели исламской экономики, очевидно, присущ выраженный идеализм, тесно связанный с экономическим популизмом, претендующий на удовлетворение нужд всех граждан страны как членов своего рода ограниченной национальной границами исламской уммы.

Исходя из сказанного выше, вполне ожидаемым выглядит то обстоятельство, что в качестве основного средства макроэкономического регулирования экономическая программа Партии благоденствия предусматривала вполне доступное, по ее убеждению, средство - *создание новых источников финансирования* (курсив Н.У.).

Таким образом, тезис о создании новых или дополнительных источников финансирования оказался не только среди основных теоретических положений, но практических программных действий сил, представляющих политический ислам в Турции.

Но столь высокая ставка на новые или дополнительные источники финансирования внутри страны при отказе от внешнего финансирования требовала, по меньшей мере, их обнаружения и четкого обозначения. Под новыми источниками, в первую очередь, подразумевались «люди, природные ресурсы и государственная недвижимость». После назначения на пост премьер-министра еще до оглашения программы правительства, Н.Эрбакан разослал во все государственные министерства и ведомства устное распоряжение, которое предписывало «создание и поиск источников». Министерству энергетики и природных ресурсов поручалось провести инвентаризацию природных ресурсов страны, придавая особое значение оценке по новой стоимости рудных запасов и заключению соглашений на их разработку с мусульманскими странами. Всем государственным

организациям вменялось в обязанность провести подробную инвентаризацию находящейся в их собственности недвижимости и предоставить соответствующую информацию в Министерство финансов. По завершению инвентаризации планировалось приступить к массированной продаже принадлежавших государству участков под строительство, земельных угодий, отелей и автомашин. Особую роль в процессе создания источников отводилась приватизации лесов. Создание источников не подразумевало усиление налогового бремени, особенно в отношении реального сектора[379].

Идея создания (поиска) дополнительных источников тесно связана с вопросом о необходимости и допустимых размерах финансово-экономического сотрудничества с Западом. ПБ настаивала на субъективном характере прочной зависимости Турции от внешних, особенно, западных источников финансирования. Министр финансов коалиционного правительства А.Шенер, представлявший в нем Партию благоденствия, заявил: «За государственными займами стоит соответствующее лобби, и долги лавинообразно нарастают. Мы не являемся правительством этого лобби. Поэтому нам будет легко преодолеть эту тенденцию в динамике государственных займов…»[380]. Противопоставляя сложившейся модели идею развития при опоре на собственные силы, государственный министр (вице-премьер) коалиционного правительства от Партии благоденствия А.Гюль, в интервью турецкому журналу Ekonomist заявил : «Каждая страна прибегает к использованию внешних источников, к займам, но мы верим, что главный принцип, который позволит разорвать порочный круг, заключается в том, что страны, подобные Турции, способны поддерживать динамизм внутри национальной экономики»[381].

Партнеры Партии благоденствия по коалиции - Партия верного пути, к тому моменту уже имевшая довольно значительный опыт управления экономикой страны, скептически относились к идее мобилизации ресурсов,

[379] Ekonomist.1996. 07.07. P.17
[380] Ekonomist, 1996. 07.07. P. 17.
[381] Ibid. P.18.

считая ее утопической. Они предлагали сделать основной акцент на ускорении приватизации и неизбежном продолжении использования внешних источников финансирования. Государственный министр коалиционного правительства от ПВП А. Йылмаз так определила свою позицию: «Невозможно обеспечить рост экономики без источников. Нет источников - нет роста. Стабильный рост обеспечивает постепенное решение проблем, в противном случае проблемы нарастают как лавина. С учетом темпов роста населения нам необходим рост не менее 4,5 % в год. То есть, у нас существует потребность во внешних источниках финансирования, а любая нестабильность перекрывает к ним доступ. Нестабильность и невозможность занимать привели к кризису 1994 г.»[382].

Тем не менее, система экономических воззрений ПБ все же оказала заметное влияние на программу коалиционного правительства[383]. В ней подчеркивалось, что эффективное использование ресурсов обеспечит возможность устойчивого экономического роста, повышения благосостояния общества, улучшения в распределении доходов, роста занятости и ускорения индустриализации. Таким образом, в текст программы вошел тезис ПБ об эффективном использовании имеющихся ресурсов. В качестве тактических задач в экономике выделялись устранение всех препятствий на пути развития, недопущение расточительства, повышение эффективности во всех сферах, расширение источников, мобилизация производства. Как утверждалось в программе, решение этих задач должно позволить достичь быстрого роста ВНП, а параллельно с ним – и государственных доходов, и таким образом, быстро снизить необходимый объем государственных займов и в дальнейшем стремиться к его приближению к нулю. То есть предполагалось сделать все возможное для обеспечения *сбалансированного бюджета* (курсив Н.Ю.) и оздоровления финансовой структуры. В

---

[382] Ibid. P.19.

[383] Подробнее о программе коалиционного правительства ПБ-ПВП см. Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств. М., Городец, 2006. С.53-56 .

результате, как предполагалось, исчезнет обстановка неопределенности, удлинятся сроки погашения государственных займов и снизятся процентные ставки. Таким образом, из положений программы следовало, что значительный размер заимствований государства стал результатом управленческих промахов, а именно - недооценки имеющихся источников развития предшествующими правительствами.

Для обеспечения баланса бюджета его доходы в 1997 г. предполагалось увеличить на 140% (здесь и далее в текущих ценах), а расходы - только на 61%. При этом правительство оставалось верным намерению проявлять сдержанность в налоговой сфере и делало ставку на «создание» (расширение) источников. Предполагался «грандиозный» рост неналоговых источников дохода - на 765%. Речь шла о поступлениях от приватизации и продажи государственной недвижимости[384].

Успех фискальной политики коалиционного правительства оказался много скромнее, чем предполагалось. По итогам первой половины 1997 г. бюджет имел дефицит в объеме, превышавшем 700 трлн. тур. лир[385]. Причин неудач коалиционного правительства в проведении намеченной бюджетной политики оказалось несколько.

Во-первых, не полностью удалось взять под контроль расходы: их рост за первые шесть месяцев 1997 г. составил 83%[386], что заметно превышало запланированный темп роста. Одним из основных факторов, в силу которых не удержалось сдержать рост расходов, стало присутствие в деятельности правительства очевидной популистской составляющей, которая проявилась через его политику в области заработной платы. Сам Н.Эрбакан любил выступать в том ключе, его правительство находится на службе у народа, исповедуя концепцию правительства-слуги. Динамика заработной платы, по мысли нового правительства, очевидно, должна была подтвердить

---

[384] The Turkish Economy 1997. İstanbul, MÜSİAD, 1997 . S.22-23
[385] Ibid. S.62.
[386] Ibid.

его «народный» характер. По итогам 1997 г. реальная заработная плата государственных рабочих выросла на 19,2%, а служащих - на 16,5%[387].

Во-вторых, и это главное, доходы выросли всего на 99%. Основная причина - значительный разрыв между реальным и запланированным объемом неналоговых поступлений (см. табл.25). В результате 83% мобилизованных доходов по-прежнему приходилось на налоговые поступления[388]. Таким образом, потерпела фиаско центральная идея Партии благоденствия - идея обеспечения экономического развития на основе имеющихся в экономике дополнительных (неналоговых) источников при сокращении объемов государственных займов, хотя ее сторонники настаивали на случайных причинах неудачи.

Таблица 25

Доходы бюджета 1997 г. (по состоянию на июнь, млрд.тур.лир)

	План (1)	Реализация по состоянию на июнь 1997 г.(2)	2/1(%)
- **Доходы (всего)**	**6 254 900**	**2 125 200**	**34,0**
- Налоговые	4 368 000	1 759 800	40,2
- Неналоговые ординарные	1 445 000	154 300	10,6
- Специальные	424 900	175 800	41,3

Составлено по: The Turkish Economy 1997. Istanbul: MÜSİAD,1997. P.67.

Таким образом, в случае с экономической доктриной Партии благоденствия речь идет, по всей видимости, не об экономическом популизме, которому, по мнению В. Мау и соавторов, присущ достаточно строгий экономический смысл[389]: будучи основой популизма реального, он означает проведение элитой политики, направленной на известное

[387] Ibid. P.126-127.
[388] Подсчитано по: The Turkish Economy 1997. S.67.

[389] См. Мау В, Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.53.

ограничение господствующих социальных сил в пользу широких слоев. В случае с ПБ речь идет о наборе заведомо неисполнимых обещаний и планов, что соотносится с понятием популизма спекулятивного. Последний характеризуется заигрыванием с основной массой населения на уровне лозунгов с целью поднять авторитет и легитимность субъекта политики. Его главным признанным недостатком является утопичность, связанная «с повышенной субъективацией процесса позитивного разрешения конфликтных противоречий». И действительно, «альтернативный» взгляд ПБ на имманентные проблемы экономики Турции не стал обещанным ключом к их быстрому решению. Значительно расширив группу интересов, в пользу которой правительство стремилось переориентировать свою экономическую политику до всех «угнетенных и обиженных» Турции, лидеры ПБ никоим образом не были готовы к принятию на себя ответственности за использование радикальных методов в сфере государственной финансовой политики.

В итоге пришедшее к власти в стране в июле 1997 г. правительство М. Йылмаза вновь оказалось перед необходимостью проведения жесткой налогово-бюджетной политики для достижения финансовой стабилизации. Турецкий журнал «Para», цитируя английский «The Economist» писал, что «популярность М.Йылмаза настолько низка, что единственная возможность для него выиграть следующие выборы состоит в том, чтобы действительно снизить инфляцию»[390]. Поэтому определенные успехи нового правительства в стабилизации экономики, как это ни парадоксально, следует считать результатом его слабой поддержки среди избирателей, и в итоге – свободы от ориентации на обслуживание массовых групп интересов. Иными словами, правительство М.Йылмаза получило возможность отойти от политики экономического популизма, что и позволило ему добиться успехов в решении задачи по повышению сбалансированности в сфере государственных финансов и снижению инфляции.

[390] Para. 1998, 5-11.07.

Разразившийся в Турции 2001 г. очередной валютно-финансовый кризис не столько разочаровал в результатах стабилизационной политики правительства, сколько подтвердил острую актуальность смены парадигмы экономического развития и ее освобождения от преобладания краткосрочных целей в ущерб стратегическим интересам. По мнению турецкого экономиста О. Улагая, позитивный момент кризиса 2001 г., заключался именно в том, чтобы впредь исключалось *принятие дешевых политических решений за счет экономики* (курсив Н.У.)[391].

Итак, на протяжении второй половины XX века в Турции практически постоянно проводилась политика экономического популизма: приводивший к дефициту перерасход бюджетных средств распределяясь между различными комбинациями групп интересов, поддерживал в той или иной форме (за счет стимулирования предложения или спроса) экономический рост и по возможности обеспечивая правящим элитам сохранение власти. При этом «затянувшийся» период переходной демократии со свойственной ей выраженной склонностью к проведению популистской политики, безусловно, оставался в конце XX в. важнейшим фактором, затруднявшим переход к стратегическому экономическому планированию и последовательному выстраиванию экономической политики в его русле. Хотя переход от автаркии с демократии произошел еще в середине XX в., «первозданно» яркий характер межпартийного противостояния со множеством субъектов-участников свидетельствовал о том, что стран по-прежнему не достигла состояния ее консолидации, а значит, сохранялись и практически непрерывно реализовывались предпосылки экономического популизма. На замедленный характер процесса консолидации или созревания демократии в Турции обращает внимание и З.Ониш. Он отмечает, что по времени возникновения Турция относится к демократиям «второй волны». Но, несмотря на значительный опыт реформ, турецкая демократия все еще далека от консолидированной, а ее устойчивость низка по сравнению с

[391] Milliyet. 2001. 09.04

большинством латиноамериканских демократий, относимых, кстати, к более поздней «третьей волне» [392].

Таким образом, если опыт модернизации в ряде стран Востока, например, странах НИС первой волны, позволяет говорить о существовании ориентированной на экспорт «авторитарно-рыночной модели развития»[393], то опыт Турции позволяет сделать допущение о формировании своего рода «популистской рыночной модели».

Так, Южная Корея, которая в сегодняшней Турции считается государством-прототипом[394], в ходе экономической модернизации была вынуждена достаточно последовательно придерживаться политики сокращения расходов на заработную плату, что позволяло повышать сбережения национальной экономики и поддерживать высокую норму инвестиций. На фоне обеспечиваемого ею роста производства емкость внутреннего рынка удерживалась на сравнительно низком уровне, что делало жизненно необходимым наращивание экспорта и его постоянную диверсификацию, в том числе за счет развития наиболее конкурентоспособной высокотехнологичной составляющей.

В сравнительно рано вставшей на путь формальной демократической трансформации Турции правительства, особенно в 1990-е годы, не рискуя переломить сложившийся тренд проведения популярной у избирателей экономической политики, несмотря на состоявшийся было переход к стратегии роста на основе экспорта, были вынуждены поддерживать более высокий уровень внутреннего потребления. Как писал З. Ониш, «…случай Турции иллюстрирует трудности осуществления однонаправленного экспортного движения, коль скоро угроза немедленного кризиса

---

[392] См. подробнее: Oniş Z. Sharing Power& Turkey's Democratization Challenge in the Age of the AKP Hegemony//Insight Turkey. 2013. Vol.15/ № 2. 103-122 p.

[393] Волков Ю. Либеральная модель – шанс для России//Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Книга.1. М., Экономика, 2003. С.261.

[394] См., например, Z. Oniş. The State and Economic Development in Contemporary Turkey: Etatism to Neoliberalism ahd Beyond/ Turkey between East and West. New Challenges for a Rising Regional Power. Oxford, 1996, pp. 163, 171.

платежеспособности миновала»[395] Поэтому относительная емкость национального рынка оставалась весьма внушительной среди стран с сопоставимым уровнем подушевого дохода (доля только частного потребления в ВВП составляла около 70%[396]). Политика сознательного расширения внутреннего рынка при довольно значительной численности населения оказывалась достаточной альтернативой для турецких производителей. В итоге Турция могла позволить себе не вступать безоглядно в жесткую конкуренцию на международном рынке в стремлении нарастить экспорт, что позволяло откладывать отраслевую диверсификацию промышленности и переход к экспорту более высокотехнологичной продукции. З. Ониш отмечал, что экспортный бум начала 1980-х был основан на использовании производственных мощностей, созданных еще в период импортзамещения. Необходимые инвестиции в развитие экспортных производств не были осуществлены. «Недостаточные частные инвестиции в обрабатывающую промышленность объясняли трудности, с которыми Турция столкнулась в точки зрения диверсификации своего промышленного экспорта. Поразительный факт заключается в том, что в начале 1990-х годов, то есть спустя более десяти лет с момента перехода к экспорториентированной стратегии развития, три ключевых отрасли – производство продуктов питания, текстиля и готовой одежды, а также продукции черной металлургии по-прежнему обеспечивали почти две трети турецкого промышленного экспорта»[397]. Таким образом, оборотной стороной турецкого популизма с конца 1980-х стала своего рода *непоследовательная экспорториентированность* (курсив Н.У.), периодически перенастраивавшаяся в пользу внутреннего рынка.

Далеко не совпадающие траектории экономического развития Турции и Южную Кореи подтверждают данные таблицы 26.

---

[395] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P. 446.
[396] Подсчитано по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TÜİK, 2012. S.748. URL: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist
[397] Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. P. 445.

Таблица 26

Некоторые показатели социально-экономического развития Турции и Республики Корея

	Турция	**Корея**
ВВП на душу населения (долл. США, текущие цены, 2015)	9 130	27 221
Доля добавленной стоимости, созданной в промышленности (%, 2015)	27,1	38,1
Объем высоко-технологичного экспорта (млрд. долл., 2014)	2,3	133,4
Доля товаров высоко-технологичного экспорта в общем объеме экспорта обрабатывающей промышленности (%, 2014)	2	27
Доля расходов на научные исследования и научно-технические разработки (% от ВВП, 2014)	0,94	4,15
Доля валовых сбережений (% от ВВП, 2014)	15	34
Сальдо по счету текущих операций платежного баланса (млрд. долл., 2015)	- 32,2	+ 105,9
Численность населения (млн. чел., 2015)	78,6	50,6

Составлено по базам данных Всемирного банка: http://data.worldbank.org/indicator

Итак, Турецкая Республика, имея заметное преимущество по численности населения, одновременно демонстрирует более чем двукратное отставание по показателю ВВП на душу населения. Турции не удается решить проблему значительного дефицита по счету текущих операций, тогда как для Южной Кореи характерно выраженное преобладание валютных доходов над расходами. Последнее обстоятельство вполне объяснимо с учетом масштабов абсолютного и относительного отставания Турции по экспорту высокотехнологичной продукции, которое в свою очередь следует связывать со значительно более низкими относительными затратами на научные исследования и разработки. В итоге вырисовываются причины сравнительного экономического отставания Турции, которое следует связывать именно с пробуксовкой экспорториентированной стратегии, которую страна по-прежнему пытается реализовывать посредством вывоза сравнительно недорогой среде-и-низкотехнологичной продукции, которую одновременно удается сбывать и на относительное

емком внутреннем рынке, не особенно концентрируясь на задаче технологической модернизации промышленности в целом и экспорта в частности.

Модель развития стран Восточной Азии (Японии, Тайваня, Южной Кореи) ряд исследователей интерпретирует как классическую модель девелопменталистского государства (государства развития), которая включает три основных характеристики:

- акцент на создании непроизводственной инфраструктуры (инвестиции в образование и научно-исследовательскую деятельность при вторичности промышленной государственной собственности и прямого контроля за производством);

- ключевая роль государства в поддержании определенного характера взаимоотношений между работодателями и наемными работниками, очевидно, в интересах первых;

- активное участие государства в процессе создания конкурентных преимуществ для национального бизнеса.

При этом непременным условием существования девелопменталистского государства является придание последнему статуса встроенной автономии, что предполагает дистанцирование власти от групп интересов в целях ее концентрации именно на целях развития, тогда как встроенность позволяет государству выявлять наиболее актуальные проблемы развития и мобилизовывать необходимые ресурсы для их решения[398].

Следовательно, модель экономического развития Турции до известной степени можно трактовать как некую противоположность девелопменталистского государства: турецкое государство участвовало в экономическом развитии через развитый институт государственной собственности, но что особенно важно – демонстрировало неготовность к

[398] Кармишин И.С. Взаимоотношения государства и рынка в современном мире/Общественные науки и современность. 2011. №1. С.69.

последовательному выполнению функции подавления недовольства наемных работников, периодических действуя в их интересах. Актуальность результатов выборов различного уровня для устойчивости действующей власти сделала невозможной ее дистанцирование от групп интересов и концентрацию исключительно на целях развития. В рамках турецкой «популистской рыночной модели» наряду с глобальными задачами догоняющего развития, а зачастую и вразрез с ними решались краткосрочные задачи обеспечения жизнеспособности правительств посредством достижения договора с избирателями за счет популистских экономических уступок. Сосуществование и взаимовлияние этих двух трендов и сформировало специфику модели экономического развития Турции. Как ни парадоксально, но она может считаться местной интерпретацией социально-институциональной модели Вьетнама, но реализуемой в условиях открытой политической конкуренции.

3.4 Политический деловой цикл в условиях Турции конца XX в.

Предыдущие разделы главы позволили составить представление об особенностях первой фазы – фазы стимулирования экономики в границах турецких популистских циклов. Их рассмотрение в дополнении с фазой сжатия экономики, позволит выйти на обобщения, связанные со спецификой популистского цикла в Турции.

Вполне ожидаемое существование «политически манипулируемого делового цикла» или политико-делового цикла в Турции обосновал в своем исследования «В поисках оппортунистического политического делового цикла в Турции»[399] турецкий исследователь М. Асутай. Опираясь на модель В. Нордхауза, он проанализировал статистические данные, относящиеся к шести эпизодам парламентских выборов в Турции, а именно к выборам ноября 1983 г., ноября 1987 г., октября 1991 г., декабря 1995 г., апреля 1999

[399] Asutay M. Searching For Opportunistic Politikal Business Cycles in Turkey. Durham, 2008/http://dro.dur.ac.uk/945/1/945.pdf?DDD35+dgi4lh.

г. и ноября 2002 г. В ходе анализа были рассмотрены такие показатели, характеризующие состояние фискальной политики, как объем государственных расходов, объем расходов правительства, не относящийся к процентным выплатам по госдолгу, объем субсидий государственным предприятиям, государственные инвестиции. Состояние монетарной политики оценивалось на основании динамики таких показателей, как объем денежной массы в обращении (M1, M2Y), объем внутреннего кредита, и индекс потребитльских цен (инфляция). Изменения соответствующих показателей рассматривались за периоды: квартал выборов (ED1); квартал, предшествующий выборам и квартал выборов (ED2); два квартала, предшествующие выборам и квартал выборов (ED3); три квартала, предшествующие выборам и квартал выборов (ED4), три квартала, следующие за выборами (ED5). Эти периоды (фактор времени) были введены в анализ в виде фиктивных переменных. При этом предполагалось, что значение коэффициентов регрессии будет положительно для периодов ED1, ED2, ED3 и ED4, свидетельствуя о влиянии приближающихся выборов на увеличение масштабов использования экономической политики в качестве политического инструментария, и отрицательным - в послевыборный (ED5), свидетельствуя о сжатии экономики[400].

По итогам анализа М.Асутай пришел к следующим выводам[401]:

1. Связь между приближением выборов и увеличением объема государственных расходов положительна для всех рассмотренных предвыборных периодов, для послевыборного периода связь отрицательна. Оценка t-статистики позволяет установить, что связь для периодов ED3 и ED4 не является статистически значимой, в то время как для периода ED1 уровень значимости оценивается в 5%, а для периодов ED2 и ED5 – в 10%.

[400] Противоположный характер связи предполагался между приближением выборов и инфляцией.
[401] См подробнее: Asutay M. Searching For Opportunistic Politikal Business Cycles in Turkey. P.12-21.

2. Аналогичным образом удалось подтвердить ожидавшуюся положительную связь между приближением выборов и ростом объема расходов правительства, не связанных с обслуживанием госдолга. Но для периода ED1 она не является статистически значимой, тогда как для периодов ED2 и ED4 уровень значимости составил 10%, а для периода ED3 – 5%. Для периода ED5 связь оказалась ожидаемо отрицательной, что укладывается в общую концепцию снижения государственных расходов после выборов, а уровень ее статистической значимости – 10%.
3. Что касается субсидий государственным предприятиям, то при том, что подтвердился ожидаемый положительный характер связи между ростом их объема и наступлением предвыборного периода и отрицательный для послевыборного периода, для большинства случаев она оказалась статистически незначимой.
4. Связь между ростом объема государственных инвестиций и приближением выборов оказалась ожидаемо положительной. При этом статистически значимой она была для периодов ED1, ED2, ED3, ED4 (порядка 10%). Для послевыборного периода связь отрицательная, но статистически незначимая.
5. Динамика объема денежной массы в каналах обращения также обнаружила положительную связь с приближением выборов. Уровень статистической значимости оказался существенным для периодов ED1 и ED2 – 10%. Для послевыборного периода связь отрицательна, уровень статистической значимости - 5%. Значение коэффициента при независимой переменной для периода ED1 позволило установить, что объем денежной массы в каналах обращения в квартал выборов выше по крайней мере на 4% , чем в другие.
6. Что касается денежного агрегата М1, то положительный характер связи между его ростом и приближением выборов оказался предсказуемым, однако статистически значимой связь оказалась лишь

для периодов ED1, ED2, и ED5 (10%). Это означает, что правительство использует денежный агрегат M1 в качестве монетарного инструмента в квартал, предшествующий выборному, и в собственно квартал выборов. Как позволяют установить значения коэффициента связи переменных, денежная масса M1 была больше на 2,5% по сравнению с другими периодами в выборный квартал и на 4,2% - в период, охватывающий предшествующий квартал и собственно квартал выборов, а в послевыборный период меньше, нежели в другие периоды на 2,8%.

7. Для денежного агрегата M2Y также подтвердился ожидаемый характер связи с моментом приближения выборов (положительная) или его прохождением (отрицательная). Связь статистически значима для всех периодов за исключением ED4.
8. Целесообразность изучения поведения такого показателя, как величина внутреннего кредита обусловлена тем обстоятельством, что до 2002 г. государственные агентства (институты), например, казначейство и государственным предприятия имели право обратиться к Центральному банку Турецкой Республики для получения краткосрочного кредита, что использовалось правительством в попытках смоделировать политико-деловой цикл и повысить свои шансы на переизбрание. Результаты анализа позволили установить ожидаемый характер связи между приближением сроков выборов и ростом объемом внутреннего кредита. Положительный характер связи в предвыборные месяцы оказался статистически значимым только для периодов ED1 и ED4 (10%). Уровень статистической значимости отрицательной связи для периода ED5 составил 5%. Тем не менее, результаты подтвердили факт выделения Центральным банком средств правительству в предвыборный период. Значение коэффициента при независимой переменной позволило установить, что в квартал выборов объем кредита на 1,5% выше, чем в остальные.

9. Что касается высокой инфляции, то она стала фоном экономической жизни Турции с начала 1970-х. Поэтому, коль скоро речь не идет о каких-либо кардинальных изменениях ее уровня, данный показатель, казалось бы, не является столь уж значительным. Тем не менее, существует обстоятельство, делающее целесообразным включение показателей, характеризующих инфляцию, в данный анализ: на начало 2000-х гг. государственные предприятия в Турции все еще занимались производством и сбытом ряда важнейших потребительских товаров и услуг. В условиях постоянного и непрекращающегося роста цен они также были вынуждены регулярно повышать цены на свою продукцию, что активно освещалось в средствах массовой информации. Но в предвыборной обстановке вопрос повышения цен на продукцию госпредприятий становился весьма чувствительным для правительства, побуждая его перенести решение на послевыборный период. Поэтому рост цен также представляется областью, где существуют возможности для использования тактики политико-делового цикла. Анализ данных позволил установить ожидаемый, на этот раз отрицательный, характер связи между приближением выборов и ростом цен в предвыборный период и положительный – в послевыборный, так как инфляция после выборов ускоряется из-за осуществления ранее отложенного повышения цен на продукцию госпредприятий. Но только для периода ED1 зависимость оказалась статистически значимой при ее уровне 10%. При этом значение коэффициента при независимой переменной, позволило установить, что в этот период инфляция ниже по сравнению с другими на 3,8%.

Полученные данные позволили автору прийти к выводу о том, что правительства Турции использовали инструменты фискальной, равно как и монетарной политики в своих предвыборных целях. При этом совершенно

очевидно, что эффективное использование инструментов фискальной политики требует согласования связанных с этим шагов с Центральным банком. Следовательно, использование инструментов фискальной политики создает дополнительное давление на монетарную политику. Поэтому М.Асутай счел необходимым исследовать это взаимодействие более подробно через введение еще одной переменной - «скорректированной фискальной политики», исследовав ее состояние для каждого рассматриваемого периода. Он оценил уровень взаимозависимости между новой переменной и объемом денежной массы в каналах обращения (положительный характер зависимости в предвыборные месяцы значимый для двух периодов, отрицательный и значимый для послевыборного периода), денежным агрегатом М1 (положительная взаимозависимость, статистически значимая для периодов ED1 и ED2) и агрегатом M2Y (положительная зависимость в предвыборные месяцы с уровнем статистической значимости для большинства периодов в 5%).

По результатам своих исследований, автор пришел к выводу, что в Турции «выборы как нарушение обычного порядка вещей создают дополнительное давление на фискальную и монетарную политику посредством их смещения от обычной траектории к манипулятивной политике в целях повышения вероятности переизбрания для действующего правительства»[402].

Что касается особенностей этого цикла, то, во-первых, речь, очевидно, идет именно о популистском цикле, так как невозможно говорить об ограничении колебаний «рамками естественных бюджетных ограничений». Налицо и действие факторов, обуславливавших трансформацию эволюционного политико-делового цикла - наличие в Турции переходной

[402] Ibid., P.23.

демократии с характерным для нее набором проявлений, деформирующих эволюционный цикл в популистский.

Во-вторых, можно предположить наличие и некоторых других отличительных особенностей. Так, анализируя особенности политического делового (экономико-политического) цикла в России в 1990-е годы, В Мау и соавторы обратили внимание на то обстоятельство, что он действовал в России 1990-х как бы в перевернутом виде. То есть в период, предшествующий выборам, власти проводили жесткий стабилизационный курс, тогда как сразу после выборов в него вносились поправки популистского характера. «Перевернутый» характер политико-экономического цикла возник, по их мнению, как результат незрелости системы рыночной демократии, находящейся еще только в стадии своего становления. Это проявлялось в ряде специфических черт экономико-политической жизни России 1990-х гг., среди которых особое значение имела слабость политических организаций, не способных формировать устойчивые правительственные коалиции, которые смягчали бы колебания экономического курса при переходе власти от одной партии к другой. Одновременно происходила модификация характера деятельности институтов власти, усиливая в них реактивные и, следовательно, популистские компоненты. В итоге В. Мау и соавторы пришли к выводу, что факторы, трансформирующие стандартный эволюционный политико-экономический цикл, являлись одновременно и факторами возрастания роли популистской экономической политики и, соответственно, формирования популистского цикла[403].

В случае с Турцией обращает на себя внимание нечеткость, размытость границ цикла, придающая популистской политике полуперманентный характер. Дело в том, что конституция Турции не устанавливает фиксированное время следующих выборов. Она предусматривает, что

[403] Там же. С.51-52.

выборы должны проводиться каждые пять (четыре)[404] лет после предшествующих выборов. Но действующее правительство имеет право объявить досрочные выборы. Это обеспечивает ему блестящую возможность самостоятельно назначить дату выборов, выбрав наиболее подходящий момент, когда безработица низка и высок спрос национальной экономики. Турецкая политическая история свидетельствует о весьма активном использовании подобной возможности: зачастую турецкие правительства еще до истечения срока полномочий, спустя лишь четыре года или даже менее с начала своей деятельности объявляют досрочные выборы. В итоге, траектория политико-делового цикла в Турции не является выпуклой и достаточно четкой для того, чтобы быть описанной перевернутой U-образной кривой. Неопределенность даты выборов налагает временные ограничения на действующее правительство с точки зрения возможности манипулирования экономикой в рамках политико-делового цикла, зачастую сокращая предвыборный период до трех месяцев предвыборной кампании, отделяющей объявление о роспуске парламента от даты досрочных выборов. В то же время эмпирически установленный достаточный период для осуществления популистского цикла составляет один год, во всяком случае, как правило, именно за год до предстоящих выборов удается обнаружить первые последствия экономических манипуляций, такие как повышение зарплат в государственном секторе, повышение закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и проч. При столь жестком временном сжатии на момент выборов может прийтись не подходящая фаза цикла, иными словами экономика не успеет достаточно разогреться. Поэтому с учетом специфических условий страны Асутай ввел в анализ дополнительную фиктивную переменную, учитывающую время, прошедшее с момента последних выборов (TSFL). Каждый квартал, прошедший с момента выбора нумеруется, начиная с 1. «Предполагается, - писал Асутай, - что чем больше количество прошедших кварталов, тем выше мотивация

[404] Asutay M. Searching For Opportunistic Political Business Cycles in Turkey, P.12-21.

правительства к манипулированию экономикой, так как большое количество минувших кварталов указывает на приближение времени выборов[405]. И действительно, как свидетельствуют результаты, полученные М.Асутаем[406], положительная и статистически значимая связь существовала между увеличением количества, кварталов, прошедших с даты последних выборов, и ростом государственных расходов. Аналогична ситуация для объема денежной массы в каналах обращения. Комментируя ее, М.Асутай писал: «…возрастающее число кварталов, прошедших после последних выборов, увеличивает возможность объявления выборов, что в свою очередь предписывает увеличение денежных вливаний в экономику со стороны Центрального банка с тем, чтобы ответить на требования правительства по увеличению расходов на предвыборные цели»[407]. Положительная связь с уровнем статистической значимости в 10% существовала и между увеличением временного периода с даты последних выборов и денежным агрегатом M2Y, а также объемом внутреннего кредита.

Следовательно, специфика популистского цикла в Турции заключалась, во-первых, в его деформации - расширении фазы стимулирования ввиду ее весьма заблаговременного наступления. При этом колебания фискальной политики оказывались несколько более умеренными по амплитуде, или, по крайней мере, выход на пиковые значения носил сравнительно постепенный характер. Во-вторых, из-за заблаговременного начала нового популистского цикла (как, например, было со стабилизационной политикой правительства Т.Чиллер, которую оно попыталось проводить после кризиса 1994 г.) на жесткую послевыборную стабилизацию в ряде случаев не оказывалось достаточного времени. То есть вторая типичная особенность турецкого политического делового цикла заключалась в необычно быстром сворачивании стабилизационных мероприятий. Свою роль здесь играла и хроническая привязка

[405] Ibid. P.8.
[406] См. подробнее: Ibid. P. 12-21.
[407] Ibid. S.13.

экономического развития к использованию внешних источников финансирования, в результате чего восстановление роста нуждалось не столько в макроэкономической стабилизации, сколько в возобновлении поступления средств извне. В итоге «стабилизационные» мероприятия в ряде случаев, несмотря на разработку многошаговых антикризисных программ, в действительности сводились главным образом к девальвации национальной валюты в целях восстановления доверия внешних рынков.

Выше был сформулирован тезис о том, что политика экономического популизма - это экономическая политика фазы стимулирования экономики, которой теоретически и должны ограничиваться временные рамки ее проведения. Тогда как популистский цикл включает еще и фазу компенсации (стабилизации), то есть фазу фискального и кредитно-денежного ограничения. Но в Турции из-за удлинения первой фазы и сокращения второй экономический популизм превратился в тяготеющую к хронической форму экономической политики, подтверждая вывод исследователя У.Хэйла: «Представляется, что в Турции наиболее серьезные экономические проблемы на самом деле являлись политическими, и так будет оставаться еще многие годы»[408]. Следовательно, более актуальной с точки зрения понимания закономерностей экономического развития страны является не столько теория политического делового цикла, сколько само понятийное содержание экономического популизма.

Данный вывод правомерен не только в отношении периода 1980-1990-х годов, но и предшествующих десятилетий второй половины XX в. Как было показано выше, в 1950-1970-е годы, просматриваются весьма продолжительные периоды настойчивого проведения политики экономического популизма.

Итак, что касается Турции, то теория политического делового цикла, будучи интерпретированной применительно к особенностям турецкого общества, переживающего переходный период с точки зрения становления

[408] Цит по: Ibid. P.3.

демократии, объясняет возникновение экономического популизма и предпосылки его последующего превращения в доминирующую с точки зрения продолжительности использования форму государственной экономической политики.

Таким образом, ряд вопросов, возникших по итогам использования макроэкономического анализа для выявления особенностей экономического развития республиканской Турции, удалось разрешить посредством применения институционального и неоинститутционального подходов. Первый позволил поставить вопрос о целесообразности включения неэкономических факторов в число тех из них, которые способны объяснить повторяемость траектории экономического развития страны. Неоинституциональный подходы, в частности, предлагаемые теорией политического делового цикла, адаптированные к специфике Турции второй половины XX в., дали возможность проследить процесс влияния изменений в политической системе и конъюнктуре на экономическую политику национальных правительств и ее результаты.

В этом смысле, видимо, справедлива точка зрения российского экономиста Е.Островской, которая принимая во внимание достоинства и изъяны наиболее широко распространенных в экономической науке теоретических подходов, с одной стороны, признает невозможность использования какой-либо из названных парадигм и теорий в их целостности, а с другой – необходимость применения тех постулатов каждой из теорий, без которых невозможно построение базовой теории экономического развития, в качестве фундаментальных принципов анализа[409]. Е.Островская предлагает «объединение этих постулатов под

[409] С точки зрения попытки синтеза исследовательских методов обращает на себя внимание работа В. М. Мазырина «Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986-2010)». С одной стороны, он пишет об использовании в работе комплексного метода исследования, который «базируется на постулатах кейнсианской и неоклассической школ экономики», мотивируя это тем обстоятельством, что «современная макроэкономика есть продукт объединения двух школ, и ее обычно понимают в образном виде как две руки экономики – невидимую и видимую». Кроме того, он отмечает, что опора на кейнсианство при разработке стратегии развития рыночной экономики в СРВ имеет идеологическое обоснование, поскольку влиятельные вьетнамские политики почти отождествляли идеи Дж. Кейнса с социалистическими.

одной научной «крышей», в рамках «синтетического» концепта, допускающего их сосуществование[410].

Применительно к задачам настоящего исследования определенных результатов позволило достичь дополнение макроэкономического анализа использованием принципов институциональной и отдельных школ неоинституциональной теорий.

С другой стороны, В.М. Мазырин отмечает продуктивность использования в качестве исследовательского метода институционального анализа. С.6-7.

[410]Островская Е. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования. С. 30-31.

Глава 4.
Экономическое развитие Турции в период правления Партии справедливости и развития: между традицией и новацией (2002- июнь 2015 г.)

4.1 Макроэкономический анализ развития Турции в период пребывания у власти ПСР

Начавшаяся после кризиса реализация Программы построения сильной экономики Турции обеспечила первые признаки оживления, но ряд важнейших макроэкономических показателей по-прежнему свидетельствовал о сложной ситуации, сохранявшейся в стране к концу 2002 г., когда Партия справедливости и развития (ПСР) пришла к власти в Турции: среднегодовой уровень инфляции составила 45%, дефицит бюджета превышал 11% ВВП (см.таблицу 27), а госдолг достиг почти 70% ВВП страны[411].

Таблица 27

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ В 2001-2014 ГГ.

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Темпы роста ВВП (в базовых ценах 1998 г.)	-5,7	6,1	5,3	9,5	8,4	6,9	4,7	0,7	-4,7	9,2	8,8	2,1	4,2	2,9
Дефицит бюджета /ВВП (%)	12,0	11,2	8,8	7,1	1,3	0,6	1,6	1,8	4,8	3,6	1,4	2,1	1,2	1,3
Профицит первичного бюджета** /ВВП (%)	6,8	4,3	5,2	6,1	6,0	5,4	4,2	3,5	0,1	0,7	1,9	1,4	2,0	1,6
Среднегодовой уровень потребитель ской инфляции (%)	54,4	45,0	25,3	8,6	8,2	9,7	8,8	10,4	6,3	8,6	6,5	8,9	7,5	8,9

[411] Подсчитано по: Ekonomik Rapor 2008. Ankara, TOBB, 2009. S.170.

*Соотношение доходов и расходов бюджета без учета выплат по обслуживанию государственного долга. Таким образом, профицит формирует реальный, то есть не связанный с новыми займами, источник обслуживания госдолга.

Составлено и рассчитано по: İstatistik gostergeler 1923-2008. Ankara: TÜIK, 2009. S. 599, 644, 646, 693, 753, Ekonomik Rapor 2005. Ankara: TOBB. 2006. S.79; Ekonomik Rapor 2006. Ankara: TOBB, 2007. S.78; Ekonomik Rapor 2009. Ankara: TOBB, 2010. S. 78, 135; Ekonomik Rapor 2010. Ankara: TOBB, 2011. S. 89, 144; Ekonomik Rapor 2012. Ankara: TOBB, 2013. S.131, 206; Ekonomik Rapor 2014. Ankara: TOBB, 2015. S. 109, 185.

Суть экономической политики ПСР заключалась в достижении компромисса между проведением стабилизационной программы, которая предусматривала соблюдение согласованных с МВФ относительных размеров профицита первичного бюджета и уровня инфляции, и более или менее активной социальной политикой, что должно было обеспечить сохранение политического лица партии как происламской.

Уже к следующим парламентским выборам, прошедшим летом 2007 г., ПСР подошла с убедительными экономическими результатами. В предвыборной декларации партии период 2003-2007 гг. был объявлен самым блистательным в экономической истории республики. Среди развивающихся стран Турция была признана «восходящей звездой» и «успешным примером для подражания»[412]. Аргументировалось это утверждение следующим набором фактов. Заметно сократился бюджетный дефицит до 1,6% (см.таблицу 27). Отношение госдолга к ВВП снизилось с 70% до 40%[413]. В итоге впервые за последние 34 года экономической истории удалось снизить годовой уровень инфляции до показателей, выражавшихся однозначной цифрой: по итогам 2007 г. она составила менее 9 %. Макроэкономическая стабилизация позволила поддерживать устойчивые и при этом достаточно высокие среднегодовые темпы роста: в

[412] Guven ve İstikrar icinde durmak yok yola devam. 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Ankara: Adalet ve Kalkınma Partisi, Haziran 2007. 251 s. URL: http://www.akparti.org.tr/site/dosyalar#!/5.-olagan-buyuk-kongre-gundemi

[413] Ekonomik Rapor 2009, Ankara, TOBB, 2010. S.87.

2003-2006 гг. - 7,3%[414]. С 2002 г. национальный доход страны вырос в 2,2 раза с 181 млрд. долл. до 400 млрд. долл. [415]

В годы глобального экономического кризиса макроэкономические показатели ухудшились. Так, по итогам 2009 г. темпы роста были отрицательными, правда, падение объемов производства оказалось менее существенным, чем в других странах – около 5% (см. таблицу 27). В результате экономика Турции относительно безболезненно пережила кризисный период. Его смягчению во многом способствовала ранее проведенная успешная реформа банковского сектора, которая позволила избежать банкротств и сохранить его в полном объеме.

В 2010-11 гг. экономика Турции продемонстрировала уверенное послекризисное восстановлением на фоне темпов роста около 9% (см.таблицу 27). По итогам 2010 г. рост экономики Турции оказался самым значительным среди стран ОЭСР.

В 2010 г. правительство отказалось от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ (см. подробнее раздел 4.4). Но макроэкономическая стабильность по-прежнему оставалась официальным приоритетом экономической политики, основные целевые параметры и задачи которой задавались отныне трехгодичными программами среднесрочного развития. В 2010-14 гг. Турция достаточно успешно справлялась с задачей поддержания бюджетного дефицита и уровня инфляции в рамках, позволявших говорить о сохранении в экономике страны достаточно устойчивой ситуации (см. таблицу 27).

В 2011 г. министр экономики Турции З.Чаглаян выступил с заявлением о том, что задача Турции к 2023 г. - столетнему юбилею республики - войти в десятку крупнейших мировых экономик с показателем дохода на душу населения 25 тыс. долл. и объемом экспорта 500 млрд.

[414] Подсчитано по данным таблицы 26.
[415] Guven ve İstikrar icinde durmak yok yola devam. S. 31.

долл.[416] (на тот момент экономика Турции занимала в рейтинге ВБ 18-е место, показатель ВВП на душу населения по текущему обменному курсу составлял 10. 605 долл., а экспорт – 135 млрд. долл.)[417]

Какие механизмы позволили правительству ПСР достичь экономических успехов?

Поддержание относительной сбалансированности между государственными доходами и расходами правительство обеспечивало посредством, во-первых, все большего сокращения инвестиционных расходов (см. табл.28).

Таблица 28

ДОЛЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТАТЕЙ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДАХ*

Годы	1999	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Инвестиционные расходы	15,5	11,2	12,0	13,0	8,8	9,6	9,5	9,8	8,3	8,9	9,1	9,1	10,3	9,5	9,9
Текущие расходы, в том числе	**32,9**	**26,4**	**30,8**	**32,5**	**40,1**	**42,8**	**44,4**	**45,4**	**44,2**	**44,1**	**45,3**	**45,0**	**44,2**	**44,8**	**44,6**
персональные (расходы на заработную плату госслужащих**)	24,6	18,9	21,6	23,5	23,5	21,2	21,4	21,5	20,9	21,2	23,9	23,9	23,6	24,6	24,7
Выплаты процентов по госдолгу	…	46,8	40,8	36,2	21,5	18,0	17,0	15,4	13,9	11,2	9,1	9,1	8,1	7,4	6,9
Прочие	51,6	15,6	16,4	18,3	29,6	29,1	29,1	29,4	33,6	35,8	36,5	36,8	37,4	38,3	38,6
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

* Суммарные государственные расходы включают помимо бюджета доходы и расходы еще некоторых звеньев, входящих в систему госфинансов

** Рассчитана доля в расходах бюджета

Составлено и рассчитано по: Economic Report 1997. Ankara, UCCET, 1998. P. 68, 74; Ekonomik Rapor 2003. Ankara, TOBB,2004. S.78, 86; Economic Report 2004, Ankara, UCCET. 2005. P.79, 85; Ekonomik Rapor 2005. Ankara, TOBB, 2006. S. 78, 84; Ekonomik Rapor 2007. Ankara, TOBB, 2008. S.83 , 88; Ekonomik Rapor 2009. Ankara, TOBB, 20010. S. 77, 82; Ekonomik Rapor 2010. Ankara, TOBB, 2011. S. 88, 92. Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S. 108, 113; . Ekonomik Rapor 2015. Ankara, TOBB, 2016. S. 111, 117.

[416] Ekonomi Bakanı Zafer Çağlayan'ın Mesajı: Ekonomi Bakanlığı ve 2023 Vizyonu. URL: http://www.ekonomi.gov.tr/index.cfm?sayfa=mustesarlikduyurulari&icerik=FFF99179-D8D3-8566-4520B002CA8413FF

[417] База данных Всемирного банка. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?order=wbapi_data_value_2011+wbapi_data_value&sort=desc; http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?order=wbapi_data_value_2011+wbapi_data_value&sort=asc; .Ekonomik Rapor 2012, Ankara, TOBB, 2013. S. 151.

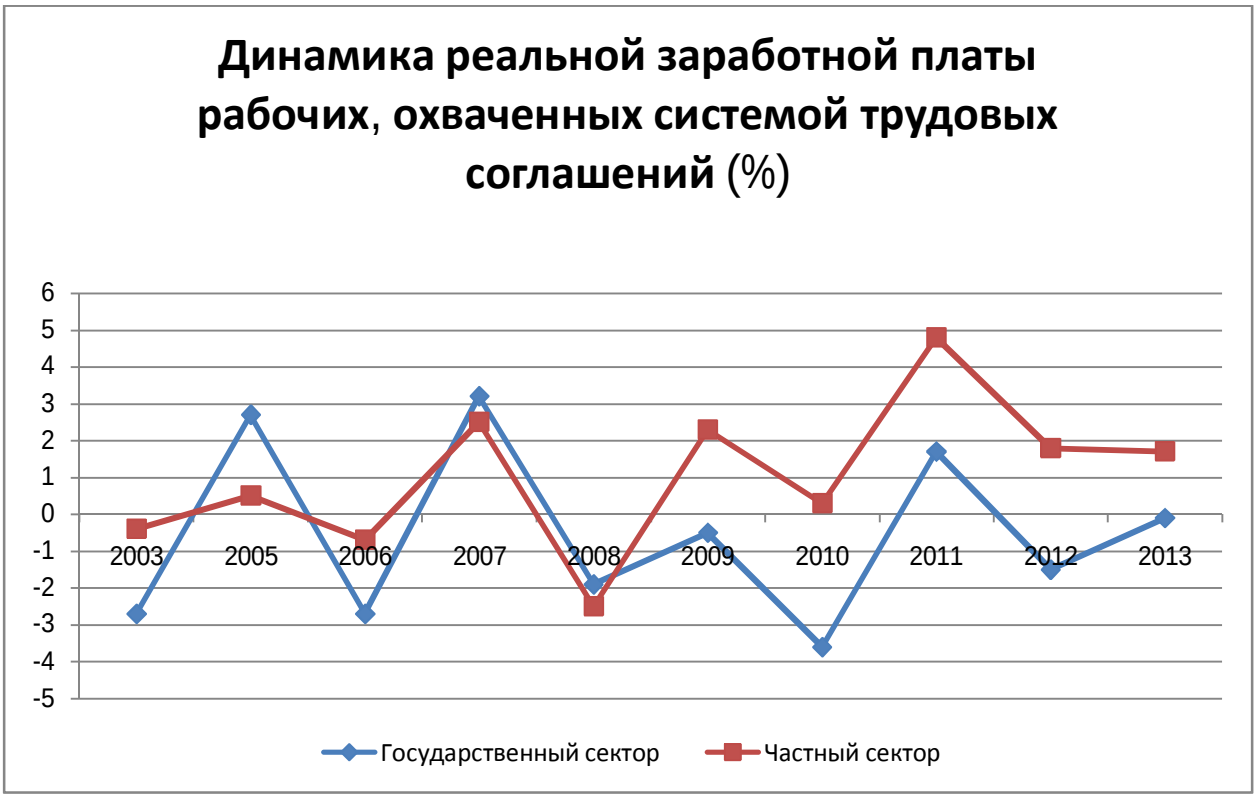
С 2005 г. по 2012 г. они составляли менее 10% суммарных расходов бюджета, а в 2013-2014 г. несущественно превысили 10%, (см. таблицу 28), тогда как еще во второй половине 1990-х на них приходилось 15-20%**.** В итоге, если в 2002 г. доля государства в суммарных инвестициях в основной капитал превышала 36%, то уже в 2003 г. она резко снизилась до 30%[418], в последующие годы – почти до 20%. Так, в 2014 г. на государство пришлось 22,6% от общей суммы инвестиций в основной капитал[419]. Во-вторых, важным позитивным сдвигом в использовании бюджетных средств стало заметное сокращение процентных выплат по госдолгу с 41% в 2003 г. до 7,5% в 2014 г. (см. таблицу 28). Этого важного сдвига в структуре бюджетных расходов удалось добиться в результате применения стратегии постепенной, но неотступной стабилизации системы государственных финансов. Таким образом, если в период 1990-х - начале 2000-х годов сокращение, а затем удержание на низком уровне объема государственных инвестиционных расходов было неизбежными следствием давления процентных выплат по весьма громоздкому государственному долгу, то успех стабилизации теоретически позволял правительству возвратиться к более активной инвестиционной деятельности. То, что этого не произошло, свидетельствует о том, что снижение объема производственных инвестиций – сознательный выбор правительства ПСР. В-третьих, ПСР в качестве партии власти не стремилась и к заметному увеличению расходов на заработную плату, избегая использования прямолинейных методов популистской экономической политики, как это было в 1990-е: их уровень оставался стабильным, несколько превышая 20% от суммарных расходов бюджета (см. таблицу 28).

Соответственно в государственном, равно как и в частном секторе динамика заработной платы не имела выраженного повышательного

[418] Economic Report 2004. Ankara, UCCET, 2005. S.53.
[419] Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S. 67.

характера: незначительные подъемы чередовались со столь же неглубокими спадами (См. рисунок 8).

Рисунок 8



Составлено по: Ekonomik Rapor 2009. Ankara, TOBB, 2010. S.125; Ekonomik Rapor 2012. Ankara, TOBB, 2013. S.200; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.180.

Следует отметить, что определенную вспомогательную роль в повышении сбалансированности бюджета сыграло, в том числе, повышение прозрачности расходов и улучшения учета поступающих доходов. С 2006 г. Турция перешла к расширенному толкованию бюджета, включив в него заметно большее число видов государственных доходов и расходов, в результате чего ранее использовавшееся понятие «консолидированный бюджет» было заменено понятием «бюджет центрального правительства», который являет собой более корректную дефиницию с точки зрения международного сравнения объемов бюджетного перераспределения в Турции.

Зато новым важным приоритетом в бюджетных расходах стали различные виды социальных выплат (подробнее см. раздел 4.6).

Инвестиции в промышленность оказались передоверены частному сектору, активность которого во многом опиралась на обеспеченную властями финансовую стабильность. При этом норма инвестиций повысилась с 16,5% в 2002 г. до 25,2% в 2007 г.[420], затем в кризисном 2009 г. она вернулась к значению в 16,9%, но затем 2011-2014 гг. по мере вхождения экономики в стадию послекризисного роста она вновь выросла, незначительно превысив отметку в 20%[421].

В итоге в условиях доминирования частного сектора в качестве инвестора Турции, во-первых, до последнего времени удавалось поддерживать довольно высокие темпы роста, а, во-вторых, частично удалось решить актуальную задачу структурной перестройки турецкой экономики, заключающуюся в переходе на новый уровень экспорториентированного развития посредством увеличения производства более высокотехнологичной продукции. Доля товаров средне-технологичного экспорта в общем объеме экспорта обрабатывающей промышленности Турции, составлявшая в 2002 г. 47%, в 2013 г. превысила 60%. Но на высокотехнологичные товары пришлось всего лишь 3,5%, что, во-первых, ниже показателя самой Турции в 2002 г. – 6,2% и, во-вторых, значительно ниже среднего показателя стран ЕС за 2012 г. - 20,0%[422]. Поэтому планы и программы экономического развития Турции в последнее время неизменно включают стратегическую задачу обеспечения сдвига в пользу производства продукции с более высокой добавленной стоимостью. Решение этой задачи тесно связано с возможностью принципиального увеличения объема турецкого товарного экспорта, средние темпы роста

---

[420] İstatistik gostergeler 1923-2008. Ankara, TÜİK, 2009. S. 746; TOBB. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, 2009. S.34.

[421] Ekonomik Rapor 2011. S. 141; Ekonomik Rapor 2014. S. 35.

[422] 2015 Yılı Programı. 17/10/2014 Tarihli ve 29148 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 30/09/2014Tarihli ve 2014/6841 Sayılı 2015 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, Bakanlar Kurulu, 2014. S.186. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2014/11/20141101M1-1.pdf

которого за годы правления ПСР оказались довольно умеренными – 7% в год при величине экспортной квоты в 15-20% ВВП[423].

Но в 2012 г. экономика Турции вступила в период заметного снижения темпов роста (см. таблицу 27). Идет ли речь о временной пробуксовке или начале долговременного спада? Чтобы ответить на этот вопрос, следует проанализировать те проблемы, которые омрачали картину экономического развития страны в последние годы, а заодно и более полно выявить совокупность использовавшихся драйверов роста и возможность их применения в дальнейшем.

С начала 2000-х годов в Турции происходил неуклонный рост дефицита по счету текущих операций платежного баланса. В 2002 г. он имел более чем скромные значения – около 600 млн. долл. К 2008 г. он достиг 42 млрд. Представители турецкого бизнес-сообщества не скрывали своей озабоченности в связи с осложнившейся экономической ситуацией, отмечая что в условиях начавшегося глобального финансового кризиса падает спрос на турецкий экспорт, тогда как турецкий частный сектор обременен громадным долгом. М. Коч - председатель Совета управляющих Коч холдинга - одной из крупнейших компаний страны признавал «…большая проблема - открытые валютные позиции частного сектора. Любые сложности с погашением долгов способны перерасти в большие проблемы». Председатель Союза турецких палат и бирж (Türkıye Odalar ve Borsalar Birliği, TOBB) Р. Хисарджиклыоглу отмечал, что «турецкому частному сектору, начиная с конца 2008 г. предстоят выплаты в объеме 28 млрд. долл. При нормальном развитии экономики это не было бы проблемой, но в новых условиях важное значение приобретает вопрос о курсе лиры»[424].

Снизившись в кризисном 2009 г. в три раза, по итогам 2010 г. дефицит по счету текущих операций превысил предкризисный уровень и составил уже более 46 млрд. долл. Своего исторического максимума

[423] Подсчитано по: Ekonomik Rapor 2014. S. 35
[424] Millıyet. 09.10.2008.

дефицит достиг в 2011 г., превысив 75 млрд. долл., что соответствовало более 10% ВВП страны[425].

По итогам 2012 г. дефицит по счету текущих операций платежного баланса снизился до 49 млрд. долл.[426]. Но этот, казалось бы, положительный сдвиг произошел на фоне снижения темпов роста до 2,1% (см. таблицу 27). Некоторое оживление темпов роста в 2013 г. вновь сопровождалось повышением дефицита по счету текущих операций до 64 млрд. долл.[427] Таким образом, главная уязвимая точка в развитии экономики страны - неспособность самостоятельного поддерживать экономический рост и его зависимость от внешних источников финансирования. Сокращение объемов их использования, что подтверждает и опыт 2009 и 2012 гг., прочно увязано со снижением темпов роста.

Часть необходимых средств поступает в страну в форме прямых иностранных инвестиций, в привлечении которых Турции также удалось добиться в последние годы некоторых успехов. Однако максимальный приток в 22 млрд. наблюдался еще в предкризисном 2007 г. Все последующие годы он оставался ниже. Например, в 2012 г. Турция смогла привлечь 13 млрд. прямых иностранных инвестиций, в 2013-2014 гг. – чуть более 12 млрд. [428]

Таким образом, основная часть необходимого внешнего финансирования поступала в Турцию через систему портфельных инвестиций, в структуре которых после кризиса 2009 г. устойчиво преобладают различные долговые бумаги, и в виде кредитных займов с международного финансового рынка. В итоге возникла прочная привязка турецкого частного сектора, активно привлекающего средства для инвестиций, к международному финансовому рынку и изменению его конъюнктуры: он является держателем и основной части внешней

[425] Ekonomik Rapor 2008. S.170; Ekonomik Rapor 2010. S. 14; Ekonomik Rapor 2012. S.207
[426] Ekonomik Rapor 2012. S.207
[427] Ekonomik Rapor 2014. S. 185.
[428] Ibid.

задолженности страны – порядка 70% ее совокупного объема. Эта зависимость усугублялась тем обстоятельством, что значительная часть заемных средств приходилась на краткосрочные займы: в 2012-2014 гг. они составляли около 40% от общего объема задолженности частного сектора[429]. Вполне ожидаемо на фоне прочной привязки к использованию внешних источников финансирования выросвнешний долг Турции с 130 млрд. долл. в 2002 г. до 402 млрд. долл. по итогам 2014 г.[430] (более, чем в 3 раза), но, справедливости ради следует отметить, что на фоне заметного роста размеров национальной экономики его относительные размеры не приобрели драматичного характера - в 2013 г. они составили 48% ВНД Турции[431].

Успешно привлекать значительный объем капитала с внешних рынков Турции удавалось за счет сравнительно высоких процентных ставок. В предкризисные годы Центральный банк Турецкой Республики (ЦБТР) использовал высокую стоимость кредита в качестве основного инструмента достижения финансовой стабилизации и контроля над инфляцией. Так в 2005 г. при уровне инфляции в 8% уровень ставки по долгосрочным кредитам составлял в Турции 16%, что означало реальный уровень порядка 8%, тогда как в странах ЕС он составлял 1-2%[432]. Как отмечал один из турецких экономических обозревателей, «Центральный банк политикой высоких ставок намазывал масло на хлеб держателей горячих денег», а страна превратилась «в рай» для их инвестиций[433]. Притягиваемый высокими доходами спекулятивный краткосрочный капитал охотно приходил на турецкий рынок, обеспечивая удержание на сравнительном высоком уровне курса турецкой лиры по отношению к доллару.

---

[429] Подсчитано по: Ekonomik Rapor 2014. S. 149.
[430] Подсчитано по: .Ekonomik Rapor 2005. Ankara, 2006. S. 109; Ekonomik Rapor 2014.. S. 186.
[431] База данных Всемирного банка. URL: http://wdi.worldbank.org/table/6.8
[432] Dilekli S., Eraslan T. AB üyesi ülkelerde ve aday ülkelerde ekonomik gelişmeler. Ankara, Devlet Planlama Teşkilatı Müsteşarlığı, 2007. S.37. URL: http://kisi.deu.edu.tr//utku.utkulu/2007ekonomikgelisme%20EU%20DPT.pdf
[433] Milliyet. 24.06.2013.

В послекризисные годы благоприятная для иностранных инвесторов процентная политика, к которой Турции удалось вернуться как экономике, довольно быстро вступившей в фазу оживления после кризиса 2009 г., дополнилась стагнацией крупнейших западных рынков. В условиях их вялой динамики международный капитал устремился в сохранявшую динамизм Турцию.

Внешнее финансирование позволяло повышать норму инвестиций, одновременно расширяя внутреннее потребление, о чем свидетельствует то обстоятельство, что рост дефицита по счету текущих операций происходил на фоне довольно заметного снижения по сравнению с концом 1990-х годов нормы сбережений (см. табл. 29).

Таблица 29

Нормы сбережений (% от ВВП, текущие цены)

1997	1999	2000	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
19,4	19,3	17,8	19,3	16,6	16,8	16,5	17,2	15,9	17,4	13,8	14,0	14,9	15,0	14,1	15,8

Подсчитано по: База данных Турецкого статистического общества: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist

Для сравнения: для группы стран со средневысоким доходом, куда по классификации Всемирного банка входила Турция, средний уровень нормы сбережений составил в 2013 г. 31%[434].

На фоне роста доступности средств с внешних рынков и слабых стимулов к сбережению в стране наблюдался бум потребительского кредитования: в 2010-2011 гг. объем выданных турецкими банками потребительских кредитов возрастал ежегодно не менее, чем на треть[435]. Кредитная экспансия совпала со взрывным ростом потребления по некоторым видам товаров длительного пользования (см. табл.30). Так, по сравнению с 2006 г. к 2014 г. доля населения, владевшего компьютерами, выросла более, чем в три раза, а автомобилями - почти в полтора.

[434] База данных всемирного банка URL: http://wdi.worldbank.org/table/4.8

[435] Bankalarımız 2009. Ankara, Türkiye Bankalar Birliği, 2010. S. I-39; Banks in Turkey 2010. Ankara, The Banks Association of Turkey, 2011. P.I-39; Banks in Turkey 2011. Ankara, The Banks Association of Turkey, 2012. P.I-41.

Таблица 30

Доля населения, владевшего различного видами товаров длительного пользования (%)

	2006	**2007**	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**
Доля населения, владевшего стационарными телефонами	80,2	79,8	71,2	64,7	57,9	52,0	45,2	37,4	31,5
Доля населения-абонентов мобильной телефонной связи	74,1	87,8	92,0	86,4	83,7	87,4	89,5	89,5	…
Доля населения, владевшего компьютерами	19,6	26,0	32,5	38,6	41,5	45,8	47,3	48,8	49,4
Доля населения, владевшего автоматическими стиральными машинами	84,8	89,3	89,8	92,5	93,3	94,4	94,9	96,5	97,1
Доля населения, владевшего холодильниками	97,0	98,1	98,1	98,2	98,2	98,4	98,6	98,9	98,9
Доля населения, владевшего автомашинами	28,8	28,5	30,0	31,6	31,4	33,3	34,7	37,7	40,2

Составлено по: http://www.tuik.gov.tr

Таким образом, сущностные механизмы поддержания экономического роста в стране изменились несущественно по сравнению с периодом 1990-х годов: разница заключалась лишь в том, что в тот период потребление и инвестиционный процесс в национальной экономике обеспечивались за счет бюджетных вливаний в виде растущей заработной платы и щедрых процентных выплат по государственным долговым бумагам, а дефицит бюджета, обремененного расходами по обслуживанию разраставшегося госдолга, финансировался не только за счет внешних источников финансирования, но и частично за счет сбережений национального частного сектора, который, как и иностранных инвесторов, привлекала высокая доходность займов турецкого казначейства. В 2000-е годы при относительно

сбалансированном бюджете источником расширения потребления оказались исключительно зарубежные займы частного сектора, для которого в новой ситуации стало характерно хроническое отставание сбережений от объемов инвестиций. При этом модель двух дефицитов – бюджетного и по счету текущих операций, если условно считать сегодняшний турецкий бюджет близким к бездефицитному, сменилась моделью одного – дефицита по счету текущих операций, но значительно возросшего по объему. В итоге привязка к внешним финансовым рынкам оказалась еще более жесткой, чем в 1990-е гг., как в силу возросших масштабов финансирования, так и полного отсутствия альтернатив на внутреннем рынке Турции.

Следует признать, что расширение емкости внутреннего рынка, хотя и ценой активного использования внешних заимствований, в условиях вялости внешних рынков (турецкий экспорт смог выйти на предкризисный уровень 2008 г. в 140 млрд. долл. только в 2011 г.)[436], стало реальной альтернативной моделью развития, которая и позволила Турции продемонстрировать неплохие темпы роста в послекризисные годы. Так, в 2010 г.взвешенный вклад потребления домохозяйств в составивший 9% рост ВВП оценивался в 4,7%, а в 2011 г. при росте ВВП в 8,7% - в 5,3%[437].

Однако очевидные издержки избранной модели роста и повышение связанных с ее использованием рисков вынудили Турцию к постепенному отходу от проводившейся экономической политики. Как отмечалось в утвержденной Советом министров страны программе годового развития на 2013 г., «ЦБТР пришлось учитывать в своей кредитно-денежной политике основные тенденции в развитии глобальной экономики, так как решения, принятые центральными банками развитых стран в конце 2010 г., имели своим следствием удорожание турецкой лиры и значительное расширение кредитного предложения на внутреннем рынке, обусловив быстрый рост

[436] Ekonomik Rapor 2012. S.207.

[437] Ibid. S.60.

дефицита платежного баланса»[438]. Для контроля над макроэкономическими рисками ЦБТР был вынужден прибегнуть к снижению краткосрочных ставок (ставки по однодневным операциям репо снизились к маю 2013 г. по сравнению с концом 2012 г. на один процентный пункт[439]), ограничив тем самым приток краткосрочного капитала, и одновременно повысить для банков норму обязательных резервов.

В итоге 2012 г. ознаменовался охлаждением национального потребительского рынка: вклад потребления домохозяйств в снизившийся экономический рост оказался отрицательным – (-0,3%)[440]. Как отмечалось в официальных документах, «в результате мер, предпринятых для стабилизации внутреннего и внешнего спроса, темпы роста в 2012 г. замедлились»[441].

В 2013 г. на фоне активизации частного потребления (его рост составил почти 3,5%), общая динамика ВВП повысилась до 4,2%. Но в следующем году экономический рост вновь упал до 2,9% при снижении вклада потребления домохозяйств в экономический рост до 0,9%[442]. Итак, при сложившейся модели развития необходима поддержка потребления за счет активного использования внешнего финансирования. Нарушение этой связи ведет к неизбежной потере темпов роста.

Но возможности использования внешнего финансирования, по всей видимости, будут сужаться, не только и не столько в силу самостоятельного выбора Турции, сколько ввиду изменений международной финансовой конъюнктуры. В конце 2014 г. ФРС США свернула программу количественного смягчения, в конце 2015 г. на американском рынке

---

[438] 2013 Yılı Programı. 18 Ekim 2012 Tarihli ve 28445 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 4 Ekim 2012 Tarihli ve 2012/3839 Sayılı 2013 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki, Ankara, Bakanlar Kurulu, 2012.S.42. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2013/01/20130112M1-1.htm

[439] См. Официальный сайт Центрального банка Турецкой Республики// www.tcmb.gov.tr

[440] Ekonomik Rapor 2014. S. 35.

[441] Orta Vadeli Program (2014-2016). Ankara, T.C. Kalkınma Bakanlığı, 2013. S.4. URL: http://www.bumko.gov.tr/TR,42/orta-vadeli-program.html

[442] Ekonomik Rapor 2014. S. 35.

началось повышение процентных ставок. Именно развитые рынки представляются МВФ новым лидером в глобальной экономике, как следует из доклада Фонда, подготовленного для лидеров стран G-20[443]. Это означает, что в перспективе географические приоритеты инвестирования для международного капитала начнут меняться: наступает так называемый период возврата капитала в «центр». В итоге Турция, как и подобные ей страны, не сможет выдержать конкуренцию вступающего в фазу подъема американского рынка и, по всей видимости, столкнется с невозможностью поддерживать и далее модель роста, в значительной мере опирающуюся на внешние источники финансирования.

Пока трудно сказать, насколько основательно Турция сумела подготовиться к грядущим изменениям. В мае 2013 г. растущие рынки, в том числе турецкий, пережили первую волну массированного оттока средств, вызванную информацией о том, что ФРС может сократить покупки американских казначейских облигаций. В результате Morgan Staley включило Турцию в группу так называемых пяти «хрупких» экономик, куда помимо нее вошли Бразилия, Индия, Южная Африка и Индонезия [444]. Для всех них общим оказалась высокая степень зависимости от притока краткосрочного иностранного капитала, и на его начавшийся отток они отреагировали быстрой и заметной девальвацией национальной валюты. Так, к сентябрю 2013 г. турецкая лира в годовом исчислении потеряла 10% стоимости. В сентябре 2013 г. журнал Economiist рассчитал для развивающихся рынков значение так называемого индекса замораживания притока капитала - capital freeze index, который отражает степень уязвимости национального рынка в случае прекращения притока внешнего финансирования. Турции было присвоено самое высокое значение индекса

[443] Ведомости, 06.09.2013.

[444] Morgan Stanley Presents: 'The Fragile Five' — The Most Troubled Currencies In Emerging Markets/Business Insider, 24.09.2013. URL: http://www.businessinsider.com/morgan-stanley-fragile-5-emerging-markets-2013-9?op=1#ixzz2ijwWTpuO

(ок.18 при предельном уровне риска в 20), свидетельствующее о максимальном уровне риска среди растущих рынков[445].

Следующее потрясение обрушилось на экономику страны в конце января 2014 г. после того, как ФРС объявила о дальнейшем сокращении программы количественного смягчения. В итоге турецкая лира упала к доллару еще более, чем на 10%.

Так что Турции предстоит пережить весьма неблагоприятные изменения международной финансовой конъюнктуры, которые могут обернуться для экономики страны серьезным испытанием на способность сохранить ранее обретенные достижения.

Как следует из текста программы среднесрочного развития Турции на 2014-2016 гг., принятой в рамках реализации нового десятого пятилетнего плана, руководство страны осознавало остроту проблемы дефицита платежного баланса и необходимость принятия мер по ее решению. С этой целью предполагалось повышать уровень сбережений национальной экономики, а также снижать высокий уровень зависимости национального производства от импорта, развивать экспорт. Таким образом, согласно программе, размер дефицита с 7,8% по итогам 2013 г. снизится до 5,5% к концу периода действия среднесрочной программы[446]. Однако оппозиция не преминула заметить, что, не предусматривая глубоких структурных изменений, программа нацелена на снижение дефицита платежного баланса при повышении темпов роста (действительно, согласно программе темпы роста в 2014 г. должны повыситься до 4%, а в 2015 и 2016 гг. – до 5%. Но как было отмечено выше, для нынешней турецкой модели роста эти задачи являются взаимоисключающими. «В случае если эти цели будут достигнуты, наша экономическая элита продемонстрирует успехи, которые войдут в мировую экономическую литературу» - иронизировал ответственный за

[445] The capital-freeze index, again. This spreadsheet is different. An error, an apology and a revision/The Economist, 21.09.2013. URL: http://lb-stage.economist.com/news/finance-and-economics/21586569-error-apology-and-revision-spreadsheet-different

[446] Orta Vadeli Program (2014-2016). S.9.

вопросы экономического развития Демократической партии Турции А. Сезер[447].

В случае необратимого сокращения доступа к внешним источникам финансирования Турция вряд ли сможет избежать снижения темпов роста. Весьма вероятно, что экономика страны окажется в так называемой ловушке среднеразвитости или ловушке среднего уровня развития. Под этим термином подразумевается длительное снижение темпов роста после периода активного развития, обеспечившего стране выход на среднемировой уровень. И дело здесь не только в достижении Турцией тех значений соответствующих экономических показателей, которое согласно эмпирическим данным предшествуют наступлению момента сползания в ловушку. Как свидетельствуют последние исследования, снижение темпов роста наиболее вероятно при выходе страны на уровень ВВП на душу населения, исчисленного по паритету покупательной способности в текущих ценах, в 15 тыс. или 11. тыс. долл. в постоянных ценах 2005 г.[448] По данным Всемирного банка, в 2014 г. соответствующий показатель для Турции в текущих ценах составил чуть более 19 тыс. долл.[449], что в ценах 2005 г., очевидно, соответствует приближению или даже прохождению рубежа в 11 тыс. долл. С другой стороны, считается, что пик роста, за которым следует спад, приходится на момент, когда уровень занятости в обрабатывающей промышленности страны достигает 23%. В Турции по состоянию на 2014 г. доля занятых в промышленности, включая строительство и добывающие отрасли, составила 28%[450], что опять же свидетельствует о прохождении выявленной критической точки.

---

[447] Sezer A. Hedeflerin tamamı iyimser. DP Basın Merkezi. 10.10.2013. URL: http://aydinsezer.us1.list-manage1.com/track/click?u=d98669145faaa34eca806a5f9&id=73adb1ffca&e=ad420c7a25

[448]Eichengreen B., Park D., Shin K. Growth slowdowns redux: Avoiding the middle-income trap. VOX CEPR's Policy Portal. January 2013. URL: http://www.voxeu.org/article/growth-slowdowns-redux-avoiding-middle-income-trap

[449]База данный Всемирного банка. URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD

[450] Ekonomik Rapor 2014. S.173.

Впрочем, во-первых, сами авторы, идеи ловушки среднего уровня развития, признают, что не существует «железного закона спада». Допуская довольно высокую меру стандартного отклонения значения подушего ВВП от медианы (до 6 тыс. долл.), они признают возможность существенного вмешательства различных факторов влияния[451]. Во-вторых, средние значения сами по себе, очевидно, не могут обладать каким-либо магическим свойством, а сопряжены с определенными тенденциями в развитии экономики, как правило, проявляющимися при их достижении. Авторы идеи «ловушки» пытаются заглянуть за барьер формальных показателей и подойти к пониманию сущностных причин экономического спада после длительного периода уверенного роста. По их мнению, решающее значение принадлежит изменениям на рынке труда, а именно исчерпанию возможности поддерживать развитие промышленности за счет притока дешевой рабочей силы из сельской местности. Момент, когда «резервуар скрытой сельской безработицы оказывается исчерпан», представляет собой своего рода поворотную точку развития, после прохождения которой неизбежно повышение реальной заработной платы в промышленности. Вскоре после этого доля занятых в промышленности достигает своего максимума, а затем начинает расти удельный вес сферы услуг в производстве ВВП и занятости, которая не способна обеспечить столь же быстрого и убедительного роста производительности труда[452].

Подобная система взаимосвязей более или менее верна для стран Юго-Восточной Азии, с характерным для них опытом довольно позднего перехода к демократии и длительного периода удержания под давлением власти и капитала рынка труда и уровня заработной платы.

Как отмечалось выше, специфика социально-экономической модернизации в Турции заключается в раннем по сравнению со странами

---

[451] Eichengreen B. Escaping the Middle Income Trap/Achieving Maximum Long Run Growth. Kansas, Federal Reserve Bank of Kansas City, 2012. P.411-412. URL: http://www.kansascityfed.org/publicat/sympos/2011/Eichengreen_final.pdf

[452] Eichengreen B. Escaping the Middle Income Trap. P. 412.

Восточной и Юго-Восточной Азии переходе к росту заработной платы в промышленности, видимо, задолго до момента «осушения резервуара дешевой рабочей силы» и связанным с этим довольно высоким уровнем внутреннего потребления, которое удавалось поддерживать, в значительной мере за счет использования внешних источников финансирования. Кстати, то, что Турция уже достаточно давно миновала период эффективного включения изобильной и дешевой рабочей силы в промышленность подтверждается тем обстоятельством, что показатели среднегодовых темпов роста совокупной производительности факторов производства оставались слабо отрицательными, либо практически нулевыми (в зависимости от вводных допущений при расчетах), на протяжении почти четырех десятилетий – с 1970 по 2006 гг.[453] Исходя из сказанного, применительно к Турции следует использовать более широкую трактовку феномена ловушки среднеразвитости как результата исчерпания любого экономического ресурса, ранее являвшегося изобильным. И если для стран Восточной и Юго-Восточной Азии, это действительно был дешевый труд, то для Турции, сравнительно рано в силу своей социально-экономической политики лишившейся этого конкурентного фактора, такого рода ранее доступным, но теперь оказавшимся под угрозой резкого ограничения ресурсом являются поддерживавшие внутреннее потребление внешние источники финансирования.

И действительно, как отмечают авторы концепции «ловушки», вероятность попадания в нее сокращается при значительном уровне внутреннего потребления: «Вероятность спада минимальна при доле потребления (частного – Н.У.). составляющей 60% ВВП» пишет Б.Эйченгрин[454]. Этот же тезис повторяется в несколько более развернутом

[453] Pipitone V. The Role of Total Factor Productivity in the Mediterranean Countries/ International Journal of Euro Mediterranean Studies. 2009. Vol. 2, №. 1. P.44-45. URL: http://www.emuni.si/press/ISSN/1855-3362/2_027-051.pdf . В работе автор производит расчеты для варианта минимального вклада физического капитала в совокупную производительность факторов производства и максимального.

[454] Eichengreen B. Escaping the Middle Income Trap. P.412.

виде в его совместной с Д. Парком и К. Шином работе «Когда замедляются быстро растущие экономики: международный опыт и его применение к Китаю»: «Возникает также вопрос, возрастает ли вероятность замедления в экономиках с высоким уровнем инвестиций, высоким уровнем потребления или государственных расходов?... Только доля потребления существенно важна. Характер зависимости отрицательный: по мере того, как потребление растет, удаляясь от низких значений, вероятность замедления экономики падает. Вероятность замедления минимальна при уровне потребления 62-64% ВВП»[455]. Расширение внутреннего рынка является альтернативой утрачивающему конкурентоспособность по мере увеличения заработной платы экспорту. В 2000-е годы в Турции в условиях бума потребительского кредитования, финансируемого внешними займами, относительная емкость внутреннего рынка (доля частного потребления в ВВП) оставалась весьма внушительной (См. табл.31).

Таблица 31

Доля частного потребления в ВВП (%, текущие цены)

1999	**2000**	**2001**	**2002**	**2003**	**2004**	**2005**	**2006**
68,5	70,5	68,4	68,0	71,2	71,3	71,7	70,5

2007	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**
71,3	69,8	71,5	71,7	71,2	70,2	70,8	68,9

Составлено по: İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara: TÜİK, 2012. S.748; База данных Турецкого статистического общества: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist

Начиная с 2003 г. уровень частного потребления почти постоянно превышал отметку в 70%, дважды – в 2005 и 2010 гг. - достигнув максимального для

[455] Eichengreen B., Park D., Shin K. When Fast Growing Economies Slow Down: International Evidence and Implications for China. Working Paper 16919. Cambridge, National Bureau of Economic Research, 2011. URL: http://www.nber.org/papers/w16919

периода значения в 71,7%. Охлаждение экономики в 2012 г. сопровождалось снижением частного потребления на 1,2 процентных пункта. Таким образом, экономический рост Турции можно интерпретировать как результат отложенного благодаря искусственному «накачиванию» частного потребления скатывания в «ловушку».

Проблемы, стоящие перед турецкой экономикой, можно интерпретировать и под иным углом зрения. Длительное отсутствие благодаря использованию внешнего финансирования давления на внутреннее потребление привело к тому, что Турция по уровню заработной платы (минимальной почасовой оплате) на январь 2015 г. опережала такие страны, как Бразилия, Чехия, Венгрия. Соответственно – 2,12 евро против 1,15, 2,00 и 1,96[456]. Следовательно, Турция утратила конкурентные преимущества, связанные с относительной дешевизной рабочей силы. Поэтому успешное участие в международной конкуренции требует смещения акцента с производства трудоемкой продукции на техноемкую и перехода к последующей стадии догоняющей индустриализации. Тогда в условиях уменьшения доступа к внешнему финансированию Турцию ожидает перспектива возврата к нарушенному балансу по одному из двух вариантов. Либо резкое снижение реальной заработной платы в результате значительной девальвации национальной валюты. Либо быстрая модернизация и последующая структурная перестройка промышленности и – удержание достигнутого уровня заработной платы. В типичном случае предполагается структурная перестройка промышленности, которая с течением времени начинает сопровождаться постепенным ростом заработной платы. Специфика же Турции заключается в своего рода вынужденной отработке задним числом уже произошедшего в реальности повышения заработной платы за счет активного использования внешнего финансирования, что в известной мере дестимулирует и осложняет процесс отраслевой модернизации

[456] *WSI Minimum Wage Database*. Available at: http://www.boeckler.de/pdf/ta_january_2015_mwdb_v0115.pdf

промышленности. Но оба сценария предполагают потерю темпов роста либо ввиду сокращения емкости рынка, либо из-за отраслевой трансформации обрабатывающей промышленности.

Подчеркнем особо, что угроза скатывания в ловушку среднеразвитости возникла задолго до прихода к власти правительства ПСР. Условно ее появление следует отнести к концу 1980-х г., когда в Турции начала укрепляться тенденция роста реальной заработной платы, а достигнутый с начала 1980-х годов исторический минимум удельного веса частного потребления в ВВП в 65%[457], тяготеющий, как отмечалось, к той нижней границе, при которой вероятность замедления роста минимальна, начал быстро расти, повышая гарантии сохранения высокого динамизма национальной экономики. Но годы правления ПСР оказались и безрезультатными с том смысле, что не заменили механизмы, которые позволяли лишь отсрочить вступление в период замедления роста, механизмами, направленными на запуск структурной перестройки экономики.

Между тем, анализ ситуации свидетельствует не о циклическом, а именно о структурном происхождении замедления экономики Турции. Основной признак структурного замедления – падение темпов роста на фоне высокой загрузки производственных мощностей. Иными словами, в экономике страны производится то, что не пользуется спросом мирового рынка, что и является свидетельством необходимости структурных реформ в сфере производства. Действительно, обращает на себя внимание то обстоятельство, что снижение темпов роста наблюдается на фоне довольно высокого уровня загрузки производственных мощностей, существенно превышающем показатели кризисного 2009 г. (см. табл.32).

Таблица 32

Уровень загрузки производственных мощностей* 2009-2014 (%)

[457] İstatistik Göstergeler 1923-2011. S.748.

2009	2010	2011	2012	2013	2014
57,7	68,8	74,9	72,3	74,9	72,7

*Данные приведены по группе предприятий- производителей инвестиционных товаров как наиболее репрезентативной с точки зрения наличия в экономике процесса спада или оживления.
Составлено по: Ekonomik Rapor 2011. Ankara, TOBB, 2012. S.176; Ekonomik Rapor 2013. S.48; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.48.

Между тем в 2000-е годы по мере того, как доля частного потребления продолжала расти, обозначившиеся ранее риски еще более усугубились. В итоге последние годы правления ПСР, пришедшиеся на период снижения интенсивности внешней финансовой подпитки, оказались периодом уже фактически начавшегося сползания экономики в ловушку среднеразвитости.

Таким образом, достижение в эпоху ПСР относительной сбалансированности в сфере государственных финансов с макроэкономической точки зрения, скорее, носит характер квази-решения проблемы создания предпосылок для устойчивого роста экономики страны. Смещение разрыва между доходами и расходами из государственного сектора в частный с возложением на последний функции осуществления внешних займов и основного бремени выросшего в абсолютном исчислении внешнего долга говорит о смене зоны локализации макроэкономической проблемы, но не о ее действительном решении.

Следует обратить внимание на выводы, к которым пришли Л.Е. Гринин и А. В. Коротаев в ходе исследования причин и черт кризисов 1994-2002 гг. в периферийных и полупериферийных странах. Признавая, что эти «кризисы были, с одной стороны кризисами роста (хотя и не во всех странах), структурных диспропорций и неразвитости общественных институтов, а с другой – кризисами финансовой глобализации в ее ранней грубой форме», они обращают внимание на то, что формы привлечения мирового капитала, а главное - заемщики были разными: «Различались и формы иностранных и внутренних инвестиций; если в России они были в основном в ГКО, то в азиатских странах было много промышленных

инвестиций…, в Бразилии преобладали прямые инвестиции в отличие от ряда других стран, где были инвестиции портфельные»[458]. Они отмечают значительную роль иностранного финансирования в налаживании экономического роста в 1980-1990-е гг. в странах Латинской Америки: «Все это (довольно высокие темпы роста – Н.У.) происходило в основном с помощью привлечения иностранного капитала, так же, как и в Азии, но в Азии экономика развивалась лучше, а государственных долгов было меньше…. Заметим, что все эти страны (страны Латинской Америки – Н.У.) характеризуются большими объемами в основном государственного (а не частного, как было в Азии) долга»[459]. Но вариативность субъекта-заемщика (государство либо частный сектор) не предотвратила развитие кризиса по схожему сценарию. Поэтому вполне корректно предположить, что и смена субъекта-заемщика в Турции отнюдь не является гарантией от развития кризиса финансовой глобализации, хотя, видимо, уже в несколько видоизмененной форме.

Новым элементом ситуации является осознание формирующимися рынками приближающихся проблем и попытка использовать это знание для предотвращения, или, скорее, смягчения остроты возможного кризиса. Вице-премьер Турции ответственный за вопросы экономического развития, А.Бабадажан, выступая в мае 2014 г. перед представителями банковского сообщества страны, призвал Федрезерв США к проведению ответственной политики: «У нас к ним (ФРС США – Н.У.) просьба – быть по возможности предсказуемыми, не делать сюрпризов, по возможности придерживаться во времени заявленного порядка и последовательности действий. Тогда этот период (период повышения процентной ставки в США – Н.У.) пройдет без больших трудностей»[460]. Еще более определенно по поводу потенциала

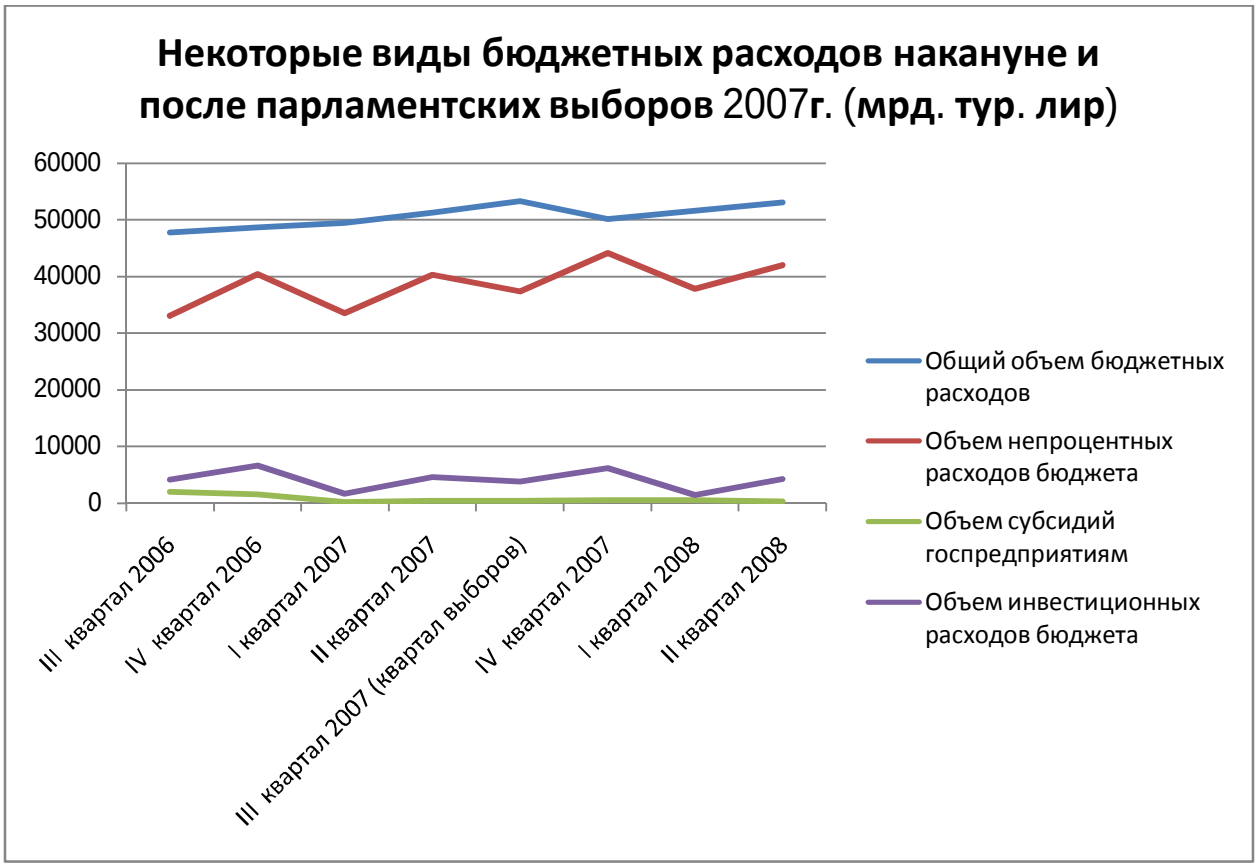
[458] Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. Издание второе. М.: Книжный дом «Либриком», 2012. С.187, 190.
[459] Там же. С. 196-197.
[460] Radikal, 28.05.2014.

негативного влияния ФРС США на формирующиеся рынки высказался председатель Резервного банка Индии Р.Раджан, подчеркнув, что Америка не учитывает, какой эффект она оказывает на развивающиеся страны: «Через шесть лет после финансового кризиса центральные банки все еще держат ногу на педали газа, [впихивая] кредиты на развивающиеся рынки. Мы не знаем, чем это закончится. Все может пройти гладко, если мы сумеем медленно выпустить воздух из этих раздутых рынков, или же обернется серией мини-крзисов. Но все может пойти и более драматично, если в один прекрасный день мир внезапно поймет, что США собираются повысить учетную ставку довольно быстро…и тогда рынки могут сдуться гораздо быстрее»[461].

Тем не менее, сохранение в экономике Турции серьезных проблем происходило на фоне достижения в сфере государственных финансов определенного уровня стабилизации. Следовательно, экономическая политика ПСР не укладывается в рамки классического экономического популизма. К тому же анализ динамики основных видов бюджетных расходов относительно момента наступления парламентских выборов свидетельствует, скорее, в пользу того, что стране удалось прервать воспроизводство политического делового цикла[462] в период правления ПСР. (см. рис. 9 и 10). Так, повышательная динамика общих бюджетных расходов в преддверии выборов 2007 г. имела весьма слабо выраженный характер и при этом сопровождалась разнонаправленной динамикой как непроцентных расходов бюджета, так и инвестиционных затрат. С другой стороны, после выборов наблюдалось краткосрочное падение бюджетных расходов, сменившееся их ростом, тогда как непроцентные и инвестиционные расходы по-прежнему демонстрировали переменную динамику.

Рисунок 9

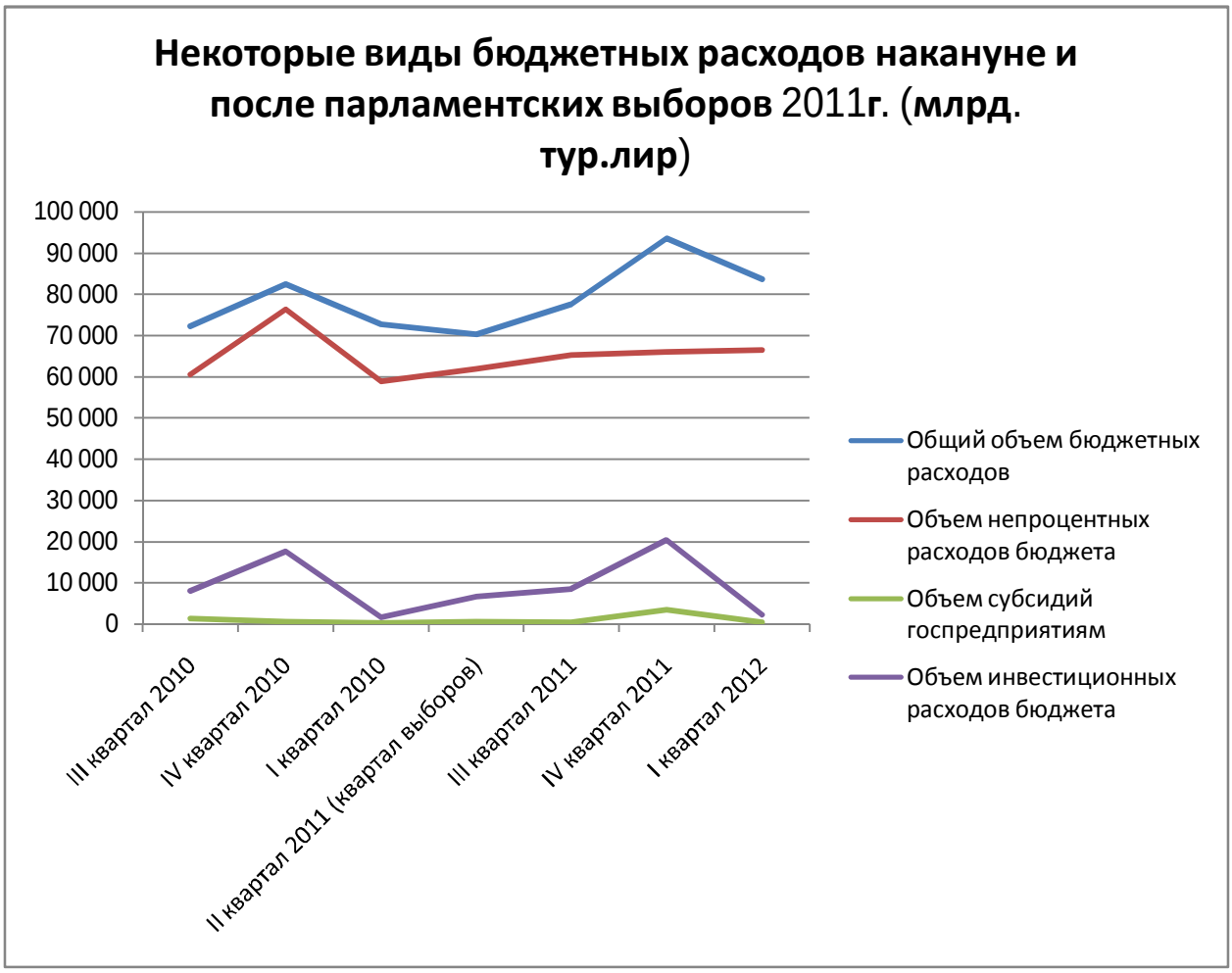
[461] Ведомости, 20.08.2014.
[462] Подробнее о политике делового политического цикла в Турции см. разд. 3.2.



Составлено и рассчитано по: Merkezi Yönetim bütçe dengesi ve fınansmanı. URL: https://www.hazine.gov.tr/tr-TR/Istatistik-Sunum-Sayfasi?mid=145&cid=12

Что касается выборов 2011 г., то они и вовсе произошли на фоне снижения общего уровня бюджетных расходов и незначительного повышения госинвестиций после их заметного снижения в первом квартале года выборов. Объем непроцентных расходов демонстрировал разнонаправленную динамику, правда, собственно в квартал выборов вырос по сравнению с предыдущим кварталом на 5%. Послевыборный период ознаменовался ростом общих расходов бюджета, относительной стабилизацией непроцентных расходов и сохранившейся неустойчивой динамикой инвестиционных.

Рисунок 10



Составлено и рассчитано по: Merkezi Yönetim bütçe dengesi ve fınansmanı. URL: https://www.hazine.gov.tr/tr-TR/Istatistik-Sunum-Sayfasi?mid=145&cid=12

Коэффициент вариации, рассчитанный для ежемесячных объемов непроцентных расходов бюджета, также подтверждает отсутствие тенденции к их заметному изменению (предполагаемому росту) накануне выборов: для первого полугодия 2007 г. он составил 0,25 для первого полугодия 2011 г. – 0,30 . Еще менее заметной динамика расходов оставалась после выборов: коэффициент вариации для второго полугодия и 2007 г. и 2011 г. составил 0,1[463].

Но, то обстоятельство, что характер решения основных макроэкономических проблем, скорее, отвечал задаче формирования позитивного имиджа правительства, чем долгосрочным интересам

[463] Рассчитано по:

экономического развития страны не позволяет констатировать решительного разрыва с популистской традицией. Отметим, что турецкие исследователи С.Э. Айтач и З. Ониш также обратили внимание на весьма реактивный характер экономической политики ПСР, так как поставленная ее правительствам задача заключалась не в снижении уровня уязвимости турецкой экономики к внешним шокам (снижению объема поступления средств извне), а в создании максимально благоприятных условий (финансовой стабилизации в системе госфинансов – Н.У.) для обеспечения устойчивого притока внешнего финансирования в необходимом объеме: «Исходя из того, что исторически экономический рост в Турции почти всегда обеспечивался притоком иностранного капитала, правительство ПСР предприняло важные шаги по проведению политики в интересах иностранных инвесторов с тем, чтобы создать условия для роста, в значительной мере опиравшегося на иностранные кредиты и внутренний спрос»[464]. С.Э.Айтач и З.Ониш отметили общественную востребованность такого рода тактики, связав ее с усталостью электората от неустойчивого, периодически прерывавшегося «финансовыми кризисами государства» роста экономики[465].

Следовательно, из ослабления остроты проблемы бюджетного дефицита не следует разрыв правительств ПСР с традицией экономического популизма, поскольку проблема бюджетного дисбаланса оказалась «переквалифицированной» в дисбаланс валютных доходов и расходов страны. Более того, столь удачное для ПСР смещение акцентов позволил привнести в экономическую политику ПСР важный элемент «экономического чуда», который, по мнению В. Мау и соавторов, весьма важен при интерпретации популизма авторитарными режимами, так как «чудо» в этом случае является и доминантой политической риторики, и

[464] Ibid. S. 50, 53.
[465] Ibid. S.52.

условием обеспечения политической стабильности власти - своеобразным источником легитимации военной или полувоенной диктатуры[466]. Что касается Турции, то, во-первых, следует согласиться с исключительной важностью экономических достижений ПСР («экономического чуда»), прежде всего высоких темпов роста для устойчивости ее власти. Сильная корреляция между динамикой ВВП и популярностью правительства ПСР стала широко признанным тезисом в научной литературе. Более того, существует даже опирающаяся на итоги эконометрического анализа оценка ежегодных темпов роста, которые необходимо поддерживать для того, чтобы ПСР сумела сохранить свою долю электората на выборах различного уровня, – 5% в год[467]. Во-вторых, подтверждается и жанровая особенность экономической политики, эффект которой должен быть достигнут быстро и относительно безболезненно, сродни чуду, но которое в случае Турции заключалось не в реализации типичного сценария роста инвестиций за счет средств государства, а в их более охотном финансировании иностранными инвесторами на фоне повышения финансовой привлекательности страны. В результате ускорения роста удалось добиться без решения болезненной проблемы структурной перестройки экономики, обещающей более устойчивые, но и более удаленные экономические перспективы.

Итак, сокращение бюджетного дефицита в Турции в период правления ПСР имело лишь формальное значение и не стало предпосылкой действительного разрыва со сложившейся ранее традицией экономического популизма. Тогда принципиально важным становится вопрос о степени интенсивности использования правительствами ПСР политически ориентированного социального бюджетного перераспределения, тем более,

---

[466] См. Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. С.53.
[467] Erdoğan E. Erdoğan's Final Countdown to Absolute Power? On Turkey. Analysis. Wash., GMF. 19.02.2015. URL: http://www.gmfus.org/publications/erdogans-final-countdown-absolute-power

что отмеченное выше возложение на частный сектор функции инвестирования в большем объеме, чем прежде, создавало предпосылки для более активной поддержки за счет средств бюджета групп интересов, лояльных правящей партии.

4.2 Социальная политика Партии справедливости и развития: от популизма к популярности

Активная социальная политика стала одной из важнейших отличительных черт правления ПСР.

Намерение сделать акцент на социальной политике звучало еще в предвыборных заявлениях лидеров Партии справедливости развития в 2002 г., когда они объявили о планах снизить предлагавшиеся МВФ[468] размеры профицита первичного бюджета в пользу увеличения социальных расходов. Выступая перед парламентом после победы на выборах 23 ноября 2002 г., новый премьер-министр А. Гюль огласил программу своего правительства[469]. Размер профицита первичного бюджета предполагалось планировать таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечить необратимое сокращение государственного долга, а с другой, - учитывать потребности роста экономики и *социальной политики* (курсив Н.У.).

5 апреля 2003 г. турецкие уполномоченные лица подписали очередное Письмо о намерениях[470], в котором подчеркивалось: «Оставаясь приверженным политике дезинфляции и стабилизации, правительство признает жизненно важным для успешного продолжения реформ социальную защиту наиболее уязвимых слоев населения». В этой связи правительство намеревалось, оставаясь в рамках бюджета, повышать роль социальных расходов посредством *более избирательной целевой*

[468] С 1999 г. началось кредитное сотрудничество Турции и МВФ, в рамках которого усилия турецких властей по стабилизации экономики поддерживались финансовой помощью Фонда.
[469] 58. Hükümet Programı. Ankara, 2002. URL: http://www.akparti.org.tr/upload/documents/58inci-hukumet-programi.pdf
[470] Письма направлялись руководству МВФ и включали анализ состояния экономики страны и изложение макроэкономической программы правительства Турции на ближайшей период.

направленности социальных программ и использования основной части имеющихся ресурсов на поддержку наиболее нуждающихся групп населения (курсив Н.У.)[471].

Последующее развитие событий подтвердило серьезность намерений правительства в сфере усиления социальной политики. Анализ структуры расходов бюджета свидетельствует о заметном возрастании их части, направляемой на социальные цели. В конечном итоге властям удалось даже прийти к бюджету, который и с точки зрения структуры расходов является социальным. Если длительное время в «расстроенном» бюджете процентные выплаты по госдолгу оставались самой крупной расходной статьей, то в результате усилий правительства по финансовой стабилизации и активизации социальной политики удельный вес расходов только по наиболее крупной комплексной, но не единственной социальной статье «здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальная помощь» в 2010 г., составив 17%, впервые превысил долю процентных расходов[472]. Со все увеличивавшимся отрывом, сначала в 3, а к 2014 г. уже в 6 процентных пунктов эта статья доминировала и в 2011-2014 гг.[473] Социальные расходы в бюджете выросли к 2014 г. по сравнению с 2002 г., по крайней мере, на 8-9 процентных пунктов.

Какие направления активизации или новые формы социальной политики потребовали столь заметного увеличения расходов государства?

З. Ониш разделил виды социальных расходов в период правления ПСР на обеспечиваемые через **официальные и неофициальные** каналы перераспределения[474]. К официальным, очевидно относятся социальные расходы, финансируемые из бюджета. Одной из наиболее заметных новаций

---

[471]4.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık,05.04.2003. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/911dc502-8ceb-4ede-b5dd-82b2c0ac6706/4gg_nm_tr.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=911dc502-8ceb-4ede-b5dd-82b2c0ac6706

[472] Ekonomik Rapor 2011. Ankara, TOBB,2012, S. 92.

[473] Ekonomik Rapor 2012. Ankara, TOBB, 2013. S. 136.

[474] Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. İstanbul, 2012. P.3,9. URL: http://home.ku.edu.tr/~zonis/Triumph_of_Conservative_Globalism.pdf

в сфере традиционной или **официальной** социальной политики стала реформа системы социального страхования, активное проведение которой пришлось на период пребывания у власти Партии справедливости и развития. Реформа включала, с одной стороны, изменения в системе пенсионного обеспечения, а с другой – в системе доступа населения к медицинским услугам. Реализация обоих аспектов реформы входила в число условий предоставления кредитной помощи МВФ, и одновременно предусматривается процессом подготовки Турции к вступлению ЕС. Первое направление реформы - в большей степени вынужденная необходимость. Она нацелена на снижение затратности пенсионных выплат (размер бюджетных субсидий для государственной системы социального страхования вырос с 0,3% ВВП в 1990 г. до 4,5% в 2004, главным образом, из-за расточительности системы пенсионного обеспечения; кумулятивная величина дополнительного финансирования государственных пенсионных фондов из бюджета за этот период, включая процентные выплаты по государственным займам, осуществленным в целях финансирования пенсионной, системы составила 110% ВВП)[475]. Данное направление реформы было связано с проведением таких непопулярных мер, как повышение пенсионного возраста и изменение принципов начисления пенсии в направлении уменьшения ее уровня относительно заработной платы застрахованного лица. Поэтому в Предвступительной экономической программе Турецкой Республики от 2006 г. – официальном документе правительства, в котором оценивается текущее состояние экономики Турции, часто в сравнении со странами ЕС, и планируются дальнейшие шаги по обеспечению членства страны в Евросоюзе – изменения в сфере пенсионного обеспечения объяснялись лишь одной сухой фразой – «целью

[475] Duyulmuş C.U. Social Security Reform in Turkey: Different usages of Europe in shaping the national welfare reform. Paper Prepared for the RC 19 Conference, 20-22 August, 2009. URL:http://www.cccg.umontreal.ca/RC19/PDF/Duyulmus-C_Rc192009.pdf

обеспечения финансовой жизнеспособности и достижения актуального долговременного баланса пенсионной системы»[476].

Второе направление реформы - в сфере здравоохранения - отвечало не только цели углубления евроинтеграции Турции, но и стратегическим интересам партии власти, и, видимо, рассматривалось как достойная компенсация необходимого пересмотра системы пенсионного обеспечения.

Понимание сущности этой реформы невозможно без общего представления об устройстве и принципах функционирования системы доступа к медицинским услугам в дореформенный период. В это время в Турции существовали три государственные организации социального страхования. Они выполняли задачи как пенсионного обеспечения, так и медицинского страхования лиц, уплачивавших в их пользу взносы. С 1992 г. в стране была введена в действие система «зеленых карт», которая открыла бесплатный доступ к медицинскому страхованию в виде ограниченного набора услуг для бедного населения, не охваченного системой социального страхования, а также официально зарегистрированных безработных[477]. Безработные, не имевшие «зеленой карты», были лишены доступа к бесплатному лечению, если только они не являлись членами семьи застрахованного лица. Но время от времени они могли пользоваться специальными медицинскими программами, не имевшими регулярного характера. Функционирование системы страховой медицины обеспечивалось помимо государственных институтов социального страхования Министерством здравоохранения, Университетами (университетскими больницами), Министерством обороны (находившимися в его распоряжении госпиталями), а также некоторыми частными агентствами и институтами. В

---

[476] Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2006. Ankara, 2006. P.96. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/publication11978_en.pdf

[477] Следует сказать, что еще до начала действия реформы правительство ПСР придерживалось курса на рост затрат на поддержание системы «зеленых карт». Реальные расходы на медицинское обслуживание держателей зеленых карт в 2001 г. выросли по сравнению с предыдущим годом на 27%, а в 2006 г. – на 50%. – См. подробнее: Onur M. Sosyal Politika Açısından AKP Dönemi: Sosyal Yardım Alanında Yaşananlar/ Çalışma ve Toplum. 2011. № 1. S.192.

итоге возможности получения медицинских услуг определялись конкретным статусом занятого или наличием «зеленой карты», а качество медицинских услуг весьма разнилось в зависимости от предоставлявшего их института. Турецкие исследователи О.Хамазоглу Дж. И. Явуз приводят данные, свидетельствующие о весьма неравномерном доступе населения страны к медицинским услугам: в 2003 г. на одного ребенка в городе, умершего до достижения годовалого возраста, приходилось 1,7 детей в сельской местности, это же соотношение для Запада и Востока страны составило 1:1,9. В том же 2003 г. в западном Мраморноморском регионе страны одна акушерка приходилась на 5487 рожениц, а в Юго-Восточном – на 7826[478]. При этом, по оценкам другого автора М. Онура, в 2000-е годы свыше половины держателей «зеленых карт», то есть лиц, имеющих наиболее ограниченный доступ к страховым медицинским услугам, приходилось именно на Восток и Юго-Восток страны[479].

Основная идея реформы заключалась в создании единой системы медицинского страхования с целью охвата всех граждан базовыми медицинскими услугами, включая тех, кто не имеет статус официально занятых. Иными словами планировалось обеспечить всеобщий доступ к медицинским услугам на равных основаниях. С этой целью предусматривалось заменить несколько институтов, занятых в сфере предоставления страховых медицинских услуг, единым агентством по здравоохранению – Обществом социального страхования. Для всех, кто имеет доход выше уровня бедности, были установлены обязательные страховые медицинские взносы (12% с суммы дохода, превышающего две минимальные зарплаты), тогда как за тех, кто имеет доход ниже установленного минимума (менее 1/3 минимальной заработной платы в расчете на члена семьи), а так же и за детей и подростков в возрасте до 18 лет

[478] Hamizoglu O., Yavuz C.I. Sağlıkta AKP'lı Dönemin Bilançosu Üzerine//AKP Kitabı. Bir Dönuşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.648-649.
[479] Onur M. Sosyal Politika Açısından AKP Dönemi: Sosyal Yardım Alanında Yaşananlar. S.193.

уплату взносов производит государство. Подобная социально ориентированная концепция, безусловно, заслуживала более подробного описания в официальных документах, чем пенсионная реформа. В упомянутой выше Предвступительной экономической программе Турецкой Республики закон №5510 «О социальном обеспечении и универсальном медицинском страховании» от 2006 г. прокомментирован следующим образом: «…медицинские услуги получили общий стандарт и была учреждена система обязательного всеобщего медицинского страхования…Перечень и принципы финансирования были установлены для всех граждан таким образом, чтобы взимать страховые выплаты в зависимости от платежеспособности граждан и установить внесение платы правительством за тех, кто не имеет возможности платить»[480]. С выраженным пропагандистским пафосом реформа описывалась в специально изданной брошюре Министерства труда и социального обеспечения под названием «На пути к новой системе социального обеспечения в Турции»: «Страховые взносы за работающих будут уплачиваться работодателями, за работодателей и богатых – ими самими, за нуждающихся – государством, и таким образом, все наши граждане будут охвачены системой медицинского страхования»[481].

Следует признать, что попытки правящей партии привлечь благосклонное внимание общества к реформе системы здравоохранения во многом были оправданы тем обстоятельством, что, действительно впервые в истории Турции властью в повестку дня было поставлено понимание социальной политики как охватывавшей всех граждан, а не только занятых в формальном секторе.

Правительство должно было приступить к выплате страховых медицинских взносов по новой схеме с 1 января 2007 г. В связи с этим с

---

[480] Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2006. P.96, 98. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/publication11978_en.pdf

[481] Erdogdu S. Sosyal Politikada Değişim ve Sosyal Güvenlik Reformu// AKP Kitabi. Bir Dönüşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.677.

2007 г. произошли существенные изменения в структуре расходов бюджета. В 2006 г. расходная статья - «помощь казначейства» - включала в качестве одного из направлений перевод средств организациям социального страхования, которая составляла около 11% суммарных бюджетных расходов. С 2007 г. в структуре использования «помощи казначейства» появилось новое направление – расходы на здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальную помощь, поглотившее 16% расходов бюджета, правда, при этом помощь организациям социального страхования сократилась до 0,4%. Тем не менее, суммарные расходы по двум «социальным» статьям в 2007 г. на 5,5 процентных пунктов превысили расходы по единственной в бюджете 2006 г. статье помощь организациям социального страхования. В 2008 г. суммарные расходы по двум данным статьям составили 16%, в 2009 г. - 20%, в 2010 г. - чуть более 19%, в 2014 г. – около 18%[482].

Переход на новую систему медицинского страхования действительно требовал значительных государственных затрат: по оценкам турецкого исследователя С.Эрдогду, в Турции в период действия старой системы медицинского страхования насчитывалось не менее 15 млн. человек, не охваченных какими бы то ни было его формами и при этом отнюдь не являвшихся богатыми[483]. Следовательно, расходы по страховому медицинскому обслуживания данного весьма многочисленного контингента надлежало взять на себя государству. В Предвступительных программах за 2009 г. и 2011-2013 гг. отмечалось повышение расходов на здравоохранение с 3,7% ВВП в 2002 г. до 4,5 % в 2008 г., 5,1% в 2009 г., 4,5% в 2010 г. и 4,4% ВВП в 2011 г. Рост расходов объяснялся « увеличением мощности системы предоставления медицинских услуг и повышением их доступности»[484].

---

[482] Ekonomik Rapor 2007. Ankara, TOBB, 2008. S.88; Ekonomik Rapor 2010. Ankara, 2011. S.92; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.113.
[483] Erdogdu S. Sosyal politikada Değişim ve Sosyal Güvenlik Reformu. S.677.
[484] Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2009. Ankara, 2009. P.88; Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2011-2013. Ankara, 2011. P.87. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/international/enlargement/pre-accession_prog/pep/2011-pep-turkey_en.pdf;

Важного прорыва за годы своего правления ПСР сумела добиться и в сфере образования. К своим основным достижениям партия относит переход к системе всеобщего обязательного 12-летнего образования (ранее продолжительность обязательного обучения составляла 8 лет), восьмикратное увеличение бюджета министерства образования с 7,4 млрд. тур. лир в 2002 г. до 62 млрд. в 2015 г. (в текущих ценах), что позволило, в частности, поднять численность студентов университетов с 1,2 млн. в 2002–2003 учебном году до 2,6 млн. в 2013–2014-м. Количество университетов выросло с 76 до 176, в каждом из 81 илей (административных округов) страны есть теперь как минимум один университет. В итоге степень охвата высшим образованием поднялась с 19 до 50% молодежи в возрасте от 18 до 22 лет[485] . Правда, при этом к достижениям в сфере образования относились и такие неоднозначные меры, как обеспечение свободы ношения ранее запрещенного платка для преподавателей-женщин и девушек, обучающихся в системе среднего и высшего образования, а также устранение «несправедливости» в отношении выпускников школ имамов-хатибов, которые ранее могли получать только богословское высшее образование.

Весьма важным направлением государственной социальной политики, является помощь, которая не связана с непосредственным использованием средств бюджета, то есть предоставляемая через **неформальные** каналы. Отметив их особую роль в условиях бюджетных ограничений[486], З. Ониш в своих работах не раскрывает содержание данного понятия и не анализирует деятельность институтов, через которые, очевидно, и осуществляется данный вид перераспределения. Между тем, к ним первую очередь следует

Pre-Accession Economic Programme 2012-2014. Ankara, 2011. P.85.

[485] Yeni Türkiye Yolunda Daima Adalet Daima Kalkınma. 7 Haziran Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Ankara, AKP, 2015. S.76-80/ URL: http://www.akparti.org.tr/upload/documents/2015-secim-beyannamesi-20nisan.pdf

[486] Onış Z. Conservative Globalism at the Crossroads: The Justice and Development Party and the Thorny Path to Democratic Consolidation in Turkey. Revised Draft-December 2008. Istanbul, 2008. P.23. URL: http://home.ku.edu.tr/~zonis/m_politics.pdfOnis

отнести специально созданный еще в 1986 г. Фонд социальной поддержки и солидарности[487]. Он имеет статус одного из трех существующих в Турции на сегодняшний день внебюджетных фондов, что позволяет ему оперативно принимать решения об оказании социальной поддержки. Хотя основная часть доходов Фонда приходится на обеспечиваемые налоговыми поступлениями трансферты правительства, его расходы благодаря статусу внебюджетного фонда не контролируются парламентом, а только одобряются премьер-министром и советом Фонда.

В декабре 2004 г. в силу вступил закон № 5263, имевший целью укрепление его организационной структуры. Если ранее подготовкой бюджета Фонда и распределением средств занимался генеральный секретариат, являвшийся подразделением аппарата премьер-министра, то законом №5263 для управления им была создана дирекция при аппарате премьер-министра, что означало принятие при правительстве ПСР решения, направленного на повышение статуса Фонда. Эта мера, очевидно, была продиктована его стремлением к дальнейшему укреплению влияния Фонда социальной поддержки и солидарности и расширению его роли в системе социальной поддержки населения. Особое отношение правительства ПСР к Фонду, по всей видимости, связано с целями и особенностями его функционирования, которые исключительно близки исламской риторике взаимопомощи и взаимной ответственности членов уммы. Турецкие авторы А.Бугра и Ч.Кейдер, отмечая связь концепции функционирования Фонда с прочными общественными устоями, объясняют его создание попыткой ответить на утрату семьей способности заботиться о родственниках в силу ее перехода от традиционной к нуклеарной форме. Они также отмечают, что в ходе парламентских дискуссий о создании Фонда его пытались представить

[487] Точное название Фонда в переводе – Фонд социальной помощи и поощрения солидарности (Sosyal Yardımlaşma ve Dayanışmayı Teşvik Fonu)

как воплощение осовремененной версии османской традиции благотворительности[488].

Фонд оказывает помощь не на регулярной основе, а исходя из конкретных нужд получателя в конкретной ситуации. О значительных масштабах его деятельности позволяет судить тот факт, что, например, в 2007 г. расходы Фонда уступали лишь расходам на предоставление медицинских услуг держателям «зеленых карт» и выплатам по линии Общества социального страхования: 0,1%, 0,46%, 0,19% ВВП соответственно[489].

Особое значение Фонда в системе социальной помощи отмечается многими турецкими авторами. Так, Дж. У. Дуюлмуш писал, что социальная помощь в Турции получила значительное развитие с созданием Фонда социальной помощи и солидарности. Сам Фонд он характеризует как институт, который являясь последней надеждой граждан, находящихся в состоянии глубокой нужды, ответственен за оказание срочной чрезвычайной помощи[490].

Основополагающая целевая установка отражена в статье 1 закона об учреждении Фонда социальной поддержки и солидарности: «Оказывать помощь людям, оказавшимся в затруднительном положении или нуждающимся в помощи, принимая меры к укреплению социальной справедливости, обеспечивать справедливое распределение доходов, поощрять социальную помощь и солидарность»[491]. По словам турецкого исследователя Х. Хаджимахмутоглу, «цель программ Фонда - оказать человеку социальную помощь буквально по месту проживания - в своем же

---

[488] Bugra A., Keyder C. Poverty and Social Policy in Contemporary Turkey. Bogazici Universitesi Social Policy Forum. İstanbul, January, 2005. P.25. URL: http://www.spf.boun.edu.tr/docs/WP-Bugra-Keyder.pdf

[489] Hacımahmutoğlu H. Türkiyedeki Sosyal Yardım Sisteminin Değerlendirilmesi. DPT-Uzmanlik Tezleri. Ankara, DPT, 2009. S.103, 111, 135, 161.

[490] Duyulmuş C.U. Social Security Reform in Turkey: Different usages of Europe in shaping the national welfare reform.

[491] Hacımahmutoğlu H. Türkiyedeki Sosyal Yardım Sisteminin Değerlendirilmesi. S.142.

квартале - и с применением максимально гибких подходов»[492]. Приближение Фонда к нуждам гражданина обеспечивает организация его деятельности через 973 вакфа (отделения), которые расположены в каждом ильче страны, являющемся наиболее мелким административно-территориальным подразделением.

Гибкость деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности, его способность оперативно и точно отвечать на конкретные нужды достигается через многообразие форм предоставляемой помощи, о чем позволяет судить структура его расходов. К числу основных статей относятся: расходы на оказание периодической помощи (предназначены для удовлетворения разнообразных текущих потребностей нуждающихся граждан), расходы на медицинскую помощь (оплата лечения в больницах, лекарств, использования медицинских материалов и инструментов в основном для лиц, не охваченных каким то ни было видом медицинского страхования), помощь инвалидам (оплата протезов, специальных транспортных средств и медицинского оборудования), расходы по обучению профессиональным навыкам и повышению занятости, расходы на образование (выплата стипендий нуждающимся студентам), помощь семьям (продовольственная помощь, оказываемая в канун религиозных праздников Курбан байрама и Рамазан байрама, обеспечение углем и пр.), помощь в случае чрезвычайных ситуаций (землетрясение, пожар, наводнение и пр.), трансферты Министерству национального образования на компенсацию расходов по бесплатному обеспечению школьными учебниками, организацию бесплатных обедов для учащихся и др., расходы по обеспечению жильем малоимущих граждан.

А. Бугра и Ч. Кейдер отмечали в качестве важной особенности деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности в период пребывания у власти ПСР значительное увеличение расходов на проекты по

[492] Ibid. S.126.

увеличению занятости. По их оценкам, в 2003 г. на них пришлось около 1,5% средств Фонда, а в первой половине 2004 – уже 6%. Авторы уточняют, что речь идет о финансировании некоторых программ профессиональной подготовки, кредитах мелким предприятиям и сельскохозяйственных кредитах в рамках проектов социальной поддержки в сельской местности. Комментируя рост такого рода расходов, А. Бугра и Ч.Кейдер пишут: «Возрастающее значение данных статей в общих расходах Фонда отражает взгляд, согласно которому социальная поддержка должна быть обусловлена участием в производственной деятельности. И действительно на правительственном уровне неоднократно подчеркивалось, что социальная поддержка в форме не связанных какими-либо условиями грантов создает опасность роста иждивенчества и толкает получателя к пассивности. «Учить людей удить, а не давать им рыбу» - излюбленный слоган, чиновников, ответственных за социальную политику, для которых «право на доход» остается преимущественно чуждой концепцией»[493].

Еще одно важное направление деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности – обеспечение жильем малоимущих горожан. Для понимания его социальной значимости следует сказать о некоторых особенностях хода урбанизации в Турции. Начавшись во второй половине XX в., этот процесс, имел не столько постепенный характер, инициированный развитием индустриализации, сколько лавинообразный (в 1950 г. в городах проживала лишь четверть населения страны, в 1960 г. – уже треть, в 1985 г. – свыше половины, а в начале XXI в. – две трети)[494]. Движущей силой ускорявшейся урбанизации стало быстрое развитие в послевоенный годы механизации сельского хозяйства с последующим массовым вытеснением рабочей силы из деревни. В города хлынула масса бывших крестьян. Поскольку темпы роста численности переселенцев

[493]Bugra A., Keyder C. Poverty and Social Policy in Contemporary Turkey. Bogazici Üniversitesi Social Policy Forum. P. 30.
[494] Ульченко Н.Ю. Экономическая география Турции. Учебник. М: Ключ-С, 2008. С.68.

существенно опережали темпы роста промышленности, мигранты формировали преимущественно не рабочий класс, а маргинальные городские слои, которые селились в быстро разраставшихся массивах наскоро сооруженных хижин. В скором времени в крупных турецких городах возникла острая жилищная проблема, обусловленная значительным числом граждан, которые обитали в абсолютно не приспособленных жилищах.

Многочисленность новых городских маргиналов сделала их значительной электоральной силой с абсолютно простой и очевидной для политиков основной потребностью – потребностью в жилье лучшего качества. Их активное использование в политической игре началось еще в период пребывания на посту премьер-министра Т. Озала. Но он сделал основной упор не столько на принципиальное решение жилищной проблемы сельских мигрантов, сколько на узаконивание их прав собственности на нелегально возведенные лачуги. Правда, и некоторые усилия по строительству нового жилья также были предприняты и увязаны с использованием доходов от приватизации. В 1984 г. была создана Администрация по делам жилищного строительства и общественного акционирования при одноименном Совете. В ее функции входило осуществление программы приватизации и финансирование государственных проектов в сфере производственной инфраструктуры и жилищного строительства.

В 1990 г. было принято решение о разделении Администрации по делам жилищного строительства и общественного акционирования на два отдельных органа - Администрацию по делам жилищного строительства (Toplu Konut İdaresi, TOKİ) и Администрацию общественного акционирования. По признанию нынешнего руководства TOKİ, «несмотря на то, что некоторые правительственные инициативы в сфере жилищной политики были довольно эффективны, Администрация по делам жилищного строительства постепенно все более отдалялась от того, что

изначально планировалось сделать[495]. Но после выборов 2002 г. произошло возрождение TOKİ в качестве значимой силы. Новая администрация с удовлетворением констатировала: «Осознавая, что в Турции существуют жилищный кризис и что предшествующие попытки его решения не достигли цели, новое правительство Турции (правительство ПСР – Н.У.) без промедлений в январе 2003 г. разработало План срочных действий по жилищному и городскому развитию»[496]. В последующие четыре года парламент принял 10 документов, обеспечивших TOKİ организационные и юридические полномочия по преобразованию ландшафта городов страны. Так, в распоряжение администрации на безвозмездной основе было предано 64,5 млн. кв. м. земли для реализации программы жилищного строительства. TOKİ была выведена из состава Министерства общественных работ и поселений и передана в подчинение администрации премьер-министра, что обеспечило ей большую автономию и свободу действий, как и в случае с Фондом социальной поддержки и солидарности. О небывалой активизации деятельности TOKİ говорят следующие цифры. С начала деятельности Администрации в 1984 г. по 2011 г. было завершено или находилось в стадии строительства 500 тыс. единиц жилья, из которых лишь 43 тыс. пришлось на 17-летний период с 1984 по 2001 г.[497]

Между Фондом социальной поддержки и солидарности и TOKİ действует Протокол о строительстве социального жилья, на основе которого Администрация на возмездной основе обеспечивает жильем лиц, имеющих право на поддержку Фонда. Цель протокола – обеспечить базовые жизненные потребности в жилье бедных и нуждающихся граждан, предоставив им достойные человека условия существования. Речь идет об их обеспечении двухкомнатными квартирами (1+1) площадью 45 кв.м. Проект

---

[495] Building Turkey's Future. TOKİ Corporate Profile 2008/2009. Ankara, Republic of Turkey. Prime Ministry Housing Development Administration of Turkey, 2009. P.8.

[496] Ibid. P.9.

[497] Gelecegin Turkiye'sini İnşa Ediyoruz. TOKİ Kurum Profili 2010-2011. Ankara: T.C.Başbakanlik. Toplu Konut İdaresi Başkanlığı, 2011. S.11. URL: http://www.toki.gov.tr/docs/yayinlar/TOKI'11_TRK.pdf

«Социальное жилье» общей стоимостью 500 млн. турецких лир финансируется Фондом социальной поддержки и солидарности. Среди получателей социального жилья присутствует обязательный 10%-ный контингент инвалидов. Получение жилья не обусловлено первоначальным взносом, предоставлением залога или поручительства третьего лица. Оплата производится на протяжении 20 лет, получатель жилья даже при выплате полной суммы стоимости на протяжении 10 лет не имеет права передавать жилплощадь в собственность другому лицу или сдавать в аренду. За период с 2003 г. по начало 2011 г. число получателей социального жилья составило 139 тыс.человек[498], а к середине 2015 г. – почти 145 тыс.[499]

Впрочем, потенциальная численность благодарного электората, очевидно, превышает данную цифру, поскольку сама деятельность TOKİ не ограничивается лишь социальным жильем для Фонда социальной поддержки и солидарности. Более многочисленной группой клиентов TOKİ являются лица с невысоким уровнем дохода, определяемым как средний или низкий, которые не могут приобрести жилье на рыночных условиях. В зависимости от конкретного уровня благосостояния они оплачивают от 10 до 40% стоимости жилья в качестве первоначального взноса, в то время как остальная сумма погашается на протяжении 84-240 месяцев. При этом реальный процент по жилищному кредиту остается нулевым. Сумма долга лишь корректируется в соответствии с уровнем инфляции, измеряемым уровнем индексации заработной платы рабочих государственных предприятий. Таким образом, доля выплат за приобретенное жилье остается в доходах домохозяйства приблизительно одинаковой. В отчете TOKİ было заявлено о 195 тыс. получивших жилье к 2011 г. из числа лиц со

[498]Ibid. S.22.
[499] См. официальный сайт Администрацию по делам жилищного строительства: URL:http://www.toki.gov.tr/faaliyet-ozeti

средним и низким доходом[500], по состоянию на август 2015 г. официальный сайт TOKİ сообщал уже о более, чем 271 тыс. получивших жилье[501].

Таким образом, TOKİ представляет собой государственное учреждение, значительная часть деятельности которого тесно встроена в функционирование системы **неформальных** каналов перераспределения.

Еще одним важным каналом распределения социальной помощи, который также следует отнести к **неформальным,** являются муниципалитеты, так как, во-первых, финансы местных органов власти не включены в бюджет центрального правительства, а, во-вторых, муниципалитеты имеют особые дополнительные источники средств для оказания социальной помощи, о чем будет сказано ниже. По результатам выборов в местные органы власти часть муниципалитетов оказалась в руках ПСР много ранее 2002 г. Именно через местные органы власти Партия справедливости и развития смогла заблаговременно анонсировать свою активную социальную политику, начав обеспечивать нуждающихся различными видами материальной помощи (продуктами питания, углем для отопления жилища, одеждой и проч.). «*Практически во всех муниципалитетах ПСР* (курсив Н.У.) существуют отделы по работе с нуждающимися, куда можно обратиться за помощью в получении продовольствия, топлива, одежды, места в приюте» - констатируют турецкие исследователи Г.Бакырезер и Ю.Демирель[502].

Итак, социальная политика ПСР, безусловно, носит весьма активный характер. Но насколько обоснованно рассматривать ее как популистскую, а не как, например, попытку движения в направлении создания в Турции

---

[500] Gelecegin Turkiye'sini İnşa Ediyoruz. TOKİ Kurum Profili 2010-2011. Ankara: T.C.Başbakanlik. Toplu Konut İdaresi Başkanlığı, 2011. S.22.

[501] URL: http://www.toki.gov.tr/faaliyet-ozeti

[502]Bakirezer G., Demirer Y. Ak Partinin Sosyal Siyaseti /AKP Kitabi. Bir Donusumun Bilancosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.175.

социально ориентированной рыночной экономки по образцу западноевропейских государств?

В поисках ответа на это вопрос наиболее верным представляется исходить из приведенного выше в настоящей работе и используемого в качестве базового определения экономического популизма, для которого, напомним, характерны достижение особых политических целей, заключающихся в получении поддержки со стороны определенных групп интересов, а средства достижения такого рода целей – активное перераспределение при выходе за ограниченные рамки государственного бюджета. В. Мау не случайно обращает внимание на важность последнего элемента, поскольку именно между наличием или отсутствием бюджетного дефицита, очевидно, проходит грань, отделяющая активную социальную (перераспределительную) политику, которую государство объективно может позволить себе, исходя из достигнутого высокого уровня благосостояния и экономическим популизмом, когда цена активной государственной социальной политики – рост дисбаланса в системе госфинансов и связанные с этим негативные тенденции в экономическом развитии страны.

Что касается ситуации в Турции в годы правления ПСР, то, **во-первых**, активная перераспределительная политика, очевидно, проводилась, так как более активно выделялись средства на социальные нужды как через формальные, так и неформальные каналы перераспределения. Первая тенденция подтверждается устойчивыми изменениями структуре расходов бюджета в пользу социальных статей при том, что доля бюджетных расходов относительно ВВП оставалась относительно стабильной (см.табл.33).

Таблица 33

Доля бюджетных расходов в ВВП (%)

2003	2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
39,4	24,6	23,8	22,0	24,3	26,6	24,2	25,5	26,1	25,6

Составлено по: Economic Report 2004. Ankara: TOBB, 2005. P.81; Ekonomik Rapor 2007. Ankara: TOBB, 2008.S.83; Ekonomik Rapor 2010. Ankara: TOBB, 2011. S.89; Ekonomik Rapor 2013. Ankara: TOBB, 2014. S.106; Ekonomik Rapor 2014. Ankara: TOBB, 2015. S.109.

Вторая тенденция проявилась через более интенсивное использование возможностей Фонда социальной поддержки и солидарности, TOKİ, муниципалитетов. Что касается, например, расходов Фонда в 2006-2011 гг., то на протяжении большей части наблюдаемых лет они росли заметно быстрее цен, то есть существенно увеличивались в реальном исчислении (см. табл.34).

Таблица 34

Объем расходов Фонда социальной поддержки и солидарности (млн. тур. лир)

2007	*	**2008**	*	**2009**	*	**2010**	*	**2011**	*	**2012**	*	**2013**	*
1 413	*1,7*	1 797	*18,4*	2 379	*32,3*	2032	*-14,5*	2 622	*28,3*	3 099	*18,1*	4068	*18,4*

Изменение по сравнению с предыдущим годом (%)

Составлено и рассчитано по: 2011 Yılı Programı.18 Ekim 2011 Tarihli ve 28088 Sayılı Mükerrer Resmi Gazete'de Yayımlanan 11 Ekim 2011 Tarihli ve 2011/2303 Sayılı 2012 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, 2011. S.239 URL:www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/10/20111030M1-1.doc; 2015 Yılı Programı.17/10/2014 Tarihli ve 29148 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 30/09/2014 Tarihli ve 2014/6841 Sayılı 2015 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, 2014. S.116 URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2014/11/20141101M1-1.pdf

Во-вторых, использование социальной политики в качестве инструмента перераспределения в пользу определенных групп интересов, очевидно, тоже имело место. Многие турецкие исследователи отмечают избирательный, а не универсальный характер государственной социальной политики, о чем свидетельствует большое значение, придаваемое именно социальной помощи (неформальным каналам) в системе мер социальной политики[503]. В таком официальном документе, как Предвступительная программа Турции на 2006 г., отмечалось, что «бедная часть общества в большей мере поддерживается через систему социальной помощи и поддержки, нежели социального страхования»[504]. Действительно, как уже

[503] См., например, Fisek A.G. “Sivil” Itaatkarlar (ya da AKP’nin Sosyal Politikasinin Cikmazlari), Ankara, 2007. S.21.URL: http://sosyalpolitika.fisek.org.tr/?p=68
[504] Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2006. Ankara, 2006. P. 98.

отмечалось, привлекательность для правящей партии Фонда социальной поддержки и солидарности в качестве инструмента социальной политики заключается, в первую очередь, в том, через его посредство можно оказывать помощь *конкретному* избирателю с его особыми нуждами, используя индивидуальный подход и устанавливая тем самым эффективный контакт нуждающегося электората с властью при практически безотлагательном позитивном исходе для первого, а в более долгосрочной перспективе – и для второй. Следует отметить и еще одно обстоятельство: хотя каналы перераспределения, названные З. Онишем формальными, и предназначены для обеспечения социальными услугами всех граждан за счет средств бюджета, основными бенефициарами введения системы всеобщего медицинского страхования стали именно группы поддержки ПСР, тогда как более благополучная часть населения - официально занятые - имела доступ к страховым медицинским услугам и в рамках прежней системы.

По мнению турецкого исследователя Д.Йылдырыма, ПСР, *формируя характер власти в соответствии с интересами связанных с нею социальных групп* (курсив Н.У.), использовала по возможности все инструменты популизма[505], которыми, очевидно, и стали формальные и неформальные каналы перераспределения.

Разделяя мнение о сосредоточенности социальной политики государства на определенных группах обездоленных и нуждающихся, турецкие авторы А.Х.Косе и С.Бахче пишут: «ПСР, отказавшись от общего принципа защиты (социальной – Н.У.) личности, обратилась к благотворительности. Иначе говоря, сделав выбор не в пользу построения государства всеобщего благоденствия, а создав определенным образом работающую систему адресной поддержки, она заменила социальную справедливость благотворительностью, *к тому же весьма избирательного*

[505] Yıldırım D. AKP ve Neoliberal Popülizm/ AKP Kitabi. Bir Donüşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.97-99.

свойства (курсив Н.У.). В этом смысле ПСР возглавляет некую новую систему благотворительности, состоящую из приближенных к ней структур[506] и неординарных механизмов государственного перераспределения»[507]. Как видим, объект критики авторов - именно отступление социальной политики правительства ПСР от базовых европейских принципов – социальной справедливости, социальной безопасности и социального сплочения (солидарности), в рамках реализации которых, как представляется, удалось добиться наибольшего приближения к воплощению концепции социально ориентированной рыночной экономики. Их использование предполагает «построение единого социального пространства, комфортного для всех», «превращение практически всего населения в объект социальной политики»[508].

Свою позицию А.Х.Косе и С.Бахче аргументируют в частности тем обстоятельством, что параллельно с ростом выплат по линии Фонда социальной поддержки и солидарности снижались объемы перераспределения по другим, формальным каналам, которые имеют более широкую социальную адресацию, чем близкая к маргинальной клиентура Фонда. (см.рис. 11)[509]. Данное обстоятельство, по мнению А.Х.Косе и С.Бахче, убедительно доказывает «подмену социального государства государством избирательной благотворительности»[510].

Рисунок 11

---

[506] В каждом из подразделений (вакфов) Фонда социальной поддержки и солидарности действует комиссия по распоряжению средствами вакфа под председательством губернатора или каймакама. (административная глава ильче) в составе управляющего социальными вопросами иля, управляющего товарным снабжением, представителя министерства здравоохранения и ее регионального представителя и трех представителей местного населения. Таким образом, состав комиссии подтверждает статус подразделений Фонда как тесно ассоциированных с системой государственной власти.

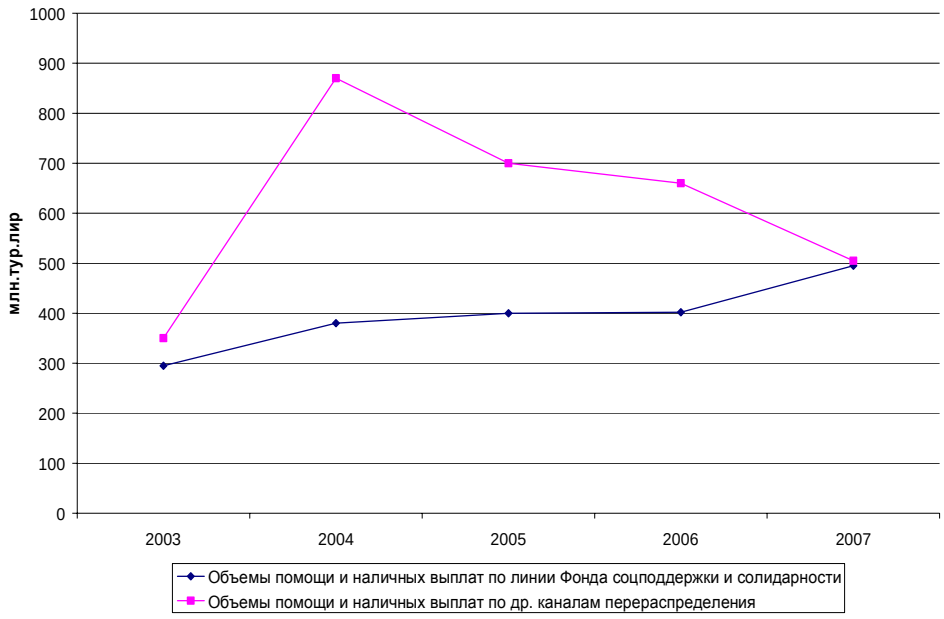
[507] Kose A.H., Bahce S. Hayirsever Devletin Yukselisi: AKP Yonetiminde Gelir Dagilimi ve Yoksulluk/ AKP Kitabi. Bir Dönüşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.496.

[508] Социальная Европа в XXI веке/ Под ред. Каргаловой М.В. М: Весь мир, 2011. С. 176, 183, 249.

[509] Следует оговориться, что статистические ценки авторов, по всей видимости, утеряли справедливость после 2007 г., то есть с введением системы всеобщего медицинского страхования.

[510] Kose A.H., Bahce S. Hayirsever Devletin Yukselisi: AKP Yonetiminde Gelir Dagilimi ve Yoksulluk. S.507.

Динамика выплат по линии Фонда социальной поддержки и солидарности и иным каналам перераспределения произведенного дохода



Kose A.H., Bahce S. “Hayirsever” Devletin Yukselisi: AKP Yonetiminde Gelir Dagilimi ve Yoksulluk// AKP Kitabi. Bir Donusumun Bilancosu. Ankara, 2009, s.506.

Структурные особенности социальной политики позволяют говорить о заинтересованности власти в сохранении элемента, как теперь ясно, политизированной избирательности и в установлении «особых отношений» в собственных интересах в рамках социальной политики. При этом беспрецедентный рост масштабов адресной социальной помощи (только за период с 2003 по 2008 г. тем или иным видом поддержки по линии Фонда социальной поддержки и солидарности воспользовались в общей сложности около 43 млн. человек[511] или, по меньше мере, каждый второй гражданин страны[512]), действительно превратил ее из инструмента нейтрализации бедноты в инструмент роста ее поддержки, и соответственно, - фактор роста раздражения оказавшихся вне «избранного» круга получателей.

Что касается помощи по линии муниципалитетов, то здесь, видимо, использование экономических критериев оказания помощи еще более

[511] Автор, очевидно, учитывает не только собственно получателей помощи, но и членов их семей.
[512] Yıldırım D. AKP ve Neoliberal Popülizm// AKP Kitabi. Bir Donüşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.97-99.

открыто дополняется *политическими* (курсив Н.У.). Общая довольно высокая вероятность принадлежности маргинальных слоев, как правило, с невысоким образовательным уровнем и поэтому во многом сохраняющих приверженность традиционному мусульманскому укладу к электорату ПСР дополнительно верифицируется через политические предпочтения избирателей на территории данного муниципалитета: активно поддерживаются бедняки лишь тех муниципальных территорий, избиратели которых отдали предпочтение кандидатам от ПСР.

«Муниципальная социальная помощь может использоваться и, видимо, действительно используется в политических интересах для повышения шансов правящей партии на переизбрание. Это, по крайней мере, широко распространенное убеждение среди тех, кто был опрошен нами в нескольких районах Стамбула в ходе нашего исследования» - писали по этому поводу турецкие исследователи А.Бугра и Ч.Кейдер[513].

Одновременно «неблагонадежные» муниципалитеты, то есть те, во главе которых стояли представители оппозиционных партий, довольно жестко и бесцеремонно притеснялись в финансовом отношении. На последнее обстоятельство обратил особое внимание лидер оппозиционной Националистической партии Турции или Партии националистического движения (Milliyetçi Hareket Partisi, MHP) Д. Бахчели. По его словам, бюджеты муниципалитетов, во главе которых по итогам муниципальных выборов оказались представители MHP, урезались или на них пытались оказать давление посредством системы прокурорских проверок[514].

Следует сказать и о дополнительных источниках средств, используемых муниципалитетами для оказания социальной помощи. Как пишет турецкий автор Г. Юджесан-Оздемир, они привлекали значительные объемы пожертвований. Многие богатые граждане страны, не желая

[513] Bugra A., Keyder C. Poverty and Social Policy in Contemporary Turkey. Bogazici Üniversitesi Social Policy Forum. P.33.
[514] Cumhuriyet. 19.10.2014.

передавать средства в специально созданный с учетом традиции мусульманской благотворительности Фонд социальной поддержки и солидарности, предпочитали использовать их на муниципальном уровне. Причина этого заключается в том, «в период правления ПСР между муниципальными властями и теми, кто, например, ищет площади для коммерческой аренды сложились отношения полуофициального торга», в рамках которого, муниципалитеты, стремясь обеспечить себя средствами для перераспределения в пользу поддерживающих ПСР, «не замечали» незаконные виды деятельности предпринимателей, лояльных ПСР, или обеспечивали им преимущество в ходе проведения государственных тендеров или при приватизации государственной собственности, а последние, в обмен за использование административного ресурса перечисляли муниципалитетам пожертвования. «Под видом благотворительности создается своего рода механизм передачи взяток» - резюмировал Г. Юджесан-Оздемир[515].

Активное использование правительством ПСР каналов, отнесенных к неформальным, то есть не связанным непосредственно с перераспределением средств бюджета центрального правительства, в условиях сохранения за ПСР статуса правящей партии в действительности означает применение фактически на правительственном уровне схемы, в рамках которой наряду с универсальным перераспределением осуществляется поддержка именно сторонников партии не столько как политических единомышленников, сколько как активного электората, призванного обеспечить устойчивость власти ПСР.

З. Ониш писал, комментируя склонность ПСР к использованию неформальных каналов перераспределения в ущерб официальным: «Речь идет о специальных формах перераспределения, которое по определению благоволит инсайдерам, приближенным к неформальным партийным

[515] Yücesan-Özdemir G. AKP'li Yıllarda Sosyal Politika Rejimi: Kralın Yeni Elbisesi, /İktidarın Şiddeti. AKP'lı Yıllar, Neoliberalizm ve İslamcı Politikalar. [Hazırlayanlar Coşar S. ve Yücesan-Özdemir G.] İstanbul: Metis Yayınları, 2013. S. 133.

каналам. В результате доступ к социальным благам оказывается не универсальным правом, а зависит от членства в клубе, объединяющем околопартийные ассоциации и неформальные сети. Такая форма перераспределения исключает охват благами тех сегментов общества, которые выпадают из этих неформальных сообществ или сетей»[516].

В этом смысле сложно говорить о попытках создания социальной рыночной экономики в Турции, хотя бы потому, что вопреки ее установкам на социальное партнерство и создание единого социального пространства, комфортного для всех, политическая избирательность помощи служит скорее дальнейшей поляризации общества по принципу отношения его членов к действующей власти.

В-третьих, ряд турецких исследователей видят связь между перераспределительной (социальной) политикой ПСР и получением электоральной поддержки со стороны охваченных правительственной помощью того или иного вида, иначе – достижением определенной политической цели. По оценкам турецкого исследователя Д.Йылдырыма, многочисленные получатели поддержки по линии Фонда социальной поддержки и солидарности представляют менее обеспеченную и менее благополучную половину населения страны, то есть именно основной электорат ПСР. Он обращает внимание на параллельный ход процессов усиления поддержки ПСР от выборов к выборам и роста численности получателей социальной помощи[517]. По имеющимся официальным данным в 2009 г. она составила 3 млн. 84 тыс. человек, а в 2010 – 2 млн. 394 тыс. человек, в 2011 г. – 3 млн. 722 тыс. чел., в 2012 г- 2 млн. 264 тыс. человек[518].

---

[516] Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. P.9.

[517] Yıldırım D. AKP ve Neoliberal Popülizm/ AKP Kitabi. Bir Donüşümün Bilançosu. S.97-98.

[518] 2011 Yılı Programı. 2011 Yılı Programı.18 Ekim 2011 Tarihli ve 28088 Sayılı Mükerrer Resmi Gazete'de Yayımlanan 11 Ekim 2011 Tarihli ve 2011/2303 Sayılı 2012 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, 2011. S.239 URL:www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/10/20111030M1-1.doc; 2015 Yılı Programı.17/10/2014 Tarihli ve 29148 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 30/09/2014 Tarihli ve 2014/6841 Sayılı 2015 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, 2014. S.116 URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2014/11/20141101M1-1.pdf

Таким образом, число получателей помощи из года в год оставалось, по крайней мере, весьма существенным, тогда как ее объемы практически постоянно росли (см. табл.16). «Понимание истоков этого существенного роста исходящей от государства денежной и материально-вещественной помощи связано с осознанием того, что в основе расширения поддержки ПСР *связанным с нею социальным группам* (курсив Н.У.) лежит стремление к установлению связи между популистскими посланиями и политическими планами» - заключает Д.Йылдырым[519].

Именно наличие описанной связи придало особо болезненный характер случившейся в мае 2014 г. трагедии на одной из угольных шахт Сомы. Внимание турецкой прессы к этому эпизоду позволило установить, что отсутствие инвестиций в безопасность и современное оснащение шахты было связано, в том числе, со стремлением правительства получить возможно более дешевый уголь, так как его основная масса безвозмездно распределялась среди нуждающихся. Угольные предприятия Сомы заметно увеличили свою выработку перед победоносными для ПСР муниципальными выборами в марте 2014 г., которым как раз и предшествовала активизация «угольной помощи». Газеты привели и данные о ее размерах в Эгейском районе страны по итогам первого квартала 2014 г. (см. табл.34).

Таблица 34

Размеры «угольной помощи», предоставленной по линии подконтрольных ПСР муниципалитетов по итогам первого квартала 2014 г.

Название иля	Размер помощи (млн. тур. лир)
Измир	32, 8
Афйон	14,5
Айдын	8,2
Денизли	7,3
Кютахья	14,9

[519]Yıldırım D. AKP ve Neoliberal Popülizm/ AKP Kitabi. Bir Donüşümün Bilançosu. S.99-100.

Маниса	18,1
Мугла	3,5
Ушак	9,1
Итого:	108,4

Источник: Milliyet, 22.05.2014.

Об уровне предвыборного роста добычи на Угольных предприятиях Сомы свидетельствует то обстоятельство, что по итогам первых нескольких месяцев 2014 г. они стали лидером иля по объему выплаченного корпоративного налога, тогда как по итогам 2013 г. заняли лишь шестое место[520]. Таким образом, обнаружилась компрометирующая одну из самых сильных сторон действующей власти - ее внимание к нуждам бедных - взаимосвязь: помощь одним нуждающимся за счет безопасности и риска для жизни других, в данном случае шахтеров. Возмущенная общественность страны не замедлила сформулировать эту связь в слогане «Bedava kömür - bedava ömür», что в переводе означает следующее «бесплатный уголь – не стоящая ничего никому смерть», имея в виду безнаказанность властей, пренебрегших в увлечении активной социальной помощью интересами шахтеров.

Турецкий аналитик С. Озель так же отмечает, что ПСР посредством ряда популистских (и популярных мер) успешно завоевывает симпатии проигравших в ходе процесса глобальной интеграции: «Практически всеобщее медицинское обслуживание, бесплатное распределение товаров первой необходимости таких, как мука, уголь и сахар, бесплатные учебники для школьников и доступное жилье: все это обеспечивает популярность ПСР среди наименее преуспевающих сегментов турецкого общества…»[521].

Следует сказать, что речь идет о трудно разделимых гранях одного явления: с одной стороны поддержка наиболее нуждающихся слоев

[520] Sözcü, 14.05.2014

[521] Ozel S. Democracy, Islam and the AKP/ The German Marshall Fund of the United States (GMF). *On Turkey* series. 2011. July1. URL: http://www.gmfus.org/galleries/ct_publication_attachments/Ozel_IslamCapitalism_Jul11.pdf;jsessionid=arGT2bc-pnZ7TLBUfi

представляется вполне логичной и оправданной, с другой - специфика ситуации, сложившейся в Турции, заключается в том, что в их лице одновременно осуществляется поддержка основных сторонников партии на выборах разного уровня, что парадоксальным образом предполагает заинтересованность правящей партии как в численном приумножении получателей помощи, так и сохранении их статус-кво. Как будет показано ниже, эта неожиданная гипотеза находит подтверждение в реальности.

Впрочем, З. Ониш, признавая использование правительством ПСР перераспределения как механизма обеспечения электоральной поддержки, связывает ее политический успех с применением не только неформальных, но и формальных каналов перераспределения, в итоге чего сформировалась более широкая коалиция сил, поддерживающих Партию справедливости и развития. Комментируя рост расходов правительства на здравоохранение и образование, он писал: «Способность ПСР увеличить расходы по этим критическим направлениям и в итоге улучшить обеспечение государственными услугами как на местном, так и национальном уровне оказала существенное влияние на жизненные стандарты среднего и малообеспеченного слоев...»[522]. Таким образом, по его мнению, именно эффективное использование весьма своеобразного микса формальных и неформальных каналов перераспределения сыграло решающую роль для объединения и выигравших, и проигравших от неолиберальной глобализации в рамках единой, широкой межклассовой коалиции избирателей-сторонников ПСР[523].

В-четвертых, что касается выхода за ограничительные рамки государственного бюджета, то, с одной стороны, формально проблема дефицита оказалась во многом решенной. Но анализ сущностных

[522] Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. P.9.
[523] Ibid. P.8.

макроэкономических связей позволил сделать вывод квази-характере ее решения (подробнее см. раздел 4.1), а, следовательно, правомерность роста социальных расходов на фоне значительной привязки экономического роста к внешним источникам финансирования остается под вопросом.

Кроме того, очевидная значимость для властей всевозможных видов социальной помощи, которая в отлаженно работающих системах социальной политики, предназначена лишь для корректировки недочетов, выявившихся в ходе функционирования системы социального страхования, очевидно, связана с возникновением и консервацией еще одного важного макроэкономического дисбаланса, в данном случае, на рынке труда.

Следует отметить, что активное развитие системы социальной помощи началось в Турции задолго до прихода к власти ПСР. Турецкие исследователи связывают этот процесс с вступлением экономики страны в либеральную эру, а точнее, с переходом Турции к экспорториентированной стратегии развития. Успех в ее реализации нуждался в опоре на определенные конкурентные преимущества. В этом качестве была использована сравнительная дешевизна относительно квалифицированной рабочей силы. В итоге комфортные условия найма периода импортзамещающего развития, заключавшиеся в поддержании довольно высоких темпов роста реальной заработной платы, сменились их ужесточением. Малый и значительная часть среднего бизнеса в условиях роста давления со стороны внешнего рынка стремились обеспечить себе дополнительную устойчивость через снижение издержек за счет ухода в тень. В итоге начала расти численность занятых в неформальном секторе. Новые тренды на рынке труда оказались в явном противоречии с развитием системы социального страхования. В этих условиях становившаяся все более масштабной и разнообразной по форме социальная помощь была призвана компенсировать занятым в теневом секторе снижение их благосостояния и сократившийся доступ к социальным услугам.

По оценкам турецкого автора Г. Южесан-Оздемир, в период правления ПСР описанный выше процесс перестройки рынка труда получил дальнейшее развитие. Доля занятых в неформальном секторе, а значит, исключенных из системы социального страхования в общем числе занятых заметно выросла по сравнению с 1990-ми годами, превысив половину (см. табл. 35).

Таблица 35

Доля занятых в неформальном секторе (%)

1990	1998	2002	2006	2008
43,7	36,7	52,1	50,1	51,5

Составлено по: Yücesan-Özdemir G. AKP'li Yıllarda Sosyal Politika Rejimi: Kralın Yeni Elbisesi, /İktidarın Şiddeti. AKP'lı Yıllar, Neoliberalizm ve İslamcı Politikalar. [Hazırlayanlar Coşar S. ve Yücesan-Özdemir G.] İstanbul: Metis Yayınları, 2013. S.126.

Этот процесс Г. Юджесан-Оздемир связывает со снижением влияния профсоюзов и ослаблением их возможности отстоять включение работника в систему социального страхования. Согласно данным Общества социальной защиты, уровень участия наемных работников в профсоюзном движении неуклонно снижался с 1980 г., достигнув в 2008 г. минимального значения - 8% (см. табл.36).

Таблица 36

Доля наемных работников, охваченных профсоюзным движением (%)

1980	1990	1998	2000	2005	2008
47,6	42,5	24,0	16,0	14,9	8,2

Составлено по: Yücesan-Özdemir G. AKP'li Yıllarda Sosyal Politika Rejimi: Kralın Yeni Elbisesi, /İktidarın Şiddeti. AKP'lı Yıllar, Neoliberalizm ve İslamcı Politikalar. [Hazırlayanlar Coşar S. ve Yücesan-Özdemir G.] İstanbul: Metis Yayınları, 2013. S.129.

Свою роль в сговорчивости наемных работников при согласии на работу без предоставления работодателем социальных гарантий оказывает и общая неблагоприятная с точки зрения динамики долгосрочных трендов ситуация на рынке труда - повышение безработицы и сохранение на высоком уровне доли занятых неполный рабочий день или неделю (см. табл. 36).

Таблица 36

Динамика уровня безработицы в Турции (%)

	1989	1990	1995	1998	2000	2002	2009
Уровень безработицы	8,9	8,2	6,9	7,3	6,6	10,6	14,8
Уровень занятых неполный рабочий день или неделю	5,8	6,4	6,9	6,9	6,9	5,4	7,3
Общая доля безработных и не полностью занятых	14,7	14,6	13,8	14,2	13,5	16,0	22,1

Составлено по: Yücesan-Özdemir G. AKP'li Yıllarda Sosyal Politika Rejimi: Kralın Yeni Elbisesi, s.127/İktidarın Şiddeti. AKP'lı Yıllar, Neoliberalizm ve İslamcı Politikalar. Hazırlayanlar Coşar S. ve Yücesan-Özdemir G. İstanbul: Metis Yayınları, 2013, s.127.

По мнению Г. Юджесан-Оздемир, рост после 1980 г. расходов на социальную помощь и активизация местных властей в поддержке городской бедноты происходила параллельно с ослаблением в Турции социального государства (автор понимает его как государство с системой социального страхования максимально широкого охвата). «Одним из результатов популистской политики в Турции является рост бедности населения и следующее за ним распространение попрошайничества» - резюмирует автор[524]. Собственно этот вывод не расходится с официальными оценками турецкой стороны, о том, что «высокий уровень занятости в неформальном секторе наряду с низким уровнем трудового участия населения являются предпосылками того, что часть работающего и работоспособного населения пользуется программами социальной помощи»[525]. Действительно, за годы правления ПСР произошел заметный рост расходов именно на социальную помощь (% ВВП) (См. табл. 37).

Таблица 37

Доля расходов на социальную помощь (% ВВП)

2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013

[524] Ibid. S.134.

[525] 2013 Yılı Programı.18 Ekim 2012 Tarihli ve 28445 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 4 Ekim 2012 Tarihli ve 2012/3839 Sayılı 2013 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, 2012. S.246. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2013/01/20130112M1-1.htm

0,2	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,5	0,6	0,7	0,9

Составлено по: 2013 Yılı Programı. 18 Ekim 2012 Tarihli ve 28445 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 4 Ekim 2012 Tarihli ve 2012/3839 Sayılı 2013 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki, Ankara: Bakanlar Kurulu, 2012. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2013/01/20130112M1-1.htm S.259; 2010 Yılı Programı. Yüksek Planlama Kurulunun 12/10/2009 tarihli ve 2009/32 sayılı Raporu ile Bakanlar Kurulu'na sunulan ekli "2010 Yılı Programı" ile "2010 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Karar"ın kabulü; 540 sayılı Kanun Hükmünde Kararnamenin 28 inci maddesine göre, Bakanlar Kurulu'nca 12/10/2009 tarihinde kararlaştırılmıştır. Ankara, 2009. S.224. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2009/10/20091017M1-1.htm (в документе приведены данные по показателю «социальная помощь и необлагаемые выплаты» (Sosyal Yardım ve Primsiz ödemeler).

Весьма показательно, что в 2012 г. в Закон о поощрении социальной поддержки и солидарности были внесены изменения, согласно которым объектом социальной помощи отныне могли являться и граждане охваченные системой социального страхования. Официальные источники комментируют эту меру как направленную на то, чтобы предотвратить выход граждан из системы социального страхования с целью получить возможность пользоваться социальной помощью и таким образом снизить заинтересованность к занятости в неформальном секторе[526]. Содержание этих комментариев указывает на то, что в турецком обществе, по крайней мере, к моменту принятия данного изменения действительно сложилось устойчивое представление о в полной мере взаимозаменяемом характере социального страхования и социальной помощи и даже более выгодном характере последней.

При этом именно недостаточный охват системой социальной защиты (страхования) является основным предметом претензий Еврокомиссии. И если турецкая сторона обращала внимание на постепенный рост этого показателя с 79,7% в 2007 г. до 85,4% в 2011 г.[527], то Еврокомиссия делала акцент на 15% населения, остававшихся вне системы социального страхования, что недопустимо высоко по европейским меркам[528]. В этой связи перед Турцией из года в год ставится задача по выводу занятости и

[526] 2013 Yılı Programı. S.248.

[527] 2011 Annual Programme. S.238; 2013 Yılı Programı. S.247.

[528] Commission Staff Working Document. Turkey 2013 Progress Report. Brussels, 10.10.2013, p.40.

заработной платы из тени, что одновременно считается и мерой, направленной на сокращение дефицита системы социального страхования[529].

Турецкие авторы Г.Быкырезер и Ю.Демирер отмечают, что помогая занятым в неформальном секторе через систему социальной помощи, но при этом, не принимая мер, которые действительно необходимы для решения проблемы теневой занятости, например, по расширению деятельности профсоюзов, ПСР, сохраняет статус-кво, поддерживая тем самым национальный капитал в его стремлении использовать в качестве фактора роста дешевую рабочую силу. Действительно, с 2002 по 2008 г. динамика реальной стоимости рабочей силы (суммы заработной платы и социальных выплат, осуществляемых работодателем)_ в частном секторе оставалась отрицательной на протяжении четырех из семи лет, а в годы, когда ее изменения были положительными, максимальный рост составил 3,5%[530]. Далее эти же авторы справедливо отмечают бесперспективность подобного пути для Турции с учетом таких конкурентов, как Китай и Индия, а также ожидающей Турцию в перспективе остановки роста численности населения. В этих условиях будущее страны, безусловно, следует связывать с ростом качественных показателей рабочей силы, что отвечало бы курсу на вступление ЕС[531]. Только таким образом удалось бы подтвердить статус Турции как страны, «экономика которой движима эффективностью, а не факторами производства»[532]. В итоге можно говорить о нарушении в турецкой практике еще одного базового принципа Европейской социальной модели - создание *устойчивой* (курсив Н.У.) конкурентоспособной экономики[533].

---

[529] Commission Staff Working Document. Turkey 2011 Progress Report. Brussels, 10.10.2011. P.79; Commission Staff Working Document. Turkey 2012 Progress Report. Brussels, 10.10.2012. P.66; Commission Staff Working Document. Turkey 2013 Progress Report. Brussels, 10.10.2013., P.41.

[530] Ekonomik Rapor 2009. S.125.

[531] Bakirezer G., Demirer Y. Ak Partinin Sosyal Siyaseti. S.175.

[532] См. От перераспределения благ к созданию процветания: выводы из индекса глобальной конкурентоспособности (из доклада Всемирного экономического форума и Евразийского института конкурентоспособности)/ Вопросы экономики. 2011. № 8. С.14-17.

[533] Социальная Европа в XXI веке. С.176.

Таким образом, правомерно предположить, что хрупкость равновесия в сфере государственных финансов - не единственная макроэкономическая проблема, которая свидетельствует о популистском характере проводимой политики. Оказание масштабной социальной помощи, ведущей к углублению или сохранению иных дисбалансов в функционировании национальной экономики, очевидно, в той же мере может считаться проявлением экономического популизма. С этой точки зрения политика ПСР, проводимая в условиях игнорирования долгосрочных экономических рисков, вполне вписывается в категорию политики экономического популизма.

Следовательно, в эру правления ПСР экономическая (социально-экономическая) политика не утратила популистского характера, но, во-первых, благодаря снижению инвестиционной активности государства важные для борьбы за электорат социальные расходы (перераспределительную политику) удалось вписать в более сбалансированный бюджет. Поэтому, пользуясь термином З. Ониша, социальную политику ПСР можно охарактеризовать как «контролируемый неопопулизм»[534]. Во-вторых, удалось повысить политическую эффективность популизма посредством придания ему адресного характера, нацеленного на «своего» избирателя. Расширительная фискальная политика, проводившаяся партиями-предшественницами, была гораздо более затратной и менее эффективной с точки зрения обслуживания интересов избирателя, чем политика ПСР, еще раз доказывающая общее преимущество систем адресной поддержки над универсальными перераспределительными каналами. В-третьих, в условиях повышения сбалансированности государственных финансов и снижения инфляции изменился характер или конкретные проявления макроэкономических издержек популизма, но они

[534] Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. P.1, 3-4.

по-прежнему существуют, хотя и отличаются от издержек классического экономического популизма.

4.3 О несостоявшейся попытке введения бюджетного правила

Прочность макроэкономического положения Турции и то, насколько безоговорочным является разрыв с традицией инфляционного развития, которая еще к началу 2000-х годов оставалась одной из отличительных особенностей экономики страны, в большой мере определяется и наличием «внутренних стабилизационных якорей» - состоянием и направлением развития законодательной и институциональной среды в которой функционируют государственные финансы, их способностью независимо от изменений конъюнктуры обеспечивать приоритетность задач по поддержанию финансовой стабильности в национальном хозяйстве.

Одним из важных нововведений в сфере управления государственными финансами в Турции на исходе первого десятилетия XXIв., нацеленных на обеспечение своего рода гарантий сохранения финансовой стабильности, должно было стать введение так называемого бюджетного правила (fiscal rule).

Бюджетное правило представляет собой своеобразную форму финансового контроля над властью, жестко ограничивая возможность использования популистских мер экономической политики.

Заметим, что предпринятая попытка изменения законодательных рамок развития фискальной сферы экономики Турции стала опосредованным и несколько отсроченным по времени результатом концептуальных нововведений в сфере государственного финансового управления в странах Запада, где разработка их теоретических основ и активное внедрение в практику началось еще во второй половине XX в.

Основоположник теории общественного выбора Дж. Бьюкенен, обращал внимание на возможные издержки бюджетного процесса в

демократическом обществе – принятие чрезмерного бюджета[535], что привело его к мысли о необходимости «…коренной конституционной реформы[536] или даже революции»[537]. Одну из основных целей подобной реформы Дж.Бьюкенен видел в том, чтобы «грозный Левиафан»[538] оказался заключен в новые рамки[539].

О возможных формах ограничения государства писал австрийский экономист Ф.А. Хайек. При неоднозначности его отношения к институционализму, в своих поздних работах он уделял большое внимание проблеме эволюции институтов, трактуя сами институты как «порядкообразующий фактор»[540]. В вышедшей в 1976 г. работе «Частные деньги» Ф.А Хайек утверждал: «Цели управления системой государственных финансов и обеспечения страны удовлетворительной валютой совершенно различны и, по большей части, противоречат друг другу… Возлагать обе задачи на одно и то же ведомство всегда означало путаницу, и привело к катастрофическим результатам в последние годы. Это проявилось не только в том, что деньги стали главной причиной экономических колебаний, но и в неконтролируемом росте государственных расходов. Если мы хотим сохранить функционирующую рыночную экономику (и с ней индивидуальную свободу), ничто не может быть более настоятельным, чем расторжение неправедного брака между денежной и фискальной политикой, брака, который долго оставался тайным, хотя и

---

[535] Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Нобелевская лекция/Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М., Таурус Альфа, 1997. С. 22.
[536] Конституция по Бьюкенену – общественный договор, устанавливающий социальный порядок, который реализуется в определении индивидуальных прав и создании политической структуры, обеспечивающей соблюдение правил индивидуального поведения с учетом закрепленных прав. См. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном/ Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. С.305).
[537] Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном/ Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. С. 423.
[538] Имеется в виду разросшийся бюрократизированный государственный сектор.
[539] Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном/Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. С.433, 438.
[540] См. подробнее: Вольчик В.В. Институционализм: торжество мультидисциплинарности//JournalofInstitutionalStudies (Журнал институциональных исследований). 2009. Том1, №1. С.73, 76.

формально освящен кейнсианской теорией»[541]. Главная идея Ф.А.Хайека состоит в том, что стабильности цен можно достичь, только отняв у национальных правительств их монополию на создание денег. Независимый центральный банк, по его мнению, не является в этом отношении достаточно эффективным инструментом воздействия на правительства.

Разочарование в кейнсианской модели экономического регулирования на фоне обострения проблемы инфляции в 1970-е годы подготовило общественное мнение стран Запада к положительному восприятию идей тех экономистов, которые ратовали за возрождение «ограниченного» вмешательства правительства в развитие национальных экономик.

Но особенно быстро проведение бюджетно-налоговой политики, опирающейся на бюджетное правило, стало набирать популярность 1990- е годы, причем как в развитых, так и развивающихся странах. Попутно сформировалось несколько разновидностей бюджетного правила: правило, лимитирующее допустимый размер бюджетного дефицита; правило, ограничивающее размер государственной задолженности; правило, ограничивающее объем государственных расходов и правило, регулирующее размеры доходов правительства. К концу первого десятилетия 2000-х годов те или иные его разновидности использовались в более чем 80 странах, стремившихся снизить бюджетный дефицит и проводить устойчивую бюджетно-налоговую политику[542]. По мнению экспертов МВФ, к числу факторов, обусловивших заметный рост масштабов использования бюджетного правила, следует отнести в развитых странах – заметный рост социальных расходов в ходе реализации концепции социально ориентированной рыночной экономики, а в развивающихся – рост бюджетных дефицитов в связи с возросшими расходами по обслуживанию государственного долга. Общими для всех стран предпосылками стали, с

---

[541] Хайек Ф.А. Частные деньги (Перевод на русский язык работы: Denationalization of Money. Institute of Economic Affairs, London, 1976) . М.: Институт национальной модели экономики, 1996. С.89.

[542] Fiscal Rules – Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances. P.7

одной стороны, повсеместное стремление политиков получить максимально возможное количество голосов и охотное использование как нельзя более подходящих для данных целей инструментов бюджетно-налоговой политики, а с другой - рост внимания разработчиков национальных конституций к вопросам экономического развития, усиление требований общественности к прозрачности, надежности и контролируемости финансовых решений, принимаемых политиками, возросшее во многих странах стремление к поддержанию макроэкономической стабильности, сокращению бюджетного дефицита, ограничению негативного вмешательства государства в процесс экономического развития и возведению препятствий на пути проведения популистской политики[543].

Обычно в стране одновременно используется несколько видов правила. В этом отношении особенно нагляден пример стран ЕС. Как известно, в странах зоны евро согласованность фискальной политики обеспечивается обязательством каждой страны придерживаться Маастрихтских критериев. Одновременно происходил постепенный рост числа дополнительных бюджетных правил в поддержку соблюдения базовых критериев: если в 1990 г. их насчитывалось 16, то в 2008 г. – 67, из которых 26 касались регулирования размеров бюджетного дефицита, 18 – допустимых размеров госдолга, 17 – нормативов роста бюджетных доходов[544].

Глобальный финансовый кризис 2008-2009 г. и предпринятые национальными правительствами меры антикризисного регулирования привели к заметному смягчению фискальной политики в странах ЕС: по итогам 2010 г. в 23 странах из 27 был превышен лимит бюджетного дефицита в 3% ВВП, а в 13 - лимит объемов госдолга, составляющий 60% ВВП[545]. В итоге в европейскую повестку дня встал вопрос о необходимости

[543] Ibid. P.18-19.
[544] Yükseler Z. Örtülü Mali Kuraldan Açık Mali Kurala Geçiş. Ankara, Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası, 2010. S.8.
[545] Ibid. S. 9-10.

возврата к сбалансированной бюджетной политике и возможности возврата к использованию в этих целях «бюджетного правила».

Очевидно, практика фискальных ограничений для правительства весьма актуальна для развивающихся стран, особенно в период переходной демократии со свойственными ей увлечениями элит экономическим популизмом, о чем подробнее говорилось в гл.3.

Тем не менее, в Турции с 1983 г. по 1993 г. отсутствовали четкие бюджетные ограничения, а уровень прозрачности бюджетной политики оставался недостаточным. К тому же расцвет в этот период системы внебюджетных фондов, находясь в противоречии с принципом единства бюджета, приводил к ослаблению контроля за использованием значительной часть государственных расходов. Напомним, что расходы внебюджетных фондов не входят в число стандартных расходных статей бюджета и не контролировались турецким парламентом. Премьер-министр Т.Озал не только расширил систему внебюджетных фондов, но и в значительной мере подчинил ее себе, превратив в своего рода «теневую казну». Турецкая исследовательница С. Байрамоглу-Озугурлу обратила внимание на то, что окрепший в 1980-е годы институт внебюджетных фондов стал одним из проявлений общей тенденции периода, заключавшейся в усилении исполнительной власти, в том числе власти премьер-министра. Конституция 1982 г. наделила совет министров полномочиями принимать имевшие силу закона инструкции а, значит, напрямую регулировать жизнь страны[546]. Таким образом, в Турции в эти годы наблюдался довольно широко распространенный процесс слияния исполнительной и законодательной власти, о несовместимости с хорошим (финансовым – Н.У.) правлением которого писал Ф.А.Хайек. Основную проблему он видел в том, что в ходе практики демократического развития произошло стирание границ

[546] Bayramoglu-Ozugurlu S. Türkiye'de Devletin Dönuşümu: Parlamenter Popülizmden Piyasa Despotizmine //Küreselleşme, Kriz veTürkiye'de Neoliberal Donuşüm. Ed. Mütevellıoğlu, Sönmez S. İstanbul: İstanbul Bilgi Universitesi Yayınları 234 Siyaset Bilimi 25, 2009. S.270.

между законодательной и исполнительной властью, поскольку органы законодательной власти все в большей мере переключались на участие в конкретных действиях правительства, которые определяются «потребностями правительственной рутины»: «…Высшая правительственная власть получила возможность издавать для самой себя удобные ей законы, позволяющие в тои или иной момент достичь той или иной цели. Естественно, что это означало конец принципа подчиненности правительства закону»[547]. Оценивая экономическую эффективность подобного правления как низкую, Хайек писал: «Как только политика превращается в бесконечную тяжбу за долю в общем пироге, хорошее правление становится невозможным»[548].

И действительно, Турция после 1983 г. столкнулась с проблемой роста бюджетных дефицитов и ускорения инфляции. В значительной мере вырос объем государственных займов, для обеспечения которых во все большей мере привлекался краткосрочный иностранный капитал. Утратив доверие к финансовой устойчивости турецкого рынка, функционировавшего в условиях хронических бюджетных дефицитов, иностранные инвесторы начали массовый вывод своих средств из страны, что в итоге привело к финансовому кризису.

После валютно-финансового кризиса 1994 г. в Турции предпринимались попытки расширить понятие бюджета посредством включения в него всей совокупности государственных расходов, укрепить его единство и усилить бюджетный контроль, но эти меры не удалось реализовать в полном объеме. Деятельность властей по упорядочению бюджетной системы и усилению контроля над ней приобрела более активный характер после очередного кризиса 2001 г. В марте 2002 г. был принят закон № 4749 об упорядочении в сфере государственных финансов и

---

[547] Хайек Ф.А. Общество свободных. (Перевод на русский язык работы “The political Order of a Free People” (volume 3 “Law, Legislation and Liberty”. London, Routledge & Kegan Paul,1979). London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. С 153.

[548] Там же. С. 221.

управлении долгом, установивший объем предельно допустимых чистых государственных займов: в момент принятия закона о годовом бюджете должно было приниматься и решение о размере годовых займов в объеме разницы между предполагавшимися доходами и запланированными расходами. В течение года максимальный объем превышения установленного лимита ограничивался 10%. В декабре 2003 г. был принят Закон № 5018 об управлении и контроле за государственными финансами, предусматривавший использование новой соответствующей международным стандартам структуры бюджета, которая отныне должна была включать финансы всех органов системы государственного управления. Закон также предусматривал использование стандартов ЕС при управлении и контроле за госфинансами. Его положения четко определяли круг полномочий Министерства финансов: оно являлось ответственным за исполнение бюджета, определение стандартов отчетности, финансовый контроль и информирование правительства о его результатах. Закон также устанавливал право проведения внешнего аудита во всех структурах центрального правительства.

Процесс разработки и принятия закона неустанно подстегивался МВФ. Тем не менее, окончательная редакция закона не в полной мере удовлетворила специалистов Фонда, по мнению которых, турецкая сторона все же оказалась не готова полностью отказаться от сложившейся в предыдущие годы фрагментированной процедуры исполнения бюджета и обеспечить его полное единство, о чем свидетельствовал ее отказ в рамках принятого закона переложить ответственность за процесс финансирования бюджетных инвестиционных проектов с Государственной плановой организации на Министерство финансов.

Тем не менее, к 2006 г. действие закона было распространено на всю систему центральных органов государственного управления. В результате Турция перешла к расширенному толкованию бюджета, а ранее использовавшееся понятие «консолидированный бюджет» было заменено

понятием «бюджет центрального правительства». Таким образом, в бюджете стала отражаться более полная совокупность доходов и расходов государства, что позволило более корректно использовать бюджетные параметры для международных сравнений. Новым шагом на пути полномасштабной реализации Закона № 5018 стал переход Турции к использованию среднесрочных программ развития и среднесрочных финансовых планов. Синхронизируя финансовую политику со среднесрочными планами, Турция с 2006 г. перешла к системе составления трехлетних бюджетов. В итоге период с 1994 по 2010 г. определяется в турецкой экономической литературе как период действия «неявного бюджетного правила». Речь идет о попытке турецких властей добиться определенного упорядочения в сфере государственных финансов, пока не прибегая к использованию четко определенных размерных лимитов бюджетной политики[549].

Обобщая практику использования тех или иных форм неявного бюджетного правила, турецкий исследователь З.Юкселер отмечал систематически имевшие место различные формы отступления от него. Так, например, накануне вступления в силу Закона № 5018 об управлении и контроле за государственными финансами, а именно в декабре 2005 г. из-под его действия была выведена Администрация по делам жилищного строительства (TOKİ).В итоге на протяжении последующих лет итоги масштабной финансовой деятельности Администрации, связанной с возведением жилых домов на государственных земельных участках и реализацией построенной жилой площади, не учитывались в составе общей суммы государственных доходов и расходов. Одновременно Фонд занимался строительством объектов социального назначения на государственных землях на принципах взаимозачета: инвестиционные расходы компенсировались стоимостью участка. При этом в государственных инвестиционных программах учитывалась лишь та часть

[549] См., например, Yükseler Z. Örtülü Mali Kuraldan Acık Mali Kurala Geçiş.

стоимости проекта, которая превышала стоимость земли. Кроме того, не соблюдалось положение закона о доведении до широкой общественности информации о стоимости новых проектов, способных оказать существенное влияние на размеры государственных доходов и расходов. Например, общественность не была информирована о масштабах дополнительных затрат, связанных с введением таких мер, как снижение налога на прибыль, реформа системы социального страхования и др. Еще одно нарушение заключалось в том, что не всегда к установленному сроку готовились программы среднесрочного развития и среднесрочные финансовые планы. В 2009 г. в связи с заметным ростом бюджетного дефицита, обусловленного воздействием на страну глобального финансового кризиса, были внесены изменения в положения Закона № 4749 об упорядочении в сфере государственных финансов и управлении долгом, позволившие увеличить объем чистых государственных займов в пять раз - с предусмотренных законом о бюджете на 2009 г. 13,5 млрд. лир до 74,5 млрд. Не всегда обеспечивалось соблюдение финансовой дисциплины, на что ориентировали принятые законы. Так, например, средства Фонда страхования безработных перечислялись в бюджет для финансирования некоторых инвестиционных расходов, что приводило к двойному учету соответствующих доходов в бюджете. Средства, переводившиеся из Фонда жилищного строительства, использовались не на погашение казначейских долгов, а учитывались в качестве доходов бюджета, что обеспечивало искусственное завышение размеров доходной части и проч.[550]

Следует подчеркнуть, что применительно к рассматриваемой проблеме важен не столько конкретный перечень и содержание нарушений, а общий явно просматривающийся настрой правительства на их возможность и допустимость при определенных вынужденных обстоятельствах или даже вне их.

---

[550] Ibid. S. 3-4

Недостаточная приверженность следованию неявного бюджетного правила, отказ от внешнего контроля за его соблюдением ввиду решения правительства ПСР не заключать после 2008 г. новое соглашение с МВФ о стабилизационном кредите повысили неопределенность, связанную с дальнейшим развитием макроэкономической ситуации в стране. В итоге остро потребовалась посылка национальному финансовому рынку определенных позитивных сигналов. Поэтому идея заменить внешний финансовый контроль внутренним на основе теперь уже прямого бюджетного правила стала набирать силу. В стратегическом плане Министерства финансов на период 2008-2012 гг. впервые было заявлено о создании прочной финансовой структуры, *регулирующейся правилами* (курсив Н.У.)[551]. В апреле 2009 г. была опубликована Предвступительная экономическая программа на 2008 г., в которой переход к бюджетному правилу объявлялся в качестве одной из целей[552]. Кризис 2009 г., с одной стороны, сделал невозможным немедленное введение этой меры, а с другой - повышение несбалансированности в сфере госфинансов в условиях глобального кризиса (в 2009 г. впервые за долгие годы Турция не сумела обеспечить профицит первичного бюджета) усилили в обществе напряженные ожидания, связанные с введением прямого бюджетного правила, принятие которого означало бы подтверждение приверженности правительства целям финансовой стабилизации. В мае 2010 г. проект закона о бюджетном правиле был принят на рассмотрение плановой и бюджетной комиссии парламента. В пятой статье проекта[553] бюджетное правило излагалось в виде формулы: $a= y(a_{-1} –a^{*}) +k(b- b^{*})$, где

a = дефицит госфинансов на текущий год относительно ВВП;

---

[551] 2008-2012 Maliye Bakanlığı Strategik Planı. Ankara, T.C.Maliye Bakanlığı, 2008. S.14-15. URL: http://www.sp.gov.tr/documents/planlar/MaliyeBakanligiGuncelSP0812.pdf

[552] Republic of Turkey Pre-Accession Economic Programme 2008. Ankara, 2009. P.32/ URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/international/enlargement/pre-accession_prog/pep/pep-turkey-2008-2009_en.pdf

[553] Mali Kural Kanunu Tasarısı ile Plan ve Bütçe Komisyonu Raporu(1/891). Ankara, 2010. S.4. URL: http://www.tbmm.gov.tr/sirasayi/donem23/yil01/ss525.pdf/http://www.tbmm.gov.tr/sirasayi/donem23/yil01/ss525.pdf

a_{-1}= дефицит госфинансов по итогам прошлого года

a^*= запланированный на средне-долгосрочную перспективу размер дефицита госфинансов;

b= предполагаемые реальные темпы роста ВВП по итогам текущего года;

b^*= средние долгосрочные темпы роста ВВП;

y= коэффициент скорости приближения размеров бюджетного дефицита к запланированным на средне-долгосрочную перспективу;

k= коэффициент, отражающий уровень влияния экономической конъюнктуры.

Размер запланированного на средне-долгосрочную перспективу дефицита (a^*) был установлен в 1% ВВП.

Итак, согласно правилу размер дефицита в текущем году зависел как от размеров дефицита прошлого года, так и состояния экономической конъюнктуры - значения коэффициента *k*. Его изменение обеспечивало возможность проведения достаточно эластичной финансовой политики, позволяя ее адаптировать в соответствии с реалиями развития национальной экономики: в периоды активного роста ВВП (свыше 5% в год) предполагалось ориентировать экономику на повышение сбережений и более активное погашение госдолга, а в периоды низких или отрицательных темпов экономического роста допускалось проведение расширительной фискальной политики, исходя из объема дефицита, необходимого для повышения темпов роста на каждый дополнительный процентный пункт. Что касается коэффициента *y*, то его значение, варьируясь от 0 до 1, характеризовало скорость приближения планируемого размера дефицита к целевой: чем ближе значение коэффициента к 1, тем выше запланированная скорость и соответственно выше размеры планируемого профицита первичного бюджета. Закладываемое в формулу значение коэффициента должно было определяться по усмотрению властей. В рамках среднесрочной программы на 2010-2012 гг. было установлено значение коэффициента 0,33,

что означало компенсацию в течение финансового года трети (33%) разницы между установленным средне-долгосрочным целевым значением дефицита и фактическим размером дефицитом предыдущего года.

Таким образом, версия бюджетного правила, изложенная в проекте закона, имела дискреционный характер, так как устанавливаемая им на каждый год величина дефицита госфинансов могла варьироваться в зависимости как от итогов прошлого финансового года, так и конъюнктуры нынешнего, которые в совокупности могли влиять на решение правительства о том, насколько высокими темпами следует добиваться снижения дефицита до целевого уровня. Поэтому турецкий исследователь З. Юкселер определил предложения властей по регулированию фискальной политики как «опирающиеся на бюджетное правило»[554] в смысле не регулируемое им напрямую. Другой турецкий автор Ф.Кая, проанализировав теоретические работы по вопросам разработки и использования бюджетных правил, охарактеризовал вариант, избранный турецкими властями, как «альтернативное, имеющее привязку к определенному периоду» бюджетное правило[555]. В работе «Бюджетные правила – оправдание надежд на устойчивость государственных финансов», подготовленной экспертами департамента МВФ по фискальным вопросам, разновидности бюджетных правил классифицируются, в том числе, с точки зрения типов реакции на экономические шоки. Разновидность правила, избранного Турцией, представляет собой вариант политики «бюджетного равновесия, адаптированной под фазу экономического цикла», которая рассматривается, в отличие, например, от политики постоянно сбалансированного бюджета, как довольно эластичная и допускающая полную меру действия автоматических стабилизаторов, но ограничивающая применение встроенных стабилизаторов и при этом обеспечивающая более мягкий

[554]Yükseler Z. Örtülü Mali Kuraldan Acık Mali Kurala Geçiş. S.11.
[555]Kaya F. Kamu Mali Yönetiminde Yeni Dönem: Yasal Mali Kural Uygulamalarına Geçiş// Mali Kurallar. Maliye politikasi Yönetiminde Yeni bir Eğilim: Vergi, Harcama, Borçlanma vs. Uzerine Kurallar ve Sınırlar. Editörleri: Coşkun Can Aktan C. C., Kesik A., Kayda F. Ankara: T.C. Maliye Bakanligi Strateji Gelistirme Baskanligi, 2010. S.411.

вариант экономической стабилизации, чем, например, циклически сбалансированный бюджет[556].

Наконец, предложенное правило было направлено на регулирование лишь одного параметра – дефицита госфинансов. В итоге в экономических кругах страны начал дискутироваться вопрос о достаточности бюджетных ограничений, предложенных проектом закона о бюджетном правиле. Высказывалось мнение о целесообразности введения более жесткой его версии, особенно в области отчетности и контроля за исполнением. Но более реалистично настроенные аналитики подчеркивали важность неотступного следования правилу хотя бы в том виде, в котором оно было предложено в проекте соответствующего закона. Так, например, З.Юкселер подчеркивал, что выполнение бюджетного правила, контроль за этим процессом и отчетность не менее важны, чем принятие самого правила[557].

Дальнейшее развитие ситуации превзошло все тревожные ожидания, порожденные сомнениями в способности турецких властей проявить приверженность исполнению бюджетного правила: оно так и не было принято, несмотря на шумную кампанию по его разработке и одобрение проекта закона большинством в плановой и бюджетной комиссии парламента. Впрочем, те члены комиссии, которые голосовали «против», в своей резолюции выразили сомнение, в том числе, и в действительном желании правительства жить в соответствии с денежным правилом. Свое несогласие поддержать проект члены комиссии мотивировали фактами многочисленных нарушений правительством неявных правил. В их числе фигурировал и тот, что, несмотря на то, что в Среднесрочной программе от 16 сентября 2009 г. правительство объявило о том, что бюджетное правило приобретет статус закона в течение первых трех месяцев 2010 г., этого так и не произошло. «Таким образом, правительство явно продемонстрировало стремление уклониться от рассмотрения проекта закона накануне выборов

[556] Fiscal Rules – Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances. S. 35.
[557] Yükseler Z. Örtülü Mali Kuraldan Acık Mali Kurala Geçiş. S.12.

(речь идет о парламентских выборах, состоявшихся в июне 2011 г.- Н.У.)» - констатировалось в резолюции наряду с тем, что «ПСР в период своего правления не продемонстрировала той правдивости и прозрачности своей фискальной политики, которые являются необходимыми предпосылками успеха при использовании бюджетного правила»[558].

Официальной причиной того, что правило, в конце концов, так и не было принято, считается возражение «инвестирующих министерств», которые выразили обеспокоенность тем, что в случае необходимости дополнительных инвестиций их руки могут оказаться связанными такого рода правилом[559]. Подобные возражения перекликаются с особой позицией членов парламентской комиссии от оппозиции, которые так же не поддержали проект, но мотивировали свое решение тем, что использование бюджетного правила в условиях, когда структура бюджетных расходов существенно ухудшилась (речь шла о том, что ввиду необходимости повышения сбалансированности в списке расходов первой жертвой стали инвестиции), принесет повышение налогов и дальнейшее сокращение государственных капиталовложений, а значит - дальнейшее ухудшение качественных характеристик структуры государственных расходов[560].

Комментируя отказ правительства от принятия бюджетного правила, депутат от оппозиционной Народно-республиканской партии У. Оран, отметил, что премьер-министр Р.Т. Эрдоган стремится к тому, чтобы сохранить управление экономикой в своих руках. То есть суть проблемы, как это уже бывало ранее в экономической истории Турции, сводилась к неприятию основного принципа ограничения полномочий исполнительной власти и выведения из-под ее влияния механизмов рынка. С учетом того, что ограничение инвестиционных расходов в структуре бюджета происходило параллельно с ростом расходов на социальные нужды, ставших своего рода визитной карточкой ПСР для миллионов получателей различных видов

[558]Mali Kural Kanunu Tasarısı ile Plan ve Bütçe Komisyonu Raporu(1/891). Ankara, 2010. S.16.
[559]Milliyet, 02.02.2011.
[560]Mali Kural Kanunu Tasarısı ile Plan ve Bütçe Komisyonu Raporu(1/891). Ankara, 2010. S.19.

помощи и выплат, принципиальное решение вопроса о бюджетных ограничениях, видимо, действительно представлялось премьеру пугающим. Впрочем, правительство не без успеха парировало нападки тех, кто напоминал о положенном в стол законопроекте. В феврале 2011 г. министр финансов Турции М.Шимшек заявил следующее: «Я хочу вам кое-что сказать по вопросу о бюджетном правиле. В прошлом году дефицит бюджета оказался на уровне более низком, чем это предусматривалось правилом (в случае, если оно было бы принято – Н.Ю.). И на 2011 г. планируется бюджетный дефицит более низкий. Мы следуем бюджетному правилу, просто не называя его так, а это, по меньшей мере, так же важно, как само правило»[561]. И действительно, как показали расчеты экспертов на основе формулы бюджетного правила, размер дефицита всей системы госфинансов должен был бы составить по итогам 2011 г. 3,8% ВВП, но в реальности он исчислялся всего 0,1%. На 2012 г. уровень, предусмотренный бюджетным правилом, должен был составить 2,87% ВВП против 1,0% в реальности[562].

Таким образом, задача поддержания финансовой стабильности посредством проведения ограничительной фискальной политики оставалась важным, но не абсолютным приоритетом правящей Партии справедливости и развития. Правительство, очевидно под давлением премьер-министра, сделало выбор в пользу возможности эластичного подхода, который позволил бы прибегнуть к смягчению бюджетной политики, но лишь в критической ситуации. Финансовая стабильность, предсказуемость развития экономки стали важными факторами улучшения предпринимательской среды в стране, а значит, и той уверенной динамики роста, на которой основывалась популярность экономической политики ПСР. Поэтому лидеры партии в полной мере осознавали значимость бюджетной дисциплины. Но они предпочли оставить за собой право отказаться от нее в случае, если соотношение выгод и потерь, связанных с финансовой стабилизацией,

[561]Milliyet, 02.02.2011.
[562]Kaya F. Kamu Mali Yönetiminde Yeni Dönem: Yasal Mali Kural Uygulamalarına Geçiş. S.413; Ekonomik Rapor 2013. Ankara, TOBB, 2014. S.229.

изменится. Таким образом, финансовая стабилизация – выбор, который они были готовы защищать, но не любой ценой.

Следует обратить внимание и на довольно сдержанную оценку успехов в сфере реформы управления государственными финансами (иначе, в сфере применения неявного бюджетного правила), которая содержится в подготовленной экспертами Всемирного банка работе «Трансформация Турции», согласно которой начавшиеся изменения, несмотря на реформы, инициированные после 2001 г., остаются незавершенными. В качестве критерия завершенности рассматривается переход к неукоснительному регулированию государственной финансовой сферы на основе принятых законов. Между тем, отмечались политические предпочтениями в пользу сохранения определенной меры эластичности бюджетных расходов на протяжении года в условиях, когда парламент делегировал полномочия по определению окончательного объема расходов Министерству финансов. Значительные объемы непредусмотренных расходов, составляющие до 10% от их запланированного объема, расценивались как симптомы стремления к сохранению свободы бюджетного маневра, против чего изначально и был направлен Закон об управлении и контроле за государственными финансами. В то же время отмечалось, что правительство само ограничило свободу распоряжения бюджетными средствами в результате повышения заработной платы в госсекторе и увеличения расходов по социальным статьям[563].

Таким образом, сам факт отказа от принятия бюджетного правила при сохраняющейся незавершенности в системе реформирования управления государственными расходами означает, что пути возврата в инфляционное прошлое Турции формально остаются открыты.

[563]Turkey's Transition. Report № 90-509- TR. Wash., The World Bank, 2014. P. 241, 243.

4.4 История взаимоотношений правительства ПСР и МВФ (как и почему Турция отказалась от «внешнего якоря» финансовой стабилизации)

Как следует из материала раздела 4.3, в первое десятилетие 2000-х годов усилия турецкого правительства по переходу к более сбалансированной бюджетной политике предпринимались при постоянном взаимодействии и контроле со стороны МВФ, который таким образом стремился выполнить роль «внешнего якоря» финансовой стабилизации.

Итак, в 1999 г. между Турцией и МВФ уже далеко не первый раз в послевоенной экономической истории страны было подписано очередное соглашение о стабилизационном кредите сроком на 3 года, а в феврале 2002 г. – следующее на аналогичный срок. Таким образом, первая предвыборная компания Партии справедливости и развития пришлась на период активного сотрудничества Турции с Фондом. Заявления лидеров ПСР свидетельствовали о намерении подвергнуть отношения с МВФ радикальным изменениям.

В предвыборной программе (декларации) ПСР[564] экономический рост рассматривался как приоритетный по отношению к задаче экономической стабилизации. В экономической части программы экономическая стабилизация вообще не фигурировала в числе основных целей, равно как и отсутствовал специальный перечень мер по финансовому урегулированию и борьбе с инфляцией. Правда, в числе важных задач в области экономики называлось проведение реалистичной, долгосрочной, реформистской и динамичной экономической политики в противовес краткосрочным,

[564] 2002 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Her sey Türkiye için. Ankara, AK Parti, 2002. URL: http://www.akparti.org.tr/site/dosyalar#!/26.-donem-milletvekili-adaylik-basvuru-dosyalari

популистским мерам.

Но в тесно связанном по содержанию с проблемой стабилизации подразделе программы «Государственные финансы» подчеркивалось, что ПСР рассматривает сбалансированность и экономическую стабильность как базовые принципы при подготовке бюджета. В подразделе «Налогообложение» на фоне сбалансированного бюджета предусматривалось снижение налоговых ставок наряду с упрощением и унификацией налоговой системы. При этом налоги планировалось использовать более эффективно, преимущественно на социальные и экономические цели, а не для решения финансовых задач правительства, то есть обслуживание долга. Подобные задачи резко диссонировали с тяжелыми реалиями, которые были присущи сфере государственных финансов Турции в 2002 г.: первостепенное значение имела задача сокращения бюджетного дефицита, поэтому поддержание сбалансированного представлялось благой, но невыполнимой в ближайшем будущем задачей. Правда, в подразделе программы «Государственный долг», все же признавалось, что «дефицит госфинансов продолжает оставаться выше допустимых размеров, что порождает проблемы, оказывающие воздействие на всю экономику: государство стало крупнейшим покупателем активов на финансовом рынке; средства, которыми мог бы воспользоваться частный сектор, становятся для него недоступными, растут процентные ставки, а экономика получает нездоровое развитие»[565]. Однако для сокращения потребностей госсектора в заемных средствах предлагалась «мобилизация новых источников» наряду с повышением эффективности и продуктивности при предоставлении государственных услуг. При этом привычное риторике происламских партий понятие «новые источники» не расшифровывалось,

[565] Ibid.

что делало неясными перспективы достижения финансовой стабилизации в стране.

В октябре 2002 г. Р.Т. Эрдоган выступил с заявлением о намерении отсрочить выплаты по погашению государственного долга. Немедленная негативная реакция фондового рынка вынудила представителей партии дать многочисленные публичные разъяснения, в которых они пытались убедить, что речь шла лишь о том, что рекомендованный МВФ профицит бюджета в размере 6,5% ВНП для Турции слишком высок, и партия в случае победы намерена вступить в переговоры с МВФ о его снижении[566]. Таким образом, ПСР все же признала готовность следовать предложенной МВФ схеме урегулирования госдолга, но с некоторыми смягчающими корректировками в целях резервирования средств на социальные расходы. Таким образом, по мере приближения ПСР к статусу партии власти начала обнаруживаться определенная эластичность ее взглядов и принципов, прагматичная способность к их примирению с экономической реальностью и замене идеальных целей более достижимыми в данное время в данных условиях.

23 ноября премьер-министр от победившей на парламентских выборах Партии Справедливости и развития А. Гюль огласил программу своего правительства[567]. Приоритетность первичного профицита в качестве инструмента урегулирования проблемы госдолга оставалась незыблемой. Иначе говоря, новое правительство в этом принципиальном вопросе в конечном итоге оказалось преемником «Программы построения сильной экономики Турции». Но в тексте сохранился важный предвыборный тезис ПСР о стремлении к достижению компромисса между финансовым урегулированием, с одной стороны, и экономическим ростом и

[566] Millıyet. 12.10.2002.
[567] 58. Hükümet Programı. Ankara, 2002.URL: https://www.akparti.org.tr/upload/documents/58inci-hukumet-programi.pdf

поддержанием на определенном уровне социальных расходов правительства - с другой.

Комментируя программу правительства, газета «Дюнья» отмечала использование в ее тексте пространных и обтекаемых формулировок по пунктам, которые являлись наиболее привлекательными в предвыборной программе Партии справедливости и развития: «Горячие обещания выборной поры уступают место холодным реалиям состоявшейся власти»[568]. Четкое осознание жестких взаимосвязей в экономике Турции, трезвое понимание того, что период фискального сдерживания и ограниченного экономического роста есть неизбежная цена финансовой стабилизации, вне рамок которой невозможно преодоление периода систематических кризисов – все это свидетельствовало об экономическом реализме и действительной готовности нового правительства нести ответственность за проводимую политику.

За несколько дней до представления парламенту программы правительства, 16 ноября 2002 г., лидер Партии справедливости и развития Р.Эрдоган огласил «План срочных действий» будущего правительства, являвшийся своего рода программой обязательств на ближайший год[569]. «План срочных действий» дублировал основной концептуальный подход правительственной программы, но в то же время был нацелен на достижение более определенного компромисса между проведением жесткой фискальной политики, как того требовал МВФ, и усилением социальной направленности политики нового правительства, и таким образом, в большей мере сохранил связь с основными популистскими предвыборными обещаниями, чем оказавшаяся довольно сдержанной программа нового правительства. Очевидно, что некоторая противоречивость двух почти одновременно появившихся документов,

[568] Dünya, 25.11.2002.
[569] Kumcuoglu Ü. A review of economic developments: what are AKP's plans// Turkish policy quarterly. 2003, Spring. P.98-99.

которые содержали декларацию намерений правительства в экономической политике, отражали как внутреннюю борьбу в рядах теперь уже правящей ПСР, так и несовпадение во взглядах ее лидеров. Итогом этой борьбы должно было стать примирение популистских устремлений с реалиями макроэкономики Турции.

Процесс поиска и достижения подобного баланса отразился и на характере взаимоотношений нового правительства с МВФ. По соглашению с Международным валютным фондом от февраля 2002 г. Турции должны быть предоставлены средства в объеме около 15 млрд. долл. В качестве программных целей на период действия соглашения (2002-2004 гг.) в специальном письме от 18 января 2002 г. за подписью вице-премьера, курирующего вопросы экономического развития, К. Дервиша и главы Центрального банка С.Серденгечти провозглашались надежная защита экономики от новых кризисов и создание базы для устойчивого экономического роста, для чего, в первую очередь, планировалось восстановить финансовую и макроэкономическую стабильность и осуществить структурные реформы. В 2003-2004 гг. намечался переход к экономическому росту при продолжении политики дезинфляции и уменьшении госдолга[570].

Технически процесс кредитного сотрудничества с МВФ предусматривал, что выделению очередного кредитного транша предшествовала подготовка так называемого Письма о намерениях за подписью двух выше упомянутых официальных лиц. Письмо являлось одновременно и отчетом о достижении ранее согласованных с МВФ в рамках стабилизационной программы параметров макроэкономического развития, и изложением дальнейших шагов турецкой стороны по исполнению принятых на себя обязательств. После подготовки письма команда специалистов МВФ приступала к работе над очередным Отчетом

[570] URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/0185df26-3be6-4172-b851-526f78c61658/standby2002-2004.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=0185df26-3be6-4172-b851-526f78c61658

по соглашению о резервных кредитах. В случае если отчет содержал положительное заключение специалистов Фонда, МВФ выделял очередную порцию кредита.

Неизбежность нарастания напряжения во взаимоотношениях нового правительства и МВФ следовала из основных трендов макроэкономической динамики к середине апреля 2003 г., то есть к тому моменту, когда специалисты МВФ начали работу над четвертым Отчетом по соглашению о резервных кредитах. В Письме о намерениях от 5 апреля 2003 г.[571] правительство признало слабую приверженность стабилизационной программе МВФ и отставание в достижении ряда намеченных ею макроэкономических параметров и проведении структурных реформ. В частности, трудности возникли при проведении фискальной политики: по состоянию на конец декабря 2002 г. не был достигнут намеченный объем первичного профицита, что объяснялось как повышением расходов, так и сокращением бюджетных доходов в период, предшествовавший досрочным парламентским выборам, то есть до ноября 2002 г. В итоге правительство Турции просило признать за ним право на отказ от соблюдения обязательств по обеспечению размеров первичного профицита к декабрю 2002 г. Данная постановка вопроса должна была подчеркнуть, что новое правительство не отрицало необходимости достижения согласованных макроэкономических критериев или же проведения структурных реформ. Оно апеллировало к объективным препятствовавшим факторам и просто не сумело бы ликвидировать отставание от намеченных показателей в короткий период, остававшийся до окончания года. Правда, реализованными оказались пункты «Плана срочных действий», находившиеся в противоречии с установками Фонда - объявление налоговой амнистии, начало широкомасштабного

[571] 4.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 05.04.2003. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/911dc502-8ceb-4ede-b5dd-82b2c0ac6706/4gg_nm_tr.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=911dc502-8ceb-4ede-b5dd-82b2c0ac6706

инфраструктурного строительства. Тем не менее, в письме о намерениях правительство твердо заявляло о приверженности стабилизационной программе: «Новое правительство исполнено решимости следовать проводимой в Турции политике экономических реформ». Достижение профицита по всей системе госфинансов в размере, рекомендованных программой МВФ 6,5% ВНП, объявлялось важнейшей задачей как с точки зрения повышения доверия правительству, так и снижения размеров государственного долга: «В течение 2004 г., а также в среднесрочной перспективе мы будем верны нашей цели – обеспечить первичный профицит в размере 6,5% ВНП. В случае если возникнет необходимость пересмотреть перспективы снижения государственного долга, мы будем готовы обсудить пути решения этой задачи через посредство активных консультаций с Фондом, исходя из того, что это соответствует нашей цели снизить государственный долг до уровня, допускаемого Маастрихтским договором»[572]. Для подтверждения своего намерения по соблюдению запланированного размера первичного профицита правительство с учетом того факта, что по итогам 2002 г. он достиг всего лишь 2,5% ВНП, подготовило фискальные меры, применение которых должно было обеспечить дополнительные доходы в размере 4,9% ВНП – повышение акцизов на табак и алкоголь, повышение налога на автотранспортные средства и недвижимость, рационализация государственных инвестиционных программ, жесткие ограничения заработной платы в госсекторе и ограничение роста расходов при повышении эффективности использования средств в здравоохранении и социальном страховании. «Мы принимаем активные меры, направленные на то, чтобы вернуть фискальную политику к намеченной траектории» - резюмировалось в письме[573].

[572] Ibid.
[573] Ibid.

В начале марта 2003 г. на рассмотрение парламента был предложен проект бюджета, который предусматривал выход на запланированный уровень первичного профицита. 29 марта парламент проголосовал за предложенный бюджет. Принятие бюджета, предусматривавшего оговоренный размер первичного профицита, означало выполнение предварительного условия начала работы над очередным Отчетом по соглашению о резервных кредитах.

Приверженность правительства стабилизационной программе МВФ аргументировалась и определенными достижениями в сфере структурных реформ. В частности, в конце марта 2003 г. на рассмотрение в парламент были направлены предложения правительства по реформе системы прямого налогообложения. Правда, к числу структурных реформ правительство отнесло и объявление не поддержанной МВФ налоговой амнистии, хотя при этом и подчеркивалось, что данный шаг является последним шансом такого рода, предоставляемым налогоплательщикам: «В дальнейшем не будет ни налоговых амнистий, ни реструктуризации налоговых выплат»[574].

Вместе с тем, правительство заявило о намерении придерживаться заявленных ранее социальных ориентиров своей политики: «Оставаясь приверженным политики дезинфляции и стабилизации, правительство признает жизненную важность социальной защиты наиболее уязвимых слоев населения для успешного продолжения реформ …Наша фискальная программа на 2003 г. в полной мере обеспечит запланированные социальные расходы». К апрелю 2003 г. правительство успело осуществить дополнительные поддерживающие выплаты пенсионерам в размере 0,9% ВНП. Суммарные социальные расходы, включая

[574] Ibid.

здравоохранение, образование и социальные выплаты, планировалось повысить до 17,9% ВНП против 17,5% в 2002 г.[575]

Таким образом, в экономической политике нового правительства на первых этапах проявлялась наметившаяся еще в период предвыборной борьбы пусть и ограниченная, но все-таки попытка противостояния требованиям МВФ, особенно по вопросам социальной политики, что привело, по общему признанию, к сложностям в ходе подготовки очередного четвертого Отчета. Показательно, что турецкие власти высказались против того, чтобы четвертый Отчет МВФ был опубликован в Турции, принимая во внимание возможную «чувствительность», а проще говоря – негативную реакцию рынка на его выводы. Данное обстоятельство указывает на серьезные противоречия в интерпретации хода стабилизационных мероприятий правительством Турции и МВФ.

В июле 2003 г. турецкая сторона направила руководству МВФ пятое письмо о намерениях[576]. Его структура, равно как и содержание позволяют судить об известном сближении позиций сторон.

В качестве предварительного условия завершения работы над пятым Отчетом по соглашению о резервных кредитах турецкая сторона, во-первых, информировала о мерах, предпринятых ею для того, чтобы по итогам года обеспечить запланированный размер первичного профицита для системы госфинансов размере 6,5% ВНП: сокращении текущих, трансфертных и инвестиционных расходов на 1200 трлн. тур. лир, но при сохранении неизменными объемов расходов на здравоохранение и образование; повышении цен на алкоголь и табачные изделия с тем, чтобы обеспечить дополнительные доходы в объеме 250 трлн. лир; привлечении в бюджет специальных доходов в объеме 500 трлн. лир. Правительство

[575] Ibid.
[576] 5.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 25.07.2003. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/39b6d996-fe18-4950-a049-dd55e15d4435/5ggnmtur.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=39b6d996-fe18-4950-a049-dd55e15d4435

заверяло в готовности принять в случае необходимости дополнительные меры по обеспечению первичного профицита: «Благодаря новым фискальным мерам мы верим, что в ближайшем будущем мы будем способны продемонстрировать рекорд в достижении первичного профицита и создать себе репутацию правительства, соблюдающего фискальную дисциплину» [577].

Одновременно правительство заявило о намерении придерживаться аналогичных фискальных критериев в 2004 г. При этом для того, чтобы избежать дальнейшего роста налоговой нагрузки, основной акцент предполагалось сместить на сокращение расходов. Поэтому предложения по бюджету на 2004 г. состояли в том, чтобы реальный рост всех расходных статей, за исключением процентных расходов, составил 0%. Предлагалось также отказаться от осуществления новых инвестиционных проектов, за небольшим исключением, которое должно было состоять из остро необходимых объектов.

Наиболее существенными особенностями пятого письма, стало значительное сокращение числа обращений по тексту к проблемам социальной политики. Дело ограничилось лишь мимолетным упоминанием намерения правительства защитить объем расходов на здравоохранение и образование в ходе сокращения бюджетных расходов для выхода на запланированный объем первичного профицита.

Позиция специалистов МВФ как в отношении экономической политики правительства ПСР, так и положений подготовленного им пятого письма о намерениях была изложена в Отчете от 25 июля 2003 г.[578] Анализ

---

[577] Ibid.

[578] Turkey. Fifth Review Under the Stand-By Arrangement and Request for Waiver of Performance Criteria and Extension of Repurchases Expectations. Wash., International Monetary Fund, 2003. URL: https://books.google.com.tr/books?id=3tubwZkRYMQC&pg=PT50&lpg=PT50&dq=IMF.+Turkey.+Fifth+Review+Under+State-By+Arrangement&source=bl&ots=kHMmXekZm0&sig=90rNtUlGxwIbwcyaKcCVvjLywII&hl=tr&sa=X&ei=omv4VNnvK4efygOakYHoBw&ved=0CDkQ6AEwBQ#v=onepage&q=IMF.%20Turkey.%20Fifth%20Review%20Under%20State-By%20Arrangement&f=false

отчета позволяет выявить сохранение определенных противоречий во взаимоотношениях правительства и Фонда. В начале отчета выражалось сожаление по поводу того факта, что «внимание правительства к последовательному исполнению программы ослабело после завершения работы над четвертым Отчетом, и работа над пятым Отчетом не смогла быть завершена в мае, как это планировалось. В последние недели правительство проявило большую решимость выполнить свои обязательства, и в июле миссии МВФ удалось достичь согласия по тем мерам, которые следовало принять для завершения работы над Пятым отчетом»[579]. С учетом имевших место «отклонений от программы» специалисты Фонда сделали основной акцент на необходимости четкого следования предусмотренному ею экономическому курсу. По их мнению, работа над четвертым и пятыми отчетами проходила в условиях увеличивающегося отрыва от соблюдения намеченных фискальных параметров и промедления в осуществлении ряда структурных реформ. Правительство привело несколько причин в оправдание имевших место задержек, как-то смещение акцента в своей деятельности в пользу приведения законодательства в соответствии с требованиями ЕС, необходимость достижения в обществе политического консенсуса. Но несмотря на отмеченные сложности в исполнении программы, специалисты Фонда с удовлетворением констатировали, что правительство не ставило под вопрос необходимость достижения программных целей, равно как и предусмотренных структурных реформ и подтверждало свою решимость обеспечить их реализацию, несмотря на то, что для того, чтобы вернуть программу в русло реального исполнения, требовались значительные усилия.

Специалисты обратили внимание на рост разрыва между запланированным и фактическим показателем объема первичного

[579] Ibid.

профицита системы госфинансов. Согласившись с перечисленными в Письме о намерениях причинами несоответствия, они в то же время связали значительное сокращение налоговых поступлений с укоренившимся в обществе, благодаря заявлениям официальных лиц, убеждением, что в будущем практически неминуемо будут объявлены новые амнистии по уплате налогов. К середине 2003 г., более очевидным стало негативное среднесрочное воздействие амнистий на динамику государственных доходов.

В материалах Отчета отмечалось, что правительство осознавало, что для того чтобы в 2004 г. избежать увеличения разрыва с запланированным уровнем первичного профицита по всей системе госфинансов, ему потребуется принять дополнительные меры. Но при этом позиция Фонда состояла в предпочтительности ограничении роста налогов и введении жестких лимитов на расходы.

Турецкая сторона согласилась с необходимостью ограничения расходов посредством недопущения их реального роста, но опасалась, что данная задача окажется сложной с учетом предполагавшегося значительного роста недискреционных расходов, в частности, по оказанию прямой поддержки сельскохозяйственным производителям. При этом мнения Фонда и правительства совпали в вопросе о необходимости расширения налоговой базы.

В Отчете были отмечены значительные расхождения позиций сторон в вопросе о способах урегулирования проблем системы социального страхования (речь шла о государственных организациях социального страхования, занятых обслуживанием частного сектора). Поначалу правительство предприняло попытку решить проблему посредством объявления всеобщей амнистии, полагая, что таким образом ему удастся стимулировать легализацию значительной части теневой экономики.
Однако Фонд жестко воспротивился проведению очередной амнистии,

полагая, что даже если данная акция и спровоцирует краткосрочный приток поступлений, в целом она приведет к ослаблению налоговой дисциплины и окажется в прямом противоречии с четким обязательством турецкой стороны по отказу от налоговых амнистий, которое было включено в последнее Письмо о намерениях[580]. Турецкая сторона согласилась отказаться от использования новых амнистий в отношении уплаты государственных доходов.

Таким образом, анализ Пятого отчета МВФ обнаруживает наличие более значительных, нежели это следует из Письма о намерениях, противоречий в позициях Фонда и турецкой стороны по вопросам реализации стабилизационной программы. Основная часть этих противоречий по-прежнему концентрировалась вокруг вопросов, связанных с сохранением предвыборного имиджа ПСР как партии, намеревавшейся противостоять МВФ в наиболее «чувствительных» для избирателей вопросах. Иными словами, бескомпромиссности МВФ в вопросах последовательной финансовой стабилизации противостояло настойчивое стремление правительства ПСР найти более мягкий, социально ориентированный вариант реализации программы, который допускал бы ряд послаблений в пользу избирателей и сохранение лица партии. Тем не менее, к удовлетворению МВФ, противоречия с новым правительством не выходило за рамки отдельных вопросов, что свидетельствовало о принятии стабилизационной концепции МВФ в целом.

Шестое письмо о намерениях, подготовленное в связи с началом работы над шестым Отчетом по соглашению о резервных кредитах можно рассматривать как своего рода итоговый документ, обобщающий

[580] Ibid.

результаты экономической политики правительства ПСР по истечении первого года его деятельности[581].

На момент его подписания - 31 октября 2003 г. - Турецкая сторона признала отставание в достижении некоторых из основных критериев согласованной с МВФ стабилизационной программы, в частности, в обеспечении первичного профицита системы госфинансов. Но в связи с этим был поставлен вопрос не о праве турецкой стороны на отказ от выполнения критерия, а о ее праве отказаться от оценки состояния профицита на конец октября, так как принятые турецким правительством меры позволяли ожидать лучших результатов к концу года.

В качестве достижения правительства отмечались благоприятные прогнозы по уровню инфляции: с начала года он составил 14%, что позволяло оценивать как весьма реалистичную задачу выхода к концу года на уровень в 20%. Темпы роста экономики по итогам года обещали превысить запланированный уровень в 5%.

Значительная часть письма посвящалась уточнению планов правительства в сфере экономики на 2004 г., суть которых сводилась к дальнейшему обеспечению устойчивого макроэкономического развития при темпах роста в 5%, уровне инфляции – 12%. Отношение первичного профицита по всей системе госфинансов к ВНП вновь планировалось обеспечить в объеме 6,5%. В этих целях планировался нулевой рост реальных расходов правительственного бюджета, введение ограничений на дополнительный наем госслужащих и прекращение дополнительного найма рабочих на госпредприятия. Отсутствие реального роста бюджетных расходов означало снижение их доли в ВНП на 0,75%[582]. При этом долю социальных расходов в ВНП предполагалось сохранить на прежнем уровне.

---

[581] 6.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 31.10.2003. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/5176c44b-e329-483b-8346-44c49abbd4c8/LOI+%281%29.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=5176c44b-e329-483b-8346-44c49abbd4c8

[582] Ibid.

Одновременно предполагалось увеличение некоторых налогов и сборов и их трансформация в более эффективный и постоянный источник дохода. Важное значение придавалось расширению налоговой базы за счет легализации теневой экономики.

Таким образом, общая тональность Письма о намерениях, подготовленного для начала работы над шестым Отчетом по соглашению о резервных кредитах подтверждала курс правительства, не только текущий, но и стратегический, на выполнение требований стабилизационной программы МВФ посредством компенсации имеющегося отставания в ее реализации и разработки механизмов ее четкого выполнения в дальнейшем.

Окончательные итоги развития экономики Турции в 2003 г. были подведены в тексте седьмого Письма о намерениях от начала апреля 2004 г.: экономический рост составил около 6%, что превысило запланированный показатель в 5%; годовой уровень инфляции снизился до 18,5%, что было ниже целевого показателя 20%, заложенного в стабилизационную программу; первичный профицит для всей системы госфинансов достиг 6% ВНП, что не только превысило целевой уровень 2003 г., но и явилось самым высоким показателем в истории Турции, превзошедшим на два процентных пункта максимум 2002 г. [583]

Влиятельная организация крупного бизнеса Турции – Союза торговых и промышленных палат (ТЮСИАД), с удовлетворением писала, оценивая деятельность правительства: «Правительство ПСР, пришедшее к власти в результате последних выборов, хотя и с опозданием, все же продемонстрировало готовность продолжить стабилизационную экономическую программу. И несмотря на то, что время от времени оно посылает обществу довольно противоречивые сигналы, оно сумело доказать свою решимость следовать основным положениям программы. В

[583] 7.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 02.04.2004 URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/f58219fe-565c-45bd-853e-18c6fc44e6de/loi.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=f58219fe-565c-45bd-853e-18c6fc44e6de

условиях, когда экономические ожидания концентрируются не только вокруг экономической политики правительства или макроэкономических реалий, но и вокруг возможности получения помощи или кредитов от международных организаций, правительство вновь обратилось к программе стабилизации и переговорам с МВФ, обеспечив соблюдение финансовой дисциплины…»[584].

Организация идейно более близкого ПСР среднего и мелкого анатолийского бизнеса МЮСИАД в своем отчете подчеркивала: «Не будет ошибкой утверждать, что проводимая в настоящее время программа не является оригинальной программой, подготовленной ПСР в соответствии со своими политическими и общественными предпочтениями, а представляет собой вынужденный продукт тяжелых условий, в которых развивалась турецкая экономика, оказавшись заключенной после 1991 г. в порочный круг. В результате приходящие к власти независимо от своих политических убеждений вынуждены демонстрировать шоу «однотипного» платья, которое им приходится примерять. Поэтому более правильно было бы оценивать не собственно экономическую деятельность правительства ПСР, а его технические функции по реализации программы, предложенной МВФ, которая при этом активно пропагандируется как единственно правильная, порожденная парадигмой реального состояния экономики страны»[585].

Поощряемое более или менее единодушной поддержкой национального бизнеса, правительство в тексте Письма о намерениях от 2 апреля 2004 г. подтвердило свою приверженность как макроэкономическим целям стабилизационной программы, так и предусмотренным ею структурным реформам.

---

[584] Türkiye Ekonomisi 2003. Istanbul, TÜSİAD, 2003. S.17.
[585] Hükümetin Performansı (Kasım 2002 – Aralik 2003) Araştırma Raporları: 44. Ankara, MÜSİAD, 2004. S.20.

В качестве краеугольного камня фискальной политики правительства, как и прежде, фигурировало обеспечение первичного профицита по всей системе госфинансов в объеме 6,5% ВНП. Однако далее в письме пояснялось: «Недавнее минимальное повышение зарплат и пенсий, продиктованное нашей озабоченностью положением наиболее уязвимых слоев турецкого общества, создало определенную угрозу для достижение фискальной цели данного года в условиях, когда доходы оказались ниже ожидаемых[586]. Поэтому мы применим ряд корректирующих мер, которые должны обеспечить дополнительный совокупный доход в объеме 7000 трлн. тур. лир или же 1,7% ВНП на протяжении оставшейся части 2004 г. Начало их применения явилось предварительным условием завершения работы над Седьмым отчетом. Многие из этих мер будут носить постоянный характер и будут способствовать достижению не только текущих фискальных целей, но и среднесрочных»[587]. В частности предусматривалось, оставив неприкосновенными расходы по социальным программам, сократить объемы финансовых льгот для инвестиций, что должно было обеспечить экономию средств в размере 1% ВНП, повысить акцизные сборы с нефти, табачных изделий, алкоголя и газа в расчете на дополнительный доход в объеме 0,5% ВНП[588].

Таким образом, изложенные в письме планы свидетельствовали о готовности правительства твердо следовать стабилизационной программе, согласованной с МВФ, но с уже привычными оговорками, которые должны были отразить стремление властей к сохранению выраженной социальной составляющей своей политики. К такого рода оговоркам можно отнести и сохранение намеченных объемов социальных расходов при неизбежном секвестировании их общего объема.

---

[586] В результате принятых шагов правительство на момент начала работы над седьмым отчетом было вынуждено запросить право на отказ от соблюдения критерия по первичному профициту.
[587] 7.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu.
[588] Ibid.

Вторая половина 2004 г. стала периодом, когда определялись перспективы дальнейших отношений Турции с МВФ, так как правящая партия получила гипотетическую возможность по окончании срока действующего соглашения перейти к самостоятельному выстраиванию своей экономической политики, но уже без кредитной поддержки МВФ. С одной стороны, экономический реализм, проявленный правительством ПСР, вряд ли имел конструктивную альтернативу. С другой стороны, усиление налогового прессинга в сочетании с политикой фискального сдерживания стали наталкиваться на сопротивление, хотя и сдержанное, различных слоев турецкого общества, что оказалось новым испытанием для ПСР.

В конце апреля 2004 г. Стамбул по приглашению издательского дома Хюррийет (Hürriyet) и Акбанка посетил известный американский экономист Дж. Стиглиц, известный своими резко негативными оценками макроэкономических рецептов МВФ. В ходе встречи с представителями турецкой прессы Дж. Стиглиц изложил свое видение взаимоотношений Турции и МВФ. Касаясь перспектив заключения между ними нового соглашения, он заявил: «Близкие отношения с МВФ опасны. Чем дальше ваши отношения, тем лучше. Прежде чем подписывать соглашение с МВФ сформулируйте то, что вы считаете правильным, и именно это обсуждайте с МВФ. Если же политика, которую вам предлагает Фонд, не соответствует вашим представлениям о правильном, не следуйте ей. Потому что в этом случае, придерживаясь политики МВФ, вы нанесете себе гораздо больший вред, чем отказавшись от нее. Аргентина не следует программе МВФ и демонстрирует экономический рост в 8%. Россия, Чили и в значительной степени Бразилия не следуют программам МВФ» [589].

Что касается подходов МВФ к урегулированию долга и инфляции, то, по мнению Дж. Стиглица, Фонд, демонстрируя тип мышления

[589] Hürriyet. 29.05.2004.

национального центрального банка, игнорирует такие действительно важные параметры развития национальной экономики, как занятость и рост производства. «Служащие Центрального банка думают только о том, чтобы взять под контроль инфляцию. Другие экономические переменные их особенно не интересуют» - пояснил свою мысль американский экономист. В то же время Стиглиц отметил, что инфляция, составляющая 10-12% в год, не влечет за собой серьезных негативных последствий. «Выработайте свою собственную экономическую программу и найдите баланс между инфляцией, производством, экономическим ростом и занятостью. Не ограничивайтесь только контролем над инфляцией… Европейский Центральный банк, несмотря на то, что инфляция составляет лишь 2%, продолжает проводить политику жесткого контроля над ростом денежного предложения. Из-за этого Европа не может продемонстрировать экономический рост. Федеральный Банк США проводит политику, в рамках которой уделяется внимание росту и занятости, и поэтому США после короткой стагнации вновь способны перейти к экономическому росту…В Турции наблюдаются позитивные тенденции… Аналитики сходятся во мнении, что дальнейшего роста экономики в стране не будет происходить. Я не хочу разделять этой оценки», - резюмировал свои рекомендации Дж. Стиглиц[590].

Но занявший к тому моменту пост вице-премьера по вопросам экономического развития А. Бабаджан равно, как и глава Центрального банка С.Серденгечти заняли твердую позицию, которая свидетельствовала об отсутствии каких-либо намерений менять избранный курс. 22 июня 2004 г. А. Бабаджан выступил перед прессой в связи с завершением работы комиссии МВФ над восьмым Отчетом по использованию стабилизационного кредита. В качестве среднесрочных целей правительства А.Бабаджан назвал необратимое снижение инфляции до

[590] Ibid.

уровня, исчисляющегося однозначной цифрой, создание макроэкономической обстановки для устойчивого экономического роста, поддержание бюджетной дисциплины и снижение отношения госдолга к ВНП[591]. В начале июля глава Центрального банка выступил с заявлением, в котором, в частности говорилось: «Следует подчеркнуть необходимость продолжать программу, которая нацелена на развитие достигнутых успехов и проведение структурных реформ. В имеющихся позитивных сдвигах велика роль программы, осуществлявшейся на протяжении последних трех лет. Так как программа начала давать ожидаемые результаты, крайне важно ее продолжать, сделав при этом особый акцент на углублении структурных реформ»[592]. Стремясь примирить турецкое обществе с необходимостью дальнейшего следования стабилизационной программе, С. Серденгечти в июле 2004 г. выступил перед широкой публикой с докладом «В поисках стабильности: откуда и куда». В нем он проанализировал не только нынешнее состояние экономики Турции, но и обобщил 30-летний опыт борьбы страны с инфляцией. «То там, то здесь раздаются голоса, что нынешний уровень первичного профицита слишком высок и предлагается несколько смягчить фискальную политику. Но, отвечаю я, недавнее прошлое Турции полно примерами, когда правительства бросали осуществление стабилизационных программ на половине пути. И эта незавершенность всегда провоцировалась подобными мотивами. То, что следует за рассуждениями типа “Мы уже много терпели, давайте немного ослабим узду” - это не просто рост инфляции и возврат к снижению экономического роста, это настоящий кризис. В прошлом мы много раз это переживали. Мы ни в какой форме не должны отказываться от финансовой дисциплины»[593].

---

[591] Devlet Bakanı Sayın Ali Babacanın IMF ile Yapılan 8. Gözden Geçirme Çalışmalarının tamamlanmasına ilişkin basın toplantısı. Ankara, 22 Haziran 2004 . URL: www.hazine.gov.tr
[592] Milliyet, 08.07.2004.
[593] Ibid. 28.07.2004.

Формой согласия правительства с позицией ЦБТР можно считать выступление вице-премьера А. Бабаджана на заседании торгово-промышленной палаты г. Афьона в июле 2004 г. «Новая программа, подготовку которой мы завершаем, нацелена на то, чтобы учесть интересы Турции на 20 или 30 лет вперед и, концентрируясь на вопросах первостепенной важности, представляя собой основу для переговоров о вступлении в ЕС, обеспечить рост производства, занятости, экспорта, инвестиций и стабильный экономический рост» - заявил Бабаджан. Он уточнил, что и в последующие годы в соответствии с ожиданиями рынка будет поддерживаться высокий уровень первичного профицита, а бюджетный дефицит относительно ВНП снизится до соответствующих Маастрихтским критериям 3%[594].

Свою позицию по вопросу дальнейшего развития экономики Турции высказал и МВФ, опубликовав конце июля подготовленный Советом Исполнительных директоров Доклад о состоянии экономики Турции. В нем, в частности, говорилось: «В среднесрочном плане главным экзаменом для правительства станет проведение политики, направленной на обеспечение устойчивого экономического роста и низкой инфляции. Ныне оно имеет уникальный шанс для осуществления необходимых структурных реформ благодаря наличию прочного большинства в парламенте и отсутствия перспективы выборов в ближайшие три года» [595]. Доклад призывал правительство игнорировать призывы снизить размер первичного профицита в будущем году, так как полученные в результате преимущества будут перекрыты потерями от роста реальных процентных ставок и замедления экономического роста. «Турция получила исторический шанс. Совет исполнительных директоров рекомендует правительству действовать таким образом, чтобы использовать его для обеспечения устойчивого роста и преодоления слабости экономики,

[594] Milliyet. 30.07.2004.
[595] Ibid.

продолжения фискальных и структурных реформ и в итоге обеспечить безусловное соответствие Турции экономическим требованиям ЕС» - резюмировалось докладе[596].

В конце июля 2004 г. состоялся визит в Анкару делегации МВФ во главе с главой департамента Турции Р. Могхадамом (Riza Moghadam). Итогом визита стало решение сторон о заключении нового соглашения о стабилизационных кредитах сроком еще на три года. Комментарии правительства по данному вопросу были довольно скупыми. Так, выступая 30 июля на пресс-конференции в связи с завершением работы очередного заседания Совета по экономической координации, вице-премьер А. Шенер лишь подтвердил, что с МВФ было достигнута договоренность о заключении нового соглашения, «поскольку этого желал рынок»[597]. Сдержанность комментариев членов правительства, видимо, следует объяснять тем обстоятельствам, что кабинету в очередной раз пришлось сделать выбор не в пользу субъективных предпочтений в сфере экономической политики, а в пользу объективных требований экономических реалий, иначе названных «рынком».

Вскоре государственный министр А. Бабаджан сообщил, что начало переговоров с МВФ о новом соглашения о стабилизационных кредитах сроком на 3 года планируется на сентябрь-октябрь 2004 г. По его словам, программа, согласованная с МВФ, одновременно должна была стать и экономической программой, предваряющей вступление Турции в ЕС[598]. 12 октября в Анкару прибыла делегация МВФ для проведения переговоров по новому соглашению. Знаменательно, что центральное место в ходе встречи вновь заняла дискуссия сторон о размерах первичного профицита на 2005 г. Представители Фонда настаивали на 7% ВНП. Но турецкой

[596] Ibid.
[597] Ibid.
[598] Milliyet. 26.08.2004.

стороне, заявившей о невозможности сокращения социальных расходов, удалось отстоять 6,5%[599].

И в последующие годы экономическая политика правительства ПСР сохраняла характер политики «социального реализма», суть которой сводилась к выполнению стабилизационного пакета МВФ с определенными оговорками в пользу социальных расходов. Осознавая безальтернативность предложенной экономической политики и предпочитая преодолевать сложную экономическую ситуацию, связанную с обременением государства громоздким долгом, с финансовой помощью Запада, правительство ПСР, оставалось достаточно последовательным исполнителем согласованной с МВФ стабилизационной программы.

В мае 2008 г. завершился срок действия очередного соглашения о стабилизационном кредите. Еще в октябре 2008 г. представители турецкого бизнеса, обеспокоенные неизбежной перспективой распространения на Турцию глобального финансового кризиса, стали активно высказываться в пользу заключения нового, «превентивного» соглашения с МВФ. Идею заключения соглашения поддерживали как представители более благополучного банковского сектора, так и представители реального сектора.

Причина столь единодушной приверженности бизнес сообщества идее возобновления сотрудничества с Фондом заключалась в стремлении ослабить с помощью МВФ остроту проблемы платежного баланса и стабилизировать валютный курс. «Турецкий народ, турецкие деловые люди ощущают кризис через валютный курс… Для нас стабильность означает стабильность валютного курса. Немедленный эффект соглашения с МВФ будет заключаться в ослаблении давления на валютный курс и его

[599] Milliyet. 26.10.2004.

стабилизации» - подчеркивалось в одной из публикаций турецкой газеты «Миллиет»[600].

Но для правящей Партии справедливости и развития окончание действия соглашений означало получение очередного шанса на обретение свободы в принятии экономических решений. В то же время сохранение в очередной раз прежнего уровня отношений с МВФ могло повлечь за собой уже более серьезную дискредитацию экономических принципов ПСР. В пользу столь желанной возможности проводить независимую экономическую политику говорили достижения Турции в сфере экономической стабилизации и роста. В итоге Р.Т.Эрдоган позволил себе в нескольких публичных заявлениях, сделанных на протяжении 2008 г., подчеркнуть, что он не заинтересован в дальнейшем сотрудничестве с МВФ, который вынуждает правительство проводить жесткую фискальную политику. Как это уже было и в ходе дискуссий о заключении нового соглашения с МВФ в 2004 г., осенью 2008 г. последовало заявление председателя Центрального банка Турецкой Республики Д.Йылмаза, в котором, хотя и в мягкой форме, содержался призыв к продолжению сотрудничества с Фондом: «Как Турецкая Республика мы не нуждаемся в деньгах Фонда. Но неизвестно, что нас ожидает. Поэтому было бы полезно найти формы сотрудничества, которые позволили бы повысить доверие международного финансового рынка»[601]. В итоге, к декабрю 2008 г. после некоторого периода колебаний турецкое правительство приняло решение в пользу заключения соглашения с МВФ с тем, «чтобы повысить доверие инвесторов и покрыть свои потребности во внешнем финансировании»[602].

В январе 2009 г. Д. Йылмаз выступил с заявлением о целесообразности подготовки нового письма о намерениях с тем, чтобы успеть согласовать его основные положения до выборов в местные органы власти, то есть до

[600] Milliyet. 23.01.2009.
[601] Milliyet. 28.10.2008
[602] Turkey once again seeks help from the IMF. Back to the fund// The Economist. 12.12.2008. URL: http://www.economist.com/agenda/displaystory.cmf&story_id=12711068

марта 2009 г. Как он отметил, наиболее проблемные пункты согласования – экономический рост и фискальная политика. Но на деле процесс обсуждения условий нового кредита с МВФ происходил значительно медленнее.

По итогам 2008 г., дефицит бюджета вырос до 1,8% ВВП против 1,6% в 2007 г., а первичный профицит сократился до 3,5% ВВП против 4,2%[603]. Такой фискальный итог мог означать лишь неизбежные требования МВФ по немедленному сокращению государственных расходов.

Между тем и последствия кризиса, и предстоящие муниципальные выборы требовали оперативных антикризисных мер. 14 марта 2009 г. Р.Т.Эрдоган огласил на предвыборном митинге антикризисный пакет, поддержанного парламентом,. И хотя, по словам вице-премьера Н.Эркена, антикризисные шаги правительства не должны были привести к нарушению финансовой дисциплины, предложенные премьером меры едва ли позволяли надеяться на то, что их применение не станет дополнительным отягощением для бюджета. Главная задача правительства заключалась в оживлении внутреннего спроса. Для повышения доступности потребительских кредитов налоговые отчисления с них снижались на треть, то есть на 5 процентных пунктов. Для обеспечения предприятий малого и среднего бизнеса (МСБ) доступными кредитами правительство выделило дополнительные 75 млн. тур. лир. Для оживления в строительном секторе налог на добавленную стоимость, взимающийся при приобретении нового жилья, был снижен с 18 до 8%. Для поддержки наиболее пострадавших в результате кризиса автомобилестроения и производства бытовой техники ставку специального потребительского

[603] Ekonomik Rapor 2009. Ankara, TOBB, 2010. S.78.

налога, взимающегося при покупке этих товаров[604], планировалось установить на более низком уровне: 1 % вместо 6,7% [605].

Стоимость антикризисного пакета Н.Эркен оценил в 5, 5 млрд. тур. лир. Очевидно, оглашение подобных мер, явно продиктованное внутриполитической конъюнктурой в Турции, не могло стать благоприятным фоном для начала переговоров с МВФ.

Позицию правительства по вопросу о заключении нового соглашения с МВФ премьер-министр Р.Т.Эрдоган уточнил в мае 2009 г., подчеркнув, что в условиях, когда уровень безработицы в стране превысил 16% и требуется поддержка инвестиционного процесса для создания рабочих мест, не могут рассматриваться предложения по сдерживанию экономического роста и увеличению доходов правительства. Как отметил Эрдоган, в условиях падения цен на нефть дефицит по счету текущих операций достиг минимального за последние 7 лет уровня. Поэтому отпала потребность во внешнем финансировании для покрытия внешнеторгового дефицита, который образовывался по результатам торговых операций частного сектора, но средства МВФ необходимы для финансирования бюджетного дефицита[606]. Имелся ввиду его предполагаемый рост на фоне активной антикризисной политики, направленный на смягчение рецессии. Таким образом, турецкие лидеры попытались убедить МВФ отказаться от базовых принципов кредитования национальных экономик, сместив акцент в использовании средств Фонда с долгосрочных мер по укреплению макроэкономического баланса (Фонд в качестве предварительного условия выделения средств Турции настаивал на поддержании запланированного ранее на 2009 г. уровня первичного профицита в размере 0,5% ВВП и проведении в последующем реформ в финансовой сфере[607]) на срочные антикризисные меры. Близкий к правительственным кругам экономист

[604] Действовавшая прежде минимальная ставка налога при покупке автомашины составляла 37%.
[605] Milliyet. 14.03.2009.
[606] Ibid.
[607] Milliyet. 19.05.2009.

И.Озтюрк писал по этому поводу: «Сегодня задача состоит в том, чтобы предотвратить рецессию, сохранить рабочие места и занятость, и таким образом, оживить экономику. Таким образом, МВФ должен отказаться от политики, которая сдерживает рост за счет поддержания значительного первичного профицита под предлогом соблюдения финансовой дисциплины, которая в действительности вредит таким приоритетам, как продуктивность, занятость, справедливость в распределении доходов и в итоге - нарушает социальный баланс. Другими словами, под давлением требований кризисной ситуации акцент должен быть смещен со "стабилизационных соглашений" на политику "роста продуктивности и занятости"»[608].

В итоге в переговорах Турции с МВФ возникла патовая ситуация: Фонд в качестве условия выделения средств настаивал на урегулировании в сфере госфинансов, для чего правительству, прежде всего, и были необходимы средства Фонда.

В июле 2009 г. в рамках участия Р.Т. Эрдогана во встрече глав государств восьмерки состоялись его переговоры с директором-распорядителем МВФ Д.Стросс-Каном. Премьер-министр Турции высказался в пользу завершения переговоров до 28 сентября – даты начала ежегодной сессии Международного валютного фонда и Всемирного банка, которая должна была состояться в Стамбуле. В интересах скорейшего завершения переговоров Эрдоган как будто выразил готовность в предстоящие два месяца предпринять усилия в области укрепления финансовой дисциплины и проведения структурных реформ[609].

Однако более реальные контуры макроэкономической политики Турции были очерчены в Программе среднесрочного развития страны на 2010-2012 гг., которая была обнародована 16 сентября 2009 г. Как

[608] Öztürk İ. Turning Globalization into Opportunity: The Case of Turkey (1980-2009). İstanbul, MÜSİAD, 2009. P. 100.
[609] Millıyet. 14.07.2009.

отмечалось в этом документе, по итогам кризисного 2009 г. Турция не только не сможет достичь какого-либо уровня первичного профицита, но, напротив, дефицит даже без учета процентных выплат по госдолгу составит 2,1% ВВП. В 2010 г. размер первичного дефицита снизится до 0,3% ВВП. Вернуться к первичному профициту в размере 0,4% Турция планировала только в 2011 г. При этом предполагалось, что отношение госдолга к ВВП увеличится с 40% в 2008 г. до 47% в 2009 г. и 49% в 2010[610]. Турецкая пресса оценила финансовые прогнозы программы как «далекие от ожиданий МВФ»[611]. Тем не менее, в последовавшем за обнародованием программы заявлении главы миссии МВФ по Турции Рашель Ван Элкан отмечалось: «Мы воодушевлены среднесрочной программой, которая ставит целью постепенное выправление ухудшившегося состояния государственных финансов страны, поощрение активности частного сектора и восстановление убедительного экономического роста. Программа, исходя из серьезного влияния глобального кризиса на турецкую экономику, устанавливает реальные макроэкономические цели и включает важную задачу по стабилизации отношения госдолга к ВВП к 2011 г. и его дальнейшему снижению в последующем»[612].

На состоявшейся 2 октября в ходе ежегодной сессии Международного валютного фонда и Всемирного банка пресс-конференции директор распорядителем МВФ Д.Стросс-Кан заявил, что, несмотря на длительный период предшествующих переговоров между МВФ и Турцией, стороны сочли неуместным продолжать их в ходе сессии и приняли решение отложить их на более поздний период. При этом он

---

[610] Republic of Turkey. Medium Term Programme (2010-2012). Ankara, Undersecretariat of State Planning Organization, 2009. P.22, 27, 28. URL: http://www.mod.gov.tr/Lists/MediumTermPrograms/Attachments/4/Medium%20Term%20Programme%202010-2012.pdf

[611] Milliyet, 23.09.2009.

[612] Statement by the IMF on Turkey. Press Release № 09/307. Wash., September 16, 2009. URL: www.imf.org/external/np/sec/pr/2009/pr09307.htm

добавил: «Как известно, МВФ – это институт помощи. Мы не имеем дела со странами, которые этого не хотят. Когда они чувствуют, что нуждаются в МВФ, мы готовы помочь. Если они не чувствуют нужды в помощи, для нас это хорошо. МВФ не является банком и не ищет клиентов»[613].

Таким образом, хотя МВФ смягчил под влиянием кризиса свои требования к Турции в области фискальной дисциплины, кардинально менять условия предоставления финансовой помощи в соответствии с пожеланиями турецкой стороны он не был готов.

В итоге отношения сторон длительное время оставались неопределенными. Турция не торопилась с новым соглашением, предпочитая, по всей видимости, по возможности дольше поддерживать имидж страны, которая пытается реорганизовать деятельность МВФ на принципах «проявления терпимости к государственной поддержке предпринимательского капитала и кредитным линиям для малых и средних предприятий, поддержке экспорта и отсрочкам по уплате налогов и в целом – к поддержке роста, опирающегося на внутренний рынок»[614]. Подобная тактика могла бы оказаться весьма удачным имиджевым ходом для ПСР с характерным для нее воззванием к справедливости, в том числе, и в системе международных отношений.

Свое объяснение затяжному характеру переговоров, впрочем, вполне перекликающееся с выше названными мотивами, предложил турецкий экономист О. Улагай, известный своими лево-демократическими убеждениями: «Представляется, что уважаемому премьер-министру нравится играть в политический футбол с МВФ, что и ведет к затягиванию заключения соглашения, - пишет он. Эрдоган продолжает играть в эту игру, поскольку она очень подходит для Турции в ее нынешнем положении.

[613] Transcript of a Press Conference by International Monetary Fund Managing Director Dominique Strass-Kahn with John Lipsky and External Relations Director Caroline Atkinson. Istanbul, October 2, 2009. URL: https://www.imf.org/external/np/tr/2009/tr100209.htm

[614] Öztürk İ. Turning Globalization into Opportunity: The Case of Turkey (1980-2009). P. 100.

Во-первых, демонстрируемая им готовность поставить на карту отношения с МВФ приносит неплохие политические дивиденды. Во-вторых, то, что соглашение с МВФ остается неподписанным, позволяет властям безответственно увеличивать государственные расходы. В-третьих, то, что отношения с МВФ все же сохраняются, позволяет заигрывать с рынком, который придает большое значение соглашению с Фондом. В силу всех названных причин Турция, если она не столкнется с новыми экономическими шоками, возможно, пожелает продолжать эту игру»[615].

Игра оказалась прекращенной по инициативе МВФ. 11 марта 2010 г. стало окончательно известно о том, что в силу невозможности достичь договоренности по определенным пунктам стороны отказались от подписания нового соглашения о стабилизационном кредите. Премьер-министр Т. Эрдоган постарался истолковать ситуацию максимально благоприятным для правительства образом, сославшись на то, что у его команды есть принципы, поступиться которыми невозможно. В частности, он сослался на неприемлемое для правительства требование МВФ о сокращении доли налоговых доходов, перераспределяемых в пользу муниципалитетов, что, по мнению правительства, оказалось бы в противоречии с начатой реформой местного самоуправления.

Стремясь успокоить общественное мнение, вице-премьер Турции А. Бабаджан отметил, что Турция уже два года развивается без поддержки МВФ и вполне способна и далее двигаться таким же образом. «Соглашение о стабилизационном кредите с МВФ – это дверь, которую Вы длительное время не вправе закрыть перед 192 странами-членами» - резюмировал он[616]. А. Бабаджан подчеркнул, что отныне экономическая политика будет определяться Программами среднесрочного развития

[615] Milliyet. 02.06.2009.
[616] Ibid.

Турции, в рамках которых и будут контролироваться основные макроэкономические параметры[617].

«После долгих раундов переговоров – писал З. Ониш – правительство ПСР решило не подписывать соглашение с МВФ. Этот шаг был преподнесен общественному мнению как проявление национальной силы и самостоятельности: отныне Турция располагала достаточной экономической мощью, чтобы не опираться на МВФ - нечто, что выглядело необычным и даже уникальным для всякого, кто хотя бы отчасти знаком с историей предыдущих турецких кризисов. Все это открыто взывало к национальным чувствам широких сегментов турецкого электората»[618]. Тем не менее, в 2010 г. правительство отказалось от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ, продемонстрировав тем самым свою возросшую экономическую самостоятельность и отсутствие необходимости в сохранении каких бы то ни было форм внешнего контроля.

Но хотя отказ от продолжения сотрудничества с МВФ и поощрял чувство национальной гордости, его последствия с точки зрения дальнейшего упрочения процессов стабилизации в турецкой экономике выглядели не столь уж положительными. З. Ониш и Дж. Бакыр, размышляя над опытом развития формирующихся рынков, писали: «Могущественный внешний якорь играет важную роль в процессе проведения реформ и повышения качества государства. Внешний якорь, такой как МВФ или ЕС, может помочь местным политикам преодолеть сильное сопротивление части национальных групп интересов…»[619].

---

[617] Речь идет о трехгодичных программах среднесрочного развития, которые разрабатываются ежегодно, развивая и уточняя положения и задачи, поставленные предыдущей программой.

[618] Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. Ankara, Koç University, 2012. P.12. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2003026

[619] Öniş Z., Bakır C. Turkey's Political Economy in the Age of Financial Globalization: The Significance of the EU Anchor// South European Society and Politics. 2007. Vol. 12. №2. P.148. URL: http://dx.doi.org/10.1080/13608740701306086

Применительно к Турции речь шла о параллельном использовании двух якорей, так как в 1995 г. Турция в ходе многолетнего переговорного процесса с ЕС получила статус страны-кандидата и вступила в период предвступительной подготовки, ход которой тщательно оценивается Еврокомиссией. Причем требования Еврокомиссии и МВФ, совпадая по концептуальной направленности, поддерживали друг друга. З.Ониш и Дж. Бакыр пишут о том, что Турция, вступив после кризиса 2001 г. в фазу неолиберальной реструктуризации, ставшей настоящим прорывом в экономической истории страны, сумела в значительной мере выиграть от наличия двойного внешнего якоря, так как и МВФ, и ЕС сыграли значительную и взаимодополняющую роль и трансформационных процессах. Но они уточняют, что если МВФ представляет собой якорь временного характера действия, то ЕС _- долгосрочного, и даже постоянного: «МВФ по своей природе не может выполнять такую функцию (функцию якоря постоянного действия – Н.У), так как его ответственность носит временный характер и ограничена временем завершения восстановительных процессов в экономике»[620].

Но именно ограниченный по времени характер влияния МВФ на национальную экономику и нацеленность на достижение заметного стабилизационного результата за короткий период предполагает более жесткий и неотступный характер контроля за динамикой макроэкономических параметров при наличии довольно эффективного инструмента этого контроля – выделение очередного транша согласованного кредита. Таким образом, характер взаимодействия внешнего якоря с национальным правительством в данном случае проявляется четче и рельефнее, чем в случае выполнения размытых по времени исполнения требований ЕС. В случае с Турцией обнаружились следующие устойчивые особенности взаимодействия национального

[620] Ibid. P.147, 155.

правительства с МВФ, который стремился выполнить роль внешнего якоря стабилизации: жесткий прессинг Фонда на правительство в вопросе соблюдения последовательно сдерживающего характера фискальной политики при постоянном, хотя и умеренном сопротивлении правительства Турции, обусловленного стремлением «выторговать» дополнительный объем средств на социальные цели, то есть ту самое бюджетное перераспределение, которое является ключевой характеристикой классического экономического популизма. Иначе говоря, МВФ оказался мощным антипопулистским заслоном, но правительство не уставало предпринимать усилия для того, чтобы хотя отчасти обойти его действие.

Таким образом, отказ от сотрудничества с МВФ может рассматриваться и как механизм снятия ограничений на пути более эффективного с точки зрения краткосрочных интересов правительства взаимодействия с близкими к нему группами интересов, то есть создания возможностей для возврата к использованию классических форм экономического популизма.

4.5 Опыт Турции по использованию независимых регулирующих агентства как института экономической стабилизации

Второй разновидностью внутреннего стабилизационного якоря на сей раз не законодательного, а институционального свойства, попытка расширения использования которого была предпринята в Турции в период правления ПСР, стала система независимых регулирующих агентств (НРА), призванных обеспечивать предсказуемый характер развития национального рынка независимо от изменений политической и экономической конъюнктуры.

Механизм снижения вероятности принятия исполнительной властью популистских решений включает институциональную защиту рынка от нерыночных решений и замещение полномочий политиков решениями менее политизированных независимых регулирующих органов или

регуляторов, именуемых в англоязычной литературе агентствами (Independent Regulatory Agency). Возникновение регулирующих агентств следует синхронизировать с ослаблением государственного регулирования и усилением тенденций либерализации и приватизации в национальной экономике.

Независимое регулирующее агентство (НРА) - автономный государственный орган, наделенный полномочиями по регулированию чувствительных сфер рыночной экономики таких, как права конкуренции, надзор за финансовыми рынками, регулирование рынков услуг, в первую очередь тех, которые напрямую затрагивают интересы большей части общества. Предполагается, что независимость регулирующих институтов (агентств) имеет целью не проведение линии, игнорирующей установки правительства, а принятие ими управленческих решений без вмешательства политических агентов или заинтересованных агентов частного сектора. Иными словами, в теории предполагается независимость регулирующих агентств от групп интересов и их ориентация на долгосрочные цели развития. «Политики и правительство ограничены текущей политической ситуацией и потому вынуждены менять свои политические предпочтения. Для повышения своей приверженности политике как таковой и роста доверия со стороны избирателей действующие политики и правительство передают часть своих полномочий независимым агентствам и посвящают себя разработке более фундаментальных правил» - писал один из исследователей теоретических аспектов проблемы обеспечения эффективности независимых регулирующих органов[621].

Таким образом, независимые регулирующие агентства могут считаться одним из инструментов достижения горячо отстаивавшейся Ф. Хайеком свободы законодательной деятельности от нужд повседневного правления и ухода от широко сложившейся практики стирания границ

[621]Genoud C. Regulation as a game& the role of independent regulatory agencies in the regulatory process. Paper presented at CARR “Risk and Regulation” Research Student Conference. London School of Economics and Political Sciences. September. 2003. P.3. URL: http://www.lse.ac.uk/accounting/CARR/pdf/ChristopheGenoud.pdf

между законодательной и исполнительной властью[622]. Исходя из факта сращивания двух властных функций – законодательства и правления, он пришел к выводу о необходимости ограничения власти. Механизм подобного ограничения по Хайеку – поставить над избранным представительным большинством другую власть, реализовав тем самым старую идею «поручить разработку кодекса справедливости иному представительному органу, нежели тот, которому поручено правление»[623].

В Турции институт независимых регулирующих агентств, дословно именуемых независимыми регулирующими организациями (Bağımsız Düzenleyici Kurumlar)[624], вступил в активную фазу развития на рубеже 1990-х-2000-х годов по мере перевода в реальную плоскость решения задачи по макроэкономической стабилизации. Исходной посылкой их создания стала попытка ограничить популистские устремления традиционных институтов власти. Несомненна связь между возникновением значительного числа новых НРА в Турции и активной фазой кредитного сотрудничества с МВФ, которое началось в 1999 г. С учетом устойчивой приверженности власти использованию популистских экономических мер Фонд не мог быть уверен в придании экономической стабилизации в Турции необратимого характера иначе, как посредством создания и внедрения в управленческий механизм новых институтов, априори независимых от традиционных органов власти.

Турецкие исследователи согласны с тем, что социально-экономическому развитию Турции в 1990-е годы были присущи специфические черты, которые действительно делали особо актуальным создание и поддержку развития НРА: частая смена неустойчивых коалиционных правительств, клиентализм, активное извлечение

---

[622] Хайек Ф.А. Общество свободных. London. С. 200-201.
[623] Там же. С.168.
[624] В последний период времени также стали использоваться понятия Bağımsız İdari Otoriteler (BİO) (независимые управляющие органы) и Özerk Kurul (автономные комитеты).

административной ренты, превращение в показатель успеха не личных заслуг, а личных связей и проч.[625]

Так или иначе, создание независимых регулирующих агентств рассматривалось в качестве одного из важных структурных критериев, на основании которых МВФ оценивал правильность направления и скорость осуществления реформ в турецкой экономике.

В итоге в Турции были созданы Агентство по регулированию энергетического рынка (Enerji Piyasası Düzenleme Kurumu, EPDK), 2000 г.; Общество сахара с полномочиями по регулированию условий производства, ценообразования и реализации сахара, 2001 г.; Агентство по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков (Tütün, Tütün Mamulleri ve Alkollü İçkiler Piyasası Düzenleme Kurumu, TTMAPDK), 2002; Агентство по контролю и упорядочению деятельности банковской системы (Bankacılık Düzenleme ve Denetleme kurumu, BDDK), 2000 г.; Агентство по телекоммуникациям (Telekomünikasyon Kurumu, TK), 2000 г.

К числу тех регулирующих агентств, которые возникли ранее в рамках самостоятельно проводимой Турцией рыночной трансформации экономики относятся Совет рынка капиталов ((Sermaye Piyasası Kurulu, SPK) 1981; Агентство по защите конкуренции, ((Rekabet Kurumu, RK),1994; Высший совет по радио-и телевещанию (Radio ve Televizyon Üst Kurulu), 1983. Помимо этого, самостоятельной инициативой турецкой стороны стало создание Агентства по государственным тендерам (Kamu İhaleler Kurumu), 2002. Таким образом, в Турции были созданы девять регулирующих агентств.

Ключевым понятием в определении статуса и эффективности деятельности регулирующих агентств является уровень их реальной независимости. Следовательно, важен вопрос и о способах ее измерения. В этих целях разработано довольно много методик. Например, У. Смит

[625] См., например, Bağımsız Düzenleyici Kurumlar ve Turkiye Uygulamasi. Ankara, TÜSİAD, 2002. S.62.

выделил шесть базовых принципов, соблюдение которых обеспечивает независимость НРА[626]:

- определение прав и обязанностей НРА на основании закона и без участия заинтересованного министерства;

- назначение членов агентств на основании соответствия стандартам профессиональных требований;

- определение сроков полномочий членов агентств независимо от сроков избрания основных органов власти и индивидуально для каждого члена;

- наделение НРА реальными регулирующими полномочиями;

-финансовая самостоятельность НРА (наличие автономного бюджета);

-достойная зарплата персонала НРА.

Что касается соблюдения названных принципов, то ситуация в Турции, оценивается экспертами как довольно благополучная. Так, все ныне действующие НРА учреждены на основе соответствующих законодательных актов[627]. Тем не менее, турецкие исследователи часто отмечают, что конституционный статус и место НРА управленческой структуре Турции остаются не до конца проясненным вопросом. Дело в том, что в Конституции страны нет упоминания о независимых регулирующих агентствах. В результате возникает вопрос о том, обладают ли НРА в Турции конституционной законностью. Зато в соответствии с действующей Конституцией 1982 г. Турецкая Республика является унитарным государством, то есть «Административное управление является единым целым….»[628]. Для обеспечения согласованности действий центральной и местных администраций провозглашен принцип подчинения правительству всей системы органов управления: «Центральная администрация …обладает компетенцией административного надзора… в целях обеспечения

[626]Smith W. Utility Regulators-the Independence Debate/ Public Policy
For the Private Sector. Report №. 127. Wash., World Bank, 1997. Цит. по: Bağımsız Düzenleyici Kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S.165.
[627]Bağımsız Düzenleyici Kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S. 194-195.
[628]Конституция Турецкой Республики/ Турецкая Республика. Справочник. М., Наука, 1990 С.338.

соответствия… принципам единства управления…»[629]. Но НРА, будучи независимыми от центральной власти и обладая регулирующими полномочиями, не вписываются в систему централизованного контроля. Учреждение государственного юридического лица допускается Конституцией только на основании закона или на основании полномочий, установленных законом. Но конституция не допускает принятие законов, ущемляющих верховенство центральной власти и нарушающих принцип единства системы управления. На основании этого часть экспертов считают, что существование НРА не предусмотрено Конституцией. «В Турции существует проблема конституционной легитимности НРА, что вообще характерно для унитарных государств при определении статуса таких административных организаций» – констатируют турецкие исследователи Т.Четин, М.Собаджи и соавторы[630]. Противники такого рода оценок настаивают на том, что существование НРА допускается 167-й статьей Конституции, которая устанавливает право государства на регулирование рынка[631].

Далее, по крайней мере, для четырех НРА законом предусмотрено назначение членов из числа лиц, имеющих необходимый профессиональный опыт. Так, для Агентства по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков, Агентства по регулированию энергетического рынка, Агентства по защите конкуренции и Высшего совета по радио-и-телевещанию предусмотрено назначение в качестве членов лиц, получивших в стране или за ее пределами, как минимум, четырехлетнее высшее образование по одному из предусмотренных направлений специализации (право, экономика, инженерное дело, предпринимательство, международные отношения), проработавших в государственном или частном

[629]Там же. С.340.
[630]Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey/ Understanding the Process of Economic Chang in Turkey: An Instıtutıonal Approach. NY, Nova Science Publishers, Inc., 2010. P.233.
[631] Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye'de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı/ Siyasa, 2006, Yıl:2, Say:3-4. S.113.

секторе не менее десяти лет и имеющих достаточный объем знаний и опыта в профессиональной области[632].

Что касается наделения турецких НРА реальными регулирующими полномочиями, то государственные юридические лица, статусом которых НРА пользуются в Турции, согласно конституции страны в целях обеспечения соблюдения законов и постановлений, имеющих отношение к их деятельности, имеют право издавать не противоречащие им инструкции и наделены полномочиями обеспечивать их исполнение. Так, большинство НРА обладают правом отъема лицензии в регулируемой области, наложения на действующих агентов денежных штрафов, что позволяет говорить о наличии у них реальных регулирующих полномочий[633].

Срок полномочий членов в четырех Агентствах – шесть лет, в одном – четыре года, в прочих – пять лет. Наиболее оптимальными представляются сроки полномочий, не совпадающие со сроками полномочий действующих правительств. Для этого срок исполнения обязанностей должностными лицами в НРА должен отличаться от интервала проведения всеобщих выборов, который ныне в Турции составляет четыре года[634].

Исследователи констатируют наличие финансовой независимости у турецких НРА, так как они финансируются не из бюджета, которым, распоряжается правительство, а за счет платежей за лицензии, разрешения и проч[635].

В Турции обеспечивается достаточно высокий уровень доходов членов советов НРА. Согласно действующему положению, их зарплата не

---

[632]Bağımsız Düzenleyici Kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S. 166.
[633] Ibid. S.173, 198-199.
[634] Ibid. S.196-197.
[635]Так, например, Агентство по контролю и упорядочения деятельности банковской системы осуществляет выдачу банковских лицензий, Совет рынка капитала – разрешений на эмиссию инструментов финансового рынка и на допуск акций компании к торгам, Агентство по регулированию энергетического рынка – лицензий на допуск компании в производстве электроэнергии, Агентство по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков – разрешений на производство, импорт и продажу табачных и алкогольных изделий.

должна превышать более чем в два раза наиболее высокий уровень зарплат государственных служащих[636].

Для формальной оценки уровня независимости НРА широко используется индекс Гиларди[637]. Индекс рассчитывается по пяти показателям: статус главы агентства, статус членов управляющего совета агентства, принципы, по которым выстраиваются отношения агентства с правительством и парламентом, уровень финансовой и организационной автономии агентства и уровень его регулирующих полномочий. Каждый показатель оценивается по нескольким параметрам, состояние которых описывается посредством выбора из нескольких альтернатив. Например, по параметру, относящемуся к статусу главы агентства - «Срок полномочий», предлагается выбор из следующих вариантов ответа: 8 лет, от 6 до 8 лет, 5 лет, 4 года, срок менее 4 лет или по усмотрению назначившего главу, отсутствие фиксированного срока полномочий. Каждое из состояний оценивается по шкале от 0 до 1 в зависимости от того, как оно соотносится с концепцией независимости НРА. Так, сроку полномочий свыше 8 лет присваивается оценка 1, а отсутствию фиксированного срока полномочий – 0. Другим параметром, учитывающимся при оценке статуса главы, является возможность его смещения. Отсутствие такой возможности оценивается как 1, возможность смещения исключительно по причинам, не имеющим отношения к деятельности агентства, оценивается как 0,67, возможность смещения по усмотрению назначивших – как 0. Аналогичным образом для параметра «финансовая и организационная автономия» внешнее финансирование оценивается как 1, а финансирование агентства правительством как 0.

Собранные по описанной методике данные, касающиеся независимости НРА в Турции, уже неоднократно интерпретировались турецкими специалистами. Так, в 2006 г. вышла работа С.Шанлысоя и А. Озджана

[636]Bağımsız Düzenleyici Kurumlar ve Türkiye Uygulaması. S. 176-177.
[637]См. Подробнее: Gilardi F. Policy Credibility and Delegation to Independent Regulatory Agencies: A Comparative Empirical Analysis/Journal of European Public Policy. December, 2002. № 9(6). P 873-893.

«Самостоятельность независимых регулирующих агентств в Турции», в которой уровень их независимости оценивался значениями индекса Гиларди, приведенными в таблице 38.

Таблица 38

Значения индекса Гиларди для регулирующих агентств Турции

Высший совет по радио-и-телевещанию	- 0.8499
Агентства по государственным тендерам	- 0.8400
Агентство по защите конкуренции	- 0.7616
Агентство по телекоммуникациям	- 0.7482
Агентство по регулированию рынка табака, табачных изделий и алкогольных напитков	- 0.7482
Агентство по контролю и упорядочения деятельности банковской системы	- 0.7451
Совет рынка капиталов	- 0.7286
Общество сахара	- 0.7232
Агентство по регулированию энергетического рынка	- 0.6951

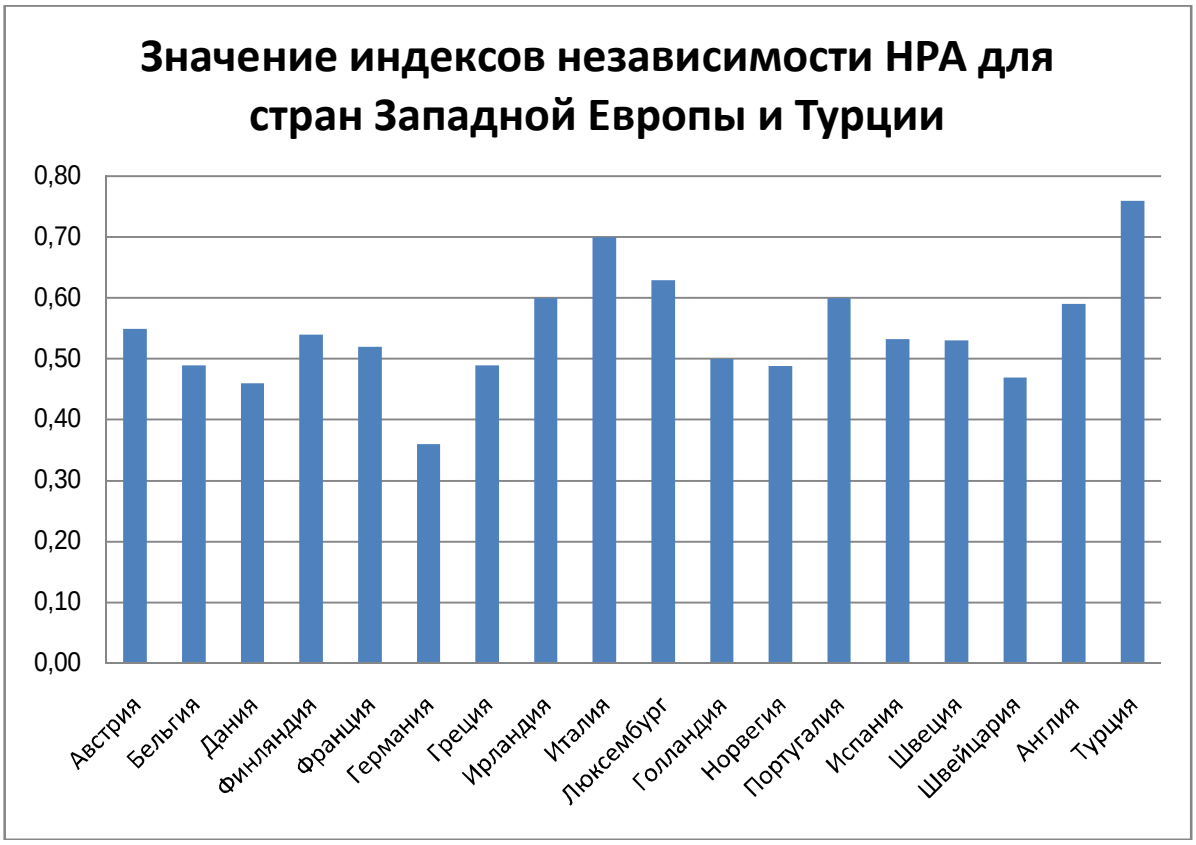
Источник: Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye'de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı/ Siyasa. 2006. Yıl:2, Say:3-4. S.113.

В целом уровень независимости турецких НРА оказался довольно высоким, хотя и заметно разнился для отдельных агентств.

С.Шаулысой и А. Озджан также сравнили среднее значение индекса Гиларди для Турции со средними же значениями для 17 стран Европы, используя базу данных собранную и обработанную самим Ф. Гиларди в его вышедшей в свет в 2005 г. работе "Формальная независимость регуляторов: сравнение 17 стран и 7 отраслей»[638] (см. рис.12).

Рисунок 12

[638] Gilardi F. The Formal Independence of Regulators: A Comparison of 17 Countries and 7 Sectors. Swiss Political Science Review. 2005, 11 (4). P. 139-167.



Источник: Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye'de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı/ Siyasa. 2006. Yıl: 2, Say:3-4, 2006. S.125.

В результате выяснилось, что уровень независимости НРА в Турции самый высокий! При этом он объяснялся более высоким значением индекса почти для каждого из турецких агентств (несмотря на разницу в значениях), чем в любой из европейских стран (см. рисунок 11). *То есть турецкий регулирующий сектор по состоянию на середину первого десятилетия 21-го века оказался полностью укомплектован агентствами, формально более независимыми, чем европейские* (курсив Н.У.).

Но насколько это подтверждается реальными условиями деятельности турецких НРА?

По оценкам турецких исследователей Т. Четина, М.З. Собаджи, М. Нергелечекенлера и Э.Абдулхакимоглулары[639], энергетическая политика

[639] См. Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey. P.241-243.

правительства Партии справедливости и развития (ПСР) открыто ущемляла независимость Агентства по регулированию энергетического рынка. Правительство в предвыборных документах (речь идет о парламентских выборах 2007 г. – Н.У.) заявило о поддержке курса на либерализацию энергетического рынка и укрепление независимости Агентства. Но в действительности практически с самого начала оно стало избегать либерального уклона. В полной мере конфликт интересов обнаружился по вопросу ценообразования на электроэнергию. Агентство отстаивало региональный принцип ценообразования, видя в нем способ создать конкуренцию между регионами в вопросах борьбы с нелегальным и неэффективным использованием электроэнергии: более низкая цена предлагалась для регионов с незначительными объемами нелегального использования энергии, и напротив, более высокая – регионам, где масштаб данного явления велик. Это должно было бы привести к повышению цен на электричество на Востоке и Юго-Востоке страны, где как раз широко распространено незаконное подключение к сетям. Но правительство отказалось от использования подобного принципа ценообразования по политическим соображениям, поскольку Восток и Юго-Восток Турции – как раз те регионы страны, где ПСР имела высокий уровень избирательной поддержки. Таким образом, руководствуясь соображениями «политического прагматизма», правительство настояло на сохранении единой цены национального рынка. В итоге остальные регионы Турции продолжали субсидировать незаконное использование электроэнергии на Востоке и Юго-Востоке страны, где в отдельных точках его уровень достигает 75%. Механизм субсидирования действует через перевод прибыли энергоснабжающих компаний, действующих на Западе, компаниям, действующим на Востоке и Юго-Востоке страны. В десяти городах этих регионов, где нелегальное использования электроэнергии широко распространено, наиболее высок и уровень поддержки правящей Партии справедливости и развития. В то же время на западе, где уровень

нелегального использования электроэнергии наиболее низок, ПСР не может рассчитывать на столь активную поддержку.

Второй пункт расхождений правительства с Агентством по регулированию энергетического рынка касается структуры цены на электроэнергию. Позиция правительства заключается в том, что цена может включать некоторые дополнительные налоги и сборы, хотя Агентство выступает против инкорпорирования не связанных с себестоимостью составляющих в цену на электроэнергию и использования практики перекрестного субсидирования. Тем не менее, правительство продолжало поддерживать более высокие цены для промышленных предприятий, обеспечивая некоторые льготы домохозяйствам как обладающим большим количеством голосов (некоторое сокращение масштабов перекрестного субсидирования между оптовыми и розничными потребителями было отмечено лишь к концу 2013 г.[640]) Кроме того, правительство согласилось «простить» задолженность за электричество для крестьянских хозяйств, хотя это и напрямую противоречило регулирующим решениям Агентства.

Наконец, принятый в 2001 г. закон о рынке электричества поставил целью приватизировать в течение двух лет компании, занятые производством и распределением электроэнергии. В 2004 г. правительство отодвинуло дату завершения приватизации вопреки положениям закона и планам Агентства на 2006 г., что опять же не стало последней датой[641]. К концу 2008 г. были приватизированы некоторые государственные компании, занятые в данной сфере, что создало предпосылки к постепенному прекращению

[640] Turkey 2013 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2013-2014". Brussels, Commission of the European Communities, 2013. P.21.
[641] Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey. P.241-243.

использования перекрестного субсидирования[642]. Тем не менее, задачи приватизации оставались нерешенными и к 2012 г. [643]

«Энергетическая политика правительства выявила, что политический прагматизм для него более значим, чем экономическая эффективность и независимость Агентства по регулированию энергетического рынка. Правительство не стремится передать свои полномочия в сфере ценообразования на электроэнергию независимому регулятору, сохраняя возможности для извлечения ренты на энергетическом рынке. В итоге выигрыш перераспределяется между группами интересов… Политический прагматизм в вопросе ценообразования на электроэнергию открыто ущемляет регулирующие полномочия Агентства… и его независимость, ведет к промедлению в вопросах приватизации, захвату процесса регулирования политиками и провоцирует снижение экономической эффективности» - резюмировали Т. Четин, М.З. Собаджи, М. Нергелечекенлер и Э.Абдулхакимоглулары[644].

Примеры подобного пренебрежения независимым статусом регулирующего агентства были обнаружены в истории деятельности Общества сахара[645]. Долгое время в Турции, как и в США и странах Евросоюза, доля патоки (сахара, получаемого из крахмала) на рынке сахара ограничивалась 2%, так как этот продукт считается небезопасным для человека. В 2001 г. Общество под давлением американской компании Cargill согласилось на повышение этой доли до 10%. В дальнейшем уже под напором ЕС Совет министров Турции принял решение о допустимом долевом уровне в 15%. Почти вся разрешенная доля рынка патоки оказалась

---

642 Turkey 2008 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council "Enlargement Strategy and Main Challenges 2008-2009". Brussels, Commission of the European Communities, 2008. P.32.

643 Turkey 2011 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2011-2012". Brussels, European Commission, 2011. P.48.

644 Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey, p.237.

645 Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye'de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı. S.126-127.

занятой американской Cargill, которая одновременно получила и право решающего голоса на национальном рынке сахара. Таким образом, в данном случае имело место давление на независимое Агентство со стороны иностранной компании, заинтересованной в турецком рынке.

Несмотря на то, что национальный рынок сахара регулируется определенными квотами и условиями производства, один из местных производителей колы пошел на незаконное сооружение мощностей по производству патоки и использовал ее при производстве напитка, что дало ему существенное ценовое преимущество перед другими производителями колы. Последние подняли вопрос о недобросовестной конкуренции и обратились в Общество сахара за разрешением на установку подобных же производственных мощностей, но получили отказ. Одновременно общество открыло расследование в отношении факта недобросовестной конкуренции, пригрозив виновнику штрафом. Но как отмечают турецкие исследователи, по странному совпадению именно в этот момент, а именно 31 декабря 2004 г. Совет министров принял решение об упразднении Общества, сохранив лишь его управляющий совет и разрешив ему продолжить работу при Министерстве промышленности и торговли. Последний факт турецкие исследователи С. Шанлысой и А. Озджан расценили как противодействие в отношении независимого Агентства уже со стороны исполнительной власти[646].

После того, как в 2010 г. Турция объявила о прекращении кредитного сотрудничества с МВФ, внешний мониторинг статуса НРА в Турции осуществляется только экспертами ЕС. Европейские эксперты в целом разделяют выше приведенные оценки турецких исследователей, отмечавших ущемление полномочий НРА. В Отчете о прогрессе Турции на пути к члеству в ЕС за 2011 г. констатировалось существование регулирующих агентств во всех наиболее важных с точки зрения необходимости регулирования отраслях экономики и действие с июля 2008 г. механизмов

[646] Ibıd.

автоматического ценообразования в секторах производства газа и электричества, где цены для потребителя привязаны к издержкам производителя. Тем не менее, до парламентских выборов 2011 г. правительство на протяжении целого года ограждало цены на газ и электроэнергию от влияния мировых глобальных трендов, приостановив действия механизма автоматического ценообразования[647]. В отчете за 2012 г. отмечался факт возраставшего вмешательства правительства в действие механизмов автоматического

Обобщив практику деятельности НРА в ценообразования на газ и электричество и самостоятельного установления цен [648]. Турции в цитировавшейся выше работе «Политическая экономия независимых регулирующих агенств в Турции», Т.Четин и соавторы пришли к выводу, что, как и в других странах, которые пока не обладают достаточным опытом по делегированию полномочий институтам, находящимся на почтительном расстоянии от исполнительной власти, она имеет весьма противоречивый характер. Несмотря на то, что Турция реформировала свою институциональную структуру, учредив НРА, переход от традиционной патримониальной модели государства к государству, занятому лишь процессом регулирования, происходит с высокими политическими издержками, поскольку власть в Турции не желает передавать регулирующим агентствам права собственности на принятие политических решений. «И хотя юридически НРА учреждены в Турции, фактически их институционализация всячески тормозится посредством увеличения транзакционных издержек передачи им реальных полномочий» -

---

[647] Turkey 2011 Progress Report *Accompanying the document* Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2011-2012. Brussels, European Commission, 2011. P.48. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2011/package/tr_rapport_2011_en.pdf

[648] Turkey 2012 Progress Report Accompanying the Document “Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2012-2013”. Brussels, European Commission, 2012. P.40. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/tr_rapport_2012_en.pdf

резюмируют они[649]. Турецкие исследователи связывают «дискреционную политическую интервенцию» в деятельность НРА, в том числе, с неопределенностью их конституционного статуса, но до сих пор не одно из правительств не попыталось решить эту проблему[650].

Справедливость их оценок во многом подтвердили последние изменения в статусе НРА. В августе 2011 г. правительством Турции было принято постановление № 649, имеющее силу закона, согласно которому министерствам по предложению премьер-министра и при одобрении президента могут быть предоставлены полномочия по контролю всех относящихся к ним или связанных с ними по роду своей деятельности государственных организаций, включая НРА. Автор работы по теории НРА и практике их использования в Турции У. Сонмез, писал, что большинством средств массовой информации, особенно оппозиционных, это решение правительства было расценено как положившее конец независимости НРА и означавшее их полный переход под контроль политической власти. По мнению У.Сонмеза, помимо сути решения общественное мнение негативно отреагировало на его принятие в форме правительственного постановления в силе закона, то есть без обсуждения в обществе и парламенте – «скрыто и тайно»[651]. Следует отметить, что в турецкой практике государственного управления принятие таких постановлений допускается в чрезвычайных ситуациях и на протяжении ограниченного времени.

Но У.Сонмез не согласен в полной мере с тем, что принятое решение полностью лишило турецкие НРА автономии. Он подробно цитирует комментарии в прессе в связи с принятием постановления № 649, которые дал курирующий вопросы экономического развития вице-премьер правительства А.Бабабджана : «Разве Турция отказывается от независимых организаций? Нет, такого нет и не может быть. Если бы мы в

[649]Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey. P.230.
[650] Ibid. P.233.
[651] Sönmez Ü. Piyasanın İdaresi. Neoliberalizm ve Bağımsız Düzenleyici Kurumların Anatomisi. İstanbul, İletişim, 2011. S.214-215.

действительности хотели отменить их независимость, мы бы в постановлении так и написали: «Они не являются независимыми, они переходят в статус зависимых организаций и действуют по предписанию министра». Это можно было бы сделать...Но если мы что-то делаем, мы это делаем потому, что знаем, что это правильно. Независимые организации независимы, потому что мы этого хотим»[652]. Тем не менее, У.Сонмез считает неправомерным с юридической точки зрения и утверждать, что принятое постановление не повлияло не независимый статус НРА. «Юридически оно создаст отношения серьезной зависимости между НРА министерствами» - резюмирует он[653]. Но этот качественно иной статус, по его мнению, все же не тождественен полному лишению независимости.

Официальная мотивация принятия постановления заключалась в «снятии противоречий в системе высших органов власти и обеспечении принципа единства управления»[654]. По словам А.Бабаджана, «НРА не должны вести себя как политики и вмешиваться в процесс принятия политических решений»[655]. Один из турецких специалистов в области государственного управления пишет: «Не возлагая на НРА политическую ответственность, необходимо предотвратить возможность их превращения в альтернативу принимаемым политическим решениям или источник конкурирующей экономической политики. Следует не допустить трансформации НРА, число которых быстро растет, в «государство в государстве»[656]. «Но эти организации (НРА –Н.У.) по сути политические, и их решения влияют на все общество» - возражает У.Сонмез[657]. Следовательно, в действительности речь идет о попытке помешать НРА быть тем, чем они являются по первоначальному замыслу.

---

[652] Ibid. S. 215-216.
[653] Ibid. S. 216.
[654] Там же, s. 215.
[655] Там же, s. 215.
[656] Sarısu A. Özerk Kurullar, İdarenin Birliği ve 649 Kanun Hükmünde Kararname/ Yaklaşım Dergisi. Ekim 2011. Yıl: 19, Sayı: 226. S.4// http://ayhansarisu.wordpress.com/2012/08/09/ozerk-kurullar-idarenin-birligi-ve-649-sayili-kanun-hukmunde-kararname-2/
[657] Sönmez Ü. Piyasanın İdaresi. Neoliberalizm ve Bağımsız Düzenleyici Kurumların Anatomisi. S.215

По мнению У.Сонмеза, с принятием постановления статус НРА в системе госуправления оказался еще более запутанным, поскольку в результате полномочия по контролю всей деятельности НРА оказались переданы соответствующему министру, но при этом по все еще действующему положению они сохраняют присущую государственным юридическим лицам управленческую и финансовую автономию, и первое противоречит второму[658].

Один из турецких авторов признает, что сохраняется задача масштабного реформирования и разворота системы госуправления в Турции при политической воле государства и общественной поддержке, в рамках которой должно произойти и переосмысление места НРА. Но пока эту задачу решить не удалось, зато НРА поставили в зависимость от отраслевых министерств.

Итак, приходится признать, что положение независимых регулирующих агентств в Турции все же оказалось под вопросом. Характерно, что упомянутые выше отчеты Еврокомиссии за 2012-2013 гг. уже не содержат констатации факта существования в Турции независимых регулирующих органов, как это было сделано в Отчете за 2011 г. Окончательная конституционная легализация турецких НРА так и не состоялась, и на этом основании или под этим предлогом они лишились значительной доли независимости.

Определенную настороженность вызывает и то обстоятельство, что вопрос об их подчинении министерствам был решен положительно вскоре после прекращения Турцией кредитного сотрудничества с МВФ, проявлявшего настойчивость в вопросе о создании и деятельности НРА.

Характерна и определенная оппозиционность, проявленная Партией справедливости и развития в отношении независимых агентств после ее прихода к власти в 2002 г. Как пишут турецкие исследователи С. Айтач и З.Ониш, «поначалу правительство ПСР демонстрировало прохладное

[658] Ibid. S.216.

отношение к независимым регулирующим организациям: оно требовало большей политической подконтрольности и подотчетности подобных институтов, тогда как МВФ настаивал на приоритете их автономности. И только понимание того, что разногласия с МВФ могли поставить под вопрос всю экономическую программу (программу кредитного сотрудничества с МВФ – Н.У.), заставили правительство отказаться от своих претензий»[659].

В результате создается впечатление, что правительство поспешило воспользоваться открывшимися после прекращения кредитного сотрудничества с МВФ возможностью по снятию ограничений со своей управленческой деятельности.

Таким образом, Турция демонстрирует еще один пример видоизменения западного института вплоть до утраты им первоначального смысла при попытках его укоренения в странах Востока. При этом особо поначалу неспособность или невозможность для турецких НРА в ряде случаев достичь поставленных перед ними целей ввиду попытки государства сохранить за собой традиционно всеобъемлющий характер регулирования (вмешательства) сочеталась с весьма высоким формальным уровнем независимости регулирующих агентств. Следовательно, суть проблемы заключалась в необязательности исполнения для остающегося по сути позитивистским государства им же самим принятых управленческих решений, прежде всего в тех случаях, когда они были направлены на ограничение полномочий государственной власти. Теперь же сама возможность такого рода ограничений контролируется властью.

Подобный довольно распространенный феномен «переваривания» институтов традиционным укладом стран Востока уже неоднократно отмечался российскими востоковедами. Так, А.М.Петров писал, что часто

---

659 Aytaç S.E., Öniş Z. Varieties of Populism in a Changing Global Context: The Divergent Paths of Erdoğan and Kirchnerismo. NY,Social Science Research Network, 2013. P.13. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2261178

преобразования в странах Востока «увязали и увязают, принимая мутированные, порой самые фантастические по нелепости (с западных позиций) формы»[660]. Еще более определенно по поводу специфики имитационного развития в развивающихся странах высказалась Е.А.Брагина, которая писала: «Заимствуемые демократические институты, новые формы социальных и политических отношений в обществе наталкиваются на открытое и скрытое сопротивление неформальных институтов», под которыми автор цитаты имеет в виду иные культурологические принципы, иную деловую этику с опорой на схему «свой-чужой», «патрон-клиент». «Слабость и двойственность государственных институтов, их одновременное существование в прошлом и частое неприятие настоящего объясняют, почему перенос в такую социально-экономическую среду современных институтов…порождает неожиданные симбиозы» - уточняет далее автор[661].

Обобщение такого рода множественных примеров привело к определенным корректировкам в современных трактовках институциональной теории. Так, российский экономист В.М. Полтерович выявил четыре типа «трансплантационных дисфункций», то есть ситуаций, когда заимствованный институт оказывается не способен выполнить в стране-реципиенте ту же роль, что и в экономике-доноре. Один из типов дисфункции – атрофия и перерождение института, является следствием того, что сам трансплантированный институт оказался невостребованным или его использование оказалось несовместимо с культурными традициями или институциональной средой реципиента[662]. Очевидно, именно такая ситуация возникла вокруг деятельности некоторых НРА в Турции, причем первоначально наблюдалось именно перерождение института, а с принятием

---

[660] Петров А.М. Азиатский способ производства и XXIвек / Экономика развивающихся стран. Сборник статей памяти В.А.Яшкина. М., Гуманитарий. 2004. С.259.

[661] Брагина Е.А. Притяжение недостижимого/ Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М. Институт востоковедения РАН, 2011. С.398-399.

[662] Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов/Экономическая наука в России. 2001. №3. С.29.

постановления 2011 г., видимо, можно говорить о начале процесс его атрофии.

Факты прямого нарушения формально согласованных принципов деятельности независимых регулирующих агентств, свидетельствуя об уклонении от использования или искажении деятельности институтов ограничения позитивистского государства, указывают на трудности, переживаемые Турцией на пути ограничения традиции государственного патернализма, и, что особенно важно, создают предпосылки для сохранения популистских подходов в государственной экономической политике, подтверждая ее актуальность в современных управленческих подходах. Таким образом, исходя из популярной сегодня среди экономистов парадигмы о том, что ничто не может быть постоянным без институтов, следует признать, что недостаточность и уязвимость институционального обеспечения устойчивого развития в Турции ставит под сомнение ясность его перспектив.

4.6 Центральный банк Турецкой Республики в период правления ПСР

Переход Турции в конце 1990-х годов к политике финансовой стабилизации ознаменовался повышением статуса ЦБТР, на который возлагалась ответственность за проведение ограничительной кредитно-денежной политики. Важную роль отводил национальному Центральному банку в достижении устойчивой финансовой стабилизации и МВФ. Именно главе ЦБТР наряду с вице-премьером, ответственным за вопросы экономического развития, принадлежала ключевая роль в процессе подготовки «Писем о намерениях», определявших ход реализации заключенного с МВФ соглашения о кредитном сотрудничестве. Тем не менее, и в эти годы в Турции не произошло официального закрепления независимого статуса ЦБТР, который позволил бы закрепить антиинфляционный характер кредитно-денежной политики. Дело в том, что до середины 2001 г. основное значение в деятельности банка должно было занимать валютное регулирование, так как в качестве «номинального якоря» в борьбе с инфляцией предполагалось использовать курс доллара. Но при фиксированном валютном курсе, пусть даже в краткосрочном периоде, возможность проведения Центральным банком независимой кредитно-денежной политики существенно ограничена, поскольку все его действия направлены исключительно на поддержание заявленного на данный промежуток времени валютного курса. В связи с данной проблемой турецкая исследовательница М. Алтынкемер писала: «В подобном стабилизационном контексте не существует независимости монетарной политики, кроме разве что некоторого ограничения предложения кредита, поскольку эта политика базируется на фискальных мерах и обменном

курсе»[663]. Поэтому официальный пересмотр статуса ЦБТР был отложен до перехода к более гибкой денежной политике и постепенному смягчению регулирования валютного курса. Предполагалось, что тогда с повышением роли кредитно-денежной политики как средства контроля над уровнем инфляции потребуется расширение самостоятельности ЦБТР через ее законодательное оформление, а деятельность ЦБТР будет перестроена в соответствии с теми принципами, которые и должны, по мнению турецкого финансиста Г. Эрчеля, возглавлявшего в 1996-2001 гг. Центральный банк страны, лежать в основе деятельности Банка банков в современной экономике: «Правительство должно предоставить своему Центральному банку самостоятельность и независимость в принятии решений и выборе инструментов проведения своей политики. Центральный банк не может брать на себя финансовую ответственность за правительство. Если правительство полагается на Центральный банк в вопросах финансирования своего дефицита и управления своим долгом, Центральный банк оказывается не в состоянии выполнить свою главную задачу - обеспечить стабильность цен»[664].

Валютно-финансовый кризис, разразившийся в 2001 г., повлек за собой девальвацию турецкой лиры и перевод ее в режим свободного плавания. Таким образом, задача по поддержанию курса национальной валюты была снята с повестки дня, но одновременно остро встал вопрос об активном встраивании ЦБТР в политику финансового послекризисного урегулирования. В итоге в конце апреля 2001 г. была оперативно принята новая редакция закона о Центральном банке, которая вошла в силу 4 мая 2001 г.[665]. В соответствии с ней взаимоотношения ЦБТР и исполнительной

---

[663] Altinkemer M. Problems with stabilzation programs and an outline for a Turkish stabilization. Ankara: The Central Bank of the Republic of Turkey. Research Department., 1996. P.3.
[664] Erçel G. Central banking today// Turkey. Economic dialogue. 1997. Autumn. P.22.
[665] См. текст действующей редакции закона с изменениями, привнесенными законом №4651 от 25 апреля 2001 г., на официальной сайте Центрального Банка Турецкой Республики. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/a7b93c7e-bb25-4fcc-b110-23f2d1dad07d/kanun.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a7b93c7e-bb25-4fcc-b110-23f2d1dad07d

власти ограничиваются лишь обязательством первого предоставлять Совету министров дважды в год отчет о проводившейся и планируемой кредитно-денежной политике. Кроме того, дважды в год ЦБТР должен информировать о своей деятельности плановую и бюджетную комиссии парламента, а также разъяснять цели своей кредитно-денежной политики и тактику их достижения общественности. Новый закон не предусматривает предоставления Центральным банком кредитов Казначейству или другим государственным органам и институтам. Изменение структуры кредитного портфеля ЦБТР в результате изъятия из него льготных кредитов государственному сектору позволило существенно активизировать роль учетной ставки как инструмента регулирования денежного рынка. Изменился и характер деятельности ЦБТР на рынке ценных бумаг: банк лишь технически содействует размещению на первичном рынке заемных обязательств Казначейства и других государственных органов и институтов. Но финансовые операции ЦБТР на открытом рынке сводятся исключительно к регулированию денежного предложения в соответствии с его собственными задачами.

Новая редакция закона позволила, наконец, ЦБТР объявить в качестве основной цели своей деятельности обеспечение и поддержание стабильности цен. Первые годы его деятельности в новом статусе были посвящены обузданию инфляции. Успехи, достигнутые на этом пути (среднегодовые темпы роста потребительских цен снизились с 45,0% в 2002 г. до 8, 2% в 2005[666]), позволили ЦБТР с 2006 г. перейти к политике таргетирования инфляции, ставшей в начале XXI в. одной из самых распространенных моделей денежно-кредитной политики. Она предполагает использование процентных ставок денежного рынка, в первую очередь, по краткосрочным долговым инструментам, в качестве основного канала влияния ЦБ на национальную экономику, для чего в Турции возникли

---

[666] Ekonomik Rapor 2007. Ankara, TOBB, 2007. S.142.

необходимые предпосылки после перевода лиры в режим свободного плавания и принятия нового закона. Основное достоинство режима инфляционного таргетирования заключается в том, что, формулируя стремление денежных властей удерживать инфляцию на заданном уровне, он создает атмосферу доверия к национальной валюте, повышая тем самым устойчивость экономики к внешним шокам.

После перехода к инфляционному таргетированию ЦБТР приходилось неоднократно прибегать к заметному повышению ставки по кредитам овернайт, которая до мая 2010 использовалась в качестве ключевой. Так, в середине 2006 г., произошло повышение ставки на 425 базисных пункта, в течение 2008 г. - на 150, правда, ему предшествовало кумулятивное снижение на 225 пунктов в конце 2007 г. и начале 2008 г.[667] При этом повышение ключевой ставки не вызывало каких-либо негативных комментариев со стороны правительства Р.Т.Эрдогана, а экспертами Еврокомиссии оценивалось в Отчетах о прогрессе Турции на пути к членству в ЕС положительно как «подтверждение независимости Центрального банка и явный сигнал, свидетельствующий о его устойчивой приверженности борьбе с инфляцией»[668].

Что касается собственно успехов в этой борьбе, то они давались ЦБТР нелегко. 5%-й уровень инфляции был избран в качестве целевого на 2006 г., что, по всей видимости, оказалось излишне оптимистичным сценарием как с учетом инфляционной традиции, глубоко укоренившейся в турецкой экономике, так и того факта, что в декабре 2005 г. рост потребительских цен

---

[667] Turkey 2007 Progress Report Accompanying the Document “Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2007-2008. Brussels, Commission of the European Communities, 2007. P.27.
URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2007/nov/turkey_progress_reports_en.pdf

[668] Turkey 2008 Progress Report Accompanying the Document “Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2008-2009”. Brussels, Commission of the European Communities, 2008. P.31. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/press_corner/key-documents/reports_nov_2008/turkey_progress_report_en.pdf

составил чуть менее 8% к декабрю 2004 г. Цель по инфляции, остававшаяся, кстати, неизменной до начала кризиса 2009 г., так и не была достигнута: в декабре 2006 г. рост потребительских цен составил год к году около 10%, в конце 2007 г. – 8,5%, в конце 2008 г. – свыше 10%[669].

На протяжении 2009 г. ЦБТР активно использовал меры антикризисного регулирования, снизив ключевую ставку по итогам года на 650 базисных пунктов. По сравнению с декабрем 2008 г. снижение составило 850 пунктов. В итоге ключевая ставка опустилась к концу 2009 г. до беспрецедентно низкого уровня - 6,5%[670]. Параллельно Центральный банк занимался закачкой ликвидности в финансовую систему страны.

В период послекризисного восстановления турецкой экономики поначалу акцент был сделан на удержание низких процентных ставок с тем, чтобы обеспечить быстрое восстановление. С мая 2010 г. ЦБТР перешел на использование в качестве ключевой ставки по недельному РЕПО, которая с 7% в середине года понизилась до 6,5% к концу[671]. Но так как в последующем, по оценкам ЦБТР, экономический рост излишне опирался на кредитный бум, с 2011 г. политика банка приобрела более сложный комплексный характер. С одной стороны, ЦБТР сохранял на сравнительно низком уровне ключевую ставку: ее значение даже снизилось с 6,25% в середине года до 5,75% к концу[672]. Но одновременно вырос процентный спред по отдельным инструментам, в частности кредитам овернайт, с тем, чтобы сделать привлечение ликвидности более дорогим для банков, а условия ее скупки Центральным банком - менее выгодными. С другой стороны, ЦБТР увеличил резервные требования к коммерческим банкам. Цель подобной политики заключалась в том, чтобы снизить доступность кредита для национальных банков, затормозить дальнейшее наращивание его объемов и не допустить перегрева экономики. Таким образом,

---

[669] Ekonomik Rapor 2007. Ankara, TOBB, 2008. S.142; Ekonomik Rapor 2010. Ankara. TOBB, 2011. S. 144.
[670] Ekonomik Rapor 2009. Ankara: TOBB, 2010. S. 66.
[671] Ekonomik Rapor 2010. S. 76.
[672] Ekonomik Rapor 2011. Ankara, TOBB, 2012. S. 207.

Центральный банк пытался отреагировать на основные вызовы, которые теперь заключались не только в опасности роста инфляции, но и непрерывно увеличивавшемся на фоне активного послекризисного восстановления дефиците по счету текущих операций платежного баланса. Таким образом, основной спрос на кредиты, разогревавшие турецкую экономику, удовлетворялся за счет притока иностранного капитала, который привлекали сравнительно высокие процентные ставки и более или менее устойчивое развитие турецкого рынка. Схожей политики ЦБТР придерживался и на протяжении 2012 г., несмотря на ее некоторое смягчение к концу года. Тем не менее, хотя с июля 2012 г. средняя стоимость привлечения заемных средств для банков снизилась с 10% до 7%, это все еще более чем на два процентных пункта превышало значение ключевой ставки, которое с 2011 г. оставалось неизменным[673]. В 2013 г. ключевая ставка посредством двух последовательных снижений в апреле и мае упала с 5,5% до 4, 5%[674], что было направлено как на поддержку снизившихся темпов роста национальной экономики, так и недопущение дальнейшего укрепления национальной валюты.

В послекризисные годы достичь целевого уровня инфляции по-прежнему не удавалось. Так, например, целевой показатель инфляции на 2011 г. в 5,5 % в действительности составил 10,5%. К декабрю 2012 г. инфляцию потребительских цен удалось снизить до 6,2% по отношению к прошлогоднему периоду, но этот показатель, как и в прежние годы, оказался выше целевого[675].

Что касается соблюдения нового независимого статуса национального Центрального банка в период правления ПСР, то с точки зрения не слишком искушенного в экономических и финансовых тонкостях действующего президента республики Р.Т.Эрдогана (до августа 2014 г. – премьер-

[673] Turkey 2012 Progress Report. Document accompanying the Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Brussels, European Commission , 2012. P.39.
URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/tr_rapport_2012_en.pdf
[674] Ekonomik Rapor 2013. Ankara, TOBB, 2014. S.90
[675] Ibid. S.187.

министра), усложнение политики ЦБТР и придание ей более разнонаправленного характера воспринималось (если вообще принималось им во внимание) как внутреннее дело государственных финансовых чиновников до тех пор, пока ключевая ставка (характерно, что официально в Турции она именуется политической) демонстрировала устойчивую и правильную, с точки зрения турецкого лидера, тенденцию к снижению.

Зачатки его конфликта как главы исполнительной власти с руководством Центрального банка обнаружились лишь в начале 2014 г. Вслед за девальвацией турецкой лиры (с марта 2013 по сентябрь 2014 г. эффективный курс лиры снизился на 15%) и очередной попыткой Центрального банка поддержать национальную валюту, которая стоила ему потери свыше 3 млрд. долл. валютных резервов, ЦБТР 28 января 2014 г. принял решение о более чем двукратном повышении ключевой ставки до 10%[676], повлекшее за собой удорожание и прочих инструментов финансирования банковской системы страны. Р.Т. Эрдоган не скрывал своего отрицательного отношения к произошедшему: «Я хотел, чтобы вы знали - сегодня я, как и прежде, против повышения процентных ставок», — заявил он[677]. Проявившаяся вдруг чувствительность премьер-министра к вопросу процентных ставок, очевидно, связана с вступлением Турции в менее благоприятный период экономического развития, когда темпы роста ВВП, хотя и остаются положительными, но существенно снизились по сравнению с предкризисным периодом или же периодом бурного послекризисного восстановления. Но в тот момент Р.Т.Эрдоган еще сумел проявить достаточное самообладание для того, чтобы смириться с независимостью ЦБТР и признать его право на принятие подобных решений, хотя и подчеркнул, что вина за последствия (снижение темпов роста) ляжет на ЦБТР, а само решение есть результат победы «процентного лобби» (некой силы, пытающейся играть против интересов Турции и

[676] Milliyet. 30.01.2014.
[677] МК-Турция. 29.01.2014. URL:http://mk-turkey.ru/economics/2014/01/29/rekordnoe-povyshenie-stavok.html

заинтересованной в извлечении спекулятивных сверхдоходов из высоких процентных ставок, как это удавалось ей делать на протяжении 1990-х годов, читай до прихода правящей ПСР к власти –Н.У.).

ЦБТР заявил о намерении удерживать процентные ставки на более высоком уровне до момента снижения инфляции. Дело в том, что формальным поводом для решения Центрального банка стала не девальвация лиры, а ее вклад в дальнейший рост инфляции, который в декабре 2013 г. составил к декабрю прошлого года 7,4%[678]. Этот показатель не только опережал целевой уровень инфляции ЦБТР в 5%, но и выходил за рамки допустимого интервала отклонения в 2 процентных пункта. И хотя ситуация не выглядела более критической, чем в предыдущие годы, девальвация лиры существенно повышала инфляционные ожидания. В пользу принятого ЦБТР решения говорят и факторы, свидетельствующие не столько о циклическом, сколько о структурном замедлении экономики Турции (См. подробнее: гл.4.1). аналогичном тому, которое, по мнению руководства Банка России, происходит в экономике РФ[679]. В ситуации такого замедления монетарное стимулирование окажется «вредным, так как вызовет стагфляцию, то есть разгонит инфляцию без ускорения экономического роста»[680].

Тем не менее, чуть позже в мае 2014 г. началась острая стадия конфликта между премьер-министром Р.Т.Эрдоганом и главой ЦБТР Э. Башчи, как ни странно, после объявления Центральным банком о снижении ключевой ставки на 50 базисных пунктов или 0,5%. Недовольство премьера, вызвала недостойно малая, по его мнению, мера ее снижения. В свою очередь Э.Башчи, очевидно, придавал снижению ставки исключительно политический характер, стремясь успокоить недовольство премьера, который в одном из публичных выступлений еще в апреле 2014 г. заявил о необходимости снижения учетной ставки. Как писал один из экономических

[678] Ekonomik Rapor 2013. S.187
[679] См. подробнее: Юдаева К. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации/ Вопросы экономики. 2014. №9. С.4-12.
[680] Там же. С.5.

обозревателей, «всем известно, что при таком уровне инфляции Центральный банк не должен снижать ставку, но вопреки этому, чтобы унять гнев премьера, все-таки снизил»[681]. Но компромисс не устроил премьер-министра: «Неожиданно повысили ставку на 5%, теперь приходите и понижаете на полпроцента. Вы шутите, что ли? …Чего вы хотите добиться снижением на полпроцента? Такое недопустимо. Мне говорят: "Но это же вмешательство в дела Центрального банка". Ну и пусть будет вмешательство. Если я премьер-министр этой страны, то я должен высказывать свои убеждения» - заявил Р.Т. Эрдоган 26 мая 2014 г. в интервью газете Сабах[682]. Но каковы же его убеждения? Комментируя ситуацию, сложившуюся вокруг ключевой процентной ставки, в уже упомянутом интервью премьер-министр высказал их полно и ясно: «Я рассматриваю высокие процентные ставки в качестве основного препятствия для инвестиций в моей стране. Высокие процентные ставки я считаю основной причиной инфляции. По этому вопросу мое понимание именно такое. В связке проценты-инфляция проценты - причина, инфляция - результат. …Центральный банк бесконечно пересматривает [цель по инфляции]…Связывать ее с валютным курсом, на мой взгляд, еще одна большая ошибка. Какая здесь связь? Курс - это одно, процент - другое. Где сегодня точки приложения инвестиций? Посмотрите на США, какой там процент. Посмотрите на Японию, процент - отрицательный. Посмотрите на Израиль. А у нас – включая комиссионные, 15-17 процентов. …Это повод для сожаления, это грех. В подобной стране возможны ли инвестиции? Если местный капитал не вкладывается в инвестиционные проекты, то причина в этом»[683].

Днем позже в ходе выступления на заседании парламентской фракции ПСР премьер-министр заявил: «Вы [Центральный банк] до сегодняшнего дня хоть раз смогли удержать объявленный уровень инфляции? Все время пересматриваете. И проценты также себя ведут. Допустим, они выросли на 5

[681] Hürriyet. 27.05.2014.
[682] Sabah. 26.05.2014.
[683] Ibid.

пунктов, и инфляция тут же подскочила. Но уже довольно. Мы вынуждены это сказать. Процент – причина, инфляция – следствие»[684]. Похоже, «но уже довольно» Эрдогана относилось и к независимости Центрального банка: «Оказывается, он [Центральный банк] независим…Но отчет нации в конечном итоге даем мы. Я это им уже говорил. Но они продолжают придерживаться другого понимания… Мы ответственны за баланс климата [инвестиционного]. Эта процентная ставка высокая. Нужно думать о ее снижении для повышения реальных инвестиций….Я должен сказать еще одно. Мы – политики, мы держим ответ перед народом, руководство Центрального банка отвечает только перед самим собой… »[685]. Таким образом, Р.Т. Эрдоган увязал независимый характер деятельности ЦБТР с узостью его ответственности и возможностью пренебрежения экономическими интересами нации, поставив тем самым под сомнение целесообразность сохранения статуса Центрального банка.

Что касается собственно экономических воззрений Эрдогана, то у оппозиционных обозревателей они не вызвали ничего, кроме усталого недоумения, напоминаний о монетарном происхождении инфляции, в силу которого рост процентных ставок есть результат более высокой инфляции, комментариев о том, что экономические инициативы премьера следует расценивать как «приглашение национальной экономики к кризису» и что не надо быть экономистом для того, чтобы понять, что в с стране со значительным дефицитом по текущим статьям платежного баланса, то есть с низким уровнем национальных сбережений отрицательная в реальном исчислении процентная ставка не будет способствовать их росту[686].

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что большинство аналитиков связало демарш Р.Т. Эрдогана в отношении учетной ставки с предстоящими президентскими выборами[687]. Однако и став главой Турецкой

---

[684] Sabah. 28.05.2014 .
[685] Hürriyet, 28.05.2014.
[686] Hürriyet. 27.05.2014; Radikal. 28.05.2014.
[687] Haber Türk. 27.05.2014.

Республики, Эрдоган не оставил этот вопрос, хотя и перешел к тактике опосредованного воздействия на его решение. По сообщениям оппозиционной газеты Джумхуриет, в октябре 2014 г. близкие к правительству круги инициировали дискуссию о целесообразности внесения в закон о ЦБТР изменений, дополнив список его первоочередных задач задачей поддержания экономического роста. Опрошенные корреспондентами газеты западные финансовые аналитики, например, аналитик Стандарт банка Т. Эш, UBS банка Дж. Деннис высказались в том ключе, что поскольку ЦБТР на протяжении последних двух лет не справляется со своей основной задачей – удержанием инфляции на целевом уровне, то обременение его дополнительными функциями обречено на неудачу. По их мнению, невозможно проводить параллель между деятельностью ЦБТР и, например, Федрезерва США или центральных банков некоторых других развитых стран, в задачу которых входит поддержание уровня занятости, так как эти страны не находятся в процессе борьбы с высокой инфляцией, а некоторым даже угрожает проблема дефляции. При этом Дж. Деннис особо подчеркнул, что, во-первых, с точки зрения международных инвесторов подобная инициатива ставит под сомнение и без того уже пошатнувшийся независимый статус ЦБТР, а, во-вторых, не все проблемы экономики можно решить с помощью одной лишь монетарной политики[688].

Испытывая давление исполнительной власти, ЦБТР провел еще два этапа снижения ключевой ставки и к июлю 2014 г. она составила 8,25%. В январе 2015 г. ставка в очередной раз была снижена на 50 базисных пунктов до 7,75%, а к середине года – 7,5%[689]. Среднегодовой рост потребительских цен в 2014 г. составил 8,9%[690]. Следовательно, ЦБТР занимался закачкой ликвидности в банковскую систему под процент, реальный уровень которого близок к нулю или имел слабо отрицательные значения, что обусловило

[688] Cumhuriyet. 19.10.2014.
[689] См. официальный сайт Центрального банка Турецкой Республики - URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/tcmb+tr/tcmb+tr/main+page+site+area/tcmb+faiz+oranlari/1+hafta+repo
[690] Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.185.

дальнейший рост инфляционных ожиданий. Глава ЦБТР признал в одном из интервью, что банк в основном использовал такой инструмент, как продажа валюты для того, чтобы, не прибегая к повышению процентной ставки, обеспечить стабильность курса лиры. С февраля 2014 г. ЦБТР проводил ежедневные аукционы по продаже 50 млн. долл., с конца апреля объем продаж снизился до 40 млн. долл. в день[691]. При этом процентная политика ЦБТР не слишком помогла экономическому росту, который по итогам года составил около 3%[692]. В отчете Еврокомиссии по Турции за 2014 г. отмечалось: «Инфляция заметно выросла и существенно опережает целевой показатель. Центральный банк продолжает действовать в направлении достижения нескольких целей, проводя сложную и далекую от консервативной монетарную политику, которая вредит прозрачности и предсказуемости. В случае сосредоточенности на первейшей задаче - стабильности цен - необходимо достичь цели ЦБ по инфляции»[693].

Таким образом, описанные эпизоды прямого давления исполнительной власти на ЦБТР, означающие ущемление его независимого статуса, являются еще одним свидетельством того, что в ситуации кризиса или роста напряженности в национальной экономике, переживающей «в ходе реформы системы проблемы переходности»[694], происходит подмена, вероятно, временная, созданных институтов перехода их квази-формами. Важен вопрос о том, сумеет ли национальная экономика удержаться в алгоритме трансформации или боле комфортным окажется возвращение к привычной системе масштабного государственного регулирования с окончательным перерождением институтов перехода, то есть с утратой ими первоначальной сущности. Последний сценарий в отношении получившего независимый статус Центрального банка представляется малоблагоприятным, поскольку,

---

[691] МК-Турция. 28.04.2014. URL: http://mk-turkey.ru/economics/2014/04/28/cb-turcii-snizil-predlozhenie-valyuty-do-40-mln.html

[692] Ekonomik Rapor 2014. S.185.

[693] Turkey 2014 Progress Report. Enlargement. Brussels, European Commıtıon, 2014. P.22. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2014/20141008-turkey-progress-report_en.pdf

[694] Акимов А.В., Яковлев А.И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М., Издательство Московского университета, 2012. С.177.

во-первых, кредитно-денежные меры стимулирования роста не решают структурных проблем экономики. И, во-вторых, представляется верной мысль В. Мау и А. Улюкаева о том, что «для стран с формирующимися рынками стандартные принципы и меры макроэкономической политики остаются актуальными: при применении нестандартной денежной политики риски для экономики гораздо выше». Они особо подчеркивают, что на этот вывод не влияет то обстоятельство, что в развитых странах нетрадиционная денежно-кредитная и бюджетная политики не ведет к росту инфляции: «Ситуация в развивающихся странах гораздо менее однозначная: инфляционный фон выше, реакция экономики на рост денежного предложения менее гибкая.. Поэтому опасно применительно к развивающимся странам делать вывод о целесообразности отказа от базовых принципов “Вашингтонского консенсуса”, то есть снятия с повестки дня вопросов макроэкономической стабильности…» [695].

Итак, итоги последних четырех параграфов свидетельствуют о том, что турецкая элита не смогла или не захотела привести к завершению те институциональные изменения в экономике, которые позволили бы не допустить возврата к классическим формам экономического популизма, являвшимися источником нестабильности роста на протяжении всей второй половины XX века. Таким образом, хотя Турция и продемонстрировала способность к видоизменению популистской экономической политики (ее адаптации к существованию в условиях сократившегося бюджетного дефицита), при определенных условиях нельзя исключать и возврат турецкой экономики и классической популистской модели второй половины XX в.

[695] Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития/ Вопросы экономики. 2014. №11. С.15-16.

Заключение

В результате предпринятого в работе методологического поиска, цель которого заключалась в разработке альтернативного подхода к изучению и трактовке процессов экономического развития республиканской Турции, вместо ранее использовавшегося критерия периодизации экономической истории страны - изменение соотношения государственной и частной собственности в промышленном секторе - был предложен новый - смена направленности государственной фискальной политики, и основанное на нем видение основных этапов эволюции национальной экономики. Важно подчеркнуть, что достаточно полное объяснение сменяемости периодов, выявленных на основе нового критерия, удалось предложить посредством использования институционального подхода, то расширения границ экономического анализа за счет включения общественно-политического контекста, в котором происходило развитие макроэкономических процессов.

Итак, исследовательский подход советской востоковедной школы исходит из признания объективно высокой роли государства в процессе модернизации и капиталистической трансформации экономики Турции, что привело к масштабному развитию в стране государственного предпринимательства. Поэтому ***в советский период в качестве основного критерия*** эволюции турецкой экономики рассматривалось изменение (постепенное уменьшение) значения государственной собственности, прежде всего, в реальном секторе. Актуальность подобного подхода ограничена хронологическими рамками того периода, когда роль госсектора оставалась более или менее существенной. Поэтому этот подход неизбежно утрачивает свой исследовательский потенциал параллельно с развитием в национальной экономике процессов либерализации и приватизации. По мере окончательного приобретения экономикой Турции черт рыночной, что, очевидно, и произошло к началу XXI в., экономическое значение госсектора, говоря математическим языком, стало пренебрежительно малым, а

перспективы его возрождения совершенно неочевидными. В итоге соотношение государственного и частного сектора в экономике Турции лишилось статуса системообразующего фактора в силу хотя бы того обстоятельства, что на его основе стало невозможно прогнозировать и моделировать процесс дальнейшего развития системы.

Таким образом, потребовалось решить вопрос о выделении в рамках системного подхода в качестве основного такого системообразующего фактора, который позволил бы объединить все периоды в экономическом развитии республиканской Турции, включая нынешний.

Попытка экстраполировать понятие этатизм на такие сферы, в которых, как правило, наблюдается заметное присутствие государства в любой реальной рыночной экономике, как социальное обеспечение, здравоохранение и образование и обосновать актуальность для сегодняшней Турции этатистской модели развития присутствием в них государства, представляется не вполне правомерной, так как ведет к размыванию границ, а в конечном итоге – и смысла самого понятия этатизм.

Ограничения исследовательского подхода, исходящего из оценки меняющейся роли госсектора, обусловлены не только невозможностью его применения для изучения современного этапа экономического развития страны, очевидно, находящегося уже за рамками так называемого «переходного периода». Позволив выявить в экономической траектории Турции некоторые общие черты догоняющего развития, например, значительную роль госпредприятий как основы стратегии импортзамещения и снижение значения госсектора в условиях неизбежного роста конкуренции при переходе к стратегии форсирования экспорта, этот подход оставляет без ответа вопросы: почему экономическому развитию Турции оказались присущи такие специфические черты, как инфляционный характер роста на протяжении большей части всего периода существования республики, который периодически прерывался кризисами; почему при наличии общих черт догоняющего развития его результаты оказались

неодинаковыми для разных стран и почему, например, Турции не удалось войти в число НИС первой волны, а Южная Корея по-прежнему остается для нее лишь частично повторенным примером развития.

Необходимость исследования проблем инфляционного роста и его периодических кризисов свидетельствует в пользу возможной эффективности макроэкономического анализа в традициях неоклассической школы, который в той или иной мере и форме начал использоваться в российской востоковедной науке в постсоветский период. Выделение в соответствии с подходами советской школы масштабного госпредпринимательства как детерминанты модели логически дополнялось приданием всем прочим видам государственного экономического регулирования подчиненного статуса и наделением их в качестве основной функцией обслуживания государственной промышленной собственности. Альтернативная схема системного анализа исходит из учета обратного влияния фискальной и кредитно-денежной политики на динамику и особенности экономического роста, а потому в качестве ***альтернативного критерия*** смены периодов развития экономики выделяется именно изменение характера государственного финансового регулирования. Правда, в этом случае следует оговориться, что с учетом того обстоятельства, что Турция пережила длительный период хронической инфляции и неустойчивых темпов роста, воздействие системообразующего фактора на развитие системы может рассматриваться как дестабилизирующее. Впрочем, такой вариант допускается концепцией системного подхода.

Анализ динамики основных макроэкономических показателей позволил выявить совершенно иные переломные точки (периоды) в развитии Турецкой Республики. Первая - 1950-е годы, когда совершился переход от политики фискального и кредитно-денежного сдерживания к политике государственного финансового экспансионизма. Следующей точкой перелома следует считать 2000-е годы, когда после нескольких

десятилетий в разной степени выраженных, но неизменно присутствовавших бюджетной несбалансированности, роста цен и перепадов показателей роста, страна вошла в период относительной финансовой стабилизации и устойчивого развития.

Позволив выстроить альтернативную периодизацию, в которую вписывается вся экономическая история республики, подобный подход все же не позволяет ответить на вопрос о факторах долгосрочного изменения характера государственной финансовой политики. В целом его применение обеспечило результаты схожие с теми, которые были получены при использовании методов макроэкономического анализа к изучению экономики других стран Востока. Удалось ответить на вопросы, как происходило развитие - каковы были темпы роста, как они обеспечивались процессом взаимодействия его основных факторов, насколько часто экономика сталкивалась с кризисами, какова были их предпосылки и картина развития. Более того, удалось выявить в определенном смысле деструктивный характер государственной экономической политики, которая благодаря чрезмерному акцентированию на фискальном и кредитно-денежном стимулировании придала экономическому развитию неустойчивый, прерывавшийся довольно частыми кризисами характер.

Но при этом остается неясным, почему Турции оказалась свойственны именно такая траектория роста и итоги развития. Будучи осведомленными о связи бюджетного дефицита с ростом инфляции и повышением общей нестабильности экономического развития, турецкие элиты, тем не менее, были почему-то не в состоянии вырваться из порочного круга, который приводил не только к постоянному давлению на национальный Центральный банк и росту цен, но и усилению привязки экономического роста к внешним источникам финансирования. В связи с последним обстоятельством также важно выяснить причины, в силу которых стратегия экспорториентированного развития, в отличие от новых индустриальных стран первой волны, например, Южной Кореи, несмотря на

длительный характер осуществления, не позволила решить проблему дефицита внешней торговли посредством обеспечения поступательного повышения технологического уровня национальной обрабатывающей промышленности.

Результаты макроэкономического анализа развития Турции подтвердили предположения ряда российских исследователей: общие закономерности экономического развития имеют свою специфику проявления в условиях стран Востока. Таким образом, был задан алгоритм исследования, который применительно к Турции должен состоять в изучении и учете этой специфики и тех видоизменений, к которым приводит их наложение на действие считающихся устойчивыми экономических взаимосвязей. Наличие этой специфики предопределяется совокупностью тех особых институциональных условий, которые присущи странам Востока и которые все в большей степени привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей как одна из основных возможностей познания нестандартных путей экономической эволюции в странах региона.

Признание ***институционального подхода*** как наиболее перспективного для исследования процессов экономического развития в странах Востока в целом в качестве следующего шага требует выделить те школы, которые могли оказаться полезны при объяснении их специфических черт и особенностей. Применительно к Турции - это, во-первых, подходы традиционной школы институционализма, которые позволяют ввести в круг факторов, влияющих на экономическую эволюцию особенности политического развития – демократизацию, начавшую формироваться после Второй мировой войны на первом этапе ограничившуюся переходом к многопартийной системе. При отсутствии других каналов демократического волеизъявления общественные противоречия сконцентрировались именно на поле межпартийной борьбы, что обусловило ее исключительно высокий накал и остроту. То есть

государственное экономическое регулирование стало осуществляться в условиях сменяемой на конкурентной основе власти.

Процесс практически немедленного вовлечения в орбиту межпартийной борьбы экономических интересов избирателей, наиболее актуальных в относительно бедном обществе с высоким уровнем неравенства в распределении доходов, и последующее манипулирование ими со стороны конкурирующих между собой политических партий в своих интересах описывается системой взаимосвязей, которые исследуются теорией политического делового цикла, имеющей неоинституциональное происхождение. Будучи дополненной уточнением специфических черт переходной демократии по Р.Кауфману и Б.Сталлингсу, эта теория позволяет проследить процесс возникновения предпосылок для формирования специфики политического делового цикла в Турции как популистского, начала проведения и дальнейшего широкого использования турецкими элитами политики экономического популизма. Специфика турецкого цикла заключалась в удлинении фазы стимулирования экономики, то есть собственно фазы проведения популистской политики и сокращении фазы стабилизации, в результате чего экономический популизм превратился в тяготеющую к хронической или полуперманетную форму экономической политики. Характерное для нее перераспределение дохода в пользу групп интересов в целях получения правящей партией политических выгод (голосов на очередных выборах) при нарушении принципа сбалансированности государственных финансов и последующее устойчивое воспроизводство этой политики (попадание в популистскую ловушку) объясняет приверженность Турции на протяжении нескольких послевоенных десятилетий инфляционному характеру роста на фоне хронического бюджетного дефицита, который сопровождался перегревом экономики и неизбежными систематическими кризисами.

Повторяемость финансово-экономических кризисов (кризисов роста) в Турции позволяет выявить некоторые общие закономерности их назревания

и разрешения. Кризису, под которым в данном случае подразумевается не только сокращение ВВП, но и снижение темпов его роста, например, на рубеже 1950-60-х гг., в большинстве случаев предшествовал рост бюджетного дефицита, повышение зависимости от внешнего финансирования, о чем свидетельствовало увеличение дефицита внешней торговли, а также абсолютный и относительный рост внешнего долга, ускорение инфляции. При этом характерно, что, как правило, размеры денежной массы в относительном исчислении либо оставались прежними, либо демонстрировали несущественный рост (см. табл.11 Приложения). Таким образом, о приближении кризиса в большей мере свидетельствовали именно темпы роста внешнего долга, опережавшие темпы роста ВНП (ВВП), что вполне объяснимо с учетом значительной роли внешних источников в решении проблемы обеспечения дефицитного финансирования для бюджетной сферы и характера использования полученных средств: государство расширяло финансовую поддержку экономики не за счет ее кредитования, а за счет роста государственных расходов (исключением следут считать кризис конца 1950-х гг.), оплачиваемых через иностранные заимствования (модель со встроенным долговым кризисом). В итоге опережающими темпами росла именно денежная база, а не масса. Следовательно, турецкие кризисы, являлись одновременно кризисами государственных финансов и долговыми кризисами, которые в ряде случаев совпадали с развитием кризисов на международных финансовых рынках. В итоге Турция часто лишилась постоянно необходимого внешнего финансирования не только и не столько ввиду недоверия к проводимой ею финансовой политике, но и в силу общих конъюнктурных сбоев. Таким образом, корректно предположить, что кризис часто наступал до прохождения критической точки в процессе разбалансирования госфинансов, если говорить об исчерпании возможностей внутреннего кредита. Поэтому картину экономического развития Турции лишь отчасти можно считать иллюстрацией несостоятельности упорной стимулирующей

фискальной политики, разрешающейся неизбежным кризисом. В не меньшей мере проявляли себя как первопричина неустойчивости темпов роста издержки политики постоянной опоры на внешние источники финансирования. В силу последнего обстоятельства возобновление внешнего финансирования после девальвации и оздоровления платежного баланса означало начало нового цикла развития экономики, что приводило к дальнейшему чередованию периодов довольно устойчивого роста с неизбежными кризисами, снижавшими среднегодовые показатели роста за период. Но предшествовавшие кризису годы экономического роста, иногда довольно устойчивого вполне отвечали краткосрочным интересам популистских правительств.

В ходе исследования удалось выявить, что группы интересов, которые оказывались в центре внимания находившихся у власти элит, менялись, оказывались то лучше очерченными и более компактными, как, например, в период правления Демократической партии или Партии отечества Т. Озала, то становились более размытыми, как, например, в период проведения в 1990-е годы правоцентристскими партиями политики фискального стимулирования. Но оглядка на избирателя каждый раз оставалась неизменной, о чем в частности свидетельствует четко прослеживающиеся в конце XX в. контуры политического делового цикла.

Экономическую модель, сложившуюся в Турции, в известной мере можно рассматривать как противоположность девелопменталистского государства или как популистскую рыночную модель: участвуя в экономическом развитии через развитый институт государственной собственности, государство демонстрировало неготовность к последовательному выполнению функции подавления недовольства наемных работников, периодически действуя в их интересах, а также других групп избирателей. Актуальность результатов выборов различного уровня не позволяла действующей власти, дистанцировавшись от групп интересов, концентрироваться исключительно на целях развития. В рамках

популистской рыночной модели наряду с глобальными задачами догоняющего развития, а зачастую и вразрез с ними решались краткосрочные задачи обеспечения жизнеспособности правительств посредством достижения договора с избирателями за счет разного рода экономических уступок.

Говоря более предметно, описанный опыт экономического развития отличает Турцию от тех стран Востока, для которых характерно сравнительно позднее начало демократической трансформации и продолжительный период пребывания в условиях авторитарного или полуавторитарного правления, который создавал предпосылки для продолжительной и эффективной экономии на частном потреблении и роста сбережений. Примером такого рода страны может служить Южная Корея.

Вместе с тем траектория экономического развития Турции схожа с той, которой на определенном этапе следовали страны Латинской Америки, так же довольно рано приступившие к накоплению своего национального опыта демократизации, отражаемого понятием переходной демократии.

Определенные черты сходства просматриваются и с опытом социально-экономического развития западных стран, особенно в периоды сравнительно высокой инфляции, хотя консолидация (созревание) демократии постепенно ограничили проявления «беззастенчивого» экономического популизма за счет снижения остроты политической конкуренции и достижения под влиянием не только внутри, но и внешнеинституциональных факторов (например, введение ЕС единых стандартов государственной финансовой политики) некого консенсуса политических сил по поводу общих контуров фискальной и кредитно-денежной политики. По замечанию российского экономиста Д. Травина борьба левых политиков Запада в XX веке за перераспределение ВВП от богатых к бедным наталкивалась на опасения правых, что при таком подходе

экономику не удастся сохранить в рабочем состоянии, в итоге удалось выйти на некий уровень, от которого сложно отклониться[696].

Тем не менее, можно предположить, что в случае ослабления авторитарного характера власти и при создании возможностей для реальной политической конкуренции актуализация социального направления государственной экономической политики, которая в той или иной мере проводится в некоторых странах Востока, например, во Вьетнаме и Китае, способна привести к появлению элементов экономического популизма и в действиях элит этих стран.

Дополнение использованного в работе макроэкономического анализа институциональными подходами позволяет рассматривать данное исследование как своего рода эксперимент по применению методов системного синтеза. Его сущность заключается в одновременном использовании фундаментальных и, очевидно, продуктивных и при этом не противоречащих друг другу положений ряда теорий развития, которые при самостоятельном применении не способны предложить исчерпывающее объяснение данного хода этого развития.

Как уже отмечалось, после 2002 г. с приходом к власти ПСР Турция вступила в период относительной финансовой стабилизации и более устойчивого роста. Следовательно, экономическая политика правительства утратила один из важнейших формальных критериев политики экономического популизма, согласно которому ее проведение неизбежно сопровождается ростом бюджетного дефицита и напряженности в системе государственных финансов. Таким образом, можно было бы предположить начало нового периода в экономической истории Турции, который возвращает страну к предвоенному периоду финансовой сдержанности и роста преимущественно на собственной основе. Но более подробный анализ макроэкономического развития Турции позволил оценить состояние национальной экономики как квази-стабилизацию, поскольку относительное

[696] Травин Д. Трамп больше, чем Трамп/ Ведомости. 03.03.2016.

снижение объемов бюджетного дефицита происходило на фоне заметного роста дефицита по счету текущих операций. То есть проблема нехватки средств для развития на собственной основе сместилась из государственного сектора в частный. Турецкий бизнес, используя благоприятную конъюнктуру, занимался активной заемной деятельностью на внешних рынках для финансирования инвестиций и поддержания темпов роста национальной экономики. При этом выросли абсолютные объемы долговой нагрузки, а сама турецкая экономика в силу высоких потенциальных рисков в случае сокращения объемов внешнего финансирования получила, по оценкам международных инвесторов, статус хрупкой (fragile). Таким образом, изменился лишь характер локализации уязвимых точек экономики, но не была решена проблема их устранения. Поэтому снижение дисбаланса в сфере госфинансов не означает обретения экономикой страны структурного равновесия, тем более, что и в предыдущих сценариях кризисов предопределяющим обстоятельством оказывалась именно утрата внешними рынками готовности предоставить необходимый объем финансирования. Последнее обстоятельство позволяет отнести экономическую политику ПСР к некой новой разновидности популизма, который сочетает активную социальную или перераспределительную политику с относительно сбалансированным бюджетом. Предпосылкой такой в своем роде уникальной экономической практики стало снижение инвестиционной активности государства, передача функции поддержания роста частному сектору при предоставлении ему лучших возможностей для использования внешнего финансирования за счет улучшения ряда макропоказателей национальной экономики, но на фоне углубления проблемы дефицита по счету текущих операций. Освобождение бюджета от бремени инвестиций и снижение благодаря финансовой стабилизации нагрузки по обслуживанию государственного долга позволило высвободить средства для проведения более активной социальной политики.

Активная социальная политика периода правления ПСР, с одной стороны, опиралась на принцип универсальной доступности, но с другой - неизменно ориентировалась на особую группу интересов – бенефициаров правительства ПСР, являвшихся в силу объективно низкого имущественного статуса наиболее активными потребителями государственной социальной помощи, и, как следствие, - особо горячими сторонниками правительства. В соответствии с двойственными целями социальной политики применялась специфическая система ее финансирования – как через формальные (бюджетные), так и неформальные каналы перераспределения, которые не использовали напрямую средства бюджета Центрального правительства, а финансировались внебюджетным Фондом социальной поддержки и солидарности, связанной с ним Администрацией жилищного строительства, контролировавшимися ПСР муниципалитетами. В ходе анализа социальной политики ПСР удалось установить исключительную важность для правительства не только и не столько общедоступной социальной политики, сколько различных по преимуществу адресных видов социальной поддержки, предоставлявшейся гражданам с низким имущественным статусом.

В отлажено работающих системах социальная помощь предназначена лишь для корректировки недочетов, выявляющихся в ходе функционирования системы социального страхования. Но в Турции широко использовавшаяся социальная поддержка представляла собой особую, а потому вполне самостоятельную, а не вспомогательную форму социальной политики, с помощью которой параллельно решалась и задача налаживания эффективной связи правительства со «своим» избирателем.

Следует отметить, что в ходе предоставления разнообразных форм социальной помощи тесно переплетаются два обстоятельства: поддерживаются наиболее нуждающиеся слои населения, что в большой мере оправданно, и одновременно - в силу электоральной ориентации ПСР -

они же, но уже как наиболее активные сторонники партии на выборах разного уровня, что парадоксальным образом предполагает заинтересованность правящей партии как в численном преумножении получателей помощи, так и в сохранении их статус-кво.

Готовность властей к оказанию масштабной социальной помощи поддерживала существование обширного сектора теневой занятости. С одной стороны, неофицальный найм позволяет работодателю снижать издержки, а, с другой, развитие института государственной социальной помощи существенно улучшает положение занятых в неформальном секторе, компенсируя им выпадение из программ социального страхования. В итоге можно говорить о формировании устойчивой связи между популизмом власти, увеличением бедности и ростом популярности «социального попрошайничества». Возложение на социальную политику функций возмещения доходов и компенсации услуг для занятых в неформальном секторе имеет одной из своих целей закрепление конкурентных преимуществ, обеспечиваемых дешевизной рабочей силы. Но будущее страны может быть связано лишь с повышением качественных характеристик рабочей силы, которые обеспечиваются эффективно работающей в интересах всего населения системой социального страхования.

Объясняя феноменально долгое для Турции в условиях острой межпартийной конкуренцией пребывание у власти правительства ПСР, необходимо принять во внимание и рост расходов на основные (универсальные) направления государственной социальной политики. Следует отметить такие объективные достижения ПСР, как создание всеобщей эффективно и доступно функционирующей системы медицинского страхования, беспрецедентное расширение сети университетов и пр. Поэтому важный фактор политического долгожительства ПСР заключается в том, что в результате весьма своеобразного смешения формальных и неформальных каналов перераспределения ей удалось добиться создания более широкой коалиции

избирателей-сторонников, чем маргинализированные и бедные группы, попавшие в зависимость от социальной помощи властей.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что постоянная внешняя финансовая подпитка позволяла поддерживать темпы роста турецкой экономики на фоне высокого уровня частного потребления, что также отвечало интересам электората.

Таким образом, в период правления ПСР наблюдался весь комплекс признаков политики экономического популизма. Во-первых, осуществлялась активная перераспределительная политика в пользу групп интересов, причем двух уровней, как более узкой, но активно настроенной на поддержку правительства маргинализированной группы, которая поддерживались через институт социальной помощи, так и более широкой совокупности избирателей, благоволящих правящей партии благодаря усилению социальной политики и росту расходов на широко доступное здравоохранение и образование. Во-вторых, само пребывание ПСР у власти на протяжении беспрецедентно длительного периода для Турции новейшего времени подтвердило, что перераспределительная политика обеспечивала искомые политические дивиденды. Наконец, хотя экономика Турции в этот период и не испытывала усиливавшегося давления со стороны бюджетного дефицита, проведение активной социальной политики ПСР не было бы возможно без значительной подпитки экономики страны внешними источниками финансирования. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что все выше описанные процессы происходили на фоне неуклонного и заметного роста дефицита по счету текущих операций платежного баланса. Кроме того, социальная помощь правительства способствовала консервации занятости в теневом секторе экономики. Таким образом, макроэкономические издержки политики экономического популизма сместились из сферы госфинансов в сферу платежного баланса и рынка труда, но при этом их острота оставалась весьма чувствительной для национальной экономики в целом.

По итогам исследования в дополнение к классическому определению экономического популизма, в котором в качестве его основного негативного макроэкономического следствия выделяется бюджетный дефицит, можно предложить более широкую трактовку данного понятия: политически мотивированная выходящая за рамки объективных возможностей национальной экономики поддержка правительством связанных с ним групп интересов, которая в условиях глобализации и дальнейшей интернационализации международного финансового рынка способна привести к новым видам дисбалансов в макроэкономической сфере - росту дефицита по счету текущих операций платежного баланса, а при определенных обстоятельствах - и суммарному дефициту платежного баланса (по счету текущих операций и счету движения капитала). При этом, как свидетельствует пример Турции, подобные тенденции могут развиваться на фоне относительного благополучия в бюджетной сфере, но при этом усиливается привязка экономического развития к внешним источникам финансирования.

Предпосылки для сохранения изменившихся по форме проявления, но оставшихся по сути неизменными популистских черт экономической политики обеспечивалось замедленным ходом в Турции в силу разных причин процесса консолидации или созревания демократии. В итоге Турция относится к так называемым демократиям «второй волны» - менее устойчивым, чем большинство латиноамериканских демократий «третьей волны», поскольку преуспев с точки зрения «избирательной» или «процедурной» демократии, она пока терпит поражение с точки зрения создания реальной демократии, опирающейся на действительно плюралистический политический порядок[697].

[697] См. подробнее: Oniş Z. Sharing Power& Turkey's Democratization Challenge in the Age of the AKP Hegemony//Insight Turkey. 2013. Vol.15/ № 2. P.103

Вместе с тем, одной из важнейших особенностей экономической политики периода ПСР стало сохранение возможностей для беспрепятственного возврата к классическим формам экономического популизма, в первую очередь, с точки зрения способов финансовой поддержки групп интересов – непосредственного проведения расширительной фискальной политики. Иными словами, остаются открытыми пути для обращения к использованию, в случае необходимости, более открытых и жестких форм борьбы за будущее правящей партий, в том числе к росту бюджетного дефицита и применению инструментов дефицитного финансирования с последующим неизбежным ускорением инфляции. Речь идет: о произошедшем по существу пересмотре статуса независимых регулирующих агентств как инструмента, призванного воспрепятствовать использованию нерыночных методов регулирования чувствительных сфер экономики и их подчинении отраслевым министерствам; о несостоявшейся попытке введения бюджетного правила при одновременном отказе от продолжения кредитного сотрудничества с МВФ, которое являлось важным экзогенным фактором финансовой стабилизации в стране; наконец, - о фактическом наступлении исполнительной власти на остающийся пока формально независимым статус национального Центрального банка.

Итак, во-первых, в период правления ПСР экономическая политика, претерпев некоторые изменения по форме, по сути не утратила популистского характера. Во-вторых, ее преемственно популистский характер в сочетании с определенными институциональными изменениями, целью которых, в конце концов, оказалось, не упрочение стабилизации и создание механизмов, препятствующих использованию экономики в политических целях, а сохранение статус-кво, позволяют предположить хрупкость достигнутого в экономике страны макроэкономического баланса, который к тому же является лишь частичным. Ухудшение конъюнктуры

мирового финансового рынка, снижение доступности внешнего финансирования, дополненные определенными вызовами правящей партии, например, падением ее поддержки среди избирателей способны легко вернуть страну к классическим формам политики экономического популизма, проведение которой сопровождается ростом макроэкономической нестабильности.

Следует отметить, что в новых условиях развития Турции, когда произошло по существу необратимое вытеснение армии из политического процесса, остается открытым вопрос о механизмах прерывания «популистского цикла», так как в прошлые периоды республиканской Турции военные правительства, приходившие к власти в результате госпереворотов, наряду с политическими задачами эффективно решали и задачи экономической стабилизации.

По итогам проведенного исследования представляется возможным выявить наиболее характерные закономерности экономического развития Турции на протяжении значительной части республиканского периода (второй половины XX века). Они заключались в устойчивом использовании инфляционных механизмов роста, то есть упорной стимулирующей фискальной и кредитно-денежной политики для поддержания темпов роста. Помимо кредитно-денежной экспансии выход государственных расходов за рамки бюджетных доходов поддерживался практически постоянным привлечением внешних источников финансирования. Продолжительное использование методов фискального стимулирования, не компенсировавшееся последующей ограничительной политикой, приводило к неизбежным кризисам роста, которые, являясь по сути кризисами государственных финансов, развивались не только и не столько по причине опасного увеличения государственного долга, сколько в силу прекращения в силу тех или иных факторов доступа к внешнему финансированию.

Причины столь устойчивой приверженности инфляционной траектории роста носили политический характер, будучи связанными с тем обстоятельством, что на фоне усиления со второй половины XX в. условиях перехода к режиму эффективной межпартийной политической конкуренции и обострения борьбы за голоса избирателей произошло обращение к использованию политики экономического популизма и ее последующим длительным воспроизводством в силу попадания в так называемую популистскую ловушку. Ситуацию усугубляла специфика популистского делового цикла в Турции: сжатие фазы стабилизации при удлинении фазы стимулирования экономики фискальными и кредитно-денежными методами. Общие выявленные закономерности экономического развития страны с определенными оговорками проявлялись и после 2002 г. Несмотря на то, что страна порвала с инфляционным типом роста, экономическая политика правительства ПСР не утратила сущностных популистских черт, хотя изменились формы проявления его негативных макроэкономических последствий. Тем не менее, популистская перераспределительная модель по-прежнему опиралась на использование внешних источников финансирования, впрочем, ставшее более масштабным.

Библиография

Официальные документы, доклады, статистические материалы

1. АВП РФ. Ф.132. Оп.50, П.152, Д.19, л.83-84.
2. АВП РФ. Ф.132, Оп.50, П.152Д.20, л.110.
3. АВП РФ. Ф.132, Оп.50, П.152Д. 20, л.126.
4. АВП РФ. Ф.132, Оп.50, П.152, Д.21, Л.78-79.
5. База данных Всемирного банка. URL: http://wdi.worldbank.org
6. База данных Турецкого статистического общества. URL: http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=kategorist
7. База данных Казначейства Турекой Республики. URL: https://www.hazine.gov.tr/tr-TR/Istatistik-Sunum-Sayfasi?mid=59&cid=12
8. Действующая редакция закона о Центральном банке Турецкой Республики с изменениями, привнесенными законом №4651 от 25 апреля 2001 г. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/a7b93c7e-bb25-4fcc-b110-23f2d1dad07d/kanun.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a7b93c7e-bb25-4fcc-b110-23f2d1dad07d
9. 2002 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Her sey Türkiye için. Ankara, AK Parti, 2002. 135 s.URL: http://www.akparti.org.tr/site/dosyalar#!/26.-donem-milletvekili-adaylik-basvuru-dosyalari
10. Bankalarımız 2009. Ankara: Türkiye Bankalar Birliği, 2010. 315 s.
11. Banks in Turkey 2010. Ankara: The Banks Association of Turkey, 2011. 320 p.
12. Banks in Turkey 2011. Ankara: The Banks Association of Turkey, 2012. 319 p.
13. Başlıca Ekonomik Göstergeler. Aralık 1996. Ankara: T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlığı, 1997. 159 s.
14. Başlıca Ekonomik Göstergeler. Mart-Nisan 2000. Ankara: T.C. Başbakanlık Dış Ticaret Müsteşarlıgı, 2000. 157 s.
15. Building Turkey's Future. TOKİ Corporate Profile 2008/2009. Ankara: Republic of Turkey. Prime Ministry Housing Development Administration of Turkey, 2009. 107 p. URL: http://www.toki.gov.tr/docs/yayinlar/TOKI_book_sec_en.pdf
16. Budget Speech 1957. Delivered by The Minister of Finance At the Plenary Session of the grand National Assembly of Turkey, February 20, 1957 and The answers given by The Minister of Finance To the Criticisms of the Spokesmen of the Opposition Parties during the general discussion of the 1957 Budget Bills at the Plenary Session of the Grand National Assembly. Istanbul: Republic of Turkey Ministry of Finance. Board of Financial Research Publication. №: 1957-58: 94-1., 1957. 137 p.

17. Dış Ticaret İstatistikleri 1995. Ankara: Devlet İstatistik Enstitüsü, 1997. s.108
18. **Текущий документ не содержит источников.**
19. Economic report 1990. Ankara, Union of the Chambers of Commerce, Industry, Maritime Trade and Commodity Exchanges of Turkey, 1990. 367 p.
20. Economic Report 1994. Ankara, UCCET, 1995. 130 p.
21. Economic Report 1995. Ankara, UCCET, 1996. 139 p.
22. Economic Report 1997. Ankara, UCCET, 1998. 155 p.
23. Economic Report 1998. Ankara, UCCET, 1999. 146 p.
24. Ekonomik Rapor 2000. Ankara, TOBB, 2001. 172 s.
25. Economic Report 2004. Ankara, UCCET, 2005. 128 s.
26. Ekonomik Rapor 2005. Ankara, TOBB. 2006. 126 s.
27. Ekonomik Rapor 2006. Ankara, TOBB, 2007. 133 s.
28. Ekonomik Rapor 2007. Ankara, TOBB, 2007. 144 s.
29. Ekonomik Rapor 2008. Ankara, TOBB, 2009. 170 s.
30. Ekonomik Rapor 2009. Ankara, TOBB, 2010. 136 s.
31. Ekonomik Rapor 2010. Ankara, TOBB, 2011. 171 s.
32. Ekonomik Rapor 2011. Ankara, TOBB, 2012. 394 s.
33. Ekonomik Rapor 2012. Ankara, TOBB, 2013. 208 s.
34. Ekonomik Rapor 2013. Ankara, TOBB, 2014. 192 s.
35. Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. 187 s.
36. İstatistik göstergeler 1923-2008.Ankara, Türkiye İstatistik Kurumu, 2009. 768 s.
37. İstatistik Göstergeler 1923-2011. Ankara, TÜİK, 2012. 771 s.
38. Gelecegin Turkiye'sini İnşa Ediyoruz. TOKİ Kurum Profili 2010-2011. Ankara: T.C.Başbakanlik. Toplu Konut İdaresi Başkanlığı, 2011. 167 s. URL: http://www.toki.gov.tr/docs/yayinlar/TOKI'11_TRK.pdf
39. 4.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 05.04.2003. 23 s. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/911dc502-8ceb-4ede-b5dd-82b2c0ac6706/4gg_nm_tr.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=911dc502-8ceb-4ede-b5dd-82b2c0ac6706
40. 5.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 25.07.2003. 12 s. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/39b6d996-fe18-4950-a049-dd55e15d4435/5ggnmtur.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=39b6d996-fe18-4950-a049-dd55e15d4435
41. 6.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 31.10.2003. 8 s. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/5176c44b-e329-483b-8346-44c49abbd4c8/LOI+%281%29.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=5176c44b-e329-483b-8346-44c49abbd4c8

42. 7.Gözden Geçirmeye İlişkin Niyet Mektubu. Ankara, Türkiye Cumhuriyeti Başbakanlık, 02.04.2004 10 s. URL: http://www.tcmb.gov.tr/wps/wcm/connect/f58219fe-565c-45bd-853e-18c6fc44e6de/loi.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=f58219fe-565c-45bd-853e-18c6fc44e6de
43. Güven ve İstikrar icinde durmak yok yola devam. 2007 Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Ankara: Adalet ve Kalkınma Partisi, Haziran 2007. 251 s. URL: http://www.akparti.org.tr/site/dosyalar#!/5.-olagan-buyuk-kongre-gundemi
44. 58.Hükümet Programı. Ankara, 2002.URL: https://www.akparti.org.tr/upload/documents/58inci-hukumet-programi.pdf
45. Hükümetin Performansı (Kasım 2002 – Aralik 2003) Araştırma Raporları: 44. Ankara, MÜSİAD, 2004. 43 s.
46. Mali Kural Kanunu Tasarısı ile Plan ve Bütçe Komisyonu Raporu(1/891). Ankara, TBMM, 2010. 32 s.
47. 2008-2012 Maliye Bakanlığı Strategik Planı. Ankara: T.C.Maliye Bakanlığı, 2008. 64 s. URL: http://www.sp.gov.tr/documents/planlar/MaliyeBakanligiGuncelSP0812.pdf
48. Orta Vadeli Program (2014-2016). Ankara: T.C. Kalkınma Bakanlığı, 2013. 27 s. URL: http://www.bumko.gov.tr/TR,42/orta-vadeli-program.html
49. Republic of Turkey. Medium Term Programme (2010-2012). Ankara: Undersecretariat of State Planning Organization, 2009. 78 p. URL: http://www.mod.gov.tr/Lists/MediumTermPrograms/Attachments/4/Medium%20Term%20Programme%202010-2012.pdf
50. Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2006. Ankara, 2006. 130 p. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/publications/publication11978_en.pdf
51. Republic of Turkey Pre-Accession Economic Programme 2008. Ankara, 2009. 100 p. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/international/enlargement/pre-accession_prog/pep/pep-turkey-2008-2009_en.pdf
52. Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2011-2013. Ankara, 2011. 107 p. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/international/enlargement/pre-accession_prog/pep/2011-pep-turkey_en.pdf
53. Republic of Turey. Pre-Accession Economic Programme 2012-2014. Ankara, 2012. 103 p. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/international/enlargement/pre-accession_prog/pep/2012-pep-turkey_en.pdf
54. Selected Economic Indicators. Ankara: R.T. Prime Ministry Undersecretariat of Treasury, 1998. 34 P.

55. Seventh Five Year Development Plan (1996-2000). Ankara, Turkısh Republic Department of Public Relations and Publications. State Planning Organization.1995. 308 s.
56. Statement by the IMF on Turkey. Press Release № 09/307. Wash., September 16, 2009. URL: www.imf.org/external/np/sec/pr/2009/pr09307.htm
57. The Turkish Economy 1997. Istanbul: MÜSİAD, 1997 . 173 s.
58. Turkey. Fifth Review Under the Stand-By Arrangement and Request for Waiver of Performance Criteria and Extension of Repurchases Expectations. Wash.: International Monetary Fund, 2003. 84 p. URL: https://www.imf.org/external/pubs/ft/scr/2003/cr03324.pdf
59. European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2007-2008. Brussels, Commission of the European Communities, 2007. 82 p. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2007/nov/turkey_progress_reports_en.pdf
60. Turkey 2007 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2007-2008. Brussels, Commission of the European Communities, 2007. 82 p. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2007/nov/turkey_progress_reports_en.pdf
61. Turkey 2008 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council "Enlargement Strategy and Main Challenges 2008-2009". Brussels: Commission of the European Communities, 2008. 90 p. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/press_corner/key-documents/reports_nov_2008/turkey_progress_report_en.pdf
62. Turkey 2011 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2011-2012". Brussels: European Commission, 2011. 114 p. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2011/package/tr_rapport_2011_en.pdf
63. Turkey 2012 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2012-2013". Brussels: European Commission, 2012. 94 p. URL: http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2012/package/tr_rapport_2012_en.pdf
64. Turkey 2014 Progress Report. Enlargement. Brussels, European Commıtıon, 2014. 81 p. URL:

http://ec.europa.eu/enlargement/pdf/key_documents/2014/20141008-turkey-progress-report_en.pdf
65. Turkey 2013 Progress Report Accompanying the Document "Communication From the Commission to the European Parliament and the Council. Enlargement Strategy and Main Challenges 2013-2014". Brussels: Commission of the European Communities, 2013. 80 p.
66. Türkiye Ekonomisi 2003. Istanbul, TÜSİAD, 2003. 126 s.
67. Türkiye İstatistik yıllıgı 1995. Ankara: Devlet İstatistik Enstitüsü, 1996. 723 s.
68. 2010 Yılı Programı. Yüksek Planlama Kurulunun 12/10/2009 tarihli ve 2009/32 sayılı Raporu ile Bakanlar Kurulu'na sunulan ekli "2010 Yılı Programı" ile "2010 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Karar"ın kabulü; 540 sayılı Kanun Hükmünde Kararnamenin 28 inci maddesine göre, Bakanlar Kurulu'nca 12/10/2009 tarihinde kararlaştırılmıştır. Ankara, 2009. 266 s. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2009/10/20091017M1-1.htm
69. 2011 Yılı Programı.18 Ekim 2011 Tarihli ve 28088 Sayılı Mükerrer Resmi Gazete'de Yayımlanan 11 Ekim 2011 Tarihli ve 2011/2303 Sayılı 2012 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara, 2011. 301 s. URL:www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2011/10/20111030M1-1.doc;
70. 2013 Yılı Programı. 18 Ekim 2012 Tarihli ve 28445 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 4 Ekim 2012 Tarihli ve 2012/3839 Sayılı 2013 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki, Ankara: Bakanlar Kurulu, 2012. 308 s. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2013/01/20130112M1-1.htm
71. 2015 Yılı Programı. 17/10/2014 Tarihli ve 29148 Sayılı Resmi Gazete'de Yayımlanan 30/09/2014Tarihli ve 2014/6841 Sayılı 2015 Yılı Programının Uygulanması, Koordinasyonu ve İzlenmesine Dair Bakanlar Kurulu Kararı Eki. Ankara: Bakanlar Kurulu, 2014. 300 s. URL: http://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2014/11/20141101M1-1.pdf
72. Yeni Türkiye Yolunda Daima Adalet Daima Kalkınma. 7 Haziran Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Ankara, AKP, 2015. 377 s./URL: http://www.akparti.org.tr/upload/documents/2015-secim-beyannamesi-20nisan.pdf

Исследования на русском языке

73. Абрамова И.О. Новая роль Африки в мировой экономике XXI веке. М.: ИАф РАН. 322 с.
74. Автономов В. С. Абстракция – мать порядка? (Историко-методологические рассуждения о связи экономической науки и экономической политики// Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 4-23.
75. Акимов А.В., Яковлев А.И. Цивилизации в XXI веке: проблемы и перспективы развития. М.: Издательство Московского университета, 2012. 246 с.
76. Александров Ю.Г. В погоне за ускоряющемся временем // Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. Отв. ред. Петров А.М. М., Институт востоковедения РАН, 2011. С.349-369.
77. Баш. Х. Модель национальной экономики. Новая экономическая система. Казань, ПИК «Идел-Пресс», 2011. 159 с.
78. Белокреницкий В.Я. Глобализация, регионализация и расходящиеся траектории развития государств средне-западной Азии/ Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., ИВ РАН, Крафт+, 2012. С.12-35.
79. Бельчук А.И. Системные реформы в России и в других постсоциалистических счтранах (сравнительный анализ)/ Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки, 2006. С.193-335.
80. Брагина Е.А. Притяжение недостижимого/ Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С.391-400.
81. Бруно М. Глубокие кризисы и реформа (Инфляция, внешняя задолженность и кризисы роста)// Вопросы экономики. 1997. №2. С.3-22.
82. Бьюкенен Дж. Конституция экономической политики. Нобелевская лекция // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус Альфа,1997. С. 15-30.
83. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном/ Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.,Таурус Альфа, 1997. С.207-444.
84. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии/ Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус Альфа,1997. С.31-206.
85. Веблен Т. Ограниченность теории предельной полезности // Вопросы экономики. 2007. №7. С. 86-98.
86. Волков Ю. Либеральная модель – шанс для России//Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Книга.1. Под ред. Микульского К. И. М.: Экономика, 2003. С.257-264.
87. Вольчик В.В. Институционализм: торжество мультидисциплинарности/ Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2009. Том1, №1. С.73-78.

88. Вуд Дж. И. Предисловие к третьему изданию/Фридрих А. Хайек. Частные деньги. С.18- 20.
89. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005. 656 с.
90. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики. Важнейшие этапы развития (1949-2007). Курс лекций. Часть 1. М.: Гуманитарий, 2007. 424 с.
91. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. Издание второе. М.: Книжный дом «Либриком», 2012. 335 с.
92. Гринспен А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М., Сколково. Московская школа управления, 2010. 518 с.
93. Данилов В.И. Турция: борьба за создание вестернизированного демократического общества/ Эволюция политических систем на Востоке. М., ИВ РАН, 1999. С.153-225.
94. Долан Э.Дж. Деньги, банки и денежно-кредитная политика. С-Пб., САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ОРКЕСТР,1994. 493 с.
95. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Проблема синтеза общеэкономической и институционально-эволюционной теорий/ Вопросы экономики. 1998. № 8. С.97-114.
96. Еремеев Д.Е. Становление республиканской Турции (1918-1939). М., Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, 2004. 219 с.
97. Иванов Н.А. Основные черты османского социально-теократического идеала и его роль при завоевании арабских стран в 1516-1574 гг. // Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М., Восточная литература, 2008. С.201-205.
98. Иванов С.М. Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX-начало XX века). С-Пб., Издательство С.-Петербургского Университета, 2005. 353 с.
99. Кармишин И.С. Взаимоотношения государства и рынка в современном мире/ Общественные науки и современность. 2011. №1. С.67-77.
100. Каменев С.Н. Экономическое развитие Пакистана (1947-2012): макроэкономический анализ. М., Центр стратегической конъюнктуры, 2014. 384 с.
101. Каражас О.В. Экономический рост в Египте в 1950-1980-е годы (структурные сдвиги и социальные последствия). М.: ИВ РАН, РИСИ, 1998. 212 с.
102. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента денег. Пер. с английского. М., Прогресс, 1978. 494 с.
103. Киреев Н.Г. История этатизма в Турции. М.: Наука, 1991. 341 с.

104. Киреев Н.Г. О турецком опыте перехода к рыночной экономике/ Глерию Широкову: я хотел бы с тобой поговорить. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С.64-92.
105. Кофанов Д.А. Влияние динамики денежной массы на изменение валового продукта и инфляцию в Турции, Иране и Египте во второй половине XX-начале XXI века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: 2011. 21 с.
106. Кузьмин С.А. Системный анализ экономики развивающихся стран (проблемы методологии). М., Наука, главная редакция Восточной литературыю 1972. 318 с.
107. Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986-2010). М., ИД «Форум», 2013. 383 с.
108. Маляров О.В. Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. Книга 1. М.:744 с. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010.
109. Мамедова Н.М. Эффективность экономических моделей Ирана и Турции (сравнительный анализ)/ Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. М., ИВ РАН, Крафт+, 2012. С.44-67.
110. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-ое изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т.21.
111. Масумова Н.Р. Особенности социально-экономического развития Турции на рубеже XX-XXI вв. М: ИД «Международныеотношения», 2015. 256 с.
112. Матвеенко В.Д., Железняк Т.И. Политическая экономия и «экономикс»: единство или антагонизм?/ Экономическая наука современной России. 2005. №1 (28). С.39-46.
113. Мау В. За будущий подъем заплатят держатели долларов// Известия, 07.07.2008.
114. Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России. М., Институт экономических проблем переходного периода. Научные труды №1Р, 1996. 83 с.
115. Мау В., Улюкаев А. Глобальный кризис и тенденции экономического развития/ Вопросы экономики. 2014. №11. С.4-24.
116. Мельянцев В.А.. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., Ключ-С, 2009. 215 с.
117. Мельянцев В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М., Ключ-С, 2015. 80 с.
118. Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. Москва-Ленинград, Издательство Академии наук СССР, 1948. 280 с.
119. Моисеев П.П. Особенности социально-экономической эволюции// Турецкая Республика в 60-70-е годы. Вопросы

общественно-политического развития. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 5-22.
120. Моисеев П.П. Турецкая Республика: крестьянство и социально-политические процессы в деревне. М., Восточная литература, 1994. 180 с.
121. Моисеев П.П. Турция: капиталистическая эволюция в условиях императива институциональных структур // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С.444-464.
122. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Перевод с английского. М.: Прогресс, 1972. 767 с.
123. Новейшая история Турции. Отв. ред. Шамсутдинов А.М. М., Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1968. 396 с.
124. Найшуль В.А., Сапов Г.Г. Предисловие к русскому изданию/ Фридрих А. Хайек. Частные деньги. С.5-15.
125. Нуреев Р. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурус Альфа, 1997 С.445-482.
126. Нуреев Р.М. Торстейн Веблен: взгляд из XXI века // Вопросы экономики. 2007. №7. С.73-85.
127. Нуреев Р.М.Очерки по истории институционализма. Ростов н/Д, «Содействие- XXI век»; Гуманитарные перспективы, 2010. 415 с.
128. Островская Е.П. Анализ эволюции развитых стран: методология исследования / Мировая экономика и международные отношения. 2012. №4. С.25-35.
129. Пахомова Л.Ф. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия. М.: ИВ РАН, 2007. 255 С.
130. Петров А. М. Азиатский способ производства в XXI век/ Экономика развивающихся стран. Сборник статей памяти В.А.Яшкина. М.: Гуманитарий, 2004. С.257-274.
131. Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов/ Экономическая наука в России. 2001. №3. С.24-50.
132. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. Отв. редакторы Шейнис В.Л., Эльянов А.Я. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1983. 655 с.
133. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными/ Э.С. райнерт. Пер. с англ. Н.С. Автономова; Под. ред. В.С. Автономов. 3-е изд. М: «Экономическая теория», 2015. 384 с.
134. Розмаинский И. О методологических основаниях мейнстрима и гетеродоксии в экономической теории конца XIX-начала XXI века // Вопросы экономики, 2008, №7, С. 89-99.

135. Скоробогатов С.А. Институциональная экономика. Курс лекций. СПб., ГУ-ВШЭ, 2006. 160 с.
136. Социальная Европа в XXI веке/ Под ред. Каргаловой М.В. М: Весь мир, 2011. 525 с.
137. Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. Экономические структуры арабских стран. Экономико-статистический анализ. Отв. ред. Широков Г.К., Фридман Л.А. М.: Наука. Главная редакция Восточной литературы, 1985. 340 с.
138. Суслина С.С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х-начало 90-х годов). М.: Издательская фирма «ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН, 1997. 224 с.
139. Турецкая Республика. Справочник. М., Наука, 1990. С.384 с.
140. Ульченко Н.Ю. От индустриализации к постиндустриализации – возможности и пределы трансформации// Восточная аналитика. Ежегодник 2012. М.. Институт востоковедения РАН, 2012. С. 111-120.
141. Ульченко Н.Ю., Мамедова Н.М. Особенности экономического развития современных мусульманских государств. М., Городец, 2006. 287 с.
142. Уразова Е.И. К вопросу об инфляции в Турции в 1950-х годах/ Вопросы государственных финансов, кредита и денежного обращения стран Азии. М., 1962, С.66-80.
143. Уразова Е.И. Сохранение остроты валютно-финансовых проблем: бюджетный дефицит, инфляция, рост государственного долга// Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы. Москва, Наука 1991. С. 185-211.
144. Уразова Е.И. Экономика Турции. От этатизма к рынку (внутренние и внешние источники экономического роста). М., Наука, 1993. 319 с.
145. Уразова Е.И. Турецкая экономическая модель/ Турция на рубеже XX-XXI веков. М., Институт востоковедения РАН. 2008. С.139-162.
146. Утургаури С.Н., Ульченко Н.Ю. Тургут Озал – премьер и президент Турции. М., ИВ РАН, 2013. 127 с.
147. Фитуни Л.Л. Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики. (вопросы теории) Статья 1 // Азия и Африка сегодня. 2012. № 10 (663). С. 9-18 и Статья 2 (часть 1)// Азия и Африка сегодня. 2013. № 5. С. 18-26 и (часть 2) //Азия и Африка сегодня. 2013. № 6. С. 8-12.
148. Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира. М.: Гуманитарий, 2008. 176 с.
149. Фурсов А.И. Восток, Запад, капитализм: проблемы философии, истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С.16-133.

150. Хайек Ф.А. Общество свободных. (Перевод на русский язык работы “The political Order of a Free People” (volume 3 “Law, Legislation and Liberty”. London, Routledge & Kegan Paul,1979). London, Overseas Publications Interchange Ltd, 1990. 309 с.
151.
152. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. Третье издание. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.
153. Широков Г.К. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1987. 239 с.
154. Экономика Индии: общая характеристика.М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1980. 271 с.
155. Экономика Японии. Учебное пособие. Отв. ред. Лебедева И.П., Тимонина И.Л. М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2008. 407 с.
156. Юдаева К. О возможностях, целях и механизмах денежно-кредитной политики в текущей ситуации/ Вопросы экономики. 2014. №9. С.4-12.

Исследования на иностранных языках

157. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York, Crown Publishers, 2012. 570 p.
158. Akgüç Ö. 100 soruda Türkiyede bankacılık. İstanbul: Gerçek Yayınevi, 1992. 303 s.
159. Altinkemer M. Problems with stabilzation programs and an outline for a Turkish stabilization. Ankara: The Central Bank of the Republic of Turkey. Research Department., 1996. 7 p .
160. Aspects of the Independence of Regulatory Agencies and Competition Advocacy. Paper Submitted under First Research Cycle of CUTS Competition, Regulation and Development Research Forum (CDRF) (2005-2007). P.6. URL: http://www.circ.in/pdf/Aspects%20of%20the%20Independence%20of%20Regulatory%20Agencies%20and%20Com.pdf.
161. Asutay M. Searching For Opportunistic Politikal Business Cycles in Turkey. Durham, Durham University Library 2008. URL: http://dro.dur.ac.uk/945/1/945.pdf?DDD35+dgi4lh

162. Aydın Z. The Political Economy of Turkey. London, Pluto Press, 2005. 302 p.
163. Aytaç S.E., Oniş Z. Varieties of Populism in a Changing Global Context: The Divergent Paths of Erdoğan and Kirchnerismo. Comparative Politics. 2014. October. P. 41-59. URL: http://home.ku.edu.tr/~saytac/uploads/4/4/6/3/44632775/jcpo47103_aytaconis.pdf
164. Bağımsız Düzenleyici Kurumlar ve Turkiye Uygulamasi. Ankara: TÜSİAD, 2002. 253 s.
165. Bakır C. Merkezdeki Banka. Turkiye Cumhuriyet Merkez Bankasi ve Uluslararasi Bir Karsılaştırma. İstanbul: İstanbul Bilgi Universitesi Yayınları 173, Ekonomi 11, 2007 . 277 s.
166. Bakırezer G., Demirer Y. Ak Partinin Sosyal Siyaseti /AKP Kitabi. Bir Donusumun Bilancosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.153-178.
167. Bayramoglu-Ozugurlu S. Türkiye'de Devletin Dönuşümu: Parlamenter Popülizmden Piyasa Despotizmine /Küreselleşme, Kriz veTürkiye'de Neoliberal Donuşüm. Ed. Mütevellıoğlu, Sönmez S. İstanbul: İstanbul Bilgi Universitesi Yayınları 234 Siyaset Bilimi 25, 2009. S.261-302.
168. Boratav K. Türkiye İktisat Tarihi 1908--2002. 7.Baskı. Ankara: IMGE Kitabevi, 2003, 228 s.
169. Bulut H., Ozgur O., Recberoglu S., Volkan E., Voyvoda E, and Yeldan E. Dynamics of Growth, Accumulation and Distribution in the post 1980 Turkish economy: A Kaldorian General Equilibrium Interpretation. Ankara, Bilkent University, 1998. 30 p.
170. Bugra A., Keyder C. Povetry and Social Policy in Contemporary Turkey. Bogazici Universitesi Social Policy Forum. İstanbul, Janiary, 2005. 40 p. URL: http://www.spf.boun.edu.tr/docs/WP-Bugra-Keyder.pdf
171. Çetin T., Sobacı M.Z., Nargeleçekenler M., Abdulhakimoğulları E. The political Economy of Independent Regulatory Agencies in Turkey/ Understanding the Process of Economic Chang in Turkey: An Instıtutıonal Approach. NY, Nova Science Publishers, Inc., 2010. P.229-250.
172. Coşar N. Demokrat Parti Dönemi Politikası/Ankara Üniversitsi SBF Dergisi. 2006. №60-1 (Ocak-Mart) . S. 29-58.
173. Dilekli S., Eraslan T. AB üyesi ülkelerde ve aday ülkelerde ekonomik gelişmeler. Ankara, Devlet Planlama Teşkilatı Müsteşarlığı, 2007. 67 s. URL: http://kisi.deu.edu.tr//utku.utkulu/2007ekonomikgelisme%20EU%20DPT.pdf
174. Dinç S. Atatürkçü Düsünce sistemine göre Halkçılık ilkesi/ Atatürk *İlkeleri* ve İnkılâp Tarihi II, Atatürkçülük. Ankara, 1986. URL: http://turkoloji.cu.edu.tr/ATATURK/arastirmalar/sait_dinc_ataturkcu_dusunce_sistemi_devletcilik.pdf

175. Duyulmuş C.U. Social Security Reform in Turkey: Different usages of Europe in shaping the national welfare reform. Paper Prepared for the RC 19 Conference, 20-22 August, 2009. 50 s. URL:http://www.cccg.umontreal.ca/RC19/PDF/Duyulmus-C_Rc192009.pdf
176. Eichengreen B., Park D., Shin K. When Fast Growing Economies Slow Down: International Evidence and Implications for China. Working Paper 16919. Cambridge, National Bureau of Economic Research, 2011. URL: http://www.nber.org/papers/w16919
177. Eichengreen B. Escaping the Middle Income Trap/Achieving Maximum Long Run Growth. Kansas: Federal Reserve Bank of Kansas City, 2012. P.409-419 . URL: http://www.kansascityfed.org/publicat/sympos/2011/Eichengreen_final.pdf
178. Eichengreen B., Park D., Shin K. Growth slowdowns redux: Avoiding the middle-income trap. VOX CEPR's Policy Portal. January 2013. URL: http://www.voxeu.org/article/growth-slowdowns-redux-avoiding-middle-income-trap
179. Emerging Turkey 1999. Istanbul: The Oxford Business Group, 1999. 197 p.
180. Erçel G. Central banking today/ Turkey. Economic dialogue. 1997. Autumn. P.21-25.
181. Erdoğan E. Erdoğan's Final Countdown to Absolute Power? On Turkey. Analysis. Wash., GMF. 19.02.2015. URL: http://www.gmfus.org/publications/erdogans-final-countdown-absolute-power
182. Erdogdu S. Sosyal politikada Değişim ve Sosyal Güvenlik Reformu// AKP Kitabi. Bir Dönüşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.660-686.
183. Fiscal Rules – Anchoring Expectations for Sustainable Public Finances. Wash., Internatıonal Monetary Fund, December 16, 2009. 72 p. URL: http://www.imf.org/external/np/pp/eng/2009/121609.pdf
184. Fisek A.G. "Sivil" Itaatkarlar (ya da AKP'nin Sosyal Politikasinin Cikmazlari), Ankara, 2007. 25 s. URL: http://sosyalpolitika.fisek.org.tr/?p=68
185. Genoud C. Regulation as a game& the role of independent regulatory agencies in the regulatory process. Paper presented at CARR "Risk and Regulation" Research Student Conference. London School of Economics and Political Sciences. September. 2003. 24 p. URL: http://www.lse.ac.uk/accounting/CARR/pdf/ChristopheGenoud.pdf
186. Gilardi F. Policy Credibility and Delegation to Independent Regulatory Agencies: A Comparative Empirical Analysis/Journal of European Public Policy. December, 2002. № 9(6). P 873-893.
187. Hacımahmutoğlu H. Türkiyedeki Sosyal Yardım Sisteminin Değerlendirilmesi. DPT-Uzmanlik Tezleri. Ankara, DPT, 2009. 263 s.

188. Hamizoglu O., Yavuz C.I. Sağlıkta AKP'lı Dönemin Bilançosu Üzerine//AKP Kitabı. Bir Dönuşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.633-659.
189. Karluk R. *Türkiye Ekonomisi Tarihsel Gelişim. Yapısal ve Sosyal* Değişim. İstanbul, Beta Basım Yayın, 2000. 638 s.

190. Kaya F. Kamu Mali Yönetiminde Yeni Dönem: Yasal Mali Kural Uygulamalarına Geçiş// Mali Kurallar. Maliye politikasi Yönetiminde Yeni bir Eğilim: Vergi, Harcama, Borçlanma vs. Uzerine Kurallar ve Sınırlar. Editörleri: Coşkun Can Aktan C. C., Kesik A., Kayda F. Ankara: T.C. Maliye Bakanligi Strateji Gelistirme Baskanligi, 2010. 424 s.
191. Kazgan G. Tanzimattan 21. Yüzyıla Türkiye Ekonomisi. İstanbul: İstanbul Bilgi Üniversitesi Yayınları, 2002. 524 s.
192. Kaufman R., Stallings B. The political Economy of Latin America Populism // The Macroeconomics of Populism in Latin America. Dornbush R., Edwards S.ed. Chicago–London: The University of Chicago Press, 1991. 402 p.
193. Keyder Ç. Türkiyede Devlet ve Sınıflar. Istanbul: IletisimYayinları, 2001. 300 s.
194. Kose A.H., Bahce S. Hayirsever Devletin Yukselisi: AKP Yonetiminde Gelir Dagilimi ve Yoksulluk/ AKP Kitabi. Bir Dönüşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.492-521.
195. Kumcuoglu Ü. A review of economic developments: what are AKP's plans// Turkish policy quarterly. 2003, Spring. P.97-100.
196. Levinsky S. Roberts K.M., eds. The Resurgence of the Latin American Left. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2011. P.217.
197. Pearson L. Partners in Development. New York, Praeger Publishes, 1969.
198. Öniş Z. State and Market. The Political Economy of Turkey in Comparative Perspective. Istanbul, Boğazici Üniversity Press, 1998. 529 p.
199. Öniş Z. Varieties and Crises of Neo-Liberal Globalisation: Argentina, Turkey and the IMF. Ankara-Wash., 2006. URL: http://home.ku/edu.tr-zonis/Argentina.pdf–Benzer
200. Öniş Z., Bakır C. Turkey's Political Economy in the Age of Financial Globalization: The Significance of the EU Anchor// South European Society and Politics. 2007. Vol. 12. №2. P.147-164. URL: http://dx.doi.org/10.1080/13608740701306086
201. Onış Z. Conservative Globalism at the Crossroads: The Justice and Development Party and the Thorny Path to Democratic Consolidation in Turkey. Revised Draft-December 2008. Istanbul, 2008. 28 p. URL: http://home.ku.edu.tr/~zonis/m_politics.pdfOnis

202. Oniş Z., Bayram I.E.. Temporary Star Or Emerging Tiger? Turkey's Recent Economic Performance in a Global Setteng. Istanbul, 2008. 49 p. //URL: http://eaf.ku.edu.tr/sites/eaf.ku.edu.tr/files/erf_wp_0805.pdf
203. Oniş Z. The Triumph of Conservative Globalism: The Political Economy of the AKP Era. Ankara, 2012. 22 p. URL: http://home.ku.edu.tr/~zonis/Triumph_of_Conservative_Globalism.pdf
204. Oniş Z. Sharing Power& Turkey's Democratization Challenge in the Age of the AKP Hegemony//Insight Turkey. 2013. Vol.15/ № 2. 103-122 p.
205. Onur M. Sosyal Politika Açısından AKP Dönemi: Sosyal Yardım Alanında Yaşananlar/ Çalışma ve Toplum. 2011. № 1. S.179-200.
206. Ozcan K. M., Voyvoda E, Yeldan E. Dynamics of Macroeconomic Adjustment in a Globalized Developing Economy: Growth, Accumulation and Distribution, Turkey 1969-1998. Ankara, Bilkent University, 1999. 3 .
207. Öztürk İ. Turning Globalization into Opportunity: The Case of Turkey (1980-2009). İstanbul: MÜSİAD, 2009. 160 s.
208. Pakdemirli E. Ekonomimizin 1923'den 1990'a Sayisal Görünümü. Istanbul, Milliyet Yayinları, 1991. 201.s.
209. Pamuk Ş. Türkiynin 200 Yıllık Iktısadi Tarihi. Büyüme, kurumlar ve bölüşüm. İstanbul, Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2014. 377 c.
210. Parasiz I. Turkiye Ekonomisi. Bursa, EZGI Kitabevi Yayinları, 2003. 660 s.
211. Pipitone V. The Role of Total Factor Productivity in the Mediterranean Countries /International Journal of Euro Mediterranean Studies. 2009. Vol. 2, №. 1. P.27-51. URL: http://www.emuni.si/press/ISSN/1855-3362/2_027-051.pdf
212. Sarısu A. Özerk Kurullar, İdarenin Birliği ve 649 Kanun Hükmünde Kararname/ Yaklaşım Dergisi. Ekim 2011. Yıl: 19, Sayı: 226. S.265-272. URL: http://ayhansarisu.wordpress.com/2012/08/09/ozerk-kurullar-idarenin-birligi-ve-649-sayili-kanun-hukmunde-kararname-2/
Sezer A. Hedeflerin tamamı iyimser. Ankara: DP Basın Merkezi. 10.10.2013. URL: http://aydinsezer.us1.list-manage1.com/track/click?u=d98669145faaa34eca806a5f9&id=73adb1ffca&e=ad420c7a25
213. Singer M. Economic Development in the Context of Short-term Public Policies: the Economic Advance of Turkey, 1938-1960. Ankara, Turkey Economıc Society Publications,1977. 522 p.
214. Sönmez Ü. Piyasanın İdaresi. Neoliberalizm ve Bağımsız Düzenleyici Kurumların Anatomisi. İstanbul, İletişim, 2011. 247 s.
215. Şanlısoy S., Özcan A. Türkiye'de Bağımsız Düzenleyici kurumların Bağımsızlığı/ Siyasa, 2006, Yıl:2, Say:3-4. S. 99-132.
216. Turkish Financial History: from the Ottoman Empire to the Present - Volume II "From the Foundation of Republic to the Present". Creative Yayıncılık ve Tanıtım Ltd. Şti ed. Istanbul, Istanbul Stock Exchange, 1999. 448 p.

217. Turkey's Transition. Report № 90-509- TR. Wash., The World Bank, 2014. 298 p.
218. Yıldırım D. AKP ve Neoliberal Popülizm/ AKP Kitabi. Bir Donüşümün Bilançosu. Ankara: Phonix Yayinevi-200, 2009. S.66-107.
219. Yücesan-Özdemir G. AKP'li Yıllarda Sosyal Politika Rejimi: Kralın Yeni Elbisesi /İktidarın Şiddeti. AKP'lı Yıllar, Neoliberalizm ve İslamcı Politikalar. [Hazırlayanlar Coşar S. ve Yücesan-Özdemir G.] İstanbul: Metis Yayınları, 2013. S. 117-138.
220. Yükseler Z. Örtülü Mali Kuraldan Açık Mali Kurala Geçiş. Ankara, Türkiye Cumhuriyet Merkez Bankası, 2010. 15 s.

Периодические издания

221. Ведомости (Москва).
222. MK-Турция (совместный проект Издательского дома «Московский комсомолец» и Информационного агентства «Джихан»).
223. Business Insider (New York).
224. Cumhuriyet (İstanbul).
225. Finansal Forum (İstanbul).
226. Habertürk (İstanbul)
227. Hürriyet (İstanbul).
228. Ekonomist (İstanbul).
229. Milliyet (İstanbul).
230. Para (İstanbul).
231. Sabah (İstanbul).
232. Sözcü (İstanbul).
233. The Economist (London).

Статистические приложения[698]

Таблица 1

Динамика ВНП* Турции (1923-1967)**

Год	Объем ВНП (млн. тур. лир)	Темпы роста (%)
1923	2 929	-
1924	3 364	14,9
1925	3 793	12,8
1926	4 484	18,2
1927	3 910	-12,8
1928	4 341	11,0
1929	5 278	21,6
1930	5 394	2,2
1931	5 866	8,7
1932	5 235	-10,7
1933	6 064	15,8
1934	6 430	-6,0
1935	6 234	-3,0
1936	7 860	23,2
1937	7 798	1,5
1938	8 538	9,5
1939	9 128	6,9
1940	8 678	-4,9
1941	7 780	-10,3
1942	8 217	5,6
1943	7 413	-9,8
1944	7 038	-5,1
1945	5 960	-15,3
1946	7 864	31,9
1947	8 192	4,2

[698] Следует особо подчеркнуть, что поскольку, как будет показано ниже, менялся основной показатель системы национальных счетов, а также базовый год для расчета динамики ВНП (ВВП) в постоянных ценах, приводимые статистические ряды не могут претендовать на абсолютную точность и лишь отражают основные макроэкономические тренды.

1948	37 065	-
1949	35 213	-5,0
1950	38 506	9,4
1951	43 446	12,8
1952	48 621	11,9
1953	54 091	11,2
1954	52 480	-3,0
1955	56 642	7,9
1956	58 428	3,2
1957	62 995	7,8
1958	65 844	4,5
1959	68 521	4,1
1960	70 869	3,4
1961	72 286	2,0
1962	76 754	6,2
1963	84 188	9,7
1964	87 619	4,1
1965	90 368	3,1
1966	101 204	12,0
1967	105 461	4,2

*Как отмечалось выше, до 1993 г. в Турецкой Республике в качестве основного показателя системы национальных счетов использовался ВНП.

**Для периода, охватывающего 1923-1947 гг. расчеты произведены в постоянных ценах 1948 г., для периода с 1948 по 1967 г. – в ценах1968 г.

Составлено по: İstatistik göstergeler 1923-2012. Ankara, TÜIK, 2013. S 624-625.

Таблица 2

Динамика ВВП* Турции (1968-2006) (в постоянных ценах 1987 г.)

Год	Объем ВВП (млн. тур.лир)	Темпы роста%
1968	31 425 049,2	-
1969	32 707 548,2	4,1
1970	33 765 132,3	3,2
1971	35 644 700,2	5,6
1972	38 291 639,3	7,4
1973	39 540 779,9	3,3
1974	41 752 876,1	5,6
1975	44 748 268,2	7,2
1976	49 429 502,8	10,5
1977	51 113 351,2	3,4
1978	51 881 585,5	1,5
1979	51 557 767,0	-0,6
1980	50 295 990,8	-2,4
1981	52 738 670,8	4,9
1982	54 617 937,2	3,6
1983	57 332 998,0	5,0
1984	61 181 163,7	6,7
1985	63 776 134,2	4,2

1986	68 248 100,7	7,0
1987	74 721 925,2	9,5
1988	76 306 292,1	2,1
1989	76 498 311,0	0,3
1990	83 578 464,1	9,3
1991	84 352 830,1	0,9
1992	89 400 744,9	6,0
1993	96 590 369,9	8,0
1994	91 320 722,1	-5,5
1995	97 887 800,0	7,2
1996	104 745 151,0	7,0
1997	112 631 203,0	7,5
1998	116 113 609,0	3,1
1999	110 645 883,0	-4,7
2000	118 789 113,0	7,4
2001	109 885 336,0	-7,5
2002	118 612 222,0	7,9
2003	125 485 113,0	5,8
2004	136 692 580,1	8,9
2005	146 780 723,0	7,4
2006	155 732 493,4	6,1

* После того, как в 1993 г. в Турции начал рассчитываться ВВП, сначала методом по методу конечного использования, а затем распределительным методом, ВВП в ценах 1987 г. был рассчитан для периода 1968-2006 г.

Составлено по: база данных турецкого статистического общества/ URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1105

Таблица 3

Динамика ВВП Турции в постоянных ценах 1998 г. (1998-2006 гг.)

Год	Объем ВВП (Тур. лир)	Темпы роста (%)
1998	70 203 147 160	-
1999	67 840 569 794	-3,4
2000	72 436 398 870	6,8
2001	68 309 352 088	-5,7
2002	72 519 831 007	6,2
2003	76 338 192 546	5,3
2004	83 485 590 611	9,4
2005	90 499 730 897	8,4
2006	96 738 320 212	6,9
2007	101 254 625 465	4,7
2008	101 921 729 924	0,7
2009	97 003 114 411	-4,8
2010	105 885 643 938	9,2
2011	115 174 724 189	8,8
2012	117 625 021 083	2,1

2013	122 556 461 176	4,2
2014	126 069 789 342	2,9
2015*	97 235 000 000	3,4

Составлено по: база данных турецкого статистического общества/ URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1105; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.30; TÜİK Haber Bülteni. Sayı: 18730.10 Aralık 2015/ URL: http://www.tuik.gov.tr/HbGetirHTML.do?id=18730

*Данные за 9 месяцев 2015 г.

Таблица 4

Динамика ВВП на душу населения (долл. США 1990 г.)

1923	712	**1970**	3 078
1924	846	**1971**	3 282
1925	936	**1972**	3 412
1926	1 079	**1973**	3 477
1927	974	**1974**	3 665
1928	1 063	**1975**	3 895
1929	1 213	**1976**	4 138
1930	1 249	**1977**	4 224
1931	1 302	**1978**	4 255
1932	1 205	**1979**	4 133
1933	1 342	**1980**	**4 022**
1934	1 351	**1981**	**4 087**
1935	1 357	**1982**	4 182
1936	1588	**1983**	4 230
1937	1 612	**1984**	4 367
1938	1 724	**1985**	4 485
1939	1 814	**1986**	4 695
1940	1 675	**1987**	4 998
1941	1 508	**1988**	5 086
1942	1 557	**1989**	5 041
1943	1 398	**1990**	5 399
1944	1 324	**1991**	5 346
1945	1 133	**1992**	5 562
1946	1 430	**1993**	5 902
1947	1 476	**1994**	**5 482**
1948	1 637	**1995**	5 775
1949	1 519	**1996**	6 073
1950	1 623	**1997**	6 421
1951	1 784	**1998**	6 510
1952	1 947	**1999**	**6 188**
1953	2 108	**2000**	6 502
1954	**1 993**	**2001**	**6 035**
1955	2 093	**2002**	6 308
1956	2 097	**2003**	6 540
1957	2 194	**2004**	7 045
1958	2 222	**2005**	7 526

1959	2 252	**2006**	7 930
1960	**2 247**	**2007**	8 185
1961	**2 221**	**2008**	**8 127**
1962	2 297	**2009**	**7 633**
1963	2 454	**2010**	8 225
1964	2 496	**2011**	8842
1965	2 504	**2012**	8922
1966	2 735	**2013**	9181
1967	2 795	**2014**	9337
1968	2 917	**2015**	…
.1969	3 002		

Составлено и рассчитано по: электронные таблицы исторической статистики Э Мэддисона/ URL: http://www.ggdc.net/maddison/maddison-project/home.htm; , база данных Всемирного банка/ URL: http://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.PCAP.PP.CD

(темпы роста ВВП на душу населения, рассчитанные по ППС на основании данных Всемирного банка, использованы для продолжения статистического ряда, составленного Э.Мэддисоном, до 2014 г.)

Таблица 5

Сальдо бюджета, текущие цены (% ВНП)

Год	Объем дефицита	Год	Объем дефицита	Год	
1923	+0,6	1955	-0,5	1987	-3,5
1924	+0,6	1956	-0,8	1988	-3,0
1925	-2,0	1957	-0,7	1989	-3,3
1926	+0,5	1958	-0,4	1990	-3,3
1927	+0,2	1959	-0,8	1991	-5,3
1928	+1,3	1960	-0,8	1992	-4,3
1929	+0,5	1961	-0,9	1993	-6,7
1930	+0,5	1962	-0,2	1994	-3,9
1931	- 1,2	1963	-0,0	1995	-4,0
1932	-2,2	1964	-0,9	1996	-8,3
1933	0,0	1965	-1,2	1997	-7,6
1934	+ 1,8	1966	-0,8	1998	-5,5
1935	+ 2,2	1967	0,0	1999	-8,7
1936	+1,1	1968	-0,6	2000	-7,8
1937	+1,5	1969	-1,5	2001	-12,0
1938	+1,0	1970	0,0	2002	-11,2
1939	+0,1	1971	-2,9	2003	- 8,8
1940	+0,6	1972	0,0	2004	- 5,4
1941	+2,.5	1973	-0,9	2005	- 1,3
1942	+1,5	1974	-1,0	2006	- 0,6
1943	+0,1	1975	-0,3	2007	- 1,6
1944	-0,9	1976	-0,6	2008	- 1,8
1945	+1,1	1977	-5,0	2009	- 5,5
1946	+0,3	1978	-1,9	2010	- 3,6
1947	+0,7	1979	-3,0	2011	- 1,4
1948	+ 0,7	1980	-3,1	2012	- 2,1
1949	+ 0,6	1981	-1,5	2013	- 1,2
1950	- 0,5	1982	-1,5	2014	- 1,3

1951	**+0,5**	**1983**	**-2,2**	**2015**	**…**
1952	**- 0,1**	**1984**	**-4,4**		
1953	**-0,1**	**1985**	**-2,2**		
1954	**-1,1**	**1986**	**-2,7**		

Составлено и рассчитано по: Pakdemirli E. Ekonomimizin 1923'den 1990'a Sayisal Görünümü. Istanbul, Milliyet Yayınları, 1991.S. 163-164; : İstatistik göstergeler 1923-2008. Ankara, TÜIK, 2009. S 644; База данных турецкого статистического общества/ URL: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1105; база данных Казначейства Турецкой Республики: URL: https://www.hazine.gov.tr/tr-TR/Istatistik-Sunum-Sayfasi?mid=59&cid=12&nm=33

Таблица 6

Динамика относительных размеров денежной массы (М1, М2)

Год	М1(% ВНП)	М1 (% ВВП)	М2(% ВНП)	М2 (% ВВП)
1949	***15,6***		***17,2***	
1950	***16,4***		***18,3***	
1951	***17,3***		***18,9***	
1952	***18,1***		***19,2***	
1953	***18,9***		***20,4***	
1954	***21,2***		***22,7***	
1955	***22,0***		***23,6***	
1956	***24,3***		***25,8***	
1957	***23,4***		***24,8***	
1958	***21,2***		***22,5***	
1959	***19,9***		***21,1***	
1960	***19,8***		***21,5***	
1961	***20,2***		***22,4***	
1962	***19,0***		***21,1***	
1963	***18,2***		***20,6***	
1964	***19,6***		***22,2***	
1965	***21,4***		***24,9***	
1966	***21,6***		***25,6***	
1967	***22,4***		***26,7***	
1968	***15,8***		***19,2***	
1969	***16,4***		***19,9***	
1970	***17,0***		***21,3***	
1971	***16,7***		***21,7***	
1972	***16,8***		***22,6***	
1973	***17,5***		***22,6***	
1974	***16,5***		***21,1***	
1975	***17,0***		***21,2***	
1976	***17,3***		***20,9***	
1977	***18,9***		***22,0***	
1978	***17,2***		***19,9***	

1979	***15,4***		***18,3***	
1980	***13,3***		***16,6***	
1981	***12,1***		***20,4***	
1982	***12,6***		***24,1***	
1983	***13,9***		***23,6***	
1984	***10,2***		***23,4***	
1985	***9,1***		***23,0***	
1986	***10,3***		***23,8***	
1987	***11,5***		***23,5***	
1988	***8,8***		***21,1***	
1989	***8,5***		***20,5***	
1990	***7,9***		***18,0***	
1991	***7,4***		***18,5***	
1992	***7,1***		***17,3***	
1993	***6,5***		***14,2***	
1994	***5,9***		***16,2***	
1995	***4,9***		***16,0***	
1996	***6,0***		***19,5***	
1997	***5,4***		***19,3***	
1998	***4,8***	***3,7***	***21,3***	***16,3***
1999	***6,0***	***4,5***	***28,6***	***21,4***
2000	***6,0***	***4,5***	***25,4***	***19,1***
2001	***6,4***	***4,7***	***26,8***	***19,7***
2002	***5,8***	***4,5***	***22,5***	***17,7***
2003	***6,5***	***5,1***	***23,2***	***18,2***
2004	***6,7***	***5,2***	***25,3***	***19,4***
2005	***12,7***	***9,6***	***49,1***	***36,8***
2006	***12,5***	***9,5***	***51,7***	***39,3***
2007	**-**	***9,1***	**-**	***40,8***
2008	**-**	***9,0***	**-**	***45,9***
2009	**-**		**-**	
2010	**-**		**-**	
2011	**-**		**-**	
2012	**-**		**-**	
2013	**-**		**-**	
2014	**-**		**-**	
2015	**-**		**-**	

Составлено по: Составлено по: İstatistik göstergeler 1923-2012. Ankara, TÜIK, 2013. S 613-614.

Таблица 7

Дефлятор ВВП (%)

Год	Дефлятор ВВП	Год	Дефлятор ВВП	Год	Дефлятор ВВП
1938 *	**-**	1964	**2,6**	1990	**58,3**
1939	**1,8**	1965	**4,2**	1991	**58,8**
1940	**22,5**	1966	**6,3**	1992	**63,7**
1941	**38,9**	1967	**6,7**	1993	**67,8**
1942	**96,0**	1968*	**3,9**	1994*	**106,5**
1943	**65,1**	1969	**7,4**	1995	**87,2**
1944	**-23,7**	1970	**9,0**	1996	**77,8**
1945	**-3,4**	1971	**17,5**	1997	**81,5**
1946	**-5,0**	1972	**11,3**	1998	**75,7**
1947	**5,6**	1973	**21,8**	1999	**54,2**
1948	**8,6**	1974	**28,4**	2000	**49,2**
1949	**0,4**	1975	**21,0**	2001	**52,9**
1950	**-2,1**	1976	**15,1**	2002	**37,4**
1951	**6,5**	1977	**23,7**	2003	**23,3**
1952	**2,7**	1978	**46,7**	2004	**12,4**
1953	**4,8**	1979	**75,7**	2005	**7,1**
1954	**5,1**	1980	**88,1**	2006	**9,3**
1955	**11,3**	1981	**44,1**	2007	**6,2**
1956	**11,8**	1982	**28,2**	2008	**12,0**
1957	**23,2**	1983*	**26,3**	2009	**5,3**
1958	**14,1**	1984	**48,2**	2010	**5,7**
1959	**19,5**	1985	**53,1**	2011	**8,6**
1960	**3,9**	1986	**36,0**	2012	**6,8**
1961	**4,3**	1987*	**33,6**	2013*	**7,5**
1962	**9,5**	1988	**69,3**	2014	**8,9**
1963	**5,7**	1989	**75,5**	2015	**….**

*****За 2013-2014 гг. приведены данные о среднегодовом измени индекса потребительских цен**.**

Составлено по: İstatistik gostergeler 1923-2012. Ankara, TÜIK, 2013. S. 541-542; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.80**.**

Таблица 8

Некоторые показатели динамики внешней торговли Турции (1923-2015)

Год	Баланс внешней торговли (млн. долл.)	Баланс внешней торговли/ВНП (ВВП), %	Отношение экспорта к импорту, %	Экспортная квота*, %	Импортная квота** (%)
1923	-36,1	-6,3	59	8,9	15,2
1924	-18,0	-2,5	82	11,4	13,9
1925	-26,3	-2,9	80	11,2	14,1
1926	-25,0	-2,5	80	9,8	12,3
1927	-27,0	-3,1	75	9,2	12,3
1928	-25,4	-3,1	78	10,7	13,8
1929	- 48,7	-4,6	61	7,2	11,8
1930	1,8	0,3	103	9,0	8,7
1931	0,3	0,1	101	8,6	8,5
1932	7,3	1,2	118	8,1	6,9
1933	13,0	1,8	129	8,4	6,6
1934	4,2	0,6	106	10,0	9,4
1935	5.6	0,8	108	9,7	8,9
1936	20,1	2,0	127	9,2	7,2
1937	18,7	1,7	121	10,0	8,3
1938	-3,9	-0,2	97	7,7	7,9
1939	7,1	0,4	108	6,3	5,9
1940	30,9	1,7	162	4,4	2,7
1941	35,7	1,6	165	4,0	2,4
1942	13,2	0,3	112	2,7	2,4
1943	41,4	0,6	127	2,8	2,2
1944	51,7	1,0	141	3,5	2,5
1945	71,3	1,7	174	4.0	2,3
1946	95,7	2,6	181	5,9	3,3
1947	- 21,3	-0,8	91	8,3	9,1
1948	-78,3	-2,3	72	5,8	8,1
1949	- 42,4	-1,3	85	7,7	9,0
1950	-22,2	-0,7	92	7,6	8,3
1951	-88,0	-2,1	78	7,6	9,7
1952	-193,0	-4,0	65	7,6	11,6
1953	-136,5	-2,5	74	7,1	9,6
1954	-143,4	-2,5	70	5,9	8,4
1955	-184,3	-2,7	63	4,6	7,3
1956	-102,4	-1,3	75	3,9	5,2
1957	-51,9	-0,5	87	3,3	3,8
1958	-67,8	-0,5	79	2,0	2,5
1959	-116,2	-0,7	75	2,3	3,0
1960	-147,5	-1,4	69	3,3	4,7
1961	-160,5	-3,0	68	6,3	9,3

1962	**- 248,3**	**-3,7**	**62**	**6,0**	**9,7**
1963	**- 319,5**	**-4,3**	**54**	**5,0**	**9,3**
1964	**-126,5**	**-1,6**	**77**	**5,2**	**6,8**
1965	**-108,2**	**-1,3**	**81**	**5,4**	**6,7**
1966	**-227,8**	**-2,3**	**68**	**4,8**	**7,1**
1967	**-162,3**	**-1,5**	**76**	**4,6**	**6,1**
1968	**-267,2**	**-1,5**	**65**	**2,7**	**4,2**
1969	**-264,4**	**-1,3**	**67**	**2,6**	**3,9**
1970	**-359,1**	**-1,9**	**62**	**3,1**	**5, 0**
1971	**-494,2**	**-2,5**	**58**	**3,5**	**6,0**
1972	**-677,6**	**-2.9**	**57**	**3,8**	**6,7**
1973	**-769,1**	**-2,7**	**63**	**4,5**	**7,2**
1974	**-2 245,4**	**-5,8**	**41**	**3,9**	**9,7**
1975	**-3 337,5**	**-6,9**	**30**	**2,9**	**9,8**
1976	**-3 168,4**	**-5,8**	**38**	**3,5**	**9,3**
1977	**-4 043,3**	**-6,6**	**30**	**2,8**	**9,4**
1978	**-2 310,9**	**-3,4**	**50**	**3,4**	**6,8**
1979	**-2 808,3**	**-3,0**	**45**	**2,6**	**5,9**
1980	**-4 999,3**	**-7,2**	**39**	**4,2**	**11,4**
1981	**-4 230,4**	**-6,0**	**53**	**6,6**	**12,6**
1982	**- 3 096,7**	**-4,8**	**65**	**8,8**	**13,6**
1983	**-3 507,2**	**-7,8**	**62**	**9,3**	**15,0**
1984	**-3 623,3**	**-5,9**	**66**	**11,8**	**17,7**
1985	**-3 385,4**	**-5,0**	**70**	**11,7**	**16,7**
1986	**-3 648,0**	**-4,8**	**67**	**9,8**	**14,6**
1987	**- 3 967,8**	**-4,7**	**72**	**11,8**	**16,5**
1988	**- 2 673,4**	**-2,8**	**81**	**13,0**	**15,8**
1989	**- 4 167,5**	**-3,9**	**74**	**10,8**	**14,7**
1990	**- 9 342,8**	**-6,2**	**58**	**8,6**	**14,8**
1991	**-7 453,6**	**-5,0**	**65**	**9,0**	**14,0**
1992	**-8 156,4**	**-5,3**	**64**	**9,2**	**14,5**
1993	**- 14 083,0**	**-7,9**	**52**	**8,6**	**16,5**
1994	**-5 164,1**	**-3,5**	**78**	**14,1**	**17,6**
1995	**- 14 072,0**	**-8,3**	**61**	**12,7**	**21,0**
1996	**- 20 402,2**	**-11,1**	**53**	**12,7**	**23,8**
1997	**- 22 297,6**	**-11,5**	**54**	**13,7**	**25,2**
1998	**-18 947,4**	**-6,9**	**59**	**13,1 (10,0)**	**22,2* (16,9)**
1999	**-14 084,0**	**-5,7**	**65**	**14,3 (10,7)**	**22,0 (16,4)**
2000	**-26 727,9**	**-10,1**	**51**	**13,8 (10,4)**	**27,3 (20,5)**
2001	**-10 064,9**	**-4,9**	**76**	**22,0 (16,1)**	**28,6 (21,0)**
2002	**-15 494,7**	**-6,8**	**70**	**19,9 (15,6)**	**28,5 (22,4)**
2003	**-22 086,9**	**-7,2**	**68**	**19,7 (15,5)**	**29,0 (22,7)**
2004	**-34 372,6**	**-8,8**	**65**	**21,1 (16,2)**	**32,6 (25,0)**
2005	**-43 297,7**	**-9,0**	**63**	**20,4 (15,3)**	**32,4 (24,3)**
2006	**- 54 041, 5**	**-10,2**	**61**	**21,4 (16,3)**	**34,9 (26,5)**
2007	**-62 791,0**	**-9,7**	**63**	**16,5**	**26,2**
2008	**-69 936,4**	**-9,3**	**65**	**17,9**	**27,2**
2009	**-38 785,8**	**-6,3**	**73**	**16,6**	**22,9**
2010	**-71 661,1**	**-9,8**	**61**	**15,6**	**25,4**
2011	**-105 934,8**	**-13,6**	**56**	**17,5**	**31,1**

2012	**-85 083,4**	**-10,7**	**65**	**19,4**	**30,1**
2013	**-99,859,1**	**-12,1**	**60**	**18,4**	**30,5**
2014	**-84,541,0**	**-10,5**	**65**	**19,7**	**30,2**
2015	**…**		**…**	**…**	**…**

Составлено и рассчитано по: İstatistik gostergeler 1923-2012. Ankara, TÜIK, 2013. S. 426-427; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.128, 185.

*Для периода 1923-2006 экспортная квота рассчитана как отношение экспорта к ВНП, для 1998-2015 г. – как отношение экспорта к ВВП.

** Для периода 1923-2006 импортная квота рассчитана как отношение экспорта к ВНП, для 1998-2015 г. – как отношение экспорта к ВВП.

Таблица 9

Относительные размеры внешнего долга Турции, 1965-1996 (% ВНП)

Год	Отношение внешнего долга к ВНП (%)
1965	***8,54***
1966	***7.83***
1967	***7,90***
1968	***8.32***
1969	***8,31***
1970	***9,94***
1971	***12,62***
1972	***10,43***
1973	***9,49***
1974	***7,59***
1975	***6,87***
1976	***7,85***
1977	***7,87***
1978	***10,10***
1979	***12,10***
1980	***19,34***
1981	***20,21***
1982	***25,06***
1983	***31,80***
1984	***34,96***
1985	***38,09***
1986	***42,70***
1987	***46,79***
1988	***45,02***
1989	***38,82***
1990	***32,59***
1991	***33,61***
1992	***35,05***
1993	***37,45***
1994	***48,29***
1995	***41,93***
1996	***43,45***

Составлено по: İstatistik göstergeler 1923-2012. Ankara, TÜIK, 2013. S 598.

Таблица 10

Относительные размеры внешнего долга Турции (% ВВП)

Годы	Внешний долг Турции (% ВВП)
1989	***30,8***
1990	***26,1***
1991	***26,7***
1992	***27,8***
1993	***29,6***
1994	***38,8***
1995	***33,6***
1996	***32,6***
1997	***33,2***
1998	***35,6***
1999	***41,7***
2000	***44,7***
2001	***57,7***
2002	***56,2***
2003	***47,3***
2004	***41,2***
2005	***35,4***
2006	***39,6***
2007	***38,6***
2008	***37,9***
2009	***43,6***
2010	***39,9***
2011	***39,3***
2012	***42,9***
2013	***47,3***
2014	***50,3***
2015	**…**

Составлено и рассчитано по: İstatistik gostergeler 1923-2012. Ankara, TÜIK, 2013. S. 609; Ekonomik Rapor 2014. Ankara, TOBB, 2015. S.149, 185.

Таблица 11

Сводная таблица некоторых показателей макроэкономического развития Турции (1923-2015 гг.)

	Темпы роста (%)	***ВВП на душу населения (долл.США, 1990г.)***	***Дефицит бюджета ВНП(ВВП) %***	***М1/ ВНП (ВВП), %***	***Дефлятор ВВП (%)***	***Баланс внешней торговли (млн. долл.)***	***Баланс внешней торговли/ВНП (ВВП), %***	***Внешний долг/ВНП (ВВП),%***
1923	-	712	**-0,6**			**-36,1**	**-6,3**	
1924	14,9	846	**-0,6**			**-18,0**	**-2,5**	
1925	12,8	936	**2,0**			**-26,3**	**-2,9**	
1926	18,2	1 079	**-0,5**			**-25,0**	**-2,5**	
1927	-12,8	974	**-0,2**			**-27,0**	**-3,1**	
1928	11,0	1 063	**-1,3**			**-25,4**	**-3,1**	
1929	21,6	1 213	**-0,5**			**- 48,7**	**-4,6**	
1930	2,2	1 249	**-0,5**			**1,8**	**0,3**	
1931	8,7	1 302	**1,2**			**0,3**	**0,1**	
1932	-10,7	1 205	**2,2**			**7,3**	**1,2**	
1933	15,8	1 342	**0,0**			**13,0**	**1,8**	
1934	-6,0	1 351	**1,8**			**4,2**	**0,6**	
1935	-3,0	1 357	**2,2**			**5.6**	**0,8**	
1936	23,2	1588	**-1.1**			**20,1**	**2,0**	
1937	1,5	1 612	**-1,5**			**18,7**	**1,7**	
1938	9,5	1 724	**-1,0**			**-3,9**	**-0,2**	
1939	6,9	1 814	**-0,1**		**1,8**	**7,1**	**0,4**	
1940	-4,9	1 675	**-0,6**		**22,5**	**30,9**	**1,7**	
1941	-10,3	1 508	**-2.5**		**38,9**	**35,7**	**1,6**	
1942	5,6	1 557	**-1,5**		**96,0**	**13,2**	**0,3**	
1943	-9,8	1 398	**-0,1**		**65,1**	**41,4**	**0,6**	
1944	-5,1	1 324	**0,9**		**-23,7**	**51,7**	**1,0**	
1945	-15,3	1 133	**-1,1**		**-3,4**	**71,3**	**1,7**	
1946	31,9	1 430	**-0,3**		**-5,0**	**95,7**	**2,6**	
1947	4,2	1 476	**-0,7**		**5,6**	**- 21,3**	**-0,8**	
1948	-	1 637	**-0,7**		**8,6**	**-78,3**	**-2,3**	
1949	-5,0	1 519	**-0,6**	***15,6***	**0,4**	**- 42,4**	**-1,3**	
1950	9,4	1 623	**0,5**	***16,4***	**-2,1**	**-22,2**	**-0,7**	

1951	12,8	1 784	**-0,5**	***17,3***	**6,5**	**-88,0**	**-2,1**	
1952	11,9	1 947	**0,1**	***18,1***	**2,7**	**-193,0**	**-4,0**	
1953	11,2	2 108	**0,1**	***18,9***	**4,8**	**-136,5**	**-2,5**	
1954	-3,0	**1 993**	**1,1**	***21,2***	**5,1**	**-143,4**	**-2,5**	
1955	7,9	2 093	**0,5**	***22,0***	**11,3**	**-184,3**	**-2,7**	
1956	3,2	2 097	**0,8**	***24,3***	**11,8**	**-102,4**	**-1,3**	
1957	7,8	2 194	**0,7**	***23,4***	**23,2**	**-51,9**	**-0,5**	
1958	4,5	2 222	**0,4**	***21,2***	**14,1**	**-67,8**	**-0,5**	
1959	4,1	2 252	**0,8**	***19,9***	**19,5**	**-116,2**	**-0,7**	
1960	3,4	**2 247**	**0,8**	***19,8***	**3,9**	**-147,5**	**-1,4**	
1961	2,0	**2 221**	**0,9**	***20,2***	**4,3**	**-160,5**	**-3,0**	
1962	6,2	2 297	**0,2**	***19,0***	**9,5**	**- 248,3**	**-3,7**	
1963	9,7	2 454	**0,0**	***18,2***	**5,7**	**- 319,5**	**-4,3**	
1964	4,1	2 496	**0,9**	***19,6***	**2,6**	**-126,5**	**-1,6**	
1965	3,1	2 504	**1,2**	***21,4***	**4,2**	**-108,2**	**-1,3**	***8,54***
1966	12,0	2 735	**0,8**	***21,6***	**6,3**	**-227,8**	**-2,3**	***7.83***
1967	4,2	2 795	**0,0**	***22,4***	**6,7**	**-162,3**	**-1,5**	***7,90***
1968	-	2 917	**0,6**	***15,8***	**3,9**	**-267,2**	**-1,5**	***8.32***
1969	4,1	3 002	**1,5**	***16,4***	**7,4**	**-264,4**	**-1,3**	***8,31***
1970	3,2	3 078	**0,0**	***17,0***	**9,0**	**-359,1**	**-1,9**	***9,94***
1971	5,6	3 282	**2,9**	***16,7***	**17,5**	**-494,2**	**-2,5**	***12,62***
1972	7,4	3 412	**0,0**	***16,8***	**11,3**	**-677,6**	**-2.9**	***10,43***
1973	3,3	3 477	**0,9**	***17,5***	**21,8**	**-769,1**	**-2,7**	***9,49***
1974	5,6	3 665	**1,0**	***16,5***	**28,4**	**2 245,4**	**-5,8**	***7,59***
1975	7,2	3 895	**0,3**	***17,0***	**21,0**	**-3 337,5**	**-6,9**	***6,87***
1976	10,5	4 138	**0,6**	***17,3***	**15,1**	**-3 168,4**	**-5,8**	***7,85***
1977	3,4	4 224	**5,0**	***18,9***	**23,7**	**-4 043,3**	**-6,6**	***7,87***
1978	1,5	4 255	**1,9**	***17,2***	**46,7**	**-2 310,9**	**-3,4**	***10,10***
1979	-0,6	**4 133**	**3,0**	***15,4***	**75,7**	**-2 808,3**	**-3,0**	***12,10***
1980	-2,4	**4 022**	**3,1**	***13,3***	**88,1**	**-4 999,3**	**-7,2**	***19,34***
1981	4,9	4 087	**1,5**	***12,1***	**44,1**	**-4 230,4**	**-6,0**	***20,21***
1982	3,6	4 182	**1,5**	***12,6***	**28,2**	**- 3 096,7**	**-4,8**	***25,06***
1983	5,0	4 230	**2,2**	***13,9***	**26,3**	**-3 507,2**	**-7,8**	***31,80***

1984	6,7	4 367	**4,4**	***10,2***	**48,2**	**-3 623,3**	**-5,9**	***34,96***
1985	4,2	4 485	**2,2**	***9,1***	**53,1**	**-3 385,4**	**-5,0**	***38,09***
1986	7,0	4 695	**2,7**	***10,3***	**36,0**	**-3 648,0**	**-4,8**	***42,70***
1987	9,5	4 998	**3,5**	***11,5***	**33,6**	**- 3 967,8**	**-4,7**	***46,79***
1988	2,1	5 086	**3,0**	***8,8***	**69,3**	**- 2 673,4**	**-2,8**	***45,02***
1989	0,3	5 041	**3,3**	***8,5***	**75,5**	**- 4 167,5**	**-3,9**	***30,8***
1990	9,3	5 399	**3,3**	***7,9***	**58,3**	**- 9 342,8**	**-6,2**	***26,1***
1991	0,9	5 346	**5,3**	***7,4***	**58,8**	**-7 453,6**	**-5,0**	***26,7***
1992	6,0	5 562	**4,3**	***7,1***	**63,7**	**-8 156,4**	**-5,3**	***27,8***
1993	8,0	5 902	**6,7**	***6,5***	**67,8**	**- 14 083,0**	**-7,9**	***29,6***
1994	-5,5	**5 482**	**3,9**	***5,9***	**106,5**	**-5 164,1**	**-3,5**	***38,8***
1995	7,2	5 775	**4,0**	***4,9***	**87,2**	**- 14 072,0**	**-8,3**	***33,6***
1996	7,0	6 073	**8,3**	***6,0***	**77,8**	**- 20 402,2**	**-11,1**	***32,6***
1997	7,5	6 421	**7,6**	***5,4***	**81,5**	**- 22 297,6**	**-11,5**	***33,2***
1998	3,1	6 510	**5,5**	***3,7***	**75,7**	**-18 947,4**	**-6,9**	***35,6***
1999	-3,4	**6 188**	**8,7**	***4,5***	**54,2**	**-14 084,0**	**-5,7**	***41,7***
2000	6,8	6 502	**7,8**	***4,5***	**49,2**	**-26 727,9**	**-10,1**	***44,7***
2001	-5,7	**6 035**	**12,0**	***4,7***	**52,9**	**-10 064,9**	**-4,9**	***57,7***
2002	6,2	6 308	**11,2**	***4,5***	**37,4**	**-15 494,7**	**-6,8**	***56,2***
2003	5,3	6 540	**8,8**	***5,1***	**23,3**	**-22 086,9**	**-7,2**	***47,3***
2004	9,4	7 045	**5,4**	***5,2***	**12,4**	**-34 372,6**	**-8,8**	***41,2***
2005	8,4	7 526	**1,3**	***9,6***	**7,1**	**-43 297,7**	**-9,0**	***35,4***
2006	6,9	7 930	**0,6**	***9,5***	**9,3**	**- 54 041, 5**	**-10,2**	***39,6***
2007	4,7	8 185	**1,6**	***9,1***	**6,2**	**-62 791,0**	**-9,7**	***38,6***
2008	0,7	**8 127**	**1,8**	***9,0***	**12,0**	**-69 936,4**	**-9,3**	***37,9***
2009	-4,8	**7 633**	**5,5**		**5,3**	**-38 785,8**	**-6,3**	***43,6***
2010	9,2	8 225	**3,6**		**5,7**	**-71 661,1**	**-9,8**	***39,9***
2011	8,8	8 842	**1,4**		**8,6**	**-105 934,8**	**-13,6**	***39,3***
2012	2,1	8 922	**2,1**		**6,8**	**-85 083,4**	**-10,7**	***42,9***
2011	4,2	9 181	**1,2**		**7,5**	**-99,859,1**	**-12,1**	***47,3***
2014	2,9	9 337	**1,3**		**8,9**	**-84,541,0**	**-10,5**	***50,3***
2015*	3,4		**…**		**….**	**…**		**…**

Составлено и рассчитано по: данным таблиц 1-10.